

ТОПОНИМИЯ ПРИСВИРЬЯ

ПРОБЛЕМЫ

ЭТНОЯЗЫКОВОГО

КОНТАКТИРОВАНИЯ

Российская академия наук Карельский
научный центр Институт языка, литературы
и истории

И. И. Муллонен

ТОПОНИМИЯ ПРИСВИРЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЯЗЫКОВОГО
КОНТАКТИРОВАНИЯ

Петрозаводск
2002

УДК 801. 311.

ББК 81. 031. 4

М 901

Рецензенты доктор филол. наук А. С. Герд,

кандидат филол. наук Н. Н. Мамонтова

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект: 00-04-16082

ISBN 5-8021-0193-8

© Муллонен И. И., 2002 ©
Петрозаводский
госуниверситет,
оригинал-макет, 2002

Нам остается только имя,
Чудесный звук на долгий срок...

О. Мандельштам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Присвирье — территория по реке Свирь и ее притокам — лежит между двумя крупнейшими европейскими озерами — Онежским и Ладожским. Река длиной 224 км имеет около десятка значительных по длине и территории водосбора притоков, наиболее важными из которых являются Оять и Паша. На протяжении тысячелетий Свирь играла важную роль в исторических судьбах Российского Северо-Запада. Она была одним из важнейших участков разветвленной сети водных и водно-волоковых путей, связывавших между собой отдельные территории обширного Восточно-Европейского Севера (рис. 1а, 1б).

В смысле административного членения Присвирье никогда не образовывало единого административного целого. В соответствии с современным делением оно входит в состав Ленинградской области и Республики Карелия. В прошлые века северная часть Присвирья принадлежала Олонецкой губернии, а южная — Новгородской и Санкт-Петербургской, причем границы в разное время менялись. В XVI—XVII вв. Присвирье входило в состав Обонежской пятины, причем северная его часть — в Заонежскую половину, а южная — в Нагорную. Если оглянуться еще дальше назад, то в X—XIII вв. основная часть присвирского региона подчинялась древней Ладоге, образуя в составе Ладожских земель так называемый Обонежский ряд. Однако южные и особенно юго-восточные окраины Присвирья подчинялись не Ладоге, а Новгороду, под контроль которого в середине XIII в. перешли и Ладожские земли.

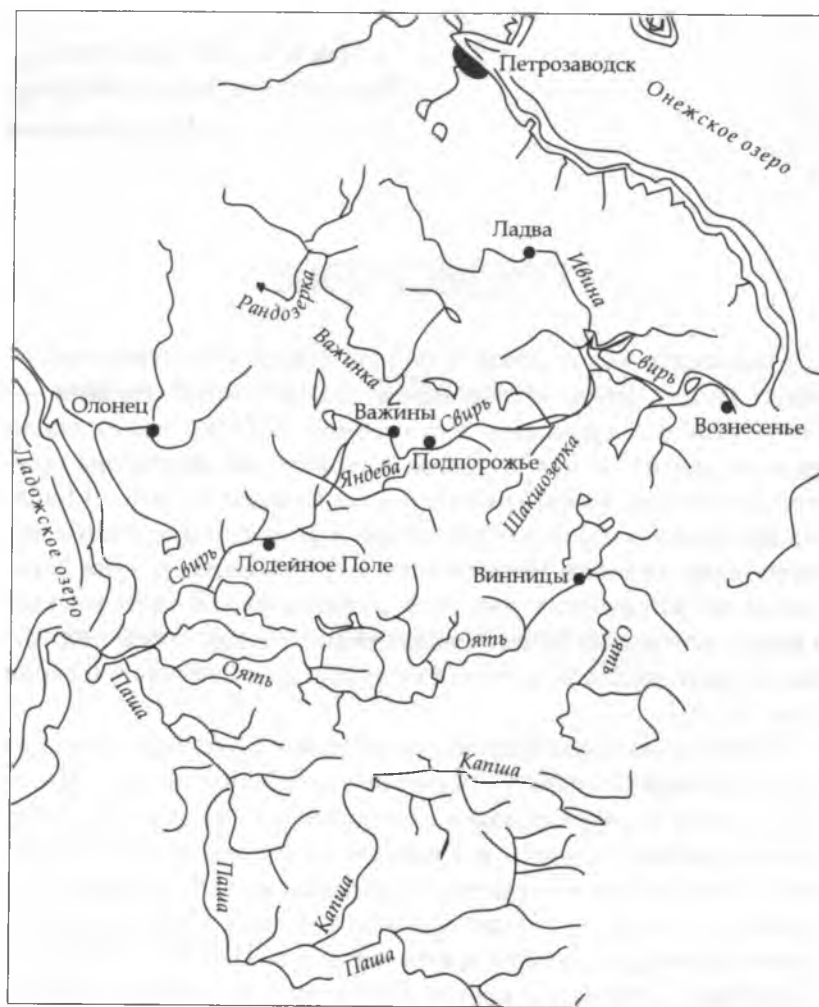

Рис. 1а. Карта-схема бассейна реки Свирь

В языковом отношении Присвирье также неоднородно. На основной территории распространены две группы севернорусских говоров — Ладого-Тихвинская и Онежская. Однако верховья южных притоков реки населяют вепсы, представители среднего диалекта вепсского языка. На северных притоках Свири — реках Усланке и Вожинке — расположены

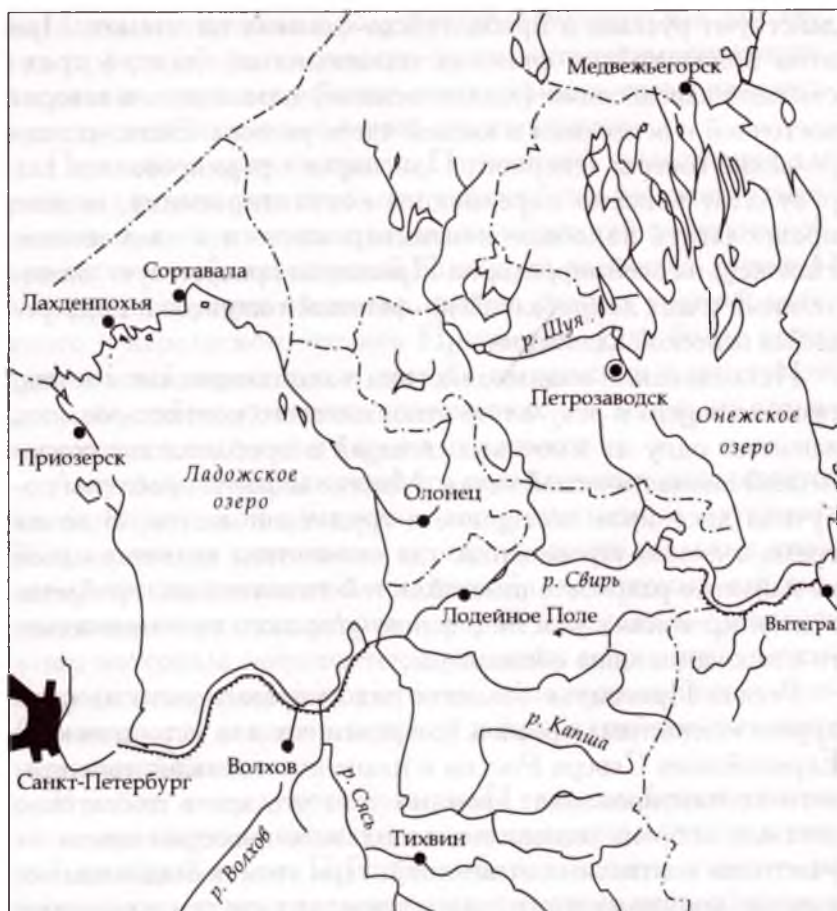

Рис. 16. Карта-схема Северо-Западного региона России

людиковские поселения. Понятно, что современная этноязыковая картина — это результат длительного исторического развития, смены и активного взаимодействия этносов.

Подобная ситуация создает уникальную возможность для исследования контактирования топонимных систем. В самом деле, здесь на достаточно ограниченной территории взаимо-

действуют русская и прибалтийско-финская топонимия. При этом прибалтийско-финская топонимия не едина, а представлена карельскими (людиковскими) названиями в северо-восточной и вепскими в южной части региона. Зная, что карельские говоры северного Присвирья сформировались как результат вепско-карельского контактирования, можно предполагать подобное контактирование и в ономастике. Наконец, на всей территории Присвирья присутствует значительный пласт доприбалтийско-финской топонимии, подвергшейся вепской адаптации.

Исследование взаимодействия топонимических систем, происходящего в результате этноязыкового контактирования, занимает одну из ключевых позиций в проблематике современной ономастической науки. Многие аспекты проблемы получили достойное освещение в трудах ономастов. В то же время в финно-угроведении, где ономастика является одной из наименее разработанных областей языкознания, проблемы контактирования с участием финно-угорского топонимического компонента лишь обозначены.

Регион Присвирья обладает рядом преимуществ на фоне других контактных ареалов (современных или исторических) Европейского Севера России в плане исследования топонимного контактирования. Помимо того что здесь достаточно детально собрана топонимия, доподлинно известны языки — участники контактных отношений. При этом исследованы основные закономерности топонимических систем названных языков — вепской, карельской и русской. Далее, в Присвирье есть возможность наблюдать процесс взаимодействия прибалтийско-финской и русской топонимии в живом состоянии, что выгодно отличает его от региона Русского Севера. Кроме того, и результат интеграции доприбалтийско-финской топонимии можно наблюдать здесь не через русское посредство, а в самой прибалтийско-финской топонимии. Эти обстоятельства позволяют рассматривать Присвирье как своего рода полигон для анализа взаимодействия разноязычных топонимических систем и использовать апробированные здесь методические приемы и полученные результаты как для других территорий финно-угорско-русского топонимного контактирования, так и для

районов, в топонимии которых наличествует древняя топонимия финно-угорского типа.

Понимание сути контактных отношений существенно для решения целого ряда проблем прибалтийско-финского языкознания, т. к. через выявление закономерностей фонетической, грамматической, лексической адаптации возможна достоверная реконструкция языковых фактов разных уровней вепсского и карельского языков Присвирья. Еще более принципиальный характер оно носит в применении к интеграции доприбалтийско-финского топонимного наследия, не сохранившегося в виде живого языка или языков.

Актуальность предпринятого исследования определяется этноисторической ценностью топонимического материала и отражением в топонимном контактировании реальных этноисторических контактных отношений, характерных для хронологически разных этапов истории Обонежья. Ценность этого материала повышается в условиях спорности и затемненности многих моментов этнической истории вепсов и карелов-людигов, а также истоков доприбалтийско-финского населения Обонежья.

В работе исследуются механизмы взаимодействия топонимических систем, относящихся как к генеалогически разным, так и к единой языковой семье. Предпринимается попытка ответить на вопрос, как русская топонимическая система перерабатывала в течение последнего тысячелетия в соответствии со своими нормами прибалтийско-финскую топонимию региона, как происходило в историческое время взаимопроникновение вепсской и карельской системы имен и как, наконец, древняя топонимия края интегрировалась в прибалтийско-финскую систему имен. Такой подход позволяет представить стратиграфические пласты топонимов не как статичные, застывшие образования, а показать их в развитии, в процессе формирования — так, как они в действительности и существуют. В свою очередь, выявление специфики интеграции иноязыч-

ной топонимии, ареалов определенных адаптационных моделей, причин, вызвавших использование того или иного интеграционного типа, закономерно приводит к наблюдениям и выводам этноисторического характера, т. е. использованию ономастического метода исследования сложных проблем путей заселения, формирования и разрушения этнических границ, контакта культур в Присвирье.

Материал исследования собирался автором в течение 20 лет в Присвирье и смежных с ним районах и включает более 50 000 единиц хранения. В языковом отношении он делится на три части: вепсская, карельская и русская топонимия.

Использованы также данные топонимической картотеки Санкт-Петербургского университета и материалы, извлеченные из письменных источников XVI—XIX вв. Часть из них была опубликована в 1997 г. в «Словаре гидронимов бассейна Свири», подготовленном автором совместно с И. А. Азаровой и А. С. Гердом. Именно работа над словарем, включающем как прибалтийско-финские, так и русские варианты гидронимов, дала толчок к исследованию механизмов контактирования топонимических систем Присвирья. Дополнительным импульсом к анализу контактных отношений явилось высветившееся в силу организации материала в словаре по гидрографическому принципу своеобразие гидронимии людиковского Присвирья на фоне вепсского, а также выявившийся значительный, причем определенным образом ареализованный доприбалтийско-финский материал.

Кроме того, в сопоставительных целях использованы полевые материалы смежных с Присвирьем территорий Белозерья, Обонежья, а также более северных районов Карелии, хранящиеся в научной картотеке топонимов Института ИЯЛИ КНЦ РАН. Дополнительно привлекались данные по Русскому Северу картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета, а также Ономастического архива Финляндии (Центр исследования национальных языков Финляндии), где хранится обширный материал по финской топонимии.

Работа состоит из пяти глав. В первой главе изложены основные теоретические положения функционирования топонимии в ареале этноязыкового контактирования и обозначены те параметры, которые существенны в плане этноисторического потенциала топонимии, особенно функционирующей в контактном ареале.

Три последующие главы предлагают анализ контактных отношений и интеграции иноязычной топонимии в искомую топонимическую систему. При этом сам материал, сами условия контактирования диктуют всякий раз не только разный подход к анализу, но и разную методику исследования. В главе, описывающей прибалтийско-финско-русское взаимодействие, по возможности детально разбираются механизмы адаптации русской топонимической системы иноязычных топонимов на разных языковых уровнях — фонетическом, морфологическом, лексическом. Проблема вепско-карельского контактирования в силу значительного тождества взаимодействующих топонимических систем решается прежде всего через поиск дифференцирующих элементов, отличающих вепскую систему географических имен от карельской. Выявляются их ареалы, ареальные связи, что в итоге позволяет приблизиться к решению неоднозначной проблемы формирования людикского этнического образования. В свою очередь, проблема доприбалтийско-финского наследия рассматривается преимущественно как проблема этимологическая. Этимологическая интерпретация ряда топонимов позволяет выявить ориентиры (фонетические, структурные, семантические) для ответа на вопрос, что, как и почему усваивалось из древней топонимии Приисвирия в вепскую. В заключительной главе предлагаются выводы о формировании этнолингвистической карты Приисвирия.

ТОПОНИМИЯ И ЭТНОЯЗЫКОВОЕ КОНТАКТИРОВАНИЕ

Споры о приоритетах разных наук — гуманитарных и не только — в исследовании топонимии отошли в прошлое. Будучи словом, топоним является фактом языка и, следовательно, анализируется в рамках языкознания. Вместе с тем понятны истоки возникновения самого спора: потребность в топонимах продиктована всякий раз историческими и социальными причинами. При том, что топонимию некорректно рассматривать как вспомогательную историческую дисциплину (равно как и вспомогательную науку для исторической диалектологии или исторической географии), нельзя отрицать того, что возможности топонимии для исследования языка, культуры, истории, географии прошлых эпох достаточно высоки. Это, в свою очередь, означает, что топонимы как лингвистический материал высвечивают существенные моменты этнической истории определенного ареала, ибо язык, культура в различных ее проявлениях, география — это важнейшие факторы, формирующие этнос. Топонимика смыкается здесь с этнолингвистикой, в которой «категории и факты языка... используются как средство для более глубокого проникновения в собственно этнические процессы» (Герд 1995, 5).

В контексте нашего исследования на первый план выдвигается проблема этноязыковых контактов, происходящих в определенном ареале и отражающихся в топонимическом материале. В силу точной локализации, а также значительной устойчивости во времени топонимы особенно информативны в исследовании этнической истории ареалов — того, что, как нам представляется, удачно отражается термином «историко-культурная зона» (Герд, Лебедев 1991; Герд 1993). В нашем

исследовании анализируется становление такой историко-культурной зоны в Присвирье, обладающей значительной устойчивостью во времени, через выявление топонимных стратов и анализ механизмов их взаимовлияния.

1. Топонимия КАК ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Предпосылки значительного этноисторического потенциала топонимии заложены в самой природе географических названий, для которых главенствующей является адресная функция. Топонимы по происхождению мотивированы и выражают в большинстве случаев определенное реальное свойство объектов. Однако в процессе функционирования имени внутренняя форма слова, лежащего в основе названия, отступает на задний план. Существенным при функционировании имени оказывается не то, на основе какого признака оно возникло, а то, что с помощью названия можно отличить данный географический объект от других, т. е. его адресность. В результате топоним закрепляется в языке как некий звуковой комплекс, служащий для называния конкретного географического объекта. Поэтому со сменой языка топоним имеет большие шансы быть воспринятым или сохраниться — в зависимости от того, произошла ли смена населения или смена языка местного населения — в новой языковой среде. Иначе говоря, географические названия не связаны с выражением понятия, и этим определяется долгая жизнь многих из них. Наибольшей стабильностью, как правило, характеризуются наименования относительно крупных и социально значимых объектов — озер, гор, крупных населенных пунктов. Понятно, почему это происходит: в качестве широко известного адреса они должны быть консервативны, иначе выполнение адресного предназначения будет невозможным.

Поэтому естественно, что именно наиболее устойчивые названия как реликты древних исчезнувших языков привлекают внимание этнолингвистики, решающей проблемы этногенеза и этнической истории. Однако анализ хронологически ранней

топонимии наталкивается зачастую на непреодолимые препятствия. Учет всех возможных факторов, влиявших в течение столетий и даже тысячелетий на становление топонимов, в том числе возможное неоднократное заимствование, сопровождавшееся незакономерными фонетическими изменениями и фактами народной этимологии, чрезвычайно сложен. Опора же на отдельные критерии, даже, казалось бы, обоснованные, ведет нередко к неверным интерпретациям. Показателен пример из истории топонимики Финляндии, когда в начале XX столетия одни и те же древние гидронимы территории западной Финляндии были интерпретированы, с одной стороны, как германские, с другой, как исконно прибалтийско-финские (Ojansuu 1920). При этом и та, и другая сторона опиралась на закономерности исторической фонетики, что было вполне естественным в период господства в Финляндии учения младограмматиков. Однако в обилии топонимического материала практически всегда можно найти подтверждение каких-то языковых и праязыковых фонетических закономерностей (Kiviniemi 1980, 323), особенно если оперировать отдельно взятыми топонимами. Этимология отдельного топонима должна опираться на анализ обширного материала, который позволяет выявить набор универсальных признаков, увеличивающих этноисторическую достоверность топонимических штудий.

Если попытаться выявить, на каких свойствах топонимии базируется ее этнолингвистическая ценность, то следует прежде всего отметить массовость топонимического материала. Есть возможность оперировать большими количествами названий, что выгодно характеризует топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных, отрывочных археологических свидетельств.

Значительный этноисторический потенциал топонимии связан и с возможностью относительной хронологической интерпретации топонимов и топонимных типов. Правда, в распоряжении топонимистов не так уж часто имеются собственно языковые критерии типа падения редуцированных в древнерусском языке в XII веке или отражения прибалтийско-

финского *a* как *o* в ранний период прибалтийско-финско-русских контактов. Поэтому топонимия часто вынуждена обращаться к внеязыковым критериям, связанным не с названием, а с объектом называния: поднятие суши (ср. в финской ономастике Nissilä 1968, 70), формирование ареалов археологических культур, климатические изменения и т. д. С другой стороны, по мере углубления ономастических исследований становилось ясно, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям, характеризующимся хронологической и географической приуроченностью. Определенные топонимные модели продуктивны определенное время, и это дает исходную возможность к поиску хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Исходя из того, что ойконимы *-l-*ового типа (*Rahkoil*, *Ozroil*, *Vingl*) в вепском ареале функционируют практически исключительно как названия, образованные от нехристианских имен, есть основания полагать, что модель рано утратила здесь свою продуктивность. Если к этому добавить, что в большинстве случаев это названия гнезд поселений, а ареал распространения модели в значительной степени накладывается на ареал средневековых приладожских курганов X—XIII вв., то относительная хронология модели может приблизиться к абсолютной, а выявление полного ареала топонимов, образованных по искомой модели, позволяет уточнять предполагаемые границы археологического ареала. И наоборот, ойконимная модель на *-išt* (*Deremišt*, *Vasilišt*, *Tihoništ*, *Kindišt*), представленная образованиями от христианских антропонимов и функционирующая в наименованиях небольших деревень, входящих в состав гнезд поселений, имеет, судя по отмеченным системным признакам, позднее происхождение (Муллонен 1994).

Далее, чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима как адреса даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических сис-

темах тех территории, на которых происходило или происходит языковое контактирование, присутствуют топонимы иноязычного происхождения. Именно они являются одним из наиболее существенных источников этноязыковой информации. Язык происхождения топонимов традиционно использовался в истории ономастики для решения этногенетических проблем. В индоевропеистике традиция была заложена в прошлом веке Г. Краэ и В. П. Шмидтом, которые на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финно-угроведении одними из первых были Шегрен, Кастрен и Европеус, первые два из которых разрабатывали теорию финноязычного происхождения верхнего дославянского слоя в топонимии Европейского Севера, а последний объяснял истоки загадочной топонимии на территории Финляндии из угорских языков. Современное исследование в данном направлении выработало целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации (например, Матвеев 1986), а также осознало необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой-преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топонимических систем (см. подробнее в главе IV).

Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает, далее, из того, что топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. И хотя в целом ряде случаев мотивы названия — даже при ясной этимологии — остаются затемненными (почему, к примеру, болото называется *Jänišso*, ср. *jäniš* ‘заяц’, а гора *Voimägi*, ср. *voi* ‘масло’?), все же содержание топонимической основы является существенным источником этнолингвистической и исторической информации.

Историчность топонима связана с тем, что название не заложено в самом объекте. Идентификация или, иначе, выбор признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем, чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. Очевидно, не лишено смысла предположение финского топонимиста Э. Кивиниеми о том, что если представить себе список всех топонимов Финляндии, то повторяющихся в нем будет больше, чем раритетов. В условиях единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории. Замечено, например, что названия, которые даются народом, находившимся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на какие-либо события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим (Матвеев 1986, 51, 46). Установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца или его социальное положение.

Если попытаться одним словом обозначить общий характер вепсской топонимии, то это «прагматизм». Вепсская топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основной пафос номинации — географическая реальность как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим одни объекты ландшафта получают названия, другие — нет. В регионе вепсского Присвирья мало безымянных водоемов: даже те из них, что располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве, например, вод-

ных дорог. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) — в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья — интересуют вепскую топонимию значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились прежде всего те его представители, которые имели определенную практическую ценность для человека. Какая-нибудь неприметная вахта (вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений, ибо она находила широкое применение в жизни местного населения. Ее использовали в народной медицине, корень ее в голодные годы добавляли в хлеб. Именно этим обусловлены многочисленные Вехкозера и Вехкручи на вепской и смежной обрусевшей территории. Топооснова *vehk*- входит в число четырех самых частотных вепских топооснов из мира флоры (Муллонен 1994, 30).

Такая, если можно так выразиться, утилитарная направленность вепской топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры вепского населения. Сельское хозяйство — основа экономики, и этим во многом определяется взгляд на окружающий мир.

Приведенные выше примеры были призваны проиллюстрировать историко-хронологическую и социальную обусловленность номинации в топонимии.

С другой стороны, выбор признака диктуется не только уровнем социального развития общества. Использование топонимии в целях этноисторических исследований должно опираться на знание закономерностей онимической номинации, на то, что отражение реального мира и реальных отношений преломляется через призму топонимической системы как определенного организующего начала образования и функционирования географических названий. В ономастической литературе, описывающей роль топонимии для исторических изысканий, топоним сравнивается иногда с потускневшим от

времени и запылившимся окном в прошлое. Оказывается, однако, что даже если стереть пыль веков, окно это не представит полностью адекватную картину прошлого, т. к. окно это особое. Оно пропускает лишь часть информации, да и она требует дешифровки. Есть некоторые существенные моменты, которые должны учитываться при этнолингвистической интерпретации топонимов.

Со времен Лейбница считалось, что топонимы восходят к соответствующим апеллятивам, а различие между ними проявляется лишь в определенном контексте. Поэтому все топонимы, в том числе и самые экзотические и загадочные, были первоначально абсолютно ясными, понятными словами языка, непосредственно отражавшими объективные свойства географических объектов. Однако постепенно приходило осознание того, что далеко не всегда правомерно реконструировать такую прямую линию развития от апеллятива к топониму. У апеллятива и онима разное предназначение. Первый передает значение и вводит в ряд подобных, второй же называет и призван отличать от подобных. В результате получается, что хотя в ономастике используются формально те же способы словообразования, те же лексические элементы, что и на апеллятивном срезе, результат достигается разный. Э. Кивиниemi, выделив наиболее типичные финские топонимы с атрибутом *koivu* 'береза' (*Koivu/aho*, *-järvi*, *-lampi*, *mäki*, *-niemi*, *-niitty*, *-saari*, *-suo*) и сопоставив их со списком сложных слов с первым элементом *koivu*-, приводимых в словарях финского языка (*koivu/ala*, *-haka*, *-kanto*, *-kuja*, *-maa* и т. д.), пришел к выводу о том, что наиболее типичные онимические композиты неизвестны в качестве сложных двусоставных апеллятивов и, наоборот, апеллятивные словосложения не характерны для ономастики (Kiviniemi 1975, 12). Если в апеллятивах возможности словосложения ограничены рамками выражения понятия, то в топонимии такого ограничителя нет. Для топонимии принципиально важно, что это модель, ука-

зывающая на принадлежность к классу топонимов. В результате в топонимии выявляются практически безграничные возможности для объединения элементов, что ведет к появлению комбинаций, невозможных в апеллятивах. Налицо явное стремление к размежеванию апеллятивного и онимического в языке. Оно свидетельствует о том, что не всегда корректно возводить онимы к соответствующим апеллятивам. Вновь возникающий топоним ориентируется не на апеллятивное словосложение, а на существующую системную топонимную модель.

Это обстоятельство имеет существенные последствия для этнолингвистической интерпретации топонимов. Функция адресности, отличия от подобных, свойственная для топонимии, означает, что сопоставление происходит в ряду однотипных объектов: называя смежные озера, имядатель фиксирует в названии, как правило, тот признак, который не является для них общим, единым. Или же, в крайнем случае, это общее свойство может закрепляться лишь в названии одного из озер — иначе адресность исчезает. Из двух расположенных в окрестностях деревни вытянутых по форме озер (по-северному «долгих») лишь одно может быть названо *Долгим*, другое (в силу адресности топонима) должно быть идентифицировано по какому-либо другому признаку, который и выносится в его название. То есть содержание имени определяется во многом на основе присущей последнему функции идентификации (Kiviniemi 1978, 23). Имя призвано прежде всего отличать объект от других подобных, а не описывать свойства этого объекта. Поэтому не вполне корректно утверждать, что топонимия прямо отражает объективную действительность, например, то, что было свойственно культуре создателей географических названий определенной местности и определенного времени. Это отражение достаточно специфично: единый для ряда географических объектов одного рода признак редко кладется в основу номинации. Отсюда, между прочим, следует, что чем более общий признак отражен в названии, тем ограниченнее, уже было число однотипных географических объектов, на фоне которых, в ряду названий которых оно возникло. Убедительным

подтверждением служат простые по структуре прибалтийско-финские топонимы, которые закрепляются, как правило, за единственным в своем роде на микротерритории или особо важным географическим объектом. Единственный в окрестностях села Шелтозеро порог получает название *Kosk* (вепс. *kosk* 'порог'). Видимо, и явление эллипсиса – трансформации сложных топонимов в простые в результате утраты атрибутивной части сложного названия — связано с тем, что идентификация объекта становится возможной и на основе более общего признака, отраженного классифицирующим детерминантом. Лимноним *Saŋjärv* (рус. *Сарозеро*), возникший в ряду наименований окружающих озер системы Янручья, превращается просто в *Järv* (järv 'озеро') в устах жителей расположенной на берегу озера деревни. С позиций микросистемы данной деревни, это единственное озеро, поэтому для его идентификации достаточным оказывается самый общий признак.

Топонимы рождаются в ряду подобных с целью отличить искомый объект от подобных, и поэтому в них присутствует некая «негативность» в смысле выбора признака определенным образом дифференцирующего, отличающего от ряда подобных. Субъект называния поневоле должен учитывать окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей называния, которые уже реализованы. В противном случае адресность не будет выполняться. Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взят некий нереальный, несуществующий признак. Каждый объект обладает целым набором свойств: озеро может быть одновременно кривым по форме (*Vär/järv*), с темной болотистой водой (*Must/järv*), с заросшими камышом берегами (*Rogo/järv*) и находиться в верховьях водной системы (*Ladv/järv*). Из этого набора признаков для называния может быть выбран лишь один, и его выбор будет зависеть от целого ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль будут играть названия соседних озер, с которыми будет соотноситься родившийся лимноним.

Топоним, таким образом, не вступает в противоречие с объективной действительностью (ср.: «топонимы не лгут, но их заставляют лгать, когда интерпретируют неверно» — Kiviniemi 1978, 25). Выбор признака будет осуществлен в рамках реально существующих особенностей географического объекта. С другой стороны, если бы перечисленные выше качества были присущи всем окрестным озерам, вряд ли они вообще нашли бы отражение в топонимах.

Сказанное выше о содержательной стороне топооснов не вступает в противоречие с тем, что внутренняя форма несущественна для функционирования топонима. Действительно, она отступает на задний план, омертвевает при жизни географического названия, однако топоним при рождении мотивирован. А значит представление о семантике топоосновы в момент рождения топонима чрезвычайно существенно.

Топонимическая система искомого региона не есть, таким образом, зеркальное отражение действительности. Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен рядом обстоятельств (в том числе человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых важная роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имятворчества, т. е. вынужден присваивать имена географическим объектам. Влияние модели распространяется на все стороны топонима — и на структуру, и на семантику, и на выбор конкретного лексического элемента для номинации. В прибалтийско-финской ономастике роль модели в образовании топонима убедительно доказана Э. Кивиниеми (Kiviniemi 1977). На славянском материале понятие топонимической модели и топонимической системы и влияние последних на процесс номинации разработаны чешским ономастом Рудольфом Шрамеком. Исходя из того, что язык — система, а топонимия — одна из реализаций языковой системы, он логично предполагает, что и ей присуща системность. Это значит, что топонимы обычно не рождаются непосредственно из описательных,

характеризующих называемый объект апеллятивов. Образование их опосредовано существующими моделями называния, которые зависят от коммуникативных потребностей, а поэтому включают в себя и социальный, и хронологический аспект (Šrámek 1973). Кивиниеми признает наличие апеллятивного омонима у ряда топонимов и не отрицает, что часть географических названий могла возникнуть в результате постепенной онимизации апеллятива. Не случайно так сложно бывает в некоторых случаях провести границу между онимом и апеллятивом. Однако подобный процесс рождения топонимов — скорее исключение, чем правило, хотя бы потому, что возможности его чрезвычайно ограничены. Никаких апеллятивов не хватило бы для создания такого множества топонимов, в котором есть потребность. На самом деле нужна система, в соответствии с которой можно легко образовывать большое количество онимических образований, которые отличаются от апеллятивов не только по контексту (Kiviniemi 1978, 26—27). В основе этой системы должны лежать модели называния, служащие некими образцами в процессе номинации.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе освоения новой территории люди естественно опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена во вновь освоенном ареале. Использовались те же структурные модели (например, набор суффиксов), те же семантические и лексические типы (в частности, модели метафорических топонимов типа *Железные Ворота* или *Kukoinhařj*, букв. ‘петушинный гребень’) которые были известны и на материнской территории. В топонимах, восходящих непосредственно к апеллятивам, естественно воспроизводится лексика материнского диа-

лекта. Это никоим образом не противоречит тому, что новые жизненные обстоятельства, природная среда, контакты и т. п. ведут постепенно к выработке новых топонимных моделей. Традиционные типы сочетаются с вновь появившимися.

Для исследования истории заселения наиболее продуктивно использование моделей, которые характеризуются хронологической и географической приуроченностью, т. е. тех моделей, которые были популярны лишь в какой-то ограниченный промежуток времени или представляли топонимическую систему определенной локальной группы населения. В этом случае их ареал не размыт и поддается интерпретации. Примером такой хронологически обусловленной модели являются лимнонимы с топоосновой *ryhä*- 'святой', которые, будучи широко распространены в Северо-Западном Приладожье, где в конце I тыс. н. э. сформировалась карельская этническая общность, не известны к востоку и северо-востоку от этого ареала первоначального карельского расселения. Очевидно, ко времени экспансии карел на восток модель уже утратила свою активность (о причинах см. подробнее в гл. II). Вепскую экспансию в Заонежье отражает представленная здесь модель *-l*-овой ойконимии, проникшая, очевидно, из Присвирья в ходе освоения древними вепсами водно-волокового пути из Онежского озера в Белое море. Именно такой маршрут вырисовывается с помощью картографирования ареала данной модели (см. карту и расширенный комментарий к ней в гл. II). Продуктивны с позиций этнолингвистической интерпретации ареалы некоторых довепских топонимных моделей (см. гл. IV). В целом ареальный или, иначе, типологическо-географический метод (термин предложен Кивиниеми — Kiviniemi 1980, 330), основывающийся на этнолингвистической интерпретации ареалов бытования отдельных топонимных типов, достаточно активно используется в данной работе, позволяя в совокупности с другими методами реконструировать пути и этническое содержание освоения Присвирья на разных хронологических срезах, устанавливать границы этнокультурных зон. Данная методика была впервые в полном масштабе опробована на прибалтийско-финском материале Йюко Вахтола (Vahtola 1982),

которому удалось с ее помощью представить во многом по-новому историю освоения Приботнии в раннем средневековье. Картографирование большого количества топонимных моделей выявило как бесспорно карельские, так и емские, и собственно финские центры освоения, позволило реконструировать те пути, по которым проходило распространение на север, прояснить хронологию экспансии.

Успех такого рода исследований в значительной степени зависит от удачного выбора картографируемых моделей. Распространение некоторых из них, к примеру, напрямую увязывается с физико-географическими особенностями местности или с культурными явлениями. То, что активность топонимной модели на *-selg* (зд. *selg* ‘сельга, гора, кряж’) резко ослабевает по мере продвижения с севера вепсского ареала на юг, связано с тем, что сельги как объект ландшафта распространены на севере вепсского Межозерья, а по мере продвижения на юг зона их распространения сходит на нет. То есть в данном случае отсутствует этноисторическая подоплека. Распространение ряда топонимов и топонимных типов увязывается с соответствующими апеллятивными ареалами, что далеко не всегда информативно для этнолингвистики. Сложно, к примеру, на основе имеющей всеобщее распространение в вепсском ареале (и за его пределами в прибалтийско-финском мире) модели *Hab/seĭlg* (*hab* ‘осина’) делать достаточно обоснованные выводы этноисторического содержания. Это типовая модель, которая была продуктивна длительное время и на обширной территории. Малоубедительны и ареалы топонимов, возникших в результате онимизации соответствующих апеллятивов¹. Вспомним в связи с этим замечание В. А. Ни-

¹ На самом деле в ряде случаев, когда, к примеру, апеллятив утрачен полностью или в определенном ареале, они оказываются полезными для реконструкции былого апеллятивного ареала, который важно знать и для этноисторических штудий.

конова о том, что совпадение диалектного и онимического ареалов в том случае, когда картографируются черты связанные, т. е. непосредственно заданные диалектом, не несет нового содержания, а лишь повторяет известное. И наоборот, несовпадение ареалов диалектной лексемы и соответствующей ей топоосновы может оказаться полезным для этнолингвистических выводов (Никонов 1974).

Собственно, отопеллятивные топонимы чаще всего и не образуют сколько-нибудь отчетливых ареалов, поскольку их образование происходит по единому принципу в разных коллективах. Это микротопонимы с узким ареалом бытования, возникающие в ответ на потребность в назывании у небольшого коллектива, когда в принципе оказывается достаточной идентификация на основе апеллиатива: единственный мост в окрестностях села называется *Sild*, ср. вепс. *sild* 'мост', соответственно березовый перелесок на окраине деревни получает название *Koivžom*, ср. вепс. *koivžom* 'березняк', а глиняная яма — *Savihoud*, ср. вепс. *savihoud* 'глиняная яма'. Чаще всего в топонимы переходят ландшафтные термины и связанные с ними лексемы. При этом для индивидуализации оказываются достаточными, как правило, родовые термины (т. е. so для всех разновидностей болот, *mägi* для всех разновидностей возвышенностей и т. д.), имеющие широкий ареал бытования, а поэтому этнолингвистически малопоказательные.

Из вышесказанного следует, что наиболее продуктивны топонимные модели, не имеющие апеллиативных омонимов. Таковы, прежде всего, суффиксальные модели, которые, как известно, стремятся отмежеваться от соответствующих апеллиативов и хронологически, и территориально. Впрочем, и многие сложные по структуре топонимы, образованные по принципу несовпадения наиболее типичных онимических и апеллиативных словосложений, оказываются достаточно информативными. Особенно убедительны случаи, когда одна и та же идея — имеется в виду признак (свойство географического объекта), положенный в основу названия, выражается разными этноязыковыми коллективами по-разному — то, что А. К. Матвеев называет ареальными семантическими оппозициями

(Матвеев 1974, 292). Для называния кривых по форме озер, как показало исследование Э. Кивиниеми (Kiviniemi 1977), в разное время и в разных ареалах на территории Финляндии использовались различные модели. В то время как тип *Polvijärvi* (polvi ‘колено’) имеет явно восточные (карельские) истоки, *Koukkujärvi* (koukku ‘крюк’) предпочтительнее в ареале расселения хяме (еми). Модель *Vääräjärvi* (väägä ‘кривой’), представленная сейчас широко практически на всей территории Финляндии, на ее восточной периферии все же появилась относительно поздно (Kiviniemi 1977, 199, 206). Достаточно показательны и метафорические топонимы (типа *Kukoinhaari*, букв. ‘петушиный гребень’), поскольку образования, положенные в основу называния, также дифференцируют языковые коллективы. В Присвирье хронологически обусловлено противопоставление русских топооснов *острец-/остреч-* и *окунь-, великий-* и *большой-* и др., позволяющее устанавливать ареалы относительно раннего обрусения. Очевидно, можно искать и ареальные фонетические оппозиции по типу установленных А. К. Матвеевым на Русском Севере противопоставленных рядов субстратных топооснов *чухч-, чехч-, нюхч- и чуки-, чеки-, нюки-*.

Метод картографирования дифференцирующих топонимических моделей находит достаточно широкое применение в данном исследовании. У данного метода большие перспективы, в некотором смысле даже большие, чем у этимологической интерпретации имен. При условии, что удастся выявить достаточное количество топонимных моделей, укладывающихся в единые географические ареалы, можно будет реконструировать определенные этноязыковые территории, что, безусловно, установит и определенные критерии для этимологической интерпретации затемненных топооснов в выделенных ареалах.

Интерпретация топонимных ареалов, особенно субстратных, неминуемо приводит к сопоставлению их с археологичес

кими, этнографическими и тому подобными ареалами. Эта процедура не проста, поскольку обычно в нашем распоряжении имеются лишь обломки топонимической системы прошлого, сохранившейся очень неравномерно. Поэтому даже в наиболее благоприятных ситуациях топонимия способна воспроизвести лишь приблизительную картину прошлого. Такова же, видимо, и ситуация в смежных этнолингвистических науках. Можно поэтому понять авторов одного из известнейших российских топонимических исследований «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», отказавшихся в силу «неудовлетворительного состояния лингвистического материала по Верхнему Поднепровью... от координации результатов лингвистического исследования с археологическим» (Топоров, Трубачев 1962, 2) и ограничившихся собственно лингвистическими выводами. Мы в полную силу осознаем опасность скоропостижных выводов и искусственного наложения топонимических и археологических или этнографических карт. С другой стороны, однако, для такого сопоставления есть реальная объективная основа в виде этноса и ареала его распространения (Герд 1995), а также общих источников и сходных методов исследования (например, картография). Надежность такого рода координации поддерживается также знанием ономастической типологии, системы закономерностей, которое углубляется по мере развития ономастического исследования.

2. ТОПОНИМИЯ В АРЕАЛЕ ЭТНОЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ

Проблема функционирования топонимии в ареалах языкового контактирования и взаимодействия топосистем разных языков является одной из актуальных в современных ономастических исследованиях. Она фигурирует в качестве постоянной на ономастических конгрессах. Достойное место ее освещению отведено и в последнем трехтомном справочном издании «*Ein internationales Handbuch zur Onomastik*» (1995—1996). В прибалтийско-финской ономастике достаточно детально разработана проблема современного и исторического финско-

шведского топонимного контактирования. Результаты исследовательского проекта, ведшегося в течение ряда лет, были изложены на международном ономастическом конгрессе в коллективном докладе (Kiviniemi etc 1977). В нем представлены интересные выкладки по основным моделям усвоения, их продуктивности, зависимости от ситуации билингвизма, государственного статуса контактирующих языков и др. Ряд частных моментов проблемы нашел отражение в специальных исследованиях (Pitkänen 1985; Naert 1995). Теоретические разработки этих исследований приложимы в определенной мере и к анализу русско-прибалтийско-финских топонимных связей, хотя и не отражают специфику последних. Достижения отечественной ономастики в данной области обобщены в коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» (1986), правда, в центр внимания в ней вынесена проблема заимствования имен, которым контактирование не ограничивается. В освещении проблемы русско-прибалтийско-финских контактов в топонимии, традиции исследования которой заложены еще М. Фасмером (Vasmer 1941), наибольших результатов достигли екатеринбургские ономасты во главе с А. К. Матвеевым, сосредоточившие усилия на выявлении механизмов контактирования и реконструкции контактирующих языков на территории Русского Севера. Со своей стороны отметим, что, несмотря на впечатляющие достижения, решение проблемы исключительно в плоскости исторического контактирования, с реконструкцией прибалтийско-финских прототипов, не дает возможностей отразить все аспекты и разнообразные механизмы этого взаимодействия. Что касается карельско-вепсского контактирования, то оно традиционно рассматривается на неонوماстическом материале (например, Itkonen 1971). В плоскости выявления дифференцирующих вепсских и карельских топонимных изоглосс в ареале исторического карело-вепсского контактирования проблема поставлена в нашей работе впервые. В прибалтийско-финской ономастике, однако, пре-

цеденты подобного анализа на материале близкородственных топонимных систем имеются (ср., например, упоминавшееся уже исследование Vahtola 1982). Проблема прибалтийско-финско-саамского топонимного контактирования в литературе решается в основном как проблема этимологическая: выявляются топонимы с возможными саамскими истоками в финском, карельском, вепсском топонимном ареале, на Русском Севере. Выявлен значительный набор специфических саамских топооснов на обширной территории Европейского Северо-Запада, очерчены ареалы некоторых из них. Однако в плоскости языкового контактирования, с разработкой механизмов и особенностей адаптации проблема практически не ставилась, очевидно, в силу ограниченного и чрезвычайно сложного для интерпретации материала. Эркки Итконеном на основе анализа топонимического материала ареала финско-саамского контактирования (финляндская Лапландия) была в свое время высказана мысль о том, что в случае прозрачной семантики саамского топонима последний, как правило, переводится на финский (Itkonen 1948). В результате контактирования родственных топосистем явление полного калькирования действительно получает широкое распространение. Анализ вепско-карельского контактирования в северном Присвирье явно подтверждает это. Однако если бы утверждение Итконена носило универсальный характер, это практически лишало бы возможностей поиска саамского топонимного наследия в топонимии Финляндии и Карелии. Между тем исследовательская практика обнаружила в данном регионе реальные саамские топонимные следы. Видимо, ситуация достаточно последовательного перевода в северной Финляндии диктовалась социально-экономической обстановкой XX столетия, характеризующейся всеобщим двуязычием саамов и официальным статусом финского языка. Ранние прибалтийско-финско-саамские контакты проходили на несколько ином социально-историческом и этнокультурном фоне, лучше консервировавшем древнюю саамскую топонимию.

Для этнолингвистического исследования принципиально важной является проблема субстрата и заимствования в топо-

имии, ибо за этими терминами в принципе кроется разный характер языковых отношений. Между тем в ономастике достаточно общепринятым является мнение о том, что всякая топонимия, не этимологизирующаяся средствами языка, бытующего на данной территории, является субстратной. Примером может быть определение в «Словаре русской ономастической терминологии»: «...субстратный топоним — иноязычный топоним (или элемент топонима), вошедший в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса на той же территории» (Подольская 1978). На первый план выдвигается выделение слоев (или «стратов»), а не механизм, не причина их появления. Фактор этнического смешения в расчет не принимается. А. П. Дульзон, анализируя русскую топонимию субстратного происхождения на территории Сибири, называет субстратной первоначальную форму иноязычного топонима, реконструированную теоретически или установленную другим путем (например, по старым источникам), а суперстратной соответственно форму, появившуюся в русском языке (Дульзон 1959, 35—46). Тем самым практически снимается проблема разграничения субстрата и заимствования в топонимии, которая чрезвычайно актуальна на всех языковых уровнях, в том числе лексическом. Позиция А. А. Реформатского, оспаривавшего возможность существования лексического субстрата в силу того, что лексика легко заимствуется и осваивается заимствующим языком в соответствии с внутренними законами функционирования и развития последнего (Реформатский 1956, 117), вызвала и вызывает настойчивое возражение исследователей, признающих реальное бытование лексического субстрата. Вопрос состоит не в том, существует субстратная лексика или нет, а в том, каковы критерии разграничения субстратной и заимствованной лексики (Рут 1984, 32).

Между тем анализ конкретного топонимного материала в регионе Европейского Северо-Запада, а также проекция его на реально существовавшую историческую и этноязыковую ситуацию указывают на то, что в составе топонимов, причисляемых к субстратным, могут быть и заимствованные названия. Они возникали, например, в ситуации массового прибалтийско-финского освоения территории Юго-Восточного Приладожья с редким аборигенным населением, от которого пришельцы могли воспринять путем заимствования наименования определенных важных для жизнедеятельности объектов, например, рек. Ситуация заимствования могла в принципе возникнуть и в других условиях, связанных с промысловым освоением территории, когда вепские охотники, оказываясь в местах компактного проживания местного «саамского» населения, узнавали от последнего местные названия. К моменту появления постоянного вепского поселения на этом месте в вепской топонимической системе уже существовал определенный арсенал топонимов, заимствованных ранее.

Подобные ситуации возникали и в ходе вепско-русского контактирования. Вполне реально, что названия ряда объектов Присвирья, в частности *Онежское озеро*, *Свирь*, в связи с важностью водных путей и широкой иррадиацией соответствующих названий были заимствованы в русский язык, а не появились как результат обрусения местного дорусского населения. Анализируя историю появления в русском языке названий крупных рек Сибири, А. К. Матвеев приводит убедительные доказательства в пользу их заимствования в русский язык из языков местных сибирских народов: эти потамонимы фигурируют в русских источниках еще задолго до появления на названных реках постоянного русского населения (Матвеев 1987, 1993). Знакомство с ними происходило через свидетельства русских первопроходцев, «распросные речи» пленных, проводников и т. д. Есть большие основания считать заимствованными — в силу ранней письменной фиксации — названия многих крупных объектов в Заволочье (Матвеев 1993). Ситуацию заимствования, не опосредованного двуязычием, реконструирует для территории Озерного края (Русский Северо-

Запад) Р. А. Агеева, описывая взаимоотношения восточных славян и носителей местной гидронимии (прибалтийско-финское население и балты), хотя тут же употребляет и термин «субстратные названия» (Агеева 1989, 115)². В традициях русской ономастики содержание терминов *субстратный* и *заимствованный* топоним в последнем случае не различаются. Кроме того, современная языковая действительность представляет убедительные примеры адстратного взаимодействия, когда русский топоним и даже целая топонимная модель усваивается в вепсскую топонимическую систему. Убедительным примером может быть модель агроонимов с суффиксом *-šin* (типа *Teroušin*, *Timukoušin*), воспринятая из русского топонимобразования. Причем в связи с активным функционированием наряду с вепским и официального русского варианта, последний начинает проникать и в вепское словоупотребление. В результате название реки *Паша* фиксируется у вепсов и как *Paksjogi* (очевидно, свой вепсский вариант), и как *Paša* или *Pašajogi*, в которых отражен официальный русский вариант. Карельское название реки *Uslank* или *Uslankund'ogi* восходит к русскому *Усланка* < **Устьлонка*, т. е. первоначально, очевидно, поселение в устье р.**Лонки* (в ПК ОП называется *Лоянцией*), вытекающей из озера *Лоянского*. Эта ситуация может быть спроецирована в прошлое: в процессе интенсивных этнических контактов, «финнизации» довепсское население Присвирья могло заимствовать не только вепские названия, но и «вепсизированные» варианты своих собственных топонимов, что приводило в некоторых случаях к разного рода последствиям фонетического, морфологического и прочего характера.

² Ср.: «...в наших материалах подавляющее большинство субстратных названий — субституционные и эллиптические. Это обстоятельство указывает на древность заимствования гидронимов этой территории» (Агеева 1989, 115).

Приведенные выше соображения указывают на то, что названия заимствованные менее системны, чем истинно субстратные топонимы, появившиеся вследствие языковой мены местным населением. Видимо, в указанном обстоятельстве и кроется ответ на вопрос, почему названия крупных рек так сложно этимологизировать. Различение субстрата и заимствования в топонимии, прежде всего в названиях макрообъектов, закономерно приводит А. К. Матвеева к мысли о том, что «распространенный взгляд... на названия значительных рек, как наиболее яркое проявление древних субстратов, нуждается в уточнении» (Матвеев 1993, 89), среди них есть безусловные заимствования. Этот тезис актуален не только для Русского Севера, он согласуется с наблюдениями над «бездиалектностью» древнеевропейской гидронимии, ее «этногенетической непоказательностью» (Трубачев 1991). Можно полагать, что в условиях относительно небольшой Европы, с населением, плотность которого всегда была выше, чем на севере, с нестабильностью зон обитания, подвижностью населения заимствования играли здесь даже более существенную роль, чем в северном регионе.

Субстратный топоним, таким образом, не должен быть приравнен к заимствованному. Его появление предполагает этнический субстрат и связано с явлением двуязычия, возникающего вследствие массовой смены коренным населением языка. При этом местный язык, исчезая, оставляет четкие следы в языке-победителе, которые ведут к определенной перестройке самой структуры последнего (Абаев 1956, 57; Реформатский 1956; Матвеев 1972, 76). В отечественной ономастике мысль о различении собственно субстратной и заимствованной топонимии впервые наиболее отчетливо выражена А. К. Матвеевым.

Постулируя этот тезис, надо, однако, отчетливо понимать, насколько в действительности сложно отличать субстратные топонимы от заимствованных. Мы имеем дело с результатом, а он — независимо от механизма — чаще всего оказывается тождественным или видится нами таковым. Существуют ли

какие-либо реальные критерии для различения субстратных и заимствованных топонимов?

Во-первых, микротопонимы обладают значительно большей доказательной силой для постулирования субстрата, чем наименования макрообъектов. Во-вторых, важным показателем субстратных включений является наличие целого гнезда субстратных названий, когда есть возможность оперировать не единичными редкими примерами, а ареалом субстратных микротопонимов. Территориальный критерий надежно работает при выявлении субстратных явлений на всех языковых уровнях (ср.: «...лингвогеографическая методика — единственно надежная при выявлении субстрата как факта всей системы языка» — ОЯ 1973, 152—153), поэтому он естественен и для топонимии. При этом, чем ареал плотнее, тем надежнее он идентифицируется как субстратный. Можно, к примеру, с уверенностью говорить о вепсском субстрате в микротопонимии Ладвинской волости в северо-восточном Присвирье, где треть названий имеет явное вепсское происхождение (Муллонен 1994, 128).

А. К. Матвеев выдвигает еще один критерий выявления субстрата в топонимии (в отличие от заимствования): микротопонимный субстрат сопровождается многочисленной субстратной апеллятивной лексикой, что кажется естественным результатом лингвоэтнической ассимиляции (Матвеев 1993, 93). Топонимия Присвирья, особенно центрального и восточного, с недавним обрусением, подтверждает универсальность этого вывода, сделанного Матвеевым на материале Зауралья и Русского Севера. Позволим себе пространную цитату, отражающую не только обилие в этом регионе субстратных лексем, но и подчеркивающую субстратный механизм их появления: «...русские на Ояти — итог скрещения двух этнолингвистических групп, первой — собственно восточнославянской (resp. новгородской) и второй — прибалтийско-финской (resp. вепсской), перешедшей... постепенно, в течение веков на русскую речь. Только так, а не путем простого и одностороннего заимствования из вепсского в русский мож-

но объяснить то большое число вепских слов, активно употребляемых и по сей день в русской речи на Ояти» (Герд 1975, 193—194).

В ономастической литературе существует и прямо противоположная точка зрения на соотношение топонимического и лексического субстратов, исходящая из отсутствия (необязательности) тождества между ними. К примеру, Р. А. Агеева, стоящая на этой позиции (ср.: «...влияние субстрата может выражаться и в одной топонимии, минуя другие слои лексики данного языка»), мотивирует свою позицию разной природой и функцией апеллятивов и топонимов в языке, что позволяет системе собственных имен легче принимать в себя иноязычные элементы, чем системе нарицательных имен (Агеева 1989, 147—150). Действительно, в силу отсутствия семантической нагрузки, свойственной нарицательным именам, жесткой привязки к локальному географическому ареалу и других причин топонимия воспринимается в язык-победитель значительно легче, чем апеллятивная лексика. Именно поэтому количественно на любой территории субстратные топонимы превосходят субстратную лексику. Однако вряд ли субстрат топонимически должен противопоставляться общезыковому, хотя бы потому, что топонимы входят составной частью в лексическую систему языка, образуя в ней свою подсистему. Сопоставление отдельных районов Присвирья с разной степенью и разной хронологией обрусения свидетельствует: там, где бытует субстратная микротопонимия, наличествует и субстратная лексика. Там же, где субстратный пласт в микротопонимии плохо уловим, а фиксируется в основном субстратная гидронимия, набор субстратных лексем тоже чрезвычайно сужается.

Эта зависимость вызвана разной хронологией, разными стадиями формирования и бытования субстрата. Микротопонимия не обладает такой устойчивостью, как гидронимия. Она относительно быстро модифицируется, вследствие чего традиционные субстратные микротопонимы могут с большой долей вероятности исчезнуть или замениться русскими.

Сопоставление результатов сбора полевого материала в селе Юковичи в 1998 г. с архивными списками топонимов Юковичей от 1878 г. (НА РК, ф. 24, оп. 7, 4/45) показало, что более 30 % микротопонимов, зафиксированных сто с небольшим лет назад, неизвестны современным информаторам. Вместе с тем появился целый ряд новых топонимов, вызванных к жизни более поздними событиями. Некоторые объекты названы иначе, чем сто лет назад. Даже при всей относительности подсчетов ясно, что фактор времени должен приниматься в расчет для адекватного анализа субстратной микротопонимии, в то же время субстратная гидронимия сохраняется хорошо. Очевидно, что чем богаче и разнообразнее субстратная микротопонимная система, тем свежее след языковой мены. Но ведь эта же закономерность — пусть не столь ярко — прослеживается и в субстратной лексике. В результате на многих территориях складывается ситуация, когда субстратных микротопонимов и лексики уже нет или сохранились лишь их очень незначительные следы, в то время как субстратная гидронимия бытует. Примерно таково положение в юго-западном Присвирье. Возможно, так же развивалась ситуация и в обследуемой Р. А. Агеевой Псковской и Новгородской областях, где субстратное наследие ощущается почти исключительно в гидронимии. Правда, на формировании топонимической системы последнего ареала отразились, по всей видимости, и другие процессы, в том числе заимствование иноязычных гидронимов в результате плотного, массивного славянского освоения.

В литературе обсуждается еще один критерий для выявления субстратных топонимов в зоне прибалтийско-финско-русского контактирования. Имеются в виду так называемые топонимы-полукальки с переведенной регулярной частью субстратных топонимов (типа *Сяргозеро*, *Кивручей*, *Сагарпорог* соответственно из вепс. *Särgjärv*, *Kivoja*, **Sagar(v)košk*)³. Истоки этой топонимной модели оценивают

³ См. подробнее в гл. II.

ся исследователями по-разному. В. А. Никонов относил ее к словосложениям, включающим географический термин, и считал исконно славянским типом, который, однако, значительно уступал в продуктивности суффиксации (Никонов 1962, 18). Г. Я. Сими́на, анализирувшая пинежские топонимы типа *Чешегора*, *Шеймагора* и др., считает их производными от первоначальных словосочетаний иноязычного слова с русским географическим термином, из которых первое выступает в качестве определения ко второму (Сими́на 1980, 15). Действительно, в русской топонимии есть небольшое число топонимов-словосложений, образованных по модели «существительное в атрибутивной функции + существительное» (типа *Новгород*, *Устьрека*), и это дает основания для славянской (восточнославянской) интерпретации истоков модели (Подольская 1983). Характерно, однако, что один из крупнейших славянских топонимистов С. Роспонд отвергал славянское происхождение русских словосложений, предполагая их иноязычные истоки (Роспонд 1972). Екатеринбургские топонимисты на обширном полевом материале по региону Русского Севера убедительно доказали, что собственные возможности русского топонимобразования недостаточны для массового распространения полукалек, которые — что важно — размещаются в зоне новгородской феодальной колонизации, сохранявшей, в отличие от низовской крестьянской, этнический состав местного населения. Полукальки здесь являются проявлением финно-угорского синтаксического или словообразовательного субстрата и возникли в результате обрусения местной «финской» топонимической системы (Матвеев 1970; Гусельникова 1994).

Топонимия Присвирья, в которой прибалтийско-финско-русское контактирование еще не завершилось и есть возможность наблюдать сосуществование двух разноязычных вариантов топонимов, подтверждает с безусловностью этот тезис (см. многочисленные убедительные примеры в СГБС). Регион Присвирья предлагает еще одну показательную топонимную модель, которая может рассматриваться как доказательство субстратного происхождения. Это ойконимы, оформленные суффиксами *-овичи/-иничи* (*Имоченицы*, *Валданицы*, *Ребовичи*),

присоединяющимися к иноязычной основе. Русская «концовка», как показало наше исследование, замещает в них суффикс *-l* (< приб.-фин. *-la*), присущий прибалтийско-финским оригиналам (*Haragl* → *Харагиничи*). В результате образуются своеобразные «полукальки» с «переведенным» формантом. Механизм и причины подобного развития описаны подробнее в гл. II.

Выявление субстрата чрезвычайно важно для реконструкции этноязыковой ситуации, т. к. языковой субстрат в нашем понимании базируется на субстрате этническом и воссоздает, таким образом, былую этноязыковую обстановку. Забегая несколько вперед, отметим, что по степени представления прибалтийско-финского субстрата русское Присвирье может быть условно поделено на три зоны: 1) северо-восточное Присвирье с бесспорным прибалтийско-финским субстратом, представленным большим количеством моделей, в том числе полукальками и полными кальками; 2) центральное Присвирье в целом с надежным субстратом, в котором, однако, отсутствуют полукальки, а в местах расположения центров древних погостов прибалтийско-финский субстрат сильно размыт; 3) юго-западное Присвирье со скудными следами иноязычной микротопонимии, причем ее редкость сопровождается использованием иных адаптационных моделей, чем в восточном Присвирье. Здесь субстрат представлен почти исключительно гидронимией. Выявленные ареалы отражают, очевидно, несколько разные ситуации этноязыкового контактирования, тем более, что они в целом вписываются в границы севернорусского диалектного членения Присвирья. Русское освоение было не только более ранним, но и более массовым в юго-западном Присвирье, где нельзя потенциально исключать замствованного характера целого ряда прибалтийско-финских топонимов. Это, кажется, согласуется с фактами археологии, указывающими на то, что новгородская крестьянская колонизация XI—XII вв. не обошла земли

южного Приладожья (Королькова 1994). С позиций этноязыковой истории Присвирья знаменательно также то, что границы ареалов, выявляющиеся на основе анализа следов прибалтийско-финского субстрата в топонимии Присвирья, совпадают с границами, устанавливаемыми по данным до-прибалтийско-финского наследия в топонимии Присвирья. Последнее значительно более отчетливо представлено в восточном, нежели западном (и особенно юго-западном) Присвирье. Очевидно, причина вновь кроется в разном характере этноязыковых контактов и разной сохранности древней топонимии.

ГЛАВА II

ИНТЕГРАЦИЯ ПРИБАЛТИЙСКО- ФИНСКОЙ ТОПОНИМИИ В РУССКУЮ ТОПОСИСТЕМУ ПРИСВИРЬЯ

1. ПРЯМАЯ АДАПТАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО УСВОЕНИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ТОПОНИМОВ В РУССКУЮ ТОПОНИМИЮ ПРИСВИРЬЯ

Среди способов интеграции прибалтийско-финской топонимии Присвирья в русскую топорисистему первенство принадлежит так называемой прямой адаптации (нем. *Directe Entlehnung*, англ. *directly borrowed names*), когда иноязычное название фонетически адаптируется русским языком. В наших материалах количество таких прямых заимствований составляет около 70 % всех адаптированных названий. Примерно такую же цифру (76,1 %) указывают финляндские исследователи, анализировавшие интеграцию финских топонимов в шведский язык на финско-шведской языковой границе (Kiviniemi etc. 1977, 429).

Предпосылкой для подобной адаптации названий является особое положение и функции собственных имен в языке. Поскольку семантика, внутренняя форма лексемы для топонимного функционирования несущественны, то и проблема перевода иноязычного названия отступает на задний план. Важна звуковая сторона онима, которая и передается при адаптации. Усвоенные путем прямой адаптации названия морфологически подстраиваются под тип простых неразложимых имен: *Кайгас* руч., *Кара* пк., *Маяксарь* о., *Кивой* руч. В одном ряду оказываются *Койвуи* руч. (< сложный по структуре топоним *Koiv/oja*), *Койжема* ур. (< **Koivžom*, ср. суффиксальный апеллятив *koivžom* 'березняк'), *Койвакса*

руч. (< **Koivas*, с топоформантом -s/-ks-), которые с точки зрения прибалтийско-финского топонимобразования входят в разные структурные типы. Прямая адаптация сопровождается, хотя и в необязательном порядке, оформлением родовым показателем, свойственным соответствующим русским аналогам, ср. *Габардуса* р. (< *Habarduz*), *Хабука* плн. (< *Habuk*), *Лехмой* руч. (< *Lehmoja*), *Ранда* ур. (< *Rand*).

Эта адаптационная модель известна на всей территории Присвирья, хотя ее активность здесь неодинакова. На юго-западе региона фиксируются немногочисленные разрозненные примеры типа *Однема* мыс, *Лепсарь* руч., *Рямега* пк. [Волх.]; *Тесарь* пк., *Теремега* гр., *Ляхтега* ур. [Тихв.]. По мере продвижения на северо-восток число образований данного типа заметно растет. Плотные скопления их расположены в окрестностях некоторых поселений на восточной периферии Ладого-Тихвинской диалектной зоны — на Савозере, Свирско-Оятском водоразделе. Их присутствие здесь находится в прямой связи с относительно недавним обрусением вепских поселений и соответственно топонимии. В качестве примера приведем ряд топонимов расположенной в верховьях реки Шапши деревни Печеницы, в которой в середине прошлого столетия население одинаково хорошо владело вепским и русским языками (Lönnrot 1902, 221), а уже в 20-х годах XX в. все, за редким исключением, говорило по-русски (Малиновская 1930, 166):

Габнема мыс < **Hab/nem* (hab 'осина', nem 'мыс')
Габсельга ур. < **Hab/sel'g* (hab 'осина', sel'g 'сельга')

Ихала пл. < **Ihal*, в котором -l — топоформант, свойственный для ойконимии и оформлявший отантропонимные основы; в данном случае присоединен к входившему в число древних прибалтийско-финских имен антропониму Iha
Кайбое руч. < **Kaiv/oja* (kaiv 'ключ, родник', oja 'ручей')
Кохтранда пк. < **Koht/rand* (koht 'место напротив', rand 'берег', т. е. покос на противоположном по отношению к деревне берегу озера)

Лопак ур. < **Lopak* (lopak 'лягушка')

Немель пк. < **Nem* (nem 'мыс'): **Nemel* 'на мысу'
Паршема бол. < **Parzšom* 'место заготовки леса'
Пера пл. < **Pera* (pera 'зад, задний')
Саймега луг < **Savi/mägi* (savi 'глина', mägi 'гора')
Салма часть оз. < **Salm* (salm 'пролив').

Здесь представлены топонимы, прибалтийско-финские оригиналы которых имеют разную структуру, однако в русской топонимической системе это простые производные топонимы⁴. Подчеркиваем это особо, потому что в северо-восточном Присвирье известен другой способ передачи прибалтийско-финских оригиналов — полукальки и даже полные кальки, которые отражают сложную структуру оригиналов.

Наличие или отсутствие описанной адаптационной модели и особенно то, насколько велик ее процент в микротопонимном континууме определенной местности, может служить своего рода критерием хронологии прибалтийско-финско-русских контактов и обрусения местного прибалтийско-финского населения. Микротопонимия в силу ее нестабильности, изменчивости относительно быстро меняется. Старые названия, заменяясь новыми, выходят из употребления. Поэтому сохранение, особенно в системе, прибалтийско-финских названий указывает на «свежесть» здешнего русского населения. На Ояти, к примеру, топонимия окрестностей озера Савозера, одного из наиболее значительных в бассейне реки Оять, пронизана прибалтийско-финскими образованиями. Наоборот, в окрестностях сел Имоченицы, Алеховщина, Тервини-

⁴ Подробнее о топонимах типа Габсельга, в которых второй элемент может быть выражен русской диалектной лексемой, заимствованной из прибалтийско-финского источника, см. далее.

чи, Красный Бор сохранились лишь единичные рудименты микротопонимов прибалтийско-финского происхождения, хотя, к примеру, наименования входящих в Алеховщинский куст поселений деревень явно указывают на прибалтийско-финское прошлое территории. Видимо, вопрос в возрасте, в давности этого прошлого. Хотя, по свидетельству источников середины прошлого века, деревни на Савозере были русскими, вепская граница проходила в то время в непосредственной близости от них (Tunkelo 1946, 5), что позволяет предполагать их относительно недавнее обрусение. Что же касается Алеховщины, Имочениц и других упомянутых выше населенных пунктов, то по крайней мере часть из них была административными центрами погостов Обонежской пятины и, естественно, подверглась более раннему и более активному русскому воздействию.

Прямая фонетическая адаптация прибалтийско-финских оригиналов не менее, а даже более широко представлена в северо-восточном Присвирье, на территории, смежной с современным вепским или карельским ареалом. Однако тут с ней соперничает другой способ адаптации, малораспространенный в западном и юго-западном Присвирье, — образование имен-калек и полукалек (типа *Долг/озеро*, *Ламб/остров*). Один и тот же прибалтийско-финский оригинал усваивается по-разному в западном и восточном Приладжье: вепс. *Kiv/oja* 'каменный ручей' на западе региона звучит как *Кивоя* (или *Кивой*, *Кивое*, *Кивуй*), а на востоке *Кивручей*. Причины такой дистрибуции будут рассмотрены ниже, в связи с анализом топонимов-полукалек.

Прямое заимствование сопровождается определенной трансформацией звукового облика топонима, вызванной возможностями фонологических систем контактирующих языков. Звуки, не имевшие адекватного соответствия в заимствующем языке, замещались звуками, наиболее близкими по качеству к оригинальным. При этом такая замена характеризуется относительно большой регулярностью и распространена иногда на значительной территории (ср. приб.-финское *h* → рус. *г*). Для установления хронологии контактов, фонетических особенностей

каждого из контактирующих языков на момент контактов и шире — для этноисторических изысканий — существенно то, что интеграция топонима в другой язык означает прекращение фонетических изменений этого названия в исходном языке. Топоним в дальнейшем следует законам развития заимствующего языка.

Далее будут представлены некоторые примеры прямой адаптации прибалтийско-финских топонимов Присвирья с необходимыми комментариями.

1.1. *Рефлексы древнерусской фонетики*

Среди фонетических явлений, которые отражаются в субстратной топонимии русского Присвирья, наибольший интерес и одновременно наибольшие сложности вызывает поиск русских топонимических древностей. Особая актуальность этой проблемы вызвана тем, что с ее решением сопряжено установление относительной хронологии прибалтийско-финско-русских языковых контактов в Присвирье. Опорными моментами здесь должны выступать такие явления древнерусской фонетики, как падение редуцированных, отражение древних носовых и полногласия. Данные особенности выявлены в имеющей прибалтийско-финские истоки топонимии окрестностей Новгорода, южного Приладожья (ср. *Мста, Норова, Ижора* и др.). С другой стороны, доказано, что в период колонизации Русского Севера, т. е. районов, расположенных за восточными границами Присвирья, в русском языке новгородцев не было ни редуцированных, ни носовых гласных, а наличие полногласия как живого процесса очень сомнительно. Усвоение субстратной топонимии русским языком здесь началось не ранее XII в. (Матвеев 1972, 3).

Какова же ситуация в Присвирье? Судя по археологическим и историческим свидетельствам, во всяком случае западная часть Присвирья могла входить в ареал раннего русского освоения, а значит здесь в принципе возможны прибалтийско-финские заимствования древнерусского времени. Однако

обнаружить их надежных доказательств не удастся. В то же время известны многочисленные доказательства обратного: в изобилии представлены в топонимах сочетания *V* + *n* между согласными (*Мандрога, Линдозеро, Вендручей, Ван-жела*), отрицающие существование носовых; нет надежных следов полногласия; отсутствуют начальные сочетания согласных, а также надежные случаи адаптации приб.-фин. *u* как рус. *o* (через стадию *ъ*). Собственно, отражение носовых вряд ли возможно, поскольку они исчезли очень рано, уже к X в. (Kiparsky 1958). Да и для редуцированных первые века второго тысячелетия были критическим временем, совпавшим с их падением. Очевидно, лишь полногласие должно было быть относительно живым процессом.

Нельзя, конечно, не учитывать того, что в течение столетий облик топонимов настолько затушевался, что не подлежит реконструкции. Попав в русское словоупотребление, названия в дальнейшем вели себя в соответствии с законами русского языкового развития, перекрывшими и скрывшими древнерусский этап в жизни древних заимствований. Надо полагать к тому же, что значительная часть их (особенно микротопонимы) просто исчезла с карты региона в течение столетий. Вспомним, что и в окрестностях Новгорода обнаружены в конечном счете лишь единицы достоверных заимствований древнерусского времени, хотя русско-финские контакты там не подлежат сомнению с VIII в. И все же, видимо, приходится констатировать отсутствие в Присвирье надежных следов (кроме возможных нескольких единичных топонимов, о которых речь пойдет далее) прибалтийско-финско-русских языковых контактов до XII в. Это не значит, что таковых не было, но подчеркивает сложность их обнаружения. Определенные результаты могут быть получены, скорее, в тех случаях, когда имеется возможность соотнести русский и прибалтийско-финский варианты топонимов или хронологически разные варианты. А это возможно, прежде всего, для гидронимов и ойконимов, существующих в двух языковых вариантах и к тому же относительно рано засвидетельствованных письменными источниками.

Среди топонимов Присвирья хотелось бы обратить внимание на два названия, которые могут в известной мере указывать на их русскую адаптацию в древнерусский период до XII в. Одно из них — это название реки *Свирь* (в источниках XV—XVI вв. *Сверь*), в котором, по мнению целого ряда исследователей, отразилось падение редуцированных, наметившееся в древненовгородском диалекте уже в XI в., но в основном протекавшее в XII в. (Зализняк 1986, 124). Гидроним можно возвести к древнерусской форме **Съвирь*, которая, в свою очередь, отражает вепское *Süvär* (см., например, Фасмер). Древнерусская форма названия восстанавливается, таким образом, на основе вепского оригинала. Наличие такой цепочки означает, что гидроним попал в сферу русского словоупотребления еще до падения редуцированных, т. е. до XII в. В принципе эта хронология согласуется с историческими данными. В том, что топоним *Свирь* стал фактом древнерусской речи, нет ничего неожиданного: Свирь — крупная водная магистраль, ведущая в Заволочье, и, естественно, что с выходом древнерусских колонистов на Свирь, они усваивают и название реки.

Хотя прибалтийско-финская этимология для *Свири* и ставится рядом авторов под сомнение, а в качестве альтернативы предлагаются возможные славянские и балтийские аналогии (Фасмер; Агеева 1989, 224—225), все же в контексте древних прибалтийско-финско-русских контактов она выглядит достаточно убедительной. В противном случае возникли бы осложнения с интерпретацией вепского варианта названия (*Süvär*), а также с объяснением истоков древних индоевропейских гидронимов в Онежско-Ладожском регионе.

Ранней хронологии контактов, в которую укладывается гидроним *Свирь*, не противоречит еще один топоним Присвирья, древнерусские истоки которого, в отличие от *Свири*, кажется, не привлекали до сих пор внимания исследователей.

Это ойконим *Винницы*, восходящий к исторически более раннему варианту **Веницы* (в средневековых источниках *Веницкий погост*). В. В. Пименов связал в свое время название с вепским словом *venanik* 'русский (человек)' (Пименов 1965, 51), что на первый взгляд выглядит довольно убедительно: Веницкий погост, административный центр, был долгое время единственным поселением с русским населением в верховьях Ояти, в вепском окружении. Однако у этой интерпретации есть свои изъяны, она, в частности, не принимает в расчет вепский вариант названия села *Vingl*. Между тем учет фонетических закономерностей ранних прибалтийско-финско-древнерусских контактов позволяет утверждать, что русский вариант восходит непосредственно к вепскому. Напомним, что название *Веницы* (*Винницы*) входит в число других известных в Присвирье ойконимов с конечным *-ицы/-ичи* (*Каргиничи*, *Печевицы*, *Имоченицы*, *Юксовичи* и др.), замещающим в процессе русской адаптации конечный *-l*, древний суффикс со значением места, вепского оригинала: *Каргиничи* < *Karhil*, *Печевицы* < *Pesoil*, *Имоченицы* < **Himačal* *Юксовичи* < ср. в документах XIII в. *Юскола*⁵. В этом же ряду стоит, очевидно, и *Веницы* (*Винницы*) < *Vingl*. На древнерусском этапе прибалтийско-финско-русского языкового контактирования прибал.-фин. *i* передавалось через русское *е*, ср. у Калимы др.-рус. *керста* 'гроб, могила' < *kirstu* 'гроб', из более поздних *верги* 'зарубки на деревьях' < *virg* 'затеска на дереве', *ветлюк* (витлюк) 'вальдшнеп' < *vitlik* 'кулик' (Kalima 1919, 51). В соответствии с этими примерами закономерным выглядит рус. *Веницы* при вепс. *Vingl* (совр. *Винницы* — отражение более поздней фонетической особенности *е > и* в онежских говорах). Впрочем, даже не столько прибал.-фин. *i* > рус. *е*, сколько другая примечательная фонетическая особенность, отразившаяся в ойкониме *Веницы*, привлекла наше внимание в контексте ранних прибалтийско-финско-русских контактов. Это псковско-новгородская

⁵ См. подробнее в разделе «Суффиксация».

корреляция *гл* ~ *л* или, иначе говоря, сосуществование в древненовгородском койне разных рефлексов славянских **tl*, **dl* (Зализняк 1995, 40—41). Следом этой древнерусской фонетической особенности является, к примеру, вепс. *tugl* 'щелок', заимствованное, очевидно, из древнерусского варианта *мыгло*. Сосуществование вариантов *гл* ~ *л* могло привести к восприятию вепс. *Vingl* (*гл*) как **Vinl* (*л*), который закономерно интегрировался в русскую ойконимию Присвирья как *Веницы* (основа *вен-* < *vin-* + суффикс *-ицы* < *-l*). Никак иначе невозможно объяснить исчезновение *г* в русском варианте названия.

Обращение к древнерусским фонетическим особенностям при интерпретации названия Веницкого погоста оправдано тем, что оно, видимо, очень рано попало в русское словоупотребление. Название упоминается (в виде *Вьюницы*) в одном из первых письменных документов, касающихся территории Присвирья, Уставе Святослава XIII в., что в принципе дает основание полагать вхождение его в русскую топонимию в еще более ранний период.

Эти два названия — *Свирь* и *Винницы*, в которых просматриваются фонетические особенности раннего древнерусского времени (до XII в.), не означают обрусения местного населения, а связаны с попаданием отдельных топонимов (прежде всего названий административных центров и некоторых речных наименований, привязанных к известным древним водным путям) в сферу официального (т. е. русского) употребления вследствие распространения новгородской власти в Присвирье.

С фактом раннего вхождения Присвирья в зону русского влияния, не сопровождавшегося, однако, значительной сменой языковой ситуации, согласуется, в принципе, также отражение приб.-фин. ударного *a* в этом регионе. Известно, что на разных этапах финско-русского контактирования приб.-фин. ударное *a* передавалось в русском по-разному: в древности через *o*, ср. известные примеры *Karjala* > Корела, *Lappi* > Лопь, *Vatja* > Водь, а позднее через *a*: *lambi* > ламба,

kanabr > канабра, taibale > тайбола, хотя возможно и приб.-фин. *a* > рус. *o* (Kalima 1919, 46—47; Mikkola 1938, 36). В специальной работе, посвященной отражению рефлексов приб.-фин. *a* в топонимии Русского Севера, А. К. Матвеев указывает на Белозерье, где воплотилось древнее *a* → *o* (Матвеев 1968). Существование в Белозерье топонимов типа *Лохта* (< laht-), *Сора* (< sara), *Солмас* (< salmas) надежно согласуется с ранней (рубежа тысячелетий) колонизацией этого региона древнерусским населением. К примерам А. К. Матвеева можно добавить еще несколько топонимов северо-западного Белозерья, в вепском оригинале которых присутствует приб.-фин. подударный *a*, а в русском соответствии *o*:

Šalgogi p. → *Шола* p., *Šalgärv* оз. → *Шольское* оз.

Sara p. → *Сора* p., *Saroja* руч. → *Сорский* руч.

Nažam(jogi) p. → *Ножема* p. (ср. наименование истока реки оз. *Nažamjärv* → *Нажмозеро* оз.).

Что же касается Присвирья, то оно явно не принадлежит к числу зон, где отражается древнерусское состояние, т. е. приб.-фин *a* → рус. *o*. Наоборот, здесь массово представлен более поздний рефлекс *a* → *a*:

Paksjogi → *Паша*, *Sara* → *Сапа*, **Randsara* → *Рандсапа* и т. д.

На этом общем фоне, впрочем, выделяются единичные ойконимы, в которых отражается рефлекс *o*:

вепс. *Sadoveh* ⁶ → *Соцкий погост* [в нижнем течении р. Ояти]

⁶ Топоним структурно раскладывается, видимо, на два элемента: основу *sado* и суффикс *-veh*, имеющий значение множественности. В вепской ойконимии он получил определенное распространение в сочетании с антропонимными основами (ср. *Mišukveh*, *Zinkveh*) и ландшафтными терминами (*Orgveh*, *Selgveh*) и обозначал первоначально, видимо, коллектив жителей, патронимии. Практически ойконимы данного типа возникли в результате перенесения наименования жителей на занимаемую ими территорию (Муллонен 1994, 80). Что касается основы *sado*, то ее заманчиво возводить к единым истокам с известным финским названием провинции Satakunta в юго-западной Финляндии. Для последнего в 1930-е годы была предложена

люд. *Sagil* → *Согиницы* [в северном Присвирье, на р. Ва-
жине]

вепс. **Hamaral* → *Гоморовичи* [на Оятско-Свирском
водоразделе].

Этих примеров явно недостаточно (при том, что последний — это возможная реконструкция), чтобы можно было говорить о проявлении архаического, подобного белозерскому приб.-фин. *a* → др.-рус. *o*, тем более, что уже Калима обращал внимание на возможность *a* → *o* на позднем этапе контактов, ср. его примеры: *корзать* ~ *карзать*, *робач* ~ *рабач*, *рочега* (Kalima 1919, 47).

К тому же уже новгородские грамоты на бересте свидетельствуют о том, что рефлекс *a* в западных новгородских провинциях был актуален в древности. На это указывают, к примеру, некоторые антропони́мы прибалтийско-финского происхождения с подударным *a*, которое соответствует ударному *a* в оригинале (примеры и их интерпретация взяты из: Хелимский 1986, 256):

Валит < приб.-фин. *Valittu* (< *valita* 'избирать') 'избранный'
или *Vallittu* ← *vallita* 'господствовать'

Ваивас < **Vaivas* (ср. *vaiva* 'труд, мучение, хлопоты')

Варма < **Varma* (*varma* 'надежный, верный')

Алюй — предположительно русифицированная форма
приб.-фин. *Alo* (< герм. *Alo*)

Ава или *Ави* — ср. приб.-фин. *Auva*, *Auvo*, *Auvi*, *Avo*, *Avi*.

Отсутствие надежных фиксаций рефлекса *a* → *o* в Присвирье на фоне наличия его, к примеру, в Белозерье, согласо-

этимология, возводившая первый элемент сложного ойконима к реконструированному приб.-фин. **sato*, сопоставимому с мордовским **sado* 'деревня, поселение' (Ravila 1933, 221—228). В таком случае вепс. *Sadoveh* (< **sadoveh*) может выступать в одном ряду с фин. диал. *kylve* 'kylän väki' (т. е. 'жители деревни').

ется в целом с более поздним русским освоением, которое, к тому же, было по истокам своим в значительной степени обрусением местного прибалтийско-финского населения, а не внешней колонизацией. То, что в Присвирье рефлекс *о* представлен исключительно в ойконимах, из которых один известен как наименование древнего погоста, а второй в качестве названия расположенного на важном транзитном водном пути перевалочного пункта, может быть связано с ранним заимствованием названных ойконимов.

Приведем в заключение один топонимный пример с территории, непосредственно примыкающей с северо-запада к Присвирью, в котором, возможно, отражается целый букет русских топонимических древностей. Это *Олонец*, впервые упомянутый в приписке к Уставу Святослава XIII в., одновременно с присвирскими *Винницей* (в виде *Вьюницы*), *Тервиничами* и *Юксовичами* (в виде *Юскола*). Начнем с того, что Фасмер отвергает возможность возведения русского *Олонец* к прибалтийско-финскому оригиналу, в качестве которого фигурирует фин. *Aunus* (Фасмер). Нам же это сопоставление — рус. *Олонец* и фин. *Aunus*, ливв. *Anus* — не кажется столь уж невероятным, особенно если исходить из закономерностей достаточно древнего периода контактов и принимать в расчет местные русские диалектные особенности. Если допустить, что финский вариант названия отражает более точно первоначальное состояние (этого склонны, кажется, придерживаться авторы SSA), то тогда в русском *Олонец* можно видеть, во-первых, передачу приб.-фин. *a* через древнерусское *о*, о чем говорилось ранее, во-вторых, характерное для русских говоров Присвирья и Обонежья «прояснение» *в* или *у* неслогового до *л* (ср. *Галдозеро* < *Гавдозеро* < **Haudjärvi*, *haud* 'яма, тоня'), о чем речь пойдет далее, в-третьих, так называемое второе полногласие (образование сочетаний *оро*, *оло*, *ере* на месте неполногласных *ор*, *ол*, *ер*). Все эти явления не противоречат закономерностям фонетической адаптации прибалтийско-финских заимствований русским языком и могут свидетельствовать в пользу ранних истоков русского варианта *Олонец*. Фасмера смущало также конечное оформление

(суффикс *-ец*) в *Олонец* на фоне *-us* в прибалт.-фин. *Aunus*, однако в контексте других топонимов Присвирья, в которых *-ец* выступал в качестве продуктивного топоформанта, оформлявшего и русские, и прибалтийско-финские основы (ср. *Зубец* руч., *Мегренец* руч., *Гонгенец* руч., *Быковец* руч., *Сиговец* пор. и др. на Свири), мена суффиксов по принципу близкого звучания может быть вполне вероятной.

1.2. Отражение звуков, отсутствующих в русской фонетической системе

Здесь прежде всего встает вопрос об отражении прибалтийско-финского ларингального фрикатива *h*. Основные его проявления (в виде *г*, *х*, *Ө* звука, *й*), правда, без выявления закономерностей, в севернорусских диалектных заимствованиях изложены Яло Калимой (Kalima 1919). Они актуальны и для топонимии Присвирья. Ниже приведены некоторые топонимные примеры.

а) прибалт.-фин *h* → рус. *г* (в позиции перед гласной и звонкой согласной):

в начале слова:

Габ/кара зал. [Заозерье Поди.], *Габ/нема* мыс [Печеницы Лод.], *Габ/орга* пк. [Юковичи Поди.], *Габ/ручей*⁷ руч. [Ладва Прион.], *Габ/сельга* ур. [Погра Поди.], *Габ/сельга* лес [Печеницы Лод.]: вепс. *hab* 'осина'

Габардуса р. [Тихв.] < вепс. *Habarduz*

Гавд/ручей ~ *Гав/ручей* руч. [Плотично Поди.], *Гавд/озеро* ~ *Галд/озеро* ~ *Авд/озеро* оз. [Пидьма Поди.], *Гавод/болото* [Великий Двор Поди.]: вепс. *haud* 'яма'

⁷

В качестве примеров приводятся также топонимы, в которых прямая фонетическая адаптация может быть дополнена суффиксацией или калькированием, т. е. сопровождается другими способами усвоения.

Гаг/болото [Подп.]: вепс. *hago* 'валежина, коряга'
Гарак/сельга пл. [Винницы Подп.]: вепс. *harag* 'сорока'
Гиль/гоума пк. [Таржеполь Прион.] < вепс. **Hil'houm*:
hil' 'уголь', *houm* 'пожог, подсека'

Гиру/сельга ур. [Андреевщина Лод.] < **Hieru/sel'gy*: ливв. *hiegu* 'деревня'. Обращение к ливвиковским истокам связано с тем, что топоним зафиксирован на ливвиковско-русском пограничье в северном Присвирье

Гозега р. [Вознесенье Подп.] < вепс. *Hozeg*: вепс. *hožj* 'хвощ'

Гонгоума пк. [Таржеполь Прион.] < **Honghoum*: вепс. *hong* 'сосна'

Гумбара пк. [Мятусово Поди.], *Гумбар/нем* пк. [Свирская Слобода Лод.]: вепс. *humbar* 'ступа';

внутри слова:

Иговичи д. [Тервиничи Лод.] < **Ihal*, в котором *Iha* — древний приб.-финский антропоним, *-l* — ойконимный суффикс, преобразовавшийся в соответствии с законами адаптации в *-овичи*

Легмас руч. [Кяргино Лод.] < **Lehtmas*: вепс. *lehm* 'корова'

Пагарье ур. [Заозерье Лод.] < **Pahaŕ* (< **Pahajärv*): вепс. *paŕa* 'маленький'

Пога д. [Ефремково Лод.] < **Pohj*: вепс. *rohj* 'конец залива'

Ригаума ур. [Тукша Подп.] < **Rihhaum*: вепс. *rih* 'рига', *haum* 'пожог, подсека';

в конце слова

(в словах, имеющих или имевших в прошлом в прибалтийско-финских оригиналах на конце *-eh*):

Венега ур. [Полденец Волх.], *Виногручей* руч. [Остречины Подп.]: вепс. люд.⁸ *veneh* 'лодка'

⁸ Здесь и далее обращение к лудиковским и ливвиковским лексическим данным обусловлено географической близостью, смежным располо

Гормяги пк. [Тойвино Лод.]: вепс. *horme* (< **hormeh*)
'кипрей, иван-чай'

Литеги пл. [Малая Весь Волх.]: вепс. *lete* (< **leteh*), ср. люд.
lieteh 'песок; низкий песчаный берег'

Риндажи пл. [Согиницы Подп.]: люд. *rindeh* 'склон, косогор'
с последующим русским чередованием *г//ж*

Рустега бол. [Новое Село Тихв.]: вепс. *roste* 'ржавчина
(обычно на металле)'

Рядога ур. [Вознесенье Поди.]: вепс. *räde* (< **rädeh*) 'еловая
чаща, густой ельник'.

В целом ряде топонимов на *-га*, восходящих к прибалтийско-финским оригиналам и внешне смыкающихся с представленными выше примерами, в действительности отражается другая конечная согласная (*-k / g*), присутствовавшая в прошлом в отглагольных производных с основой на *-е*, ср.:

Ляхтега руч. [Еремина Гора Тихв.], *Ляхтега* ур. [Шугозеро Тихв.]: вепс. *lähte* (< **lähtek*) 'ключ, источник, родник'

Палдога ~ *Палтога* пк. [Имоченицы Лод.], *Палдога* пк. [Токарево Тихв.], *Палдога* пл. [Винницы Подп.], *Палтега* ур. [Юковичи Подп.], *Палтега* пл. [Ладва Прион.], *Паудега* пл. [Чикозеро Подп.], *Паудуж* бол. [Посад Подп.]: вепс. *raude*, *raute* 'склон, косогор'. Изначальное конечное *-k* сохранилось в основе косвенных падежей, ср. *pautken* (генитив)

Пурдега пк. [Бичугино Тихв.]: вепс. *purde* 'ключ, родник'
Розмега ур. [Ратигора Лод.], *Розмега* руч. [Тервиничи Лод.], *Розмега* пк. [Мандроги Лод.], *Розмежи* пк. [Березник Подп.], *Розмега* пк. [Важины Подп.], *Рожмеги* бол. [Вознесенье Подп.]: вепс. *rozme*, люд. *ruozme* (< **rōzmeḡ*) 'ржавчина в болоте, на воде'. В *Розмежи* отражается, видимо, русское *г//ж*

Римега пк. [Важины Подп.], *Рямега* пк. [Щепняк Волх.],
Рямиги ур. [Тервиничи Лод.]: ср. вепс. люд. *gämik*,
gämegišt, восходящие к историческому **gämek* 'болото с
чахлым лесом, бурелом'.

б) приб.-фин. *h* → рус. *х*:

Обычно в позиции перед глухой согласной, ср. *Вехкой* руч.,
Вехкозеро оз., *Вехтуй* руч., *Вехтозеро* ~ *Вихтозеро* оз.:
вепс. *vehk* 'вахта, водяной трилистник'. Наличие *хх* ~ *хт* отражает
свойственную севернорусским говорам диссимиляцию.
Лехтуручей руч. [Ладва Прион.]: ск., ливв. *lehto* 'роща'. В это
же гнездо может входить *Рехкозеро* ~ *Лехкозеро* оз.
[Остречины Подп.] с диссимиляцией заднеязычных и *р* ~ *л*

Ляхтозеро [Алеховщина Лод.]: вепс. *lähte* 'колодец, родник'

Вахтерозеро [Чикозеро Подп.]: вепс. *vahtar* 'клен'.

Значительно реже встречаются примеры с субституцией *h* в
виде *х* в позиции перед гласной и звонкой согласной:

Ихала пк. [Печеницы Лод.] < **Ihal*, с древним приб.-фин.
антропонимом *Iha* (см. выше *Игокиничи*)

Лехмой руч. [Коковичи Лод.] < **Lehmoja*: вепс. *lehm*
'корова'

Хаб/сельга ~ *Габ/сельга* ур. [Шапша Лод.], *Хапский*

Мох бол. [Гонгиничи Лод.]: вепс. *hab* 'осина'

Хабука бол. [Нюбиничи Лод.]: вепс. *habuk* 'ястреб'

Хибое ~ *Гибое* пк. [Мустиничи Лод.] < **Heb/oja*: вепс. *hebo*
'лошадь' с характерным для севернорусских говоров *е* > *и* (см. об
этом далее)

Хунгус ~ *Гунгус* ~ *Унгус* руч. [Заозерье Лод.].

Перечисленные примеры относятся ареально к среднему
Прионтью, на остальной же территории Присвирья переход
приб.-фин. *h* в рус. *х* перед гласной и звонкой согласной не-
актуален. Видимо, это локальная особенность местной фонетики.
Примеры свидетельствуют о неустойчивости *х*, отражающего
приб.-фин. *h* (*Хунгус* ~ *Унгус*). Причина может крыться в том,
что в севернорусских говорах *h* (в позиции перед гласным и

звонким согласным) в действительности замещается не *х* и не *г*, а особенным севернорусским фрикативом [*ɣ*], который обладает тенденцией к исчезновению (Аванесов 1949, 137; Kiparsky 1958, 172). Отсюда намечается прямой переход к следующей группе примеров.

в) приб.-фин. *h* → рус. *ø*, т. е. исчезновение звука:
Гардозеро ~ *Ардозеро* оз. [Остречины Подп.]

Ирбоюшка пк. [Шапша Лод.], *Ирвинка* р. [Ковкеницы Лод.], *Иргозеро* оз. [Шамокша Лод.]: люд. *hiŋv*, ливв. *hiŋvi* 'лось'

Умбар/кара зал. [Юковичи Подп.]: вепс. *humbar* 'ступа'
Чоголма пк. [Ивина Подп.] < **Čoga/houm*: вепс. *houm* 'пожог, подсека'

Чулу/конда ур. [Тениничи Лод.] < **Čuhl(u)/kond*
(об истоках основы **čuhl* см. в гл. IV).

Если *h* исчезает в позиции перед гласным переднего ряда (*e*, *ä*, *й*, *ö*, *i*), то процесс адаптации сопровождается наращением *j*, естественным для русской фонетики (Калима говорит о развитии приб.-фин. *h* → рус. *j*). Гласные заднего ряда сохраняются без изменений.

Ебо/конда ур. [Шапша Лод.], *Еб/орга* ур. [Вознесенье Подп.]: вепс. *hebo* 'лошадь'

Ейна р. [Шугозеро Тихв.], *Ейн/ерга* ~ *Енерга* пк. [Ладва Прион.]: вепс. *hein* 'трава' (ср., однако, *Эйнозеро* оз. в нижнем течении Свири)

Ере/конда д. [Важины Подп.], ср. вепс. *here* 'навоз' или ливв. *hiegu* 'деревня'

Юбеничи д. [Подп.] < вепс. *Hübjoil*: вепс. *hübji* 'сова, филин'

Ямега руч. [Вонга Волх.], *Ем/сельга* пк. [Ивина Подп.]: в основе можно предполагать этимологически неясную

топооснову hämeh-, известную и в вепском Присвирье, ср. *Hämehkad*.

Из чуждых русским говорам Присвирья гласных, представленных в топонимии прибалтийско-финского происхождения, внимание привлекают переднерядные *ä, ü, ö*, а также приб.-фин. *e* в начале слова.

В ходе интеграции топонимов с несвойственным для русской фонетики начальным *e* последний менял свое качество, или переходя в огубленный *o* (с возможным последующим наращением протетического *в*), или сужаясь до *e* [je]. Первый из отмеченных звукопереходов отразился в лимнониме *Вонозеро* — собственно, в бассейне Свири два *Вонозера*: одно в истоках южного притока Свири р. Яндебы, а второе в бассейне левого притока Ояти р. Аштины. Аштинское *Вонозеро* располагается в вепском языковом ареале, и для него известен вепский оригинал *Enarv* с начальным вепским *e* (в основе топонима древнее слово *enä- 'большой', утраченное современными вепскими говорами — см. подробнее Муллонен 1994, 57—58). Название же свирского *Вонозера* отразилось в писцовых книгах XVI и XVII вв. в виде «Он-озерко», «Онозерко» (ПКОП 98; ПК 111) без протетического *в*. Видимо, цепочка фонетических изменений выглядит следующим образом: приб.-фин. *e* → рус. *o* → появление протетического *в* перед *o*. Примечательно, что протеза *в*, в целом чрезвычайно редкая в топонимии Присвирья: ср. *Ореса* ~ *Вореса* ур. [Гонгиничи Лод.], ?*Военсушка* р. [Печеницы Лод.], *Водиновщина* пл. [Сегежа Лод.], *Оляковское* ~ *Воляковское* оз. [Заяцкая Подп.], — известна и другим топонимам окрестностей Вонозера, ср. *Вострый Наволок* пл., «на *Ворге* ручью» (ПКОП 91), в основе которого, очевидно, вепс. *org* 'орга'

Возможно, в одном ряду с *Вонозером* должно рассматриваться также название ручья *Вонручей* в верхнем течении Свири.

Второй способ адаптации — [je] — отразился в экзотическом на первый взгляд названии р. *Генуя* в верховьях Капши. Вепский вариант — *Enoja* ~ *Jenjogi*. Название имеет вариант

Surjogi (т. е. 'большая река'), атрибут которого семантически эквивалентен **spä*- 'большой', что подтверждает вхождение названия в одно этимологическое гнездо с *Enarv*.

Неустойчивость *e* в начальной позиции отображает характерную для вепсских говоров тенденцию к наращению *j* в начале слова, которую принято связывать с влиянием русской фонетики (Tunkelo 1946, 553). В русском варианте произошло известное в севернорусских говорах *j* > *z* протетическое (Суханова, Муллонен 1986). Йотирование инициального *e* отражено, возможно, в названиях *Еноручей* [бас. р. Пидьма], *Емозеро* ~ *Ямо* оз. (XVIII—XIX вв.), известное также в современном варианте *Эмозеро*, который восходит непосредственно к вепсскому оригиналу *Emarv* [бас. Паши]. Очень любопытны варианты названия р. *Оренжа* (XVI в. и современное бытование) и *Еремжа* (XVIII в.), позволяющие реконструировать в основе прибалтийско-финский (вепсский) оригинал с начальным *e* (< **Eränž* < **Eränd*).

Есть некоторые основания предполагать хронологически более ранние истоки вариантов с начальным *o* по сравнению с йотированными. На это указывает их географическая привязка и письменные фиксации, а также привязка к наиболее крупным водным объектам территории. При этом топонимы, отражающие современный уровень контактов (например, русские варианты вепсских топонимов с начальным *e* в вепсском ареале), уже умеют передавать в прошлом чужеродный фонетический элемент, ср. *Эхтозеро* ~ *Ехтозеро* оз., *Эймозеро* (< *Eimjärvi*).

Прибалтийско-финское *ü* передается тремя вариантами:

— *ю* ['y]:

Юлонда р. [бас. р. Важинка] < *üländ*-, ср. *ülä*- 'верх, верхний', река представляет собой верхний участок р. Кутки

Сюръя, Сюръга (неоднократно в качестве названий поселений, покосов, лесных урочищ, возвышенностей): вепс. *sürj* 'край, бок, сторона' или **sürj* 'возвышенность, холм, гора';

— иногда приобретает в русских заимствованиях вид *у*:

Кульмия руч. [Свирица Волх.]: вепс. *külm* 'холодный'

Улезеро оз. [бас. Ояти], *Ульяница* р. (< вепс. *Üländ*),

Улей руч. [бас. Паши] < вепс. *ülä*- 'верх, верхний'

Суданский Мох бол. [Новинка Тихв.]: вепс. *südäin* зд.

'внутренняя часть' (ср. с продуктивным вепсским гелонимом *Südäin/so*)

Сурья пл. [Колголемо Волх.], *Сурьино* пк. [Никульское Тихв.]: вепс. *sürj*;

— в некоторых случаях в этих же топоосновах выступает на месте *й* рус. *и*:

Илозеро оз. [бас. Пидьмы]: вепс. *ülä*- ~ *ilä*- 'верх, верхний'

Корго/сирье ур. [Ветхое Село Лод.]: вепс. *sürj* ~ *sirj*

Кильмое руч., д. (неоднократно) < **Külm/oja* ~

**Kilm/oja* (*külm* ~ *kilm* 'холодный')

Сивозеро оз. [Винницы Подп.]: вепс. *sivä* ~ *sivä* 'глубокий'.

Все отмеченные связки хорошо известны по литературе (напр., Kalima 1919, 54), в том числе как отраженные в топонимии (Матвеев 1972, 5). В распределении вариантов *и* и *ю* [*'у*] практически нет четкой ареальной дистрибуции. Возможно, одна из причин состоит в том, что истоки данных фонетических проявлений не обязательно искать в русском языке. Соответствующие способы передачи могли быть спровоцированы вепсской фонетикой, в которой обнаруживается четкая тенденция к сужению *й* в *i* (*ibuz* < *übuz* 'сугроб', *piha* ~ *rüha* 'постное время', *kilm* < *külm* 'холодный', *mirk* < *mürk* 'крутой') и йотирование начального *й*: *й* > ¹*й* (*üks* < ¹*yks* 'один') (Tunkelo 1946, 566—573), ср. в вепсских топонимах *Ilähjärv* < *Ülähjärv*, *Kilmoja* < *Külmoja*, *Sirj* < *Sürj*. Отмеченные фонетические особенности в вепсском — результат русского влияния, однако есть основание предполагать, что во всяком

случае часть названий, интегрировавшихся в русскую топонимическую систему относительно поздно, отразила уже вепсскую фонетическую особенность.

Наоборот, передача вепсского *й* в виде *у* ареально привязана к западному Присвирью, что позволяет предполагать относительно ранние хронологические истоки адаптации.

А. К. Матвеев приводит целый ряд топонимов Русского Севера, в которых прибалтийско-финское *й* передано через *ы* (*Кыльма*, *Мыгра*, *Сырья*, ср. также этноним *зырянин*), видя за этим раннюю (до XVII в.) закономерность (Матвеев 1972, 5). Видимо, она, однако, не входила в число присвирских, а была распространена восточнее, поскольку топонимия Присвирья не дает надежных ее примеров (как и топонимия Заонежья и Пудожья).

В передаче прибалтийско-финских *ä* и *ö* нет особого разнообразия: *ö* достаточно стабильно выступает в заимствованных топонимах в виде [*o*]: *Pötk* р. → *Пётка* [п'отка], *Пя/пёлда* пл. (< *röud* 'поле'). В свою очередь *ä* передается обычно через *я* [*a*]: *Сяргозеро* < *Särgjärvi* (*särg* 'плотва'), *Мятусово* д. (*mätaz* 'холм, горка'), *Рядега* ур. (*räde* 'еловая чаща, густой ельник'), *Мягиранда* д. (*mägi* 'гора'), *Мягрино* д. (*mägr* 'барсук'), *Мяргач* ~ *Мергач* оз. (*märg* 'сырой, влажный', если не результат метатезы из *mägr* → *Мяграч*), *Äimäjärv* → *Яймозеро* и др. Причина вновь кроется, очевидно, в том, что в самом вепском языке качество *ö* и *ä* под русским воздействием приближено к [*o*] и [*a*]. В вепских говорах произошла веляризация *ä*, *ö*, *ü* с сопутствующей палатализацией предшествующего согласного: *s'ob* < **söpi* 'ест', *v'aha* < *vähä* 'мало', *t'uhd* < **tühjä* 'пустой' (Tunkelo 1946, 875—878).

Употребление русского [*a*] повлекло за собой чередование [*a*] с [*e*] в позиции после мягкого согласного, известное севернорусским говорам на широкой территории. Тенденция к произношению [*e*] в соответствии с [*a*] была присуща древ-

нему новгородскому говору (Борковский, Кузнецов 1963, 139). В первоначальном правиле, в соответствии с которым чередование происходило в положении перед последующим мягким согласным: [п'ат]ый — [п'ет'], в[з'ат]ый — в[з'ет'], — со временем произошел целый ряд аналогичных выравниваний, в результате которых стало возможным ['e] вместо ['a] и в позиции перед твердым согласным (Образование... 1970, 17). Примеры топонимов Присвирья подтверждают это: *Мяргач* ~ *Мергач* оз., *Мягруй* ~ *Мегрой* руч., *Сяргозеро* ~ *Сергозеро* оз., *Реморга* ур. < **Räm/org* (räme(g) 'болотина'), *Керзино* д. (kärz 'морда, некрасивое лицо'). Яло Калима зафиксировал в диалектной лексике прибалтийско-финского происхождения *мянда* и *менда* (< *mänd*), *нергач* (< *närhi*), *няртега* ~ *нертега* (< *närte*), *кебрик* (< *käbrü*), *гемеря* ~ *гямяря* (< *hämärä*) (Kalima 1919, 52—53).

Калима приводит также одно чрезвычайно любопытное диалектное заимствование, в котором *ä* передано через *ы*: *рымбатъ* (= фин. *rämpiä*) 'вязнуть в болоте' (Kalima 1919, 53). Русская лексема известна в архангельских, псковских и нижегородских говорах. Эта этимология достаточно плодотворна с позиций этимологически затемненного гидронима западного Присвирья — названия реки *Рыбежь* ~ *Рыбежа* ~ *Рыбежка*, притока Паши. Не может ли в нем отражаться вепсский оригинал **räbeh* ~ **räbez* 'болотистое место (поросшее кустарником)'? (Реконструкцию лексемы см.: Муллонен 1994, 61.) Скорее всего, звукопереход прибалт.-фин. *ä* → рус. *ы* не был прямым, а опосредован *e* (ср. его присутствие в ряде микротопонимов Присвирья и Обонежья от основы **räbeh*: *Ребеш* пк., *Ребязинское* бол., *Ребежа* р., *Ребухи* пк.). Здесь уместно вспомнить, что развитие *ы* на месте прибалт.-фин. *e* известно в субстратной топонимии Русского Севера. Считается, что это рефлекс древнего среднерядного *e*, предположительно некогда бытовавшего в прибалтийско-финской речи. Не исключено, что и название *Рыбежка* отразило отмеченное фонетическое явление, особенно если принять во внимание, что река с этим названием протекает на западе Присвирья, что дает основание предполагать относительно раннее появление

русского варианта топонима, во всяком случае до изменения артикуляционных особенностей вепсских *ä* и *e*, т. е. передвижки их вперед под русским языковым влиянием.

На фоне достаточно последовательной передачи *ä* в русской топонимии Присвирья через *я* [*'a*] в западном Присвирье выявляются примеры, указывающие на возможность интеграции в виде *a*, ср. *Сарга* р. [бас. р. Сукса], *Сарба* ~ *Сярба* р. [Ковкеницы Лод.]: вепс. *särg* 'плотва', *Рабаза* ~ *Лабаза* бол. [Гонгиничи Лод.]: вепс. **räbez* 'болотистое место, поросшее кустарником', *Вагозеро* оз., *Вагуй* руч. [Новинка Тихв.]: вепс. *vähä* 'маленький'. Данное обстоятельство согласуется с «задней» передачей в западном Присвирье прибалтийско-финских переднерядных *e* и *ü*. Видимо, за этим стоят фонетические изменения в самой усваиваемой системе наименований — вепсской. Топонимия западной части Присвирья, раньше испытавшей активное русское воздействие, передает *e*, *ä*, *ü* задними по образованию русскими гласными *о*, *a*, *у*. В то же время в более восточных районах, позднее попавших в сферу непосредственного русского языкового влияния, происходит йотирование, отражающее происшедшее к этому времени изменение качества переднерядных в оригинальной вепсской топонимии. Под эту же тенденцию подпадает и передача прибалтийско-фин. *ä* в позиции начала слова: *a* в ранних заимствованиях, *я* на позднем этапе контактов. Приведенная ниже таблица наглядно фиксирует эту тенденцию:

Топооснова Ранние топонимы Поздние топонимы

Enä	(В)оно(зеро)	(Г)ен(уя) [jэ-], [г'э-]
Än-	Оне(жское)	Яне(зеро) [ja-]
Särg	Сарга	Сярга [с'а-]
Sürj	Сурья	Сюрья [с'у-]

Подчеркнем в этой связи, что в присвирской топонимии оставили след и другие фонетические сдвиги, происшедшие

в вепсской звуковой системе на протяжении столетий. Она, к примеру, отражает разные этапы свойственной всем вепским говорам лабиализации *l* в словах с заднерядными гласными в позиции конца слога с последующей чередой изменений образовавшегося дифтонга (*Тальгинский* руч. и *Тойба* р.: talv > tauv > touv 'зима'). Упрощение прибалтийско-финской основы -kse- в вепском до -se- — еще один процесс, разные этапы которого зафиксировались в интегрированной в русскую топонимическую систему Присвирья вепсской топонимии (ср. в западном Присвирье *Мелукса*, *Сермакса*, в восточном, смежном с ареалом современного вепского расселения *Вадруса*, *Витмуса*).

1.3. Отражение специфических севернорусских диалектных особенностей

Предшествующие примеры, иллюстрирующие свойственную русским говорам Присвирья тенденцию произношения *я* ['а] как *е* ['э], могут быть дополнены другими случаями, отражающими проявление севернорусских диалектных фонетических особенностей в интегрированной прибалтийско-финской топонимии.

К примеру, известное заонежское «ляпанье», т. е. зависимость качества *е* от характера последующего согласного: *е* > *и* перед мягкими согласными, *е* > *а* перед твердыми согласными, причем второй случай отражает более древнее состояние (Колесов 1975), — имеет место и на территории Присвирья и может быть проиллюстрировано следующими примерами:

Вяз/остров д. [Подп.] < ? **Везостров* (ср. прибалт.-фин. *vezi* 'вода' или *veza* 'побег растения'). Если исходить из фонетической позиции, обусловленной последующим твердым согласным, то вторая этимологическая возможность (*veza*) более оправдана

Виног/ручей ~ *Винег/ручей* [Остречины Подп.]: *veneh* 'лодка'

Вихмязь р. [Волх]: фин. *vehmas* 'молодой лиственный лес, роща, кустарник; зеленый, с пышной растительностью'

(SKES). Слово имеет достаточно локальное бытование в прибалтийско-финской языковой среде (финские и эстонские говоры), однако оно в виде *вагмас* и *лагмас* 'заболоченный лес с буреломом, низкое болотистое место на берегу реки' зафиксировано на Русском Севере (Матвеев 1993), что дает основания предполагать более широкое распространение апеллятива

Лип/сельга пк. [Куневичи Тихв.] < **Lep/selg*: вепс. *ler* 'ольха'; очевидно, в позиции перед мягким *с'* происходит определенная палатализация предшествующего *п'*

Ним/пельда д. [Поди.] < **Nem'/peld*, в котором *пем'* 'мыс, полуостров'

Пельдюха ~ *Пильдюха* пл. [Имоченицы Лод.]: вепс. *peld* 'поле'

Пельтяк ~ *Пильтяк* ур. [Тихв.]

Пернуй ~ *Пярнуй* руч. [Тихв.], ср. также *Пярн/ручей* руч. [Поди.]

Рябой/гора д. [Поди.], в основе можно предполагать вепсский антропоним **Reboi*: вепс. *reboi* 'лиса'.

Изменение *е > а* возможно иногда и в позиции перед мягким согласным: *Мечова* ~ *Мячова* д. [Волх.], *Лейпина Кара* ~ *Ляйпина Кара* д. [Поди.], *Пендега* ~ *Пяндега* пор. [Ладва Прион.] и даже *Пядьмозеро* < *Пидьмозеро* д. [Поди.].

В ряду этих примеров достаточно логично выглядит возведение гидронима *Пяхта* (приток Паши в среднем течении последней) к форме **Пехта*, тем более, что в бассейне нижней Свири известна р. *Пехтега*. В названиях этих двух рек отразилась еще одна показательная в контексте прибалтийско-финско-русского языкового контактирования фонетическая особенность. Известно, что прибалтийско-финское сочетание *hk*, чуждое русской фонетике, меняется в ряде заимствований на *xm*: кар. *uhku* > рус. *ухка*, *ухта* (Kalima 1919, 234—235), вепс. *pihk* > рус. *пихка*, *пивка*, *пиха*, *пихта*

(Меркулова 1961), приб.-фин. *vehka*, *vehku*, *vehk* > рус. вахта (Меркулова 1967, 37—38), приб.-фин. *viňko*, *viňk* 'пук, связка' > рус. вихтус 'соломенный жгут для утепления входной двери' (Матвеев 1995а, 32), приб.-фин. *toňko* 'гнилое дерево' > рус. тохта 'дерево с гнилой сердцевиной' (Востриков 1981, 37). К этим примерам можно добавить имя известного пудожского героя преданий Рахка ~ Рахой ~ Рахта, восходящее к приб.-фин. древнему антропониму *Rahko*i (Муллонен 1994, 88).

В топонимии Присвирья *hk* ~ *hm* известно по примерам *Вехтой* ~ *Вухтое* руч. (< *vehk* 'вахта'). Видимо, в этот же ряд заимствований, отражающих диссимиляцию *hk* > *hm*, входят *Пяхта* (< **Пехта*) и *Пехтега*, в прибалтийско-финском оригинале которых могла выступать основа *pehk-*, ср. в топонимии Присвирья *Pehku/suo* бол. [бас. р. Важина], *Pehk/oja* руч. [бас. оз. Печевское], *Pehk/so* бол. [бас. р. Оять, в окрестностях с. Ярославичи], *Пех/болото* бол. [бас. р. Савина]. Слово *pehk(u)* во всех прибалтийско-финских языках имеет значение 'гнилая трухлявая древесина', ср. также кар. *pehko* 'гнилой, трухлявый', фин. *pehkeytyä*, кар. *pehkovua* 'гнить' (SSA), вепс. *pehkestuda* 'плесневеть, преть, гнить' (СВЯ). Использование основы с подобной семантикой кажется вполне логичным в названиях болот. Река *Пяхта* протекает по одному из наиболее заболоченных участков бассейна Паши, подтверждая этимологию географически.

Видимо, в этом контексте надо искать и истоки севернорусской лексемы *пахта* ~ *пoxта* 'болото' с неустановленной этимологией. Примечательно, что она вписывается в целый ряд севернорусских имеющих прибалтийско-финские истоки лексем, в которых проявляется закономерность приб.-фин. *e* (преимущественно в словах с заднерядными гласными) > севернорус. *a:* вахта (< *vehka*); вагмас 'заболоченный лес с буреломом и кустарником' — фин. *vehmasto* 'густой лиственный лес или кустарник', эст. *võhmas* 'остров на болоте'; шалга 'возвышенность, покрытая лесом' — возможно, сопоставима с кар. *šelgä* в том же значении. В объяснении звукоперехода существует определенная проблема, однако прибалтийско-финские истоки перечисленных слов — А. К. Матвеев говорит об

особом прибалтийско-финском диалекте на территории Русского Севера — несомненны (Матвеев 1995а, 32—33).

Среди имеющих диалектные корни русских фонетических особенностей отметим также регрессивную ассимиляцию заднеязычного $g \rightarrow d$ (Соколова 1962, 74—75), отразившуюся в следующих заимствованных топонимах русского Присвирья:

Рямега ~ *Рямеда* пк. [Щепняк Волх.], *Рямода* бол. [Новое Село Тихв.]: *gämeg(išt)* 'болото с чахлым лесом, бурелом'

Пугинжа ~ *Пудинжа* ~ *Пуинжа* р. [Вознесенье Поди.]. В основе топонима можно предполагать утраченный вепский географический апеллятив **rigand* 'узкое место с быстрым течением в реке' (Муллонен 1994, 59—61), в котором *-nd > -nž* в соответствии с вепскими фонетическими закономерностями (см. в гл. IV)

Гегевичи ~ *Гедевичи* д. [Сторожево Лод.]

Янгинское ~ *Яндинское* оз. [Янгиничи Лод.]

Гандеж руч. [Спирово Волх.], *Гандие* руч. [Кизлярское Волх.]: *hanh* 'гусь'(> ганг-).

Несколькими примерами представлена также взаимная заменяемость *p//l* (чаще всего как результат диссимиляции):

Мельгино ~ *Мергино* д. [Яровщина Лод.]

Лабаза ~ *Рабаза* руч. [Гонгиничи Лод.]: ср. вепс. **gäbez* 'болотистое место, поросшее кустарником'

Лип/серьга (< **Леп / сельга*) пк. [Куневичи Тихв.],

Лебе/серьга бол. [Колголемо Волх.], *Сао/серьга* ур.

[Заозерье Лод.], *Сиго/серьга* пл. [Пидьмозеро Поди.]:

selg 'сельга, гора'

Рем/ольга ур. [Волнаволоок Поди.] < **Räm/org*, *org* 'opra'

Рехкозеро ~ Лехкозеро оз. [Остречины Подп.], ср. вепс. *Rehkärv*

Сюльга пк. [Посад Подп.]: *sürj*, *sürg* 'гора'

Явление перехода *р//л* известно и прибалтийско-финской фонетике, ему находится определенное подтверждение в вепсской топонимии Присвирья. Однако в данных примерах, относящихся к территории русского Присвирья и позволяющих реконструировать прибалтийско-финские оригиналы с примарным *r* или *l* логичнее исходить из русской фонетики.

В топонимии, не связанной подобно апеллятивной лексике с выражением понятий, не ограниченной семантическими границами, фонетические изменения происходят свободнее, чем в соответствующих апеллятивах.

1.4. Фонетические явления, которые могут иметь как прибалтийско-финские, так и диалектные русские истоки

В некоторых случаях трудно сказать, имеет ли фонетическая особенность, представленная в топонимии, прибалтийско-финские или севернорусские диалектные корни, поскольку некоторые закономерности проявляются в обеих системах. Примером может быть развитие твердого *л* в *у* неслоговое, свойственное как большинству вепсских и людиковских говоров (Tunkelo 1946, 433—437), так и местным русским диалектам (Аванесов 1949). Оно представлено следующими примерами:

Каузама пк. [Ладва Прион.], ср. *Калзома* пк. [Усть-Боярская Поди.], в основе *kalz ~ kauz* 'затупленный топор'

Паудуж бол. [Пидмозеро Поди.], ср. вепс. люд. *palte*, *paude* 'склон, косогор' с последующим *г // ж* на русской почве.

В большинстве случаев, однако, *у* неслоговое (могущее иметь как приб.-финские, так и русские истоки) развивается в *в*, и это явление уже из разряда чисто русских:

Павуй руч. [бас Паши], *Пав/ручей*, вытекающий из озера *Пал/озеро* [бас Ояти], *Пав/ручей* руч. [Юковичи Поди.]: вепс. *palo* 'пожог'

Пивдуши пл. [Мустиничи Лод.]: *peld*, *peud*, *röud*, *püud* 'поле'

Сивдашки ур. [Вознесенье Подп.], *Сивд/орга* пл. [Ладва Прион.]: *sild* 'мост'

Бов/сельга ур. [Тукша Подп.]: *bol* 'брусника'.

Однако, в Присвирье известно и обратное фонетическое явление: своего рода «прояснение» у неслогового до *л*. Наиболее выразительно оно проявилось в следующих примерах:

Галд/озеро оз. [Волнаволоок Подп.], существующий наряду с вариантами *Гавд/озеро* и *Авд/озеро*: в основе прибалт.-фин. *haud*, *haude* 'яма'. Этот же прибалтийско-финский оригинал (с изначальным дифтонгом *-au-*) отразился (с *-л-* в основе) в названии *Сай/галда* пл. [Гоморовичи Поди.] < **Savi/haud* 'глиняная яма'

Елчин/ручей руч. [бас Ивины], *Елч/озеро* ~ *Евч/озеро* оз. [бас. Ояти]: *jouŕen* 'лебедь'

Галк/орга ~ *Гавка/орга* ур. [Важины Поди.], *Галкиницы* ур. [Важины Поди.]: кар. *haukka* 'ястреб'. В последнем примере надо предполагать отантропонимные истоки, т. е. исходить из бывшего в прошлом продуктивным в прибалтийско-финском именослове *haukka*.

Очевидно, это особенность местной русской фонетики. Она отразилась и на апеллятивном уровне (ср. *нявгать* ~ *нялгать* у Калимы).

Прибалтийско-финские и русские фонетические особенности смыкаются и в случаях взаимозаменяемости *б//в//г*, характерных для топонимии Присвирья. С одной стороны, известна неустойчивость вепсского *v* в разных позициях в слове — от его полного исчезновения (*sa_{cu}* < *savu* 'дым') до перехода, особенно в начале безударного слога, в губной *в* (Tunkelo 1946, 486—501).

С другой стороны, аналогичное явление, или приводящее к аналогичным результатам, присуще и русским говорам Присвирья, в которых известен пропуск звука *в* перед *у* (лоушка, деушка) (Соколова 1962, 89). Кроме того, в позиции между гласными согласный *г*, выступающий в виде *у*, чередуется с нулем звука *о* или с *в*, причем последний может быть вторичного образования — в позиции между двумя гласными: ого [оуо] → оо → ово, ср. погост → повост (Аванесов 1949, 137), керегод [к'ер'еуот] → кереод → керевод (Vahros 1962). В этой связи уместно привести ряд топонимов Присвирья, фонетический облик которых может быть связан с указанным русским фонетическим развитием: *Чоозеро* ~ *Чуозеро* оз. [бас. Ояти] < **Чогозеро* (çoга 'угол, тупик'), *Чуваки* ур. [Вонозеро Лод.] < **Чугаки*, ср. вепсский вариант названия *Čuhakod*.

Отмеченные фонетические прибалтийско-финские и русские процессы, переплетаясь и перекрывая друг друга, приводят порой к достаточно причудливым результатам:

Ирбоюшка пк. [Шапша Лод.], *Иргозеро* оз. [бас. Ояти]

< **Ирвозеро*: вепс. **higrv* 'лось'

Кийостров о. [Посад Подп.], *Киозеро* ~ *Кивозеро* оз.

[бас. Важины]: *kivi* 'камень'

Койбыжа р. [бас. Шакшозерки], *Койгуши* ~ *Койвуши*

~ *Березняки* бол. [Пяхта Тихв.]: *koiv* 'береза'

Куйозеро оз. (с вариантом *Куйго*, зафиксированным на картах Генерального межевания XVIII в.) [бас. Паши]:

kuiv 'сухой'

Ладвозеро ~ *Ладгозеро* оз. [бас. нижней Ояти], *Ладвозе-ро* ~ *Ладбозеро* оз. [бас. Важины]: вепс. *ladv* 'исток, вершина'

Савозеро ~ *Саозеро* ~ *Сагозеро* оз. [бас. Ояти],

Саймега (**Savimägi*) ур., *Саведа* (**Savihaud*) пк.,

Сайручей руч.: вепс. *savi* 'глина'

Ярбозеро оз. [Волнаволоок Поди.], *Ярбой* руч. [Пирозеро

Тихв.], *Яргое* руч. [Шоткуса Лод.]: *järv* 'озеро'.

Перечисленные примеры указывают на то, что в них часто нарушена характерная для говоров последовательность $z > \theta > \text{в}$. Этот ряд зачастую имеет обратную последовательность. Видимо, сказывается развитие по аналогии. Результатом еще более широкой аналогии надо считать топонимы типа *Сярба* руч. [бас. нижней Свири] < särg 'плотва' или *Люговское* ~ *Любовское* оз. [бас. Ояти], *Мярбино* пк. [Пяхта Тихв.] < **Мергино*, в которых на месте исходного z выступает б .

Подводя итог обзору процесса прямой адаптации, сопровождающейся звуковыми изменениями, можно констатировать активную обработку прибалтийско-финских названий местными русскими говорами, подстраивающими топонимы под свои произносительные нормы. Особенно активны эти процессы в северо-восточном Присвирье, на территории относительно позднего обрусения. В западном и юго-западном Присвирье в силу большей давности обрусения и меньшего числа примеров закономерности адаптации устанавливаются сложнее. Наиболее трудны для обнаружения особенности адаптации древнерусского времени, до XIV в. (и особенно до XII в.). Об их рефлексах можно судить лишь по нескольким одиночным названиям (*Свирь*, *Винницы*, ?*Олонец*).

Выявление закономерностей фонетического освоения проясняет этимологию целого ряда названий.

2. СУФФИКСАЦИЯ

Вынося в заголовок и тем самым выделяя из всех способов морфологической адаптации суффиксацию, мы исходили из того, что другие приемы морфологической обработки прибалтийско-финских топонимов в ходе восприятия их в русскую систему географических наименований маловыразительны. Так, оформление топонима родовым показателем, согласующим название с номенклатурным термином, т. е. река *Сондала* < *Sondal*, река *Петка* < *P'otk*, деревня *Немжа* < *Nemž*, деревня *Мега* < *Möhj* и др., не носит строго последовательного характера. Наглядный пример тому — наименования

ручьев в западной части Присвирья, где в ходе прямой адаптации лишь на части территории прибалтийско-финский детерминант -оја приобретает вид -ой (-уй, -ей, -ий, -ый): ручей *Маткуй*, *Кивой*, *Лухтой*, *Явкуй*, *Коргудуй*, согласующий топоним с мужским родом родового термина. На значительной части Присвирья фиксируются, причем последовательно, названия с конечным -оя (-уя, -ея, -ия, -ья) и -ое: ручьи *Кивоя*, *Лепоя*, *Везия*, *Оксия*, *Геруя*, *Логуя*, *Кульмуя*, *Урбое*, *Кондое*, *Коргедое*, *Вехкое*, *Кивое*.

Преобразование прибалтийско-финских сложных по структуре топонимов в простые, приводящее их в соответствие с господствующей русской структурной моделью, помимо отмеченных выше случаев прямой адаптации, наблюдается последовательно в разряде речных наименований: *Sondal/jogi* > *Сондала*, *Kelližm/jogi* > *Кележма*, *Äimä/jogi* > *Эйма*, *Kuzr/jogi* > *Кузра*. С другой стороны, однако, практически все сложные прибалтийско-финские потамонимы в Присвирье сосуществуют с простыми по структуре вариантами, т. е. *Sondal/jogi* и *Sondal*, *Kelližm/jogi* и *Kelližm*, *Kuzr/jogi* и *Kuzr*, что ставит вопрос о примарности и секундарности означенных структурных моделей. В главе IV будут приведены некоторые обоснования принципиальной возможности существования изначально простых по структуре финно-угорских потамонимов, в которых функцию детерминанта берет на себя «речной» суффикс. Кроме того, появление одночленной модели может быть вызвано эллиптированием, спровоцированным прежде всего тем, что наименования рек, будучи в большинстве своем субстратными, семантически пусты. В результате, даже потеряв номенклатурный термин, они сохраняют обособленность от апеллятивов. Предпосылкой эллиптирования можно считать и широкую известность потамонимов по сравнению с другими топонимическими классами. Известность способствует тому, что отпадает необходимость в поясняющем географическом термине. То есть простая структура потамонимов может быть заложена уже на уровне прибалтийско-финского функционирования (и даже раньше). С другой стороны, однако, нельзя исключать и адстратного воздействия одночленной

русской потамонимной модели. Бытуя в качестве официальных наименований на вепсской территории, русские речные названия отличаются широким распространением и частой употребляемостью. Проникая вследствие билингвизма прибалтийско-финского населения в вепсское и карельское словоупотребление, они закрепляются и в нем.

Столь же нечетки в смысле выявления характера контактных отношений топонимы в форме *pluralia tantum*, поскольку доподлинно известно, что за целым рядом из них стоит соответствующая прибалтийско-финская модель. Оформление показателем множественного числа, выступающего в топонимии в качестве своеобразного служебного элемента — показателя топонимичности, достаточно широко распространено, к примеру, в вепсской ойконимии, а также в названиях сельскохозяйственных и лесных урочищ (Муллонен 1994, 20). Переходя в русское употребление, они сохраняют форму множественного числа, т. е. на самом деле для таких примеров как д. *Habukad* — рус. *Габуки*, д. *Grišinad* — рус. *Гришины*, ур. *Kanghad* — рус. *Боры* и др. правомерно говорить о влиянии прибалтийско-финской модели, которое, правда, согласуется с бытованием русской модели *pluralia tantum*.

Суффиксальное оформление как способ интеграции иноязычных топонимов на этом фоне наиболее выразительно. Оно, правда, не получило в Присвирье значительного распространения и по количеству образований значительно уступает топонимам, перешедшим в русское словоупотребление как в результате прямого фонетического усвоения, так и калькирования. И это при том, что суффиксация — один из наиболее распространенных способов словообразования в русской топонимии. В Присвирье набор суффиксальных топонимных моделей достаточно обширен, однако их активность существенно различается. Это обусловлено как спецификой функционирования, так и хронологическими и территориаль-

ными рамками бытования определенных моделей. В самом деле, в Присвирье, к примеру, слабо представлены топоформанты, свойственные древнерусской топонимии (*-jь, -ьnja*), что вполне соотносится с историей русского освоения Присвирья. Впрочем, определенные древнерусские модели достигли западных пределов Присвирья. Среди них *-гость/ -гоць*, свойственная топонимии ранних словен юго-западного Приильменя (Микляев 1984): на нижней Ояти руч. *Милогость*, на средней Паше ур. *Омигость* или *Онегость*, р. *Вяргость*, в устье Свири р. *Рудогоць*. В западном Присвирье располагается и ареал ойконимов с имеющим древнерусские истоки формантом *-ичи / -ицы* (*Вачукиницы, Имоченицы, Коковичи* и др.). Обе модели для присвирской топонимии являются историческими, утратившими свою продуктивность уже столетия назад. С другой стороны, некоторые из суффиксальных моделей — такие, к примеру, как *-щина* (*Алеховщина*) или *-иха* (*Данилиха*) — для топонимии Присвирья относительно новы и вряд ли соприкоснулись в качестве живых аффиксов в одном хронологическом срезе с *-ичи/-ицы* и *-гость/-гоць*.

Из достаточно богатого набора суффиксов, зафиксированных в топонимии Присвирья, лишь часть способна сочетаться с иноязычными основами, причем продуктивность их различна. Ниже представлены интеграционные суффиксальные модели, при этом дается и краткая характеристика функционирования их в оригинальной русской среде Присвирья.

~ица/~ец

Формант широко используется в русской топонимии Присвирья в названиях сельхозугодий, участков рельефа местности. Он присоединяется как к производной, так и непроизводной основе с качественной семантикой: *Ляговицы* ур., *Нутреницы* пк. [Волх.]; *Березовица* пк., *Гнилица* гр., *Горбатица* пк., *Гуселицы* пк. (гусель 'плесень, гниль' СРНГ), *Задница* пк., *Осиновицы* пк., *Ржавица* бол., *Тяглица* бол., *Ушовицы* ур. (ушь 'вид чертополоха' Фасмер) [Тихв.]; *Кобылицы* бол., *Круглица* пк., *Мокрица* пк. [Лод.]; *Еловица* пк., *Мятленица* пл. (мятлик, мятлица 'растение СРНГ)

[Подп.]. Суффикс *-ец*, выступающий в целом ряде микротопонимов Присвирья, очевидно, тождественен *-ица* и представляет собой его мужской вариант: *Мокрец* ур., *Ржавец* руч., *Смольнец* ур., *Соколец* пк., *Студенец* руч., *Талец* руч. (с вариантом *Талица*) [Тихв.]; *Ольховец* пор., *Студенец* пл. [Лод.]; *Березовец* пор., *Кривец* пор., руч., *Сиговец* пор., *Сосновец* ур. [Подп.]. Примеры говорят о том, что присущее апеллятивному суффиксу примарное деминутивное значение в топонимии явно отступает на второй план. В названиях он является прежде всего знаком топонима, и именно это позволяет ему выступать в качестве готовой модели для образования топонимов в сочетании с иноязычной основой: *Розменица* пк. (rozme 'ржавчина на воде'), *Мегренец* руч. [Подп.]; *Мягрица* ур. (mägr 'барсук') [Волх.]. Впрочем, количество образований по данной модели очень ограничено. Возможно, это связано с тем, что продуктивность форманта неодинакова на разных участках Присвирья. Он очень популярен на Паше, особенно в южной части бассейна, севернее же продуктивность его резко падает. Он мало известен на Ояти и на собственно Свири. Ареальная характеристика несет, очевидно, определенную историческую нагрузку, поскольку южное Присвирье (= Паша) в смысле продуктивности модели *-ица* примыкает к расположенным южнее бассейнам Сяси и Тихвинки, составляя своего рода единый ареал. Одновременно она проясняет и причину малой продуктивности форманта для интеграции прибалтийско-финской топонимии (точнее, микротопонимии), которая в силу раннего и, видимо, достаточно плотного русского освоения сохранилась в юго-западном Присвирье в очень ограниченном количестве.

Иная картина вырисовывается при анализе речного форманта *-ица*, который, бытуя в южном Присвирье, оформляет преимущественно иноязычные основы. Формант *-ица* об

наруживается в следующих потамонимах бассейна Свири: *Ейновица* (с вариантом *Ейна*), *Логовица*, *Пагодрица*, *Палу́йца* (с вариантом *Палуя*), *Пялица*, *Сарица*, *Свирица*, *Ульяница*, *Урьица* (с вариантом *Урья*), *Хмелица*. Изначальная деминутивная функция «речного» суффикса просматривается лишь в *Свирица* (< *Свирь*), в остальных же суффикс выступает в качестве формального элемента, вводящего искомый топоним в класс подобных русских потамонимов. В рамках названного процесса происходит и освоение иноязычного топонима русским языком. Иноязычная основа просматривается в большинстве названий приведенного выше списка: *Сарица*, ср. вепс. *sara 'небольшая река, приток более крупной реки' (Муллонен 1988, 28, 96); *Ульяница*, ср. вепс. оригинал *Üländ(jogi)* 'верхняя река'; *Палу́йца* ~ *Палуя* < вепс. *Paloja (? palo 'огнище, сожженная подсека'⁹, -oja 'ручей'); *Урьица* ~ *Урья*, ср. вепс. иги 'русло, яма, углубление'; *Ейновица* ~ *Ейница* ~ *Ейна* < вепс. hein 'сено'; *Пялица*, ср. употребление субстратной основы в целом ряде гидронимов на территории Российского Северо-Запада (*Пялозеро*, *Пяла р.*, *Пелозеро* и др.).

Потамонимы на *-ица* четко концентрируются в южной части бассейна Свири. За исключением *Хмелицы*, являющейся южным притоком Ояти и расположенной на границе бассейна Ояти и бассейна Паши, все остальные входят в бассейн Паши, тяготея при этом к верхнему течению реки. Именно здесь находятся *Ейновица*, *Урьица*, *Палу́йца*, *Пялица*, *Ульяница*, к которым можно, очевидно, добавить названия ручьев *Паловец* и *Витуец* (с вариантом *Витуй*), образованные от иноязычных основ с помощью *-ец* (? мужской вариант суффикса *-ица*).

Формант *-ица*, как известно, исключительно продуктивен в гидронимии на восточнославянской территории, в том числе в окрестностях Новгорода (Агеева 1989, 103). Надо полагать, что

⁹ Об этимологии гидронимной основы palo- см. также в гл. IV.

модель продвигается на восток вместе с древним новгородским освоением. Во всяком случае она представлена, судя по спискам Д. Ф. Шанько (Шанько 1929), в бассейнах рек Мсты, Сяси, Мологи, Суды и далее в Белозерье, т. е. к югу и юго-востоку от границ Присвирья, где образует потамонимы от славянских основ типа *Гоголица*, *Деготница*, *Камешница*, *Катица*, *Межница*, *Мошница*, *Ситица*, *Талица*, *Язница* и др. Производные от иноязычных основ (типа *Пярдомец* руч.) единичны и относятся к бассейну Сяси. В Присвирье ситуация коренным образом меняется: формант — за редким исключением — не образует здесь потамонимов от русских основ, однако активно используется с иноязычными. Гидронимы на *-ица* известны также в восточном и северо-восточном Обонежье, т. е. за восточными и северо-восточными границами Присвирья. При этом здесь также преобладают производные от неславянских основ: *Шалица*, *Тамбица* (дважды), *Возрица*, *Нулица*, *Уница*, *Сапеница*. Складывается впечатление, что гидронимный ареал *-ица* обошел Присвирье с юга и востока, захватив лишь самые южные его пределы — Пашу, и не распространился севернее, на Оять и Свирь. В центре ареала суффикс оформляет славянские основы, а на окраинах — в восточном Обонежье, на верхней Паше — используется для адаптации иноязычных потамонимов. Видимо, речные наименования на *-ица* помечают путь новгородского продвижения на восток и северо-восток в обход Присвирья, известный и по другим диалектным свидетельствам. Отсюда не следует, что гидронимы названного типа восходят к одному хронологическому срезу: образования от субстратных основ, видимо, вторичны. В бассейне Паши потамонимная модель на *-ица* не настолько продуктивна, чтобы можно было с уверенностью говорить об изначальном вхождении этой территории в древний новгородский ареал речных наименований с формантом *-ица*. Однако если Паша и не входила в этот ареал, то она, безусловно, испытала воздействие, проникшее из расположенного

южнее и юго-восточнее региона и выразившееся, в частности, в использовании потамонимной модели *-ица*, не известной севернее, на Ояти и Свири.

-ина

Формант *-ина* фиксируется в ряде потамонимов Присвирья, образованных как от славянских, так и иноязычных основ: *Ивина, Остречина, Марина, Елчина, Важина, Ирвина, Савина, Аштина, Шордина*. Данная потамонимная модель известна и на смежной русской территории — преимущественно к юго-западу от Присвирья. Там суффикс также присоединяется как к славянским, так, видимо, и неславянским (этимологически неясным) основам. При этом истоки его могут быть разными, а значение далеко не исчерпывается притяжательным (Агеева 1989, 105; Топоров, Трубачев 1962, 120).

В Присвирье тип *-ина* был, очевидно, принесен в качестве готовой потамонимной модели, использовавшейся, в частности, для славизации, включения в русскую систему топонимов иноязычных речных наименований. Примеры присвирских потамонимов на *-ина*, в целом немногочисленные, имеют определенную ареальную привязку. Их нет в южном Присвирье, все перечисленные случаи относятся к северо-восточному Присвирью — прежде всего, верхней Свири и Ояти. Напомним, что в южной части бассейна Свири бытует другой тип адаптации — потамонимная модель *-ица*, основной ареал которой находится за пределами Присвирья, обходя его с юга и востока (рис. 2).

Модель *-ина* пришла в Посвирье с юго-запада, где она известна в гидронимии бассейнов рек Сяси, Волхова, Мсты, Ловати, Луги, Чудского озера, Чагоды, Мологи (см. примеры у Шанько 1929). Характерно при этом, что на востоке от Присвирья — в Белозерье, в восточном Обонежье — она практически не получила распространения. Ареал, быстро затухающий, идет из северного Присвирья в северо-западное Прионежье и северное Обонежье (р. *Лососинка, Неглинка, Чебинка, Немина*), где, соприкоснувшись с ареалом *-ица*, сходит на нет. Очевидно, этот ареал отражает определенный срез русской колонизации

Рис. 2. Ареалы распространения русских топонимных суффиксов в Присвирье:

■ — -ина * — -ица ⤿ — -ичи/-ицы

севера¹⁰.

¹⁰ В Присвирье выделяется также целая группа микропонимов с концовкой -ина: Боровина лес, Верховина бол., Дербина пл., Кромина пк., Долгая Лядина ур., Паточина тропа, Середовина пк. [Волх.]; Верховина ур., Коровина место купания, Мишарина ягодник, Опарина ур., Островина бол., Угловина лес, Чищевина ур., Юмарина место купания [Тихв.]; Боровина лес, Носовина пк., Ржавчина пк., Середовина пк. [Люд.]; Кивитина пк., Салмина ур., Старина пл. [Подп.]. Приходится, однако, констатировать, что в большинстве случаев

-ка (-ик,-ок)

Чрезвычайно продуктивный в топонимии деминутивный суффикс *-ка* представлен в русской топонимии Присвирья многими сотнями примеров. Он обычен в названиях рек, наименованиях сельхозугодий, известен и в качестве ойконимного форманта. При этом изначальное деминутивное значение для него чаще всего неактуально. Суффикс выступает в качестве знака топонима, отличающего имя от апеллятива. Так, очевидно, следует интерпретировать его в микротопонимах: *Борок* пл., *Верховинка* бол., *Мосточек* ур., *Поженка* пк., *Полянка* пк., *Пустошка* ур., *Сопочка* пл., *Щетинка* пк., *Ямка* пк. [Пяхта Тихв.]. Такова же функция форманта в немногочисленных ойконимах юго-западного Присвирья, в среднем течении Паши: д. *Горка*, *Коптиловка*, *Медвежка*, *Островок*, *Песчанка*, *Середка*, *Шемиловка*¹¹. В этом контексте логично выглядит функционирование суффикса в сочетании с иноязычными основами. Наглядным примером могут служить речные наименования, в которых *-ка* используется для

суффикс присоединился еще на доономастическом срезе. Перечисленные примеры включают целый ряд перешедших в класс онимов апеллятивов: *боровина* 'хвойный, преимущественно сосновый лес на сухом месте' (СРГК), *верховина* 'возвышенное место, пригорок' (СРНГ), *кромина* 'край, кромка' (СРНГ), *мишарина* 'место, поросшее мхом' (СРНГ), островина 'остров' (СРНГ). Концовка *-ина* оформляет и многие иноязычные основы, ср. известные в русских говорах Карелии *ламбина*, *лахтина*, *кусрина*, *кедовина*, *мяндина* и др., что позволяет предполагать в качестве доономастических образований и приведенные выше в ряду топонимов **салмина* (вепс. *salm* 'пролив'), **Коровина* (вепс. *кага* 'бухта, залив') и др. Отсутствие четкого ареала, а также значительное число подтверждаемых диалектными словарями лексем на *-ина* заставляют усомниться в онимной функции суффикса в приведенных и подобных им оронимах.

¹¹ Столь, казалось бы, обычная для ойконимии модель имеет в Присвирье чрезвычайно ограниченный островной ареал распространения и привлекает к себе внимание своей необычностью на фоне массовых отантропонимных образований на *-ово/-ево* (*Лизаново*, *Леоново*) и *-ино* (*Григино*, *Макарьино*). Ближайшие аналоги пашским ойконимам на *-ка* расположены за юго-западными пределами бассейна Свири, откуда, видимо, распространились и в западное Присвирье.

«славизации» иноязычных названий: р. *Паешка*, *Сарка* (= *Сарожка*), *Корбойка*, *Вадожка*, *Рыбежка*, *Ягремка*, *Вилижка*, *Муромка*, *Каномка*. Деминутивная семантика просматривается лишь при существовании пар гидронимов типа р. *Пидьма* и рядом меньшая размерами р. *Пидемка*, р. *Лублога* и ее приток р. *Малая Лубложка*, р. *Шадьма* с притоком р. *Шадемка*. В ряде случаев формант присоединяется к осложненной другими производящими суффиксами основе: ср. параллельно существующие варианты потамонимов *Шордина* и *Шординка*, *Аштина* и *Аштинка*, *Савина* и *Савинка*, *Остречина* и *Остречинка*, *Важина* и *Важинка* и др., где основа оформлена суффиксом *-ин*. Присоединение суффикса к осложненной производящей основе, а также употребление двух форм от названий гидрообъектов — с *-ка* и без него — говорит о довольно позднем закреплении суффикса в перечисленных названиях и о вторичности образований с ним.

Формант применяется как некий адаптатор, облегчающий вхождение иноязычных топонимов в русскую топонимическую систему. Присвирья и на микротопонимном срезе, ср. названия полей: *Кайдушки*, *Кангушка*, *Коверашки*, *Коккушка*, *Копушки* [Чикозеро Поди.].

Для суффикса *-ик*, который принято считать мужским вариантом *-ка* (напр., Топоров, Трубачев 1962, 94) и который продуктивен прежде всего в южном Присвирье в названиях ручьев, сенокосных и лесных урочищ, болот, иногда озер (*Грязник* руч., *Каменник* руч., *Коневик* руч., *Липовик* пк., *Смоленник* бол., *Тесовик* бол., *Холодник* омут [Волх.]), функция адаптации иноязычных топонимов абсолютна чужда. Тщательный анализ функционирования *-ик* в русской топонимии Присвирья прояснил, с чем это связано. Оказалось, что в действительности в нашем ареале он должен рассматриваться не как мужской вариант *-ка*, а как синоним суффикса *-ец*. Названные суффиксы используются в одной и той же функции, с одними и теми же основами, но дистрибутированы

ареально: *-ик* свойственен южному Присвирью, *-ец* же зафиксирован в северном — на собственно Свири (Муллерен 1999). Из этого следует, что *-ик* в качестве форманта, адаптирующего дорусскую топонимию, должен рассматриваться в одном ряду с микротопонимным *-ец* (*-ица*), обладающим, как мы выяснили, весьма незначительной активностью в этом плане.

-нь/-ня

Эта топонимная модель хорошо известна в восточнославянской и собственно русской топонимии. Ее ядро располагается в юго-западной зоне восточных славян — Украинском и Белорусском Полесье. Присвирье — далекая окраина ареала. При этом топонимы на *-нь/-ня* — всего около двух десятков названий — сосредоточены преимущественно в западной части Присвирья, в границах Ладого-Тихвинской диалектной зоны, сформировавшейся в результате относительно раннего и активного русского освоения. В целом, материал Присвирья подтверждает наблюдения З. В. Рубцовой о малой продуктивности форманта за границами русских княжеств XII в. (Рубцова 1980, 139).

Анализируя гидронимы на *-нь/-ня* в Верхнем Поднепровье, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев склоняются к мысли об изначальном адъективном функционировании суффикса, хотя со временем он становится характерным топонимным показателем, а образованные с его помощью названия начинают восприниматься как существительные (Топоров, Трубачев 1962, 116). Адъективное происхождение улавливается в некоторых присвирских топонимах с финалью *-ня*: *Мошня* пк. [Волх.]; *Гложовня* ур., *Хвошня* о. [Тихв.]; *Гнильня* д. [Лод.], хотя чаще оно уже стерлось: *Прислонь* пл., *Шершень* пл., *Бубень* ур. [Тихв.]; *Барыня* пк., *Горбунь* оз. [Лод.]; *Заблудня* пк., *Одойня* ур. [Подп.]; *Кукурня* пл. [Прион.].

Ряд примеров — впрочем, очень ограниченный — подтверждает, что формант способен вести себя как структурный элемент, приспособливающий, адаптирующий иноязычное название к русскому языку: *Гумбарня* пк. (ср. приб.-фин.

humbar 'ступа'), *Кирвезень* оз. (возможно, связано с прибалтийско-фин. *kirvez* 'топор' — основа, бытующая в прибалтийско-финских, особенно карельских лимнонимах), *Пельчужень* оз. (ср. в верховьях р. Ояти оз. *Pölč ~ Pölčiine*, с основой *Pölčiž-*), *Костежня* оз. (ср. *Костозеро* оз., *Костушки* бол. в Присвирье) — все на нижней Ояти, в районе с. Имоченицы, известного как место, рано попавшее в сферу русского языкового воздействия. Для лимнонимов это сугубо локальная адаптационная модель, построенная по русским лимнонимным образцам (ср. *Горбунь* оз. в этом же районе).

-ов/-ев, -ин

Среди суффиксов, функционирующих в Присвирье с иноязычными основами, особого внимания заслуживают лишь посессивные -ов/-ев и -ин, и, конечно же, -ичи / -ицы. Последний, за минимальным исключением, используется именно для «славизации» прибалтийско-финских ойконимов. Что же касается посессивных -ов/-ев и -ин, то исключительная продуктивность в русском топонимобразовании, очевидно, повлекла за собой и их функционирование с иноязычными основами. При этом образцом послужили соответствующие русские модели посессивных топонимов (ср. д. *Конево*, *Фомино*, *Мошкино*, *Исаково*, *Ушаково*, *Яковлево*). Далее приводятся некоторые примеры: *Куково* пл., *Мечева* д., *Тойвино* пк. [Волх.]; *Вяльгино* д., *Выяксово* пк., *Кожлино* ур., *Конжаково* пл., *Кургино* д., *Лембово* хут., *Пирзаково* ур., *Сурьино* пк., *Чаврино* пл. [Тихв.]; *Валово* бол., *Гайгово* д., *Куйвино* пк., *Кокоево* д., *Комбаково* д., *Кяргино* д., *Ламбасово* пл., *Перино* д. [Лод.]; *Керзино* д., *Колкачево* д., *Кургина Гора* д., *Кургово* д. [Прион.]. Эта группа особенно интересна тем, что в основе целого ряда перечисленных выше названий обнаруживаются достоверные прибалтийско-финские антропонимы:

Кургина Гора д., *Кургин Наволок* пк., *Кургово* д. [Подп.]; *Кургино* д. [Тихв.]: в основе просматривается прибалтийско-финский антропоним *Kurki* (вепс. *Kurg*),

восходящий к соответствующему апеллятиву со значением 'журавль'. Этот древний антропоним бытовал в именослове всех прибалтийско-финских народов

Керзино д. [Поди.]: *kärz* 'некрасивое, безобразное лицо'. Антропоним известен и по ПКОП XVI в., где отразился в названии деревни *Керзоевская* в вепсском Прионежье в Шокше (ПКОП, 110)

Мегрино д. [Лод.], *Мягрино* д. [Тихв.]. Возводятся к вепсскому антропониму **Mägr* (< *mägr* 'барсук'), параллели которому известны во всяком случае в карельском и финском ономастиконе

Коково д. [Лод.]. В основе ойконима реконструируется одно из наиболее широко распространенных, судя по средневековым письменным документам, древних прибалтийско-финских личных имен: ср. фин. *Kokko*, *Kokko* (Forsman 1891, 127, 249), эст. *Kock*, *Cock(e)*, лив. *Kocke*, *Cokes* (Stoebke 1964, 38—39). Антропоним, очевидно, в виде **Kokko* бытовал у карел-ливвиков и в виде **Koko* (ср. в Присвирье ойконимы *Kokoil* и *Коковичи*) у вепсов (Муллонен 1994, 87—88)

Тойвино д., *Тойвино* пк. [Лод.]; *Тойвино* пк. [Волх.]. Видимо, названия возводятся к древнему прибалтийско-финскому антропониму *Toivo*, *Toivottu*, входившему в число бесспорных прибалтийско-финских дохристианских имен (Kiviniemi 1982, 36, 40). Топонимные примеры Присвирья подтверждают его прежнее бытование и в вепсском ономастиконе

Куково пл. [Волх.]. Топоним входит в один ряд с вепскими ойконимами (ср. д. *Kukei* в составе с. Шелтозеро, д. *Kuko* ~ *Kukoimägi* в с. Ладва на Ояти), в которых отразился вепсский антропоним **Kuko* < *kuko* 'петух' — см. подробнее Муллонен 1994, 98)

Игово бол. [Тихв.]. При этимологических подходах к названию нельзя пренебрегать возможностью сопоставления его с известным практически всем прибалтийскофинским именословам дохристианским личным именем *Iha*, *Iho*

(Kiviniemi 1982, 38). Данная основа, осложненная антропонимным суффиксом -k (Ihak), представлена, очевидно, также в ойкониме *Игокиничи*, названии приоятского села.

Широкое распространение суффиксов -ов/-ев, -ин в русской топонимии региона привело со временем к ослаблению их посессивной функции и появлению топонимов типа *Вересково*, *Клочково* и др., где формант выступает, скорее, в качестве своеобразной «метки» топонима (в специальной литературе иногда говорят в таких случаях о топонимической функции суффикса). В составе адаптированных географических имен также присутствует целая группа названий, образованных от прибалтийско-финских неантропонимных основ:

Гейнино пк. [Лод.], ср. вепс. hein 'сено'

Кижев остров (с вариантом *Кижский*) [Лод.], ср. приб.-фин. kiidži, kiidžin 'мох, растущий на дне водоемов' (см. подробнее о следах данной основы в вепсской топонимии Муллонен 1994, 58)

Гайгово д. [Лод.] на мысу, образуемом р. Оять: ср. приб.-фин. haikka 'мыс' (Kiviniemi 1990, 76). Многочисленны следы употребления данной основы в карельской топонимии (Nissilä 1975)

Сурьино пк. [Тихв.], ср. вепс. sürg 'край, бок, сторона' или 'возвышенность, гора'.

Данная модель известна на всей территории Присвирья, хотя наибольшая ее активность заметна в нижнем течении Ояти. Можно констатировать, что нигде в остальном Присвирье нет такой концентрации топонимов на -ов/-ев, -ин с нерусскими основами. Именно здесь — в окрестностях сел Имоченицы, Алеховщина, Соцкий Погост — расположена основная масса топонимов указанного типа с прибалтийско-финскими антропонимными основами.

Нижняя Оять — это основной ареал распространения ойконимов на -ичи/-ицы, в основном также восходящих

к дорусским антропонимным основам. В связи с этим встает вопрос о том, где пролегла граница между двумя адаптационными моделями: с одной стороны, *-ичи/-ицы* (а вернее, *-овичи/-овицы*, *-иничи/-иницы*), а с другой, *-ов/-ев*, *-ин*. Была ли это хронологическая граница? Хотя некоторые основания для такого предположения есть (ср. присутствие *-ичи/-ицы* в названиях центров погостов Обонежской пятины, раньше других ойконимов попавших в сферу русского употребления), все же абсолютизировать этот критерий нельзя, поскольку за временными рамками продуктивности определенных моделей стоят свои причины. Нам представляется, что в основе ойконимов на *-ичи/-ицы*, с одной стороны, и *-ов/-ев*, *-ин*, с другой, находятся разные прибалтийско-финские оригиналы. Ниже, при анализе ойконимов на *-ичи/-ицы* будет обращено специальное внимание на то, что эта модель использовалась для интеграции ойконимов с формантом *-I*: *Vingl* > *Винницы*, *Reboil* > *Ребовичи*. Что же касается адаптационной модели *-ов/-ев*, *-ин*, то прибалтийско-финский оригинал, очевидно, имел здесь другую структуру (без *-I*). Подтверждением служат современные вепские ойконимы и их русские соответствия: *Fenk* — *Феньково*, *Savič* — *Савичево*, *Norj* — *Норгуно*, а также *Laškagj* — *Лашково*, *Lutimägi* — *Лутохино*, *Grišamägi* — *Гришино*, *Konoimägi* — *Кононова Гора* или *Кононово*, *Pirhumägi* — *Перхина Гора*.

-ичи/-ицы

Наиболее выразительным в смысле адаптационных возможностей ойконимным суффиксом региона Присвирия является *-ичи/-ицы* (точнее, *-овичи/-овицы*, *-иничи/-иницы*). В славянской ономастике общепризнаны праславянские истоки и общеславянская сущность ойконимной модели на *-ичи* (<*-itji). Считается, что топонимы на **itji* совпадают с ареалом распространения восточнославянских племен, а расширение ареала свидетельствует об освоении земель восточными славянами. Изначально они присваивались родовым сельским поселениям и в основе их лежали патронимы (Купчинский 1980). Каковы же особенности функционирования

этой имеющей славянские истоки модели на далекой северо-восточной окраине ареала и на какие выводы этноисторического характера они наводят?

В Присвирье модель *-ичи/-ицы* (существование двух фонетических вариантов обусловлено, очевидно, реликтами цоканья, сохранившимися в говорах после перехода к различению *ц* и *ч* (Аванесов 1949, 134) распространена неравномерно (рис. 2). Массив ее сосредоточен в нижнем течении Ояти, по мере удаления от этого ядра на север, восток и юг активность модели заметно падает. Восточная граница ареала проходит в верховьях Ояти и Капши, южная — по линии, отделяющей бассейн Ояти и Капши от Паши. Надо полагать, что в Присвирье модель ойконимов на *-ичи/-ицы* продвинулась из Поволжья. Она документально засвидетельствована на Ояти, во всяком случае уже в XIII веке в приписке к Уставу Святослава Ольговича, где зафиксированы топонимы «в *Тервиничех*» (совр. *Тервиничи*) и «у *Вьюнице*» (совр. *Винницы*).

На фоне традиционной славянской ойконимии с суффиксом *-ичи/-ицы*, а также распространенной в более западных бывших новгородских местах, присвирская обладает безусловной спецификой, ибо названий типа *Федотовичи* или *Ершиничи*, в которых формант присоединяется к русской основе, буквально единицы. Абсолютное большинство ойконимов данной модели имеет нерусскую основу: *Уштовичи*, *Вачукиницы*, *Рекинич*, *Миринич*, *Куневичи*, *Гуреничи*, *Герпиничи*, *Веченицы*, *Шангеничи*, *Шутиницы*, *Шириничи*, *Чимкиницы*, *Погаченицы*, *Согиницы* и др. Складывается впечатление, что в Присвирье это прежде всего модель для адаптации иноязычных ойконимов. При этом в ее использовании намечаются явные закономерности: она функционирует исключительно в ойконимии, причем имеющей (или имевшей) совершенно определенный прибалтийско-финский оригинал — ойконимы с *-l*-овым формантом. Об этом убеди-

тельно свидетельствуют прибалтийско-финские и русские варианты ойконимов в вепсском и карельском Присвирье: *Nirgl* — *Ниргиничи*, *Karhil* — *Каргиничи*, *Šond'al* — *Шондовичи*, *Vingl* — *Винницы*, *Sagil* — *Согиничи* и т. д. Исходя из этого, правомерно предполагать, что на смежной обрусевшей территории по крайней мере часть ойконимов с показателем *-ичи/-ицы* — это скрытая русской адаптацией прибалтийско-финская *-l*-овая ойконимия. Это предположение находит подтверждение в упоминавшемся уже дополнении к Уставу Святослава, в котором название села *Юксовичи* с верхней Свири приведено в форме *Юскола*, т. е. и здесь русский суффикс *-ичи* замещает приб.-фин. *-l*-овый оригинал.

Почему для адаптации или замещения *-l*-овой ойконимии в Присвирье была использована именно древнерусская модель на *-ичи/-ицы*? В связи с анализом вепсской модели мы предположили, что причиной могло быть семантическое родство основ прибалтийско-финских ойконимов с суффиксом *-l(a)* и древнерусских с суффиксом *-ичи/-ицы* (Муллонен 1994, 76). Топонимная модель на *-ичи* возникла в результате переноса наименований отдельных родовых объединений, общин, дворищ, игравших функцию заселителей, на занимаемую ими территорию. В результате подавляющее большинство ойконимов на *-ичи* имеет отантропонимное происхождение. Это подтверждают материалы новгородских писцовых книг XV—XVI вв., в которых из зафиксированных 120 ойконимов данного типа более 100 образовано от антропонимов (Полковникова 1970, 191—192).

Отантропонимные истоки присущи и прибалтийско-финской, в том числе карельской и вепсской, *-l*-овой ойконимии: *Rahkoil* (*Рахковичи*) — ср. древнее приб.-финское личное имя *Rahkoi*; *Reboil* (*Ребовичи*) — ср. приб.-финский, т. е. известный всем древним именословам прибалтийско-финских языков, антропоним *Reboi* (см. подробнее Муллонен 1994, 87—97). При этом в вепсской ойконимии *-l*-овая модель функционирует практически исключительно в названиях, восходящих к дохристианским и нехристианским вепсским именам, среди

карельских ойконимов этого типа есть образования как от христианского, так и нехристианского именослова.

Несомненная аналогия в семантической характеристике основ прибалтийско-финской ойконимии на *-l* и древнерусской на *-ичи/-ицы* могла послужить основанием для использования данной русской модели в процессе адаптации вепских *-l*-овых названий. Добавим к этому, что в основе многих ойконимов на *-ичи/-ицы*, бытующих на смежной с ареалом вепского и карельского заселения русской территории Присвирья, возможно реконструировать прибалтийско-финский антропоним (ср. *Мустиничи*, *Валданицы*, *Имоченицы*, *Курикиничи* и др.), что еще раз свидетельствует в пользу *-l*-ового оригинала названий на *-ичи/-ицы* в этом ареале:

Валданицы д. [Лод.]. В основе названия восстанавливается вепский антропоним *Vald, аналог широко известного в средневековом прибалтийско-финском мире личного имени Valta, Valto (Forsman 1891, 165), восходящего к valta 'сила, мощь, господство'. Д. Штобке, реконструировавший систему древних прибалтийско-финских личных имен, отнес его к числу выделенных им 23 древних имен, составляющих основу прибалтийско-финского именослова (Stoebke 1964, 130—135, 140)

Имоченицы д. [Лод.]. Реконструирующийся вепский оригинал топонима — *Himačal — восходит к вепскому антропониму *Himaš с семантикой 'желанный, долгожданный (ребенок)'

Курикиничи д. [Тихв.]. Многочисленны свидетельства письменных источников и устной традиции о распространении антропонима Kurikka, Kurik, Kurikku в прибалтийско-финском мире — у финнов, карел, эстонцев (Forsman 1891, 247, 229; Stoebke 1964, 41; Mägiste 1929, 33; Simm 1973, 187; Чистов 1958, 371). В основе антропонима прибалтийско-финское слово kurikka 'дубина, колотушка для колки дров' известное и вепсам. В. Ниссиля называет данную основу в ряду тех антропо-

нимов, которые образованы от лексем, содержащих указание на профессию или орудие труда (Nissilä 1975, 152). Вероятнее, впрочем, исходить из другого мотива, связанного с переносным значением лексемы, ср. вепс. *kurik* 'башка', ливв. *kurikkureä* 'большая голова' (Макаров), *kurikkareä* 'большеголовый ребенок' (KKS), *kurikpiä(tširvoi)* 'головастик' (Kujola). Судя по ливвиковским и людиковским материалам, хранящимся в картотеке Института ЯЛИ КНЦ РАН, слово характеризуется еще и дополнительным негативным оттенком 'пустоголовый', продуктивным для образования прозвища. О его бытовании в вепсском языковом ареале свидетельствуют также ойконимы *Kurik/mägi* ~ *Kurikan/mägi* у южных вепсов и *Курикова Горка* [Ладва Прион.] на бывшей вепсской территории

Мустиничи д. [Лод.]. В основе названия реконструируется вепсский антропоним **Must*, **Mustoi* (из вепс. **must* 'черный'), сопоставимый с фин. и кар. *Musta* (Nissilä 1975, 142), эст. *Must*, *Musta* (Kettunen 1955, 79, 255). Оно неоднократно фиксируется в письменных документах XVI—XVII вв., относящихся к территории восточной Финляндии, Карельского перешейка, северного Приладожья (SN); в ПКОП — *Иванко Мустар*, *Мустоев* (Попов 1949, 57)

Важную этноисторическую информацию содержит ареал названий с суффиксом *-ичи* в Присвирье. Сопутствуя *-l*-овой ойконимии, он не перекрывает, однако, ареал последней полностью. В частности, заметно отсутствие русской модели на *-ичи/-ицы* в южных пределах *-l*-овой ойконимии. Названия населенных пунктов с суффиксом *-ичи/-ицы* распространены на Ояти (особенно в нижнем течении реки), на Свирско-Оятском водоразделе, на Свири, причем здесь ареал не поднимается до самых верховий реки, а граница проходит примерно в районе с. Важины, здесь же на Свири располагается и северо-восточная граница ареала *-l*-овой ойконимии.

Модель с формантом *-ичи/-ицы* известна также за северными границами Присвирья, в бассейне р. Олонка, т. е. на территории расселения карел-ливвиков: *Кунилицы* (*Kunil*), *Иммалицы* (*Immal*), *Юргилицы* (*Jurgil*), *Таралицы* (*Taral*), *Судалицы*

/ *Судалица* (*Sudal*), *Чимилицы* (*Čimil*), *Оньюкулицы* (*Onkul*) и др. В приведенных примерах обращает на себя внимание присутствие карельского форманта *-l-* в составе русского адаптированного названия: *Юргилицы* < *Jurgil*. В южном Присвирье, как уже отмечалось, русский формант выступает своего рода заместителем вепского *-l-*: *Каргиничи* < *Karhil*. Однако в прошлом модель адаптации, существующая в восточном Приладожье, была аналогична присвирской. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы писцовых книг Обонежской пятины XVI и XVII вв. Современным формам *Кунилицы*, *Иммалицы*, *Татчалицы*, *Юксилицы* соответствовали в XVII в. *Куневилы* (или *Куневичи*), *Иманилы*, *Тачинилы*, *Юксенилы* (ПК). Более того, формы на *-илы* были употребительны тогда и для целого ряда ойконимов, официальный облик которых позднее (ср. данные СНМ 1935) стал представлять собой транслитерацию карельского оригинала:

ПК XVII в.	СНМ 1935 г.	Карельские ойконимы
<i>Ругоница</i>	<i>Ругойла</i>	<i>Rugoilu</i>
<i>Тотойлы</i>	<i>Тоттейла</i>	<i>Totteilu</i>
<i>Киролечи</i>	<i>Керойла</i>	<i>Keroilu</i>
<i>Тимоничи</i>	<i>Тимойла</i>	<i>Timoilu</i>
<i>Хейтоничи</i>	<i>Гейтойла</i>	<i>Heittoilu</i>
<i>Каранилы</i>	<i>Каройла</i>	<i>Kuaroilu</i>
<i>Валовичи</i>	<i>Валойла</i>	<i>Valoilu</i>

Сопоставляя эти списки, надо, очевидно, признать, что традиция использования русской адаптационной ойконимной модели с формантом *-ичи* была в западном Приладожье со временем в значительной степени утрачена. Предпосылки для этого прослеживаются уже в материалах писцовых книг, сви-

детельствующих о значительной непоследовательности в передаче карельской *-l*-овой ойконимии на русский язык в ливвиковском Приладожье. Наряду с моделью на *-ичи/-ицы* довольно широко использовался тип прилагательного на *-ская*: *Кожинская* — совр. *Кожала*, *Ячинская* — совр. *Яккойла*, *Тепулская* — совр. *Теппула*, *Олексинская* — совр. *Алексала*, *Хомовская* — совр. *Гомала*, *Унетская* — совр. *Унойла*, *Шаринская* — совр. *Шаройла* и др. Зафиксированы также случаи использования модели с *-ево*: *Пяткуево* — совр. *Пятчила*, *Токачево* — совр. *Текутчула*, *Тюккуево* — совр. *Тюккула* и некоторые другие. В западном Приладожье, на северной границе Присвирья, существовал, таким образом, определенный разницей в передаче карельской *-l*-овой ойконимии на русский язык, и модель с формантом *-ичи/-ицы* занимала далеко не господствующее положение, а была лишь одной из возможных. Видимо здесь, на северо-западной окраине ойконимного ареала *-ичи/-ицы* модель не работала уже столь безотказно, как, например, в центре ареала — на нижней Ояти. Кроме того, и в современном, и в восстанавливаемом по материалам XVII в. приладожском ареале просматривается определенная закономерность: ойконимы с формантом *-ичи/-ицы* концентрируются в юго-западной части Олонецкого района, еще точнее — в южной части бассейна Олонки. Особенно много их вокруг Олонца. По мере удаления от этого центра продуктивность типа практически сходит на нет (за исключением некоторого всплеска активности в Сямозерье). И это при том, что ареал *-l*-овой ливвиковской ойконимии, послужившей основанием для использования русской адаптационной модели *-ичи/-ицы*, распространяется значительно дальше на север, в глубь Олонецкого перешейка.

Эти ареальные закономерности подтверждают, таким образом, присвирский центр распространения модели *-ичи/ -ицы* в смежную зону Приладожья, которое, видимо, должно рассматриваться как северная периферия Присвирья. В Карелии обнаруживается, однако, и вполне самостоятельный локальный ареал модели, расположенный на Заонежском полуострове и в примыкающем к нему с севера Выгозерье (рис. 3). Заметим сразу,

что здесь, в северном Обонежье, продуктивность этой ойконимной модели незначительна. С привлечением письменных источников разного времени — от ПКОП конца XV в. до СНМ 1935 г. — удастся восстановить немногим более десятка названий. При этом примечательна их локализация: *Кургеницы*, *Клименицы*, *Погаченицы* / *Пахиничи*, *Типиничи* расположены на южной оконечности Заонежского полуострова — на Клименецком острове и в его окрестностях, а *Паяницы*, *Кайбиницы*, *Паханичи*, *Кехтменицы*, *Юрговичи* (в ПКОП 1496 г. *Верговичи*) — в северо-восточном конце полуострова, в окрестностях Шуньги. На остальной территории Заонежского полуострова модель отсутствует. Зато она представлена несколькими примерами, среди которых *Койкиницы*, *Тайгиничи*, *Тиконицы*, *Кяменицы*, *Пижиничи* на водоразделе Онежского озера и Выгозера, на Выгозере и в верховьях р. Сумы. Еще несколько ойконимов данного ареала с формантом *-ицы* (типа *Возрицы*, *Тамбицы*) скорее все же вторичны в качестве названий населенных пунктов и восходят к соответствующим названиям рек (*Возрица*, *Тамбица*) с продуктивным для гидронимии русским адаптационным суффиксом *-ица*. От ойконимов на *-ичи/-ицы* их отличает отсутствие элемента *-ин-* перед формантом.

Ареал ойконимов на *-ичи/-ицы* в северном Обонежье явно накладывается на тот путь, по которому проходила новгородская миграция из Присвирья в Заонежье и затем в Беломорье. Этот транзитный путь реконструируется, например, по данным новгородских изгонных книг XVI в., в соответствии с которыми дорога шла от Великой Губы через Шуньгу и Повенец до Масельги, а от Масельги на Выгозеро. Н. Я. Озерецковский, подробно описывающий этот путь в начале XIX в., отмечает, что «сим озером [т. е. Выгозером. — И. М.] 20 верст водоходствуют до деревни Койкиниц» (Озерецковский 1989, 154). От Выгозера водно-воло-

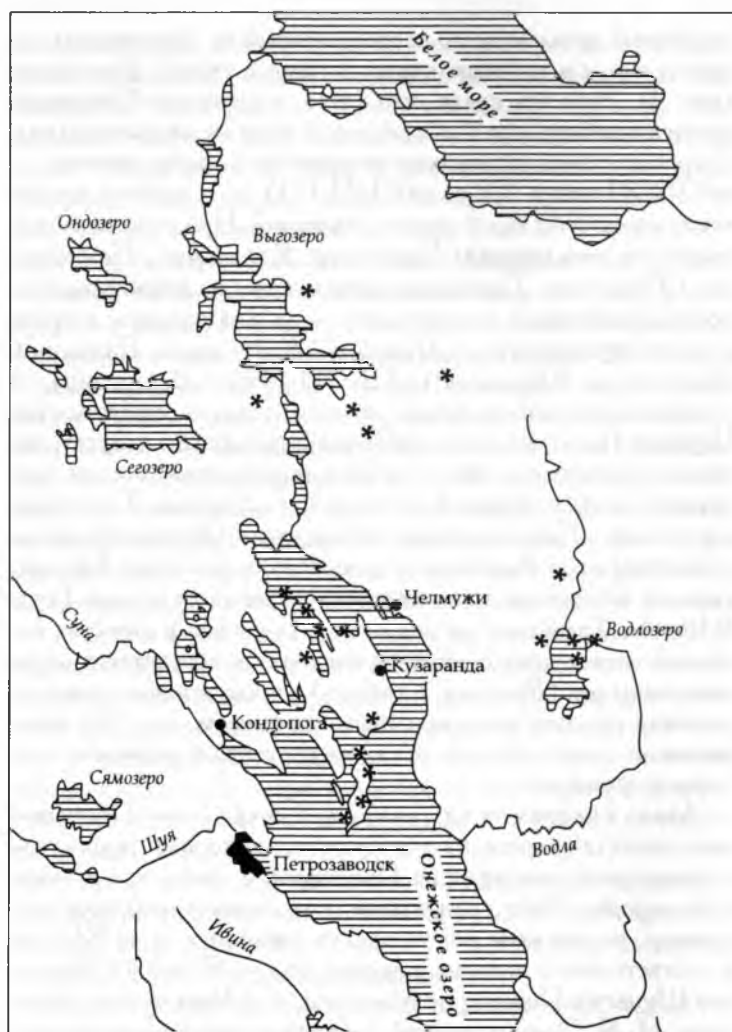

Рис. 3. Ойконимы на *-ичи*/*-ицы* в Заонежье и Пудожье
 * — формант *-ичи*/*-ицы*

ковой путь поворачивал резко на восток и шел на Сумозеро, откуда далее по Суме до Белого озера (Голубцов 1950, 286). Изоглосса, отражающая распространение ойконимов с формантом *-ичи/-ицы* в северном Обонежье, накладывается именно на этот древний транзитный путь.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что здесь, в северном Обонежье, модель на *-ичи/-ицы* используется, как и в Присвирье, для адаптации иноязычных топонимов. Среди названий с данным суффиксом практически нет образований от русских антропонимов. Наоборот, прибалтийско-финские антропонимные основы явны в некоторых здешних ойконимах. Об этом свидетельствуют следующие примеры с территории северного Обонежья:

Кургеницы, ср. широко известный в древнем прибалтийско-финском ономастике дохристианский антропоним Kurki. Истоки его, как и многих других древних имен, в апеллятивной лексике, ср. фин. kurki, кар. kurki, kurgi, вепс. kurg 'журавль'

Пахиничи или *Погаченицы* на Клименецком острове (обе формы приводятся в ПКОП 1563 г.): в основе возможно предполагать прибалтийско-финский антропоним прозвищного характера Paha, Pahač 'плохой' и реконструировать оригинал в виде **Pahala*, **Pahila* (Агапитов 1994, 26) или **Pahačala*. Аналогичное происхождение имел, видимо, и упомянутый в том же источнике XVI в. топоним *Паханичи* («а се в Паханичах») в Шунгском погосте

Кайбиницы (ПКОП, 4), ср. группу древних прибалтийско-финских личных имен с основой Kaіra- 'долгожданный, желанный (ребенок)'. Имя встречалось у всех прибалтийско-финских народов, в том числе у карел (Nissilä 1975, 124) и вепсов (Муллонен 1994, 93)

Койкиницы, ср. зафиксированный в средневековых источниках финский, а также карельский антропоним Koikka прозвищного характера, по-видимому, восходящий

к апеллятиву *koikka* 'длинноногий, сгорбленный (о человеке и животном)' (SN)

Тайгиницы, ср. известное во всяком случае карельскому именовслова *Taikina* (Nissilä 1975, 152—153). Видимо, антропоним, восходящий к приб.-финской (фин. *taikina*, кар. *taikina*, *taigin(a)*, вепс. *taigin*) лексеме со значением 'квашня (посуда для закваски теста)', имел прозвищный характер.

Безусловные аналогии в функционировании модели в Присвирье и в северном Обонежье наводят на мысль о генетическом родстве присвирского и заонежского ареала топонимов на *-ичи/-ицы*. Они позволяют предполагать, во-первых, *-l*-овый оригинал для заонежских примеров (**Kurgila*, **Kaibala*), во-вторых, проникновение обеих моделей — и прибалтийско-финской, и русской — в Обонежье из Присвирья в процессе освоения севера. По пути, известному прибалто-финнам (вепсам), хотя, видимо, и редко заселенному ими (если судить по малочисленности ойконимных примеров), проходила и древнерусская миграция на север.

Все известные современные ойконимы Заонежья с формантом *-ичи/-ицы* отмечаются уже в писцовых книгах XV в. Более того, в них приводятся и утраченные позднее названия поселений, образованные по этой модели. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что ойконимный тип *-ичи/-ицы* утратил свою продуктивность в этом ареале во всяком случае к концу XV в., а может быть и раньше. Существует достаточно обоснованная гипотеза о том, что колонизация Заонежья извне завершилась к концу XV в., а массовое освоение русскими Заонежья следует отнести ко времени не ранее XIV в. (Витов, Власова 1974, 182, 189).

Еще один локальный ареал ойконимов на *-ичи/-ицы* обнаружен нами в восточном Обонежье, конкретнее в Водлозерье, где известны д. *Рахойла*, а также *Курдилово* или *Кургилово*, *Дешалово*, *Босилово*, в которых конечное прибалтийско-финское *-ла* несколько затушевано присоединившимся в процессе русской адаптации притяжательным суффиксом (Муллонен 1995, 196). Добавим еще зафиксированные Сотной на Водлозерскую волость от 1568—1569 г. «дер. на

Иголове горе» (< приб.-фин. *Ihal от древнего антропонима Iha) (Материалы 1972, 450), а также ПКОП 1563 г. дер. *Пытилова* с вариантом *Пытилиницы* (совр. *Путилово*), дер. *Коркиничи* с вариантом *Коркила* (ПКОП, 173, 175). Не исключено, что ойконимы *-l*-ового типа скрываются и в упоминающихся в последнем источнике топонимах *Гостилов наволок* (совр. *Гостьнаволок*) и *Важелнаволок*. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. содержат косвенные топонимные указания на двуязычие местного населения Водлозерья в то время. Об этом свидетельствуют, в частности, переводные топонимы: «Дер. на *Медвежье наволоке* словет на *Конде наволоке*» (ПКОП, 173): вепс. kondi 'медведь'; «Дер. на *Воронье Поле* словет в *Варишпалды*» (ПКОП, 175): вепс. varis 'ворона', peld 'поле'. К ним фактически примыкают и выявленные пары ойконимов, в которых приб.-фин. *-l*-овый суффикс передается через рус. *-ичи/-ицы*.

Намечаются, таким образом, определенные хронологические рамки бытования ойконимной модели *-ичи/-ицы* на северо-восточной периферии ареала данного топонимного типа. На Ояти, как уже отмечалось, она была известна в XIII в., хотя, возможно, и имела тогда более ограниченное распространение (ср. ойконим, известный в XVI в. в форме *Юксовичи*, в XII в. зафиксирован в виде *Юскола*). О. А. Купчинский, проанализировавший хронологические и географические рамки бытования древних славянских ойконимных типов **-itji* и **-jb*, заметил, между прочим, что отсутствие ареального параллелизма указанных моделей свидетельствует о более поздней славянизации земель. Оять, где сосредоточены ойконимы на *-ичи/-ицы* (< **-itji*) и полностью отсутствуют примеры на *-jb*, осваивалась русским населением уже в период непродуктивности последней модели, в XII—XIII вв. (Купчинский 1980, 60). Присутствие модели *-ичи/-ицы* в Заонежье и на Водлозерье, осваивавшемся позднее, види-

мо, надо рассматривать как свидетельство того, что еще в XIV—XV вв. она продолжала функционировать, хотя и в достаточно локальном ареале.

Возможно, в хронологии, особенно ранней, кроется причина отсутствия адаптационной модели на *-ичи/-ицы* на юго-западной окраине бассейна Свири, т. е. на Паше. Южная граница бытования модели в Присвирье четко отделяет Оять и Капшу от Паши. И это при том, что прибалтийско-финская ойконимия, послужившая на Ояти основанием для использования интеграционного типа *-ичи/-ицы*, известна и на Паше. Ее следы обнаруживаются в таких ойконимах Паши, как *Пудроль*, *Канжела*, *Тагала*, *Кайбола*, *Тапала*, *Чаголино*, *Имоллово* (в двух последних прибалтийско-финский оригинал на *-l* несколько завуалирован в процессе русского усвоения наращением характерных для русской ойконимии притяжательных формантов *-ино*, *-ово/-ево*). Показательно, что южная граница адаптационной модели на *-ичи/-ицы* совпадает с диалектной границей, разделяющей единую Ладого-Тихвинскую диалектную зону на два микроареала и проходящей с низовий Паши на Кондегу и Капшу (Герд 1994, 32—33). В соответствии с этим членением Паша входит в единый ареал с Сясью, Тихвинкой и в целом с восточным Поволховьем, очевидно, попавшим в ареал древнерусской колонизации раньше, чем расположенная к востоку от этой границы часть Присвирья. Видимо, отличался и сам характер освоения. Говоры Паши, входя в языковой регион Поволховья, исторически развивались, видимо, в условиях определенного превосходства русской языковой среды, сложившегося в результате достаточно плотного, массивированного новгородского заселения (Герд 1984, 180). В такой этноязыковой ситуации, как свидетельствуют некоторые топонимные данные, происходит прямое, фонетическое усвоение местных нерусских топонимов. Этот способ характерен, к примеру, для названий целого ряда озер на территории северо-западной России: *Селигер*, *Лудорь*, *Сяберо*, *Уверь*, *Ильмерь*, в которых конечный элемент восходит к прибалтийско-финскому *järvi* 'озеро'. Этот же способ отчетливо проявился и в наименованиях ручьев в западном Присвирье: *Маткуй*, *Леной*,

Кивое, *Кимоя*, которые восходят к соответствующим вепским оригиналам *Matkoja*, *Lepoja*, *Kivoja*, *Kimoja* с детерминантом *-oja* 'ручей' (см. подробнее в разделе «Полукальки»). С изменением этноязыковой ситуации, в условиях вепско-русского двуязычия и постепенного обрусения местного вепского населения меняется и адаптационная модель, появляются полукальки: *Сяргозеро*, *Савозеро*, *Кондозеро*; *Маткручей*, *Лепручей*, *Кивручей*, *Кимручей*. Граница распространения модели с переведенным детерминантом *-озеро* накладывается на упоминавшуюся уже диалектную границу, разделяющую северную и южную подгруппу Ладого-Тихвинской диалектной зоны, а модели *-ручей* — соответственно на границу, разделяющую Ладого-Тихвинскую и Онежскую группу говоров. Эти границы отражают, видимо, разные этапы русского продвижения на север.

Отмеченная особенность адаптации отразилась, видимо, и в усвоении прибалтийско-финского оригинала с *-l*-овым формантом: на Паше происходит фонетическое усвоение (*Кайбола* < вепс. **Kaibal*, *Пудроля* < вепс. **Pudrol*). На Ояти же и в целом на территории северной подгруппы Ладого-Тихвинской диалектной зоны — от Капши до Свири — прибалтийско-финский *-l*-овый оригинал подвергается своего рода «переводу»: *Ребовичи* < *Reboil*, *Харагиничи* < *Naragal*, *Имоченицы* < **Himačal*. Прибалтийско-финский ойконимный суффикс, отличительной особенностью которого было присоединение к антропонимным основам, замещается славянским ойконимным суффиксом, оформляющим антропонимные основы.

Ареал бытования описанной адаптационной модели не ограничивается северной зоной Ладого-Тихвинской группы говоров, а распространяется на северо-восток несколько шире и уходит в Заонежье, в зону Онежских говоров. Однако в отличие, например, от адаптационной модели на *-озеро* (*Сяргозеро*, *Палозеро*), широко известной по всему Русскому Северу, ойконимная модель, использовавшаяся для вос-

приятия в русский язык прибалтийско-финских наименований поселений, не получила значительного развития. Такая ситуация обусловлена, как нам представляется, несколькими моментами, прежде всего, относительной малочисленностью прибалтийско-финской *-l*-овой ойконимии и ранней утратой ею продуктивности, особенно в ареале вепсского расселения. В восточном Приладожье, т. е. в ливвиковском ареале, *-l*-овая модель сохраняла продуктивность дольше — на это указывает значительное число производных от христианских имен (типа *Isakkal, Kondroilu, Terpoilu, Il'l'al, Teroilu*), практически отсутствующих в вепсском ареале. Однако древнерусская колонизация в целом обошла ливвиковский Олонецкий перешеек стороной, так что адаптационная модель не смогла получить здесь значительного распространения.

Остальные присвирские суффиксальные модели не приобрели статуса продуктивных «интеграторов» иноязычной топонимии в русскую топонимную систему. Очень локально — в пределах одного гнезда поселений или волости — использованы суффиксы *-ник*: *Ояник* пл., *Гебаники* ур., *Рованики* ур., *Коверники* ур. [Вознесенье Поди.] и *-ище*: *Бабармище* ур., ср. вепс. *babarm* 'малина'; *Мадалище* пк., ср. вепс. *mađal* 'низкий'; *Пуртище* пк., ср. вепс. *purde* 'ключ, родник' [Чикозеро Лод.]. Значительно меньшее, чем может первоначально показаться, значение для интеграции прибалтийско-финских топонимов имеет суффикс *-ск-* (*-ский, -ская, -ское*). Большая часть названий на *-ск-* восходит не непосредственно к прибалтийско-финским оригиналам, а представляет собой вторичные образования от уже усвоенных в русскую топонимическую систему иноязычных топонимов: *Койжемская дорога* < *Койжема* д. (< **Koivžom*), *Лепуйское болото* < *Лепуй* руч. (< **Leroja*), *Пясельгское болото* < *Пясельга* ур. (< **Päsel'g*), *Риголское болото* < *Риголь* бол., *Рустегский ручей* < *Рустега* ур., *Чикорское озеро* < *Чикора* оз. (< **Čikar*) и др. Функция адаптации абсолютно несвойственна суффиксам *-уха/-уша* и *-иха*.

Сопоставляя активность использования тех или иных суффиксальных моделей для интеграции прибалтийско-финских названий с тем, насколько они в целом продуктивны в русской топонимии Присвирья, можно констатировать, что, как правило, здесь есть прямая связь: именно популярность форманта в русской топонимии приводит к распространению данной модели и на иноязычные топонимы. Это подтверждают многочисленные микротопонимные фиксации. На уровне собственно топонимии ситуация кажется на первый взгляд иной: суффиксы *-ина* и *-ица* малопродуктивны в русских по происхождению потапонимах Присвирья, а используются здесь прежде всего с иноязычными основами. Еще более выразительна ситуация с ойконимным формантом *-ичи/-ицы*, который в Присвирье выступает практически исключительно с дорусскими основами. Это, однако, не означает, что использовались форманты, непродуктивные в своей материнской топонимии. Они были, безусловно, продуктивны там, откуда продвинулись в вепское Присвирье носители русской топонимии, а отсутствие соответствующих образований от русских основ связано, очевидно, с тем, что ко времени русского освоения реки (а модели на *-ина* и *-ица* привязаны к рекам средней для Присвирья величины) имели уже свои устоявшиеся наименования, которые и адаптировались с помощью привычных русских речных суффиксов. С позиций устойчивости речных наименований такая реконструкция выглядит вполне естественно. Несколько сложнее с ойконимами на *-ичи/-ицы*, ибо существующая в Присвирье ситуация наводит на мысль о том, что в ареале бытования данной модели в процессе древнерусской колонизации практически не возникало новых, собственно русских гнезд поселений, а происходило подселение в уже существующие прибалтийско-финские.

Возвращаясь к мысли о достаточно ограниченном распространении суффиксального способа адаптации в Присвирье при продуктивности суффиксальной топонимии в русском Присвирье, причины этого явления следует искать в ареальной дистрибуции самих русских суффиксальных моделей.

Карта их распространения в Присвирье наглядно свидетельствует о неоднородности этой территории. Во-первых, намечается противопоставление запада (юго-запада) и востока (северо-востока) региона, проявляющееся в обилии суффиксальной топонимии в юго-западном Присвирье и скудости ее на северо-восточной периферии бассейна. Во-вторых, по целому ряду признаков Паша противостоит Ояти и собственно Свири (ср. гидронимная модель *-ица* на Паше и *-ина* в северной части Присвирья, отсутствие топонимов с суффиксом *-щина* на верхней Паше, продуктивность ойконимной модели *-ичи/-ицы* на Ояти, Капше и Свири при отсутствии ее на Паше). Намечающиеся по топонимическим свидетельствам границы в целом совпадают с диалектными, разделяющими Присвирье на две диалектные зоны — Онежскую и Ладого-Тихвинскую, в которой, в свою очередь, выделяется два микроареала: с одной стороны, Паша, с другой — Оять и Свирь (Герд 1984, 1994). На территории Ладого-Тихвинской зоны в соответствии с русской топонимной моделью суффиксация является основным способом образования топонимов, поэтому ей принадлежит важная роль и в адаптации дорусской топонимии. Однако по мере продвижения на восток растет удельный вес сложных названий, являющихся результатом калькирования прибалтийско-финских оригиналов (*Кив/ручей*, *Кив/наволо*, *Кив/остров*). В северо-восточном Присвирье, на территории русских онежских говоров калькирование с образованием сложных топонимов соперничает с суффиксацией, иногда выдвигаясь и на первые роли. Здесь полностью отсутствуют суффиксальные модели, маркирующие древнерусскую топонимическую систему (*-гость/-гоць*, *-ичи/-ицы*). За этим стоят, видимо, разные этапы русского освоения севера. Юго-западное Присвирье, отличающееся большей переработкой прибалтийско-финского пласта топонимов, характерными русскими топонимными моделями, вошло в сферу русского языкового воздействия раньше, чем северо-восточное. Отличался и сам характер прибалтийско-финско-русских контактов на разных участках Присвирья. В то время как на западе ареала, особенно в районе Паши, ощущаются следы определенного господства русской языковой среды, восточное Присвирье

развивалось в условиях прибалтийско-финско-русского двуязычия, постепенного обрусения местного прибалтийско-финского населения, продолжающегося и по сей день. Паша является самым «русским» районом Присвирья — и в силу вхождения в языковой регион Поволховья, и, видимо, как следствие языковых импульсов с юга и юго-востока, из Белозерья.

В заключение несколько слов об уникальном для Присвирья явлении — восприятию русской суффиксальной модели в вепское и карельское топонимообразование. Уникальным потому, что на фоне массовой интеграции прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Присвирья обратный процесс — проникновение русских моделей в вепское топонимообразование — редкость. Он ощущается прежде всего в усвоении некоторых топооснов, причем, как правило, в доономастическом состоянии. Собственно ономастическая интеграция на уровне топооснов проявляется в формировании ряда ойконимных моделей, когда термин, обозначающий тип сельского поселения (*Selišš*, *Usadišš*, *Slabad*), был усвоен только в топонимию и не получил распространения в апеллятивном употреблении (Муллонен 1994, 108). В ойконимии русское воздействие отражается и на уровне структурных моделей, например, в бытовании топонимов типа *Suř/tanaz*, букв. 'большой двор', в котором позволительно видеть дословный перевод русского *Большой Двор* или *Великий Двор*, закреплявшегося первоначально в новгородских землях за поселениями с двором феодала — новгородского боярина. За пределами Присвирья, в южновепском ареале, в вепском употреблении бытуют ойконимы на *-ou > -ō* (*Totorou*, *Bojou*, *Makō*, *Juhnō*) и *-in* (*Zaharín*, *Pāšin*, *Kiškin*), возникшие в результате усвоения русских посессивных моделей на *-ово* и *-ино*. Ойконимия — наиболее социально обусловленный класс географических названий, и проявление

в нем фактов русской интерференции вызвано совсем иными причинами, чем те, которые связаны с вепскими следами в русской топонимии Присвирья. Они обусловлены официальным статусом соответствующих русских ойконимных моделей, который оказывал воздействие на неофициальные вепские варианты.

Видимо, аналогичными причинами плюс необычайно большой продуктивностью модели в русском Присвирье вызвано проникновение в вепское топонимообразование суффикса *-šip*, восходящего к рус. *-щина*.

Формант *-щина* является, безусловно, наиболее продуктивным в русской топонимии Присвирья. Число образований с ним на порядок выше, чем с другими суффиксами. Он присоединяется преимущественно к антропонимным основам и функционирует в названиях сельскохозяйственных угодий, лесных урочищ, деревень: *Алеховщина* пл., *Зотовщина* д., *Макаровщина* д., *Орловщина* ур., *Рочевщина* пл., *Тимоньевщина* ур., *Харитоновщина* д., *Царевщина* д., *Щуковщина* д. [Волх.]; *Батьковщина* хут., *Громовщина* пк., *Исаковщина* пл., *Марковщина* ур., *Мишуковщина* пл. [Тихв.]; *Адамовщина* д., *Алеховщина* д., *Беляевщина* пк., *Борисовщина* пк., *Быковщина* пк., *Гришевщина* пл., *Ивановщина* пл., *Корсаковщина* д., *Патрушовщина* пл., *Смольковщина* пк., *Телеговщина* д., *Яровщина* д. [Лод.]; *Аверковщина* пл., *Грибановщина* д., *Дарьевщина* пл., *Кисляковщина* пл., *Кошковщина* ур., *Локтевщина* пк., *Сергеевщина* пк., *Тихоновщина* ур., *Щеголевщина* пл. [Под.]; *Баклановщина* пл., *Гордеевщина* д., *Диковщина* ур., *Коргуевщина* д., *Косяковщина* пк., *Красковщина* пл., *Мурашовщина* пл., *Огурцовщина* пк., *Рябиновщина* пк., *Фомичевщина* пк. [Прион.].

Из примеров явствует, что в основе топонимов данной модели лежит антропоним — имя, фамилия (*Жуковщина* < фам. Жуков, *Пономаревщина* < фам. Пономарев), прозвище владельца земельного участка, основателя или жителя мало-дворной деревни, хутора, выселка. Видимо, первоначально антропоним отражал особые отношения собственности на землю.

Некоторые образования носят вторичный характер, на что указывают параллельно существующие варианты: ср. *Калачевщина* — *Калачева д.*, *Булатовщина* — *Булатовский пк.* [Лод.]; *Коргуевщина* — *Коргуева* — *Коргуевская д.* [Прион.]. В топонимах *Голошевщина* пл. (< *Голошева д.*), *Карьяновщина* пк. (< *Карьянов ручей*) [Лод.]; *Альковщина* пл. (< *Альковская д.*) [Прион.] и др. с помощью форманта *-щина* строятся оттопонимные образования. Отмеченные особенности, равно как и способность образовывать топонимы от неантропонимных основ (*Шоломщина* ур. [Тихв.]) — вызваны, очевидно, значительной продуктивностью модели.

В вепсской топонимии Присвирья модель получила популярность в агроонимах, т. е. названиях сельхозугодий: *Terroušin*, *Fedoroušin*, *Timukoušin*, *Pehoušin*, *Mironoušin*, *Nazaroušin*, *Ofonoušin*, *Paškoušin*, *Petroušin*, *Piminoušin*, *Šaškoušin*, *Šmotkinoušin*. Продуктивность суффикса в вепсской топонимии, способность к образованию топонимов от вепсских антропонимов свидетельствуют о том, что формант, усвоенный из русского в вепсское топонимообразование, приобрел в нем статус популярного топонимного суффикса (Муллонен 1994, 16, 21). Подчеркнем это особо: речь идет о собственно топонимическом контактировании и восприятии русского топонимообразующего форманта в вепсскую топонимическую систему. В вепсском апеллятивном словообразовании он отсутствует.

Анализ разновременных письменных и архивных источников позволяет говорить о росте продуктивности модели *-щина* в Присвирье на протяжении последних столетий. В самом деле, на обширной территории Новгородских пятин XV—XVI вв. она не обладала особой известностью и уступала в продуктивности большинству из известных на северо-западе суффиксальных моделей. По подсчетам С. А. Полковниковой, в материалах Новгородских писцовых книг по всем пяти пятинам всего 27 топонимов на *-щина* (*-овщина*), в то время как образований на *-иха* 260, на *-ица* 160, на *-ичи* 120, на *-на/-ня* 80, на *-ище* 60 и т. д. (Полковникова 1970). В конце XVI века на территории Заонежских погостов, т. е.

в северо-восточной части Обонежской пятины фиксируется, по данным писцовых книг, уже 34 топонима на *-щина*, при этом они сосредоточены в Присвирье и Заонежье (ПК). Материалы Генерального межевания рубежа XVIII—XIX веков приводят примерно такое же количество образований, но применительно к значительно более узкой территории южного Присвирья. Тенденция роста продуктивности модели *-щина* сопровождается и определенным расширением ареала ее бытования. Писцовые книги XVI века не отмечают ее в юго-восточном Обонежье — на Андоме, Вытегре, Оште, Мегре (здесь фиксируется всего один ойконим — пустошь *Бердуносовщина* — ПК, 293). Однако архивные данные начала XX века и современные полевые материалы содержат определенное число названий на *-щина* в юго-восточном Обонежье. Последние обнаруживаются в незначительном количестве и к юго-востоку и к югу от Присвирья — на реках Колошме и Лиди. Однако вепская топонимия в этом ареале — в Шимозерье, Белозерье, верховьях Лиди — свидетельствует в пользу отсутствия (или малопродуктивности) модели *-щина* в прошлом. В то время как в топонимии присвирских и прионежских вепсов модель *-šin* (< рус. *-щина*) чрезвычайно распространена, у южных и восточных она отсутствует полностью, отражая былую ситуацию на смежной русской территории.

Последнее обстоятельство — былая непродуктивность модели за юго-восточными пределами Присвирья — оказывается достаточно важным, когда выявляется ареальная характеристика образований с формантом *-щина* в Присвирье. Будучи широко представленными на большей части Присвирья, они отсутствуют в его самом юго-восточном углу — на верхней Паше с притоками Явосьмой, Тутокой, Ретешей. В этом смысле верхняя Паша — своего рода северо-западная окраина более обширного юго-восточного ареала, где не зафиксирован формант *-щина*.

К сожалению, отсутствие полноценного топонимического материала по Новгородской и юго-западу Ленинградской областей не дает возможности проследить истоки и причины (местные или привнесенные) исключительной продуктивности суффиксальной модели *-щина* в Присвирье. Непроницаемость

же для модели верховий Паши позволяет предполагать вхождение последней территории в зону распространения инноваций с юго-востока.

3. КАЛЬКИРОВАНИЕ

Калькирование (полное или частичное) — один из специфических севернорусских типов адаптации прибалтийско-финской топонимии русским языком. Онимическая калька представляет собой имя, заимствованное путем буквального перевода (Подольская 1978). Традиционно в ономастике выделяют полные кальки, образованные в результате полного поморфемного перевода иноязычного оригинала (*Pit'k/ järv* → Долг /озеро, Долгое озеро), и так называемые полукальки — словосложения из субстратной (непереведенной) основы и русского географического термина (*Kaid/järv* → Кайд/озеро, *Kiv/oja* → Кив/ручей).

3.1. Полукальки

Севернорусская топонимия изобилует полукальками. По подсчетам М. Л. Гусельниковой, на территории Русского Севера более 4,5 тыс. топонимов-полукалек (Гусельникова 1994, 4), при этом они четко привязаны к зоне новгородской колонизации прибалтийско-финского и саамского севера, что позволяет сопоставлять их с соответствующей прибалтийско-финской (саамской) моделью сложных топонимов, состоящих из детерминанта (выраженного, как правило, географическим термином) и определяющего его атрибута. В этом контексте термин *полукалька* (ср. использующиеся в литературе гибридный топоним, полуперевод, частичный перевод, полужаимствование) наиболее точен, ибо отражает механизм процесса адаптации: имеется прибалтийско-финский оригинал, структура которого сохраняется при русском усвоении. Регулярная,

повторяющаяся часть прибалтийско-финских оригиналов переводится, в то время как атрибутивный элемент (который, заметим, часто семантически пуст, утратил прибалт.-фин. внутреннюю форму) усваивается без перевода: *Hiim/d'ogi* → *Гим/река*, *Kurž/so* → *Курж/болото*.

Почему модель не была отторгнута русской топонимической системой, а, наоборот, воспринята и воспроизведена в тысячах топонимов? Наиболее логичной является точка зрения исследователей, связывающих это обстоятельство с тем, что данная модель в принципе приемлема для русской системы топонимобразования, в которой существуют «потенции образования словосложений по типу "существительное в атрибутивной функции + существительное"» (Гусельникова 1996, 16). Нужна была только определенная поддержка со стороны адаптируемого прибалтийско-финского названия, чтобы модель реализовалась. Видимо, не будет слишком далеким от истины предположить, что возникновение тех топонимов-комполитов, которые выделяются в русской ономастике (напр., Подольская 1983), также в определенной степени может быть спровоцировано иноязычной моделью, ибо примеры названий этого типа фиксируются в зоне ранних контактов — в частности, в древних новгородских документах или в языке новгородских былин (*Пучай-река*, *Волга-река*, *Ильмень-озеро*). Мысль о возможном финно-угорском влиянии на словообразование последних высказывалась в литературе (Агеева 1989, 116—117).

Далее будут рассмотрены разновидности полукалек, которые выделяются в Присвирье, и обращено особое внимание на то, что обширный ареал севернорусских полукалек начинается, собственно, с Присвирья. Иначе говоря, его западная граница проходит по Свири, отделяя юго-западные пределы бассейна реки от северо-восточных. В заключение будет предложена интерпретации возникновения (хронология, причины) этой примечательной границы.

-болото

Полукальки с компонентом *-болото* представлены в многочисленных названиях болот в бассейне собственно Свири и

верховьях ее южного притока р. Оять: *Гагболото*, *Гимболото*, *Кадайболото*, *Кайдболото*, *Кимболото*, *Лаудажболото*, *Лунболото*, *Матболото*, *Перхболото*, *Ризболото* [Свирь]; *Гавдболото*, *Ганьболото*, *Гумбарболото*, *Кургболото*, *Люльболото*, *Палоболото*, *Пасболото*, *Пурнболото*, *Раудболото*, *Резиболото* [Оять]. Для некоторых гелонимов, в частности, с верховьев Ояти, существуют вепские оригиналы с детерминантом *-so* 'болото', который в русских соответствиях переведен: *Vend/so* → *Венд/болото*, *Humbar/so* → *Гумбар/болото*, *Lind/so* → *Линд/болото*, *Vij/so* → *Вий/болото*, *Kel'm/so* → *Кельм/болото*. Это позволяет реконструировать прибалтийско-финские оригиналы и для других топонимов Присвирья, образованных по данной модели.

В русском Присвирье для обозначения понятия 'болото' бытует два термина: наддиалектное *болото* и говорное *мох*. Характерно, однако, что в полукальках используется только *болото*. *Мох* же присутствует исключительно в функции номенклатурного термина при русской (*Травливый мох*, *Гладкий мох*, *Великий мох*) или иноязычной (*Ряметский мох*, *Раежский мох*, *Койкин мох*) основе.

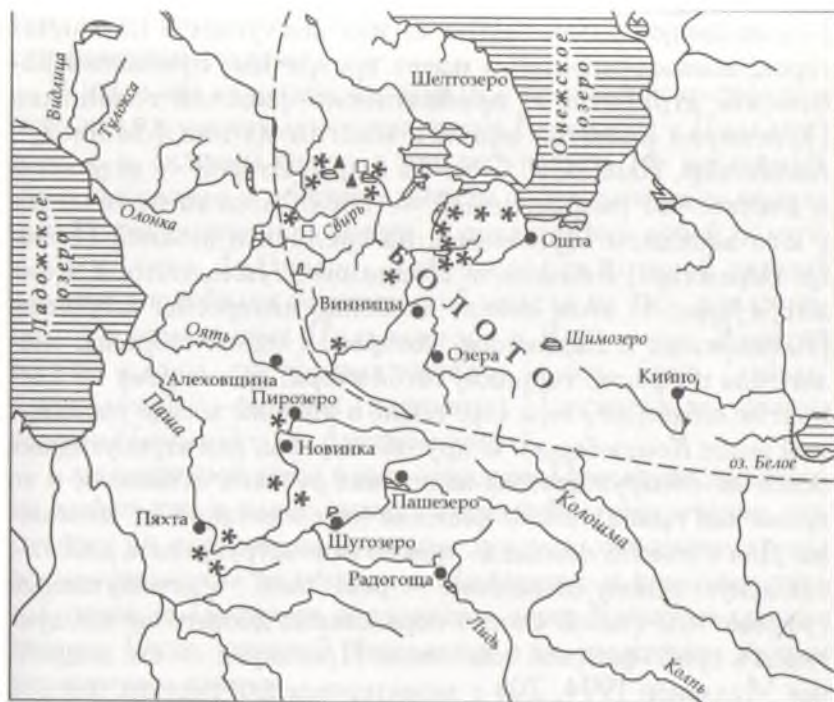
В писцовых книгах Обонежской пятины XVII века в Важинском погосте современное название *Гирболото* (<**Hirv-so*, *hirvi* 'лось') зафиксировано в виде полной кальки *Лошей Мох*, а *Ругижболото* (<**Rugižso*, *rugiž* 'рожь, хлеб') соответственно *Хлебный Мох*. Примеры достаточно показательны, поскольку указывают на то, что модель адаптации топонимов, которая бытует сейчас в северо-восточном Присвирье, в XVII в. не была столь последовательна и бесспорна. Видимо, в то время она еще не установилась окончательно, в результате в официальном документе отразились полные переводы прибалтийско-финских (очевидно карельских) оригиналов.

Сейчас модель полукалек на *-болото* господствует на верхней Свири и ее притоках, а также на верхней Ояти (рис. 4). За юго-западными пределами обозначенного ареала модель неизвестна, и усвоение прибалтийско-финского оригинала происходит принципиально иными способами, главным образом с использованием суффиксации: *Тедровское болото*, *Рустейское болото*, *Лебовское болото*, *Райбинский мох*, *Муницкий мох*, *Гапский мох*. Заметим, что многие образования этого типа являются вторичными, восходящими к топонимам: *Мурдальский мох* < *Мурдала* ур., *Вехкойский мох* < *Вехкое* руч., *Рогозерское болото* < *Рогозеро* оз. и т. д. Это связано, очевидно, с определенной «второстепенностью» самих болот в ландшафтном окружении человека. Часть гелонимов в западном Присвирье передается способом прямого заимствования: бол. *Лемба*, *Лигуй*, *Маяга*, *Рокса*, *Хабука*, *Чикора*.

-бор

Данный тип полукалек представлен в наших материалах всего двумя фиксациями в верхнем Посвирье: *Кимбор* ур. [Погра Подп.] и *Калегбор* лес [Посад Подп.]. Еще один топоним здесь же, в верхнем течении Свири, — *Княжбор* д. — по типу словообразования отличен от предыдущих, поскольку представляет собой, видимо, русский словообразовательный тип *composita* с двумя корневыми русскими морфемами (типа *Новгород*). Это подтверждается и вариантом *Княжий Бор*, существующим параллельно с *Княжбор*. Вообще, создается впечатление, что перед нами пример типового топонима-*composita*, который не создавался каждый раз заново из двух основ, а существовал как готовая модель имени, неоднократно воспроизводимая в топонимии Присвирья. Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что в Присвирье известны *Конезборы* пк. [Островок Тихв.] и *Конезборье* ур. [Мирошкиничи Лод.], которые, возможно, родственны *Княжбору*. Семантика слова, однако, неясна.

Полукальки с географическим термином *-бор* не получили в Присвирье распространения (рис. 4). Такая же ситуация

— 1 * — 2 □ — 3 ▲ — 4

Рис. 4. Распространение топонимов-полукалек в Присвирье (I):
1 — юго-западная граница распространения полукалек **-болото**;
2 — **-гора**; 3 — **-бор**; 4 — **-луда**

наблюдается, судя по данным картотеки топонимов ИЯЛИ, в Заонежье и Пудожье, где тип полукалек на **-бор** ограничен несколькими примерами.

-гора

Основной ареал топонимов-полукалек с географическим термином **-гора** тяготеет к восточному Присвирью (рис. 4). Здесь известны *Вийгора*, *Гавройгора*, *Кебяльгора* (~ *Кябельгора*), *Конгора*, *Кумбагора*, *Мельгора*, *Оренжгора*, *Пеньгора*, *Равдогора*, *Рябойгора*, *Савигора* (~ *Сайгора*), *Синигора*, *Тетойгора*, *Тугорка*, *Чипургора*, *Чургора* и др.

Подавляющее большинство из них выступает в названиях гор, возвышенностей и имеет прозрачные прибалтийско-финские атрибуты. В прибалтийско-финской топонимии Присвирья имеются аналоги многим из них (*Savimägi*, *Kondumägi*, *Raudmägi*, *Šurmägi* и др.). Второй — островной и достаточно разреженный — ареал модели намечается в юго-западном Присвирье, на средней и нижней Паше: ср. *Варежгора*, *Вийногора*, *Лайдогора*, *Пильдежгора*, *Салмас(а)гора*. В этом списке особенно интересны топонимы *Пильдежгора* и *Варежгора*, которые, с одной стороны, аналогичны по форме топониму *Лебяжгора*, состоящему из элементов *лебяж(ья) гора* (ср. также в этом же ареале упомянутый выше *Конежборы*). С другой стороны, для атрибутивных основ не обнаруживается надежных русских этимонов, в то время как прибалтийско-финская интерпретация их возможна. Для элемента *пильдеж-* можно реконструировать *peldoiž-*, согласную основу от *peldoine* < *peld* 'поле' + деминутивный суффикс *-ine* (такой способ образования достаточно продуктивен в приб.-финской топонимии Присвирья — см. подробнее Муллонен 1994, 20) с характерным для русских говоров *е > и*. Расшифровка атрибутивного элемента в топониме *Варежгора* сложнее, хотя заманчиво видеть в нем лексему, сопоставимую с фин. *vaaga*, кар. *voaga*, *vuaga*, *vuagu* 'гора, поросшая лесом; сопка', которые, в свою очередь, считаются саамскими заимствованиями, восходящими к саам. *vaŋge* с тем же значением (SKES). Может ли основа *вар-* в топониме *Варежгора* восходить к саамскому источнику? В принципе, в топонимии Присвирья названия саамского происхождения — не редкость (см. подробнее в гл. IV). К тому же *Варежгора* — одна из наиболее заметных высот на территории юго-западного Присвирья и, подобно другим приметным в плане ландшафтных особенностей объектам, могла получить название в древности и сохранить его в прибалтийско-финское время (**vaag- + -ine* → **Varaižmägi*), а уже в процессе русского освоения прибалтийско-финский оригинал мог преобразиться в современное *Варежгора*. Такая цепочка допустима и не противоречит языковым и специфическим онимическим закономерностям.

В итоге мы склоняемся к мысли о прибалтийско-финском источнике происхождения топонимов *Варежгора* и *Пильдежгора*, т. е. склонны видеть в них полукальки. Не исключено, что и *Лебеджгора* в действительности образована не по модели русских топонимов-юкспозита, а представляет собой полную кальку (типа *Долгозеро*, *Кривозеро*), в которой первый элемент уподобился фонетической модели на -ж-, воплотившейся в отмеченных *Пильдежгора* и *Варежгора*. Заметим в связи с этим, что перевод атрибута *juusep-*, *juusp-* 'лебедь' в прибалтийско-финских гидронимах Присвирья достаточно обычен (*Juusepjärv* → *Лебяжье озеро*).

Сам островной ареал в юго-западном Присвирье достаточно любопытен в плане этноисторической интерпретации, поскольку он выходит за западные пределы основного ареала распространения полукалек в Присвирье и помечает путь с Тихвинско-Пашского водораздела через Капшу на среднее течение Ояты, который намечается и по некоторым другим топонимным данным.

На смежной прибалтийско-финской территории Присвирья во множестве представлены ойконимы с детерминантом *-mägi* 'гора', который фактически выполняет роль разрядного ойконимного показателя и выступает в значении 'деревня, поселение' (Муллонен 1994, 72—73). Его атрибутом систематически является антропоним: *Jušimägi*, *Konoimägi*, *Lar'amägi* и т.д. Русские переводы перечисленных названий, однако, структурно отличаются от прибалтийско-финских оригиналов и представляют собой словосочетания или суффиксально оформленные топонимы типа *Юшина Гора*, *Кононова Гора* (или *Кононово*), *Ларионова Гора* (или *Ларионово*). Ойконимная модель на *-ово*, *-ино* в русском Присвирье исключительно продуктивна, и поэтому закономерно ее использование при усвоении прибалтийско-финских ойконимов с отантропонимным атрибутом: *Konoimägi* → *Кононово*. Что же касается второй модели — *Konoimägi* → *Кононова Гора*, то тут, оче-

видно, допустимо говорить о полной кальке (типа *Pit'kjärv* → *Долгое озеро*) с сопутствующим суффиксальным оформлением атрибута. Образования типа *Ratigora* (из *Radimägi*), т. е. полукальки, единичны, и это понятно: перевод (поиск соответствующего русского антропонима) чаще всего не вызывает сложностей, поскольку в подавляющем большинстве случаев в прибалтийско-финских ойконимах на *-mägi* отражаются вепские или карельские варианты русских православных имен, т. е. *Doroi* — Дорофей, *Semoi* — Семен, *Juša* — Юша (восходящее к календарному Иван), *Hotoi* — Фатей и др.

-губа

В Присвирье данная модель относится к числу раритетных. В нашей картотеке отразился всего один единственный топоним данного типа: *Пергуба* пк. [Таржеполь Прион.]. Термин *губа* в значении 'залив' широко бытует в Обонежье, Беломорье, для Присвирья же он несвойственен, поэтому закономерно отсутствует и в здешней топонимии. Надо полагать, что в Таржеполь, расположенный на восточной границе Присвирья, термин проник из Прионежья. Атрибут имеет четкую прибалтийско-финскую этимологию: вепс. кар. *perä* 'задний, расположенный сзади'. Соответствующая приб.-фин. модель (*Peräkar*, *Perälaht*, где *kar*, *laht* 'залив, бухта') обычна для вепского и карельского Присвирья.

-камень

Единственный пример топонима данного типа — название камня и текущего из-под него родника *Чалкакамень* [Ивина Поди.] — зафиксирован в северо-западном Присвирье. Первый элемент названия не имеет надежной приб.-фин. этимологии и убедительных параллелей в приб.-фин. топонимии Присвирья.

-луда

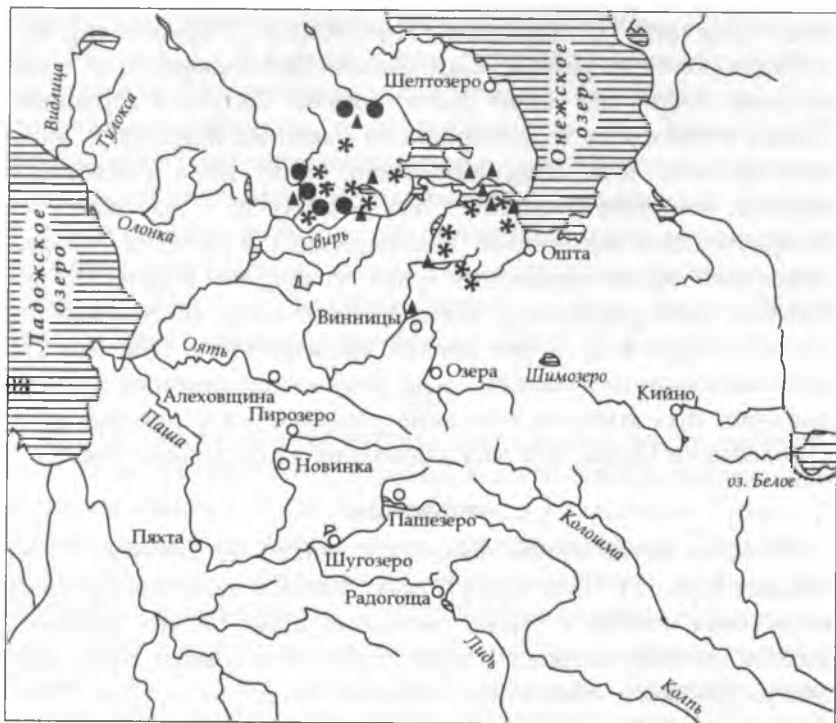
Несколько примеров топонимов-полукалек с термином *-луда* географически привязаны к северо-восточному Присвирью (рис. 4): *Енгилуда* [Заозерье], *Енлуда* [Волнаволок], *Сурлуда* [Вознесенье], *Купойлуда* [Таржеполь], все в Подпорожском районе. Сам диалектный термин *луда* 'мель на реке, озере, где

ловят рыбу' широко бытует в верховьях Свири и усвоен из территориально смежных приб.-фин. языков, ср. вепс. *lodo*, люд. *luod*, ливв. *luodo* 'мель, подводный камень, небольшой остров'. Как и в случае с другими географическими терминами, являющимися в русских говорах приб.-фин. заимствованиями и выступающими в качестве регулярно повторяющегося элемента (см. далее полукальки на *-сельга*, *-орга* и др.), нет полной уверенности в том, что это действительно полукальки, а не результаты прямого заимствования, при котором название усваивается в русское употребление целиком, без раскладывания на составные части.

-наволоок

Модель четко привязывается к северо-восточному При-свирию (рис. 5). Она присутствует здесь в названиях речных и озерных мысов, а также расположенных на них деревень и сельскохозяйственных угодий, отражая основную семантику севернорусского диалектного *наволоок* 'мыс, полуостров': *Вознаволоок*, *Гарнаволоок*, *Карнаволоок*, *Катеснаволоок*, *Кузнаволоок*, *Куртехнаволоок*, *Мадарнаволоок*, *Паднаволоок*, *Пельнаволоок*, *Пяйнаволоок*, *Рокснаволоок*, *Яннаволоок*, *Ярнаволоок*. На продуктивность модели указывают ойконимы *Волнаволоок*, вариант официального *Волостной Наволок*, и *Велнаволоок*, наряду с которым существует вариант *Великий Наволок*.

Ареал распространения диалектной лексемы *наволоок* охватывает практически всю территорию Присвирья. Показательно, однако, что за западными пределами границы полукалек на *-наволоок*, которые правомерно возводить к приб.-финским оригиналам с детерминантом *-nem* (вепс), *-niem* (люд.) 'мыс, полуостров' (т. е. *Куртехнаволоок* < **Kortehniem*, *Рокснаволоок* < **Roksnet*), соответствующая прибалтийско-финская модель усваивается в русскую топонимическую систему способом прямой адаптации, ср. *Гунема* [Усланка Лод.], *Гебоним*, *Тентонема* [Чикозеро Лод.], *Бульнема*, *Габнема* [Печени

● — 1 * — 2 А — 3

Рис. 5. Распространение топонимов-полукалек
в Присвирье (II):
1 — -плесо; 2 — -наволок; 3 — -остров

цы Лод.], Накнема [Варбииичи Лод.], Гумбарнема, Тунганима [Свирская Слобода Лод.], Васькименя, Юшеменя (~ Юшемень) [Шапша Лод.] — в двух последних примерах метатеза -немень > -мень, а также территориально более отдаленные Койнима [Ефремково Лод.], Однема (~ Однемский мыс) [Николаевщина Волх.], Шижнема [Щепняк Волх.]. Несмотря на то, что имеется по крайней мере две составляющие, необходимые для образования топонима по модели полукальки с основным элементом -наволок: сама диалектная лексема *наволок*, функционирующая в местных русских говорах, а также наличие приб.-финского оригинала на -*нет*, полукальки

все же не рождаются. На территории, непосредственно граничащей с ареалом полукалек на *-наволок*, имелась, кажется, и необходимая этноязыковая ситуация двуязычия с последующим обрусением местного вепсского населения (по свидетельству языковедов, в прошлом — начале нашего столетия села Печеницы, Варбиничи, Шапша, Чикозеро были или полностью, или частично вепскими). Однако традиция полукалек все же не сложилась — возможно, в силу того, что эта территория уже раньше оказалась в окружении, в зоне действия, влияния русских говоров Ладого-Тихвинского типа. Из территориально смежных русских говоров нижней Ояти были восприняты те типы адаптации местных прибалтийско-финских названий, которые там сложились уже раньше или были принесены из Поволховья — территории, где дорусское население не было столь плотным, массовым, как в Присвирье, особенно восточном. Характер взаимоотношений, взаимопроникновения местной прибалтийско-финской и древнерусской языковых стихий был несколько иным, и это отразилось в способе восприятия прибалтийско-финских топонимов. Они усваивались как таковые, без осознания их прибалтийско-финской структуры или, по крайней мере, без ее отражения. В восточном Присвирье происходит критический переход количества в качество — меняется механизм адаптации. В русском употреблении начинает воспроизводиться структура оригинального вепсского или карельского топонима. Это явление того порядка, которое хорошо известно из теории языковых контактов: влияние структуры (структурных отношений) своего языка при овладении другим, структурно-морфологическая интерференция. По типу русских говоров северо-восточное Присвирье входит в другой диалектный ареал, нежели юго-западное Присвирье. Граница, разделяющая Онежские и Ладого-Тихвинские говоры Присвирья, является границей и для подавляющего большинства топонимов-полукалек. Подробнее история формирования этой границы отражена при анализе модели *-ручей*.

Данная модель подтверждена в нашей картотеке одним единственным примером *Туйкнива* [Тукша Поди.]. К полукалькам с единичными фиксациями относятся и другие топонимы, в которых в качестве основного элемента выступают термины, обозначающие разновидности сельскохозяйственных угодий:

-обод: *Гришобод* [Согиницы Подп.]

-пожня: *Вехпожня, Лигопожня* [Ошта Волог.], *Леппожня, Михпожня* [Тукша Поди.], *Локпожня* [Винницы Поди.], *Милиспожня* [Ладва Прион.], ср. также *Теребпожня* [Вознесенье Поди.], в котором объединены по прибалтийско-финской модели две русские основы, т. е. речь может идти либо о полной кальке, либо о собственно русском образовании по аналогии со сложными полукальками

-заполек: *Торазополек* [Ошта Волог.]

-поле: *Демополе, Падомполе, Шарополе* [Гимрека Поди.], *Кодополе* [Согиницы Поди.]

-полянка: *Ивачполянка ~ Вывачполянка* [Ладва Прион.].

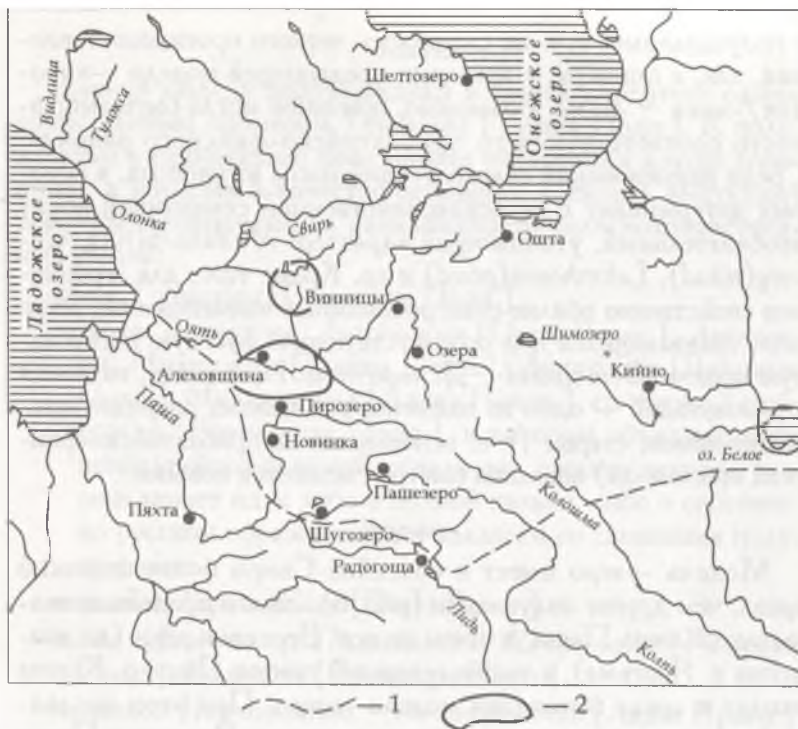
Все перечисленные примеры относятся к крайнему северо-восточному Присвирью или к пограничному с Присвирьем южному Обонежью. В вепсской топонимии детерминанты с соответствующей семантикой (-rõud 'поле' -nit 'покос', -ma 'поле', -houmeh 'подсечное поле', а также русские заимствования -rust 'пустошь, залежь', -pol'ank 'поляна (пахотная, реже сенокосная)', -zapol'k 'заполье, отдельное поле или пожня') относятся к числу наиболее характерных детерминантов, каждый из которых представлен целой серией топонимов (Муллонен 1994, 44—50). Почему соответствующие полукальки в обрусевшем Присвирье не получили распространения? Заметим одновременно, что и так называемые прямые «переводы» типа *Данема, Буржума, Геремпеуда, Варепилда, Линдапелда, Чукапуста, Савигоума* достаточно редки, причем встречаются практически на одной территории с полукальками, т. е. не сложилось четкого противопоставления, как, к примеру, с ареалами предыдущей

модели —*наволок/-немя* ~ *-нема*. Возможно, причиной могла быть аморфность соответствующего прибалтийско-финского разряда. Среди наименований сельхозугодий масса вторичных, в которых детерминант с сельскохозяйственной семантикой носит необязательный, уточняющий характер: *Mudakor̃b(nit)*, *Šoborg(nitud)*, *Lehmhoum(pöud)* и др. Кроме того, для агроонимов свойственно обилие отантропонимных наименований, легко перестраивающихся под соответствующую русскую посессивную модель: *Demoipöud* > *Демово поле*. И, наконец, названия сельхозугодий — один из наименее устойчивых разрядов микропонимов, старые (т. е. основанные на прибалтийско-финских оригиналах) названия быстро сменяются новыми.

-озеро

Модель *-озеро* имеет в бассейне Свири более широкий ареал, чем другие полукальки (рис. 6). За его пределами оказывается лишь Паша, причем не вся. Верховья реки (до впадения р. Явосьма), а также северный приток Паши р. Капша входят в ареал бытования модели *-озеро*. При этом последний неоднороден в этноязыковом плане. Верховья Паши и Ояти — современная вепсская территория, где тип *-озеро* служит для адаптации живых вепсских лимнонимов: *Kivi/järv* → *Кив/озеро*, *Matk/järv* → *Матк/озеро*. Аналогичная ситуация в северном Присвирье на реках Важинке и Услонке.

Однако модель широко известна и в русском Присвирье — от р. Ивинки на севере до верховьев Паши на юге. Продуктивность ее неодинакова на разных участках. Заметна малочисленность образований на *-озеро* на нижней Ояти и нижней Свири, что в определенной степени сопряжено с географическими особенностями этой территории, отличающейся малым числом озер на фоне верховий названных рек. Однако это не единственная причина непродуктивности модели. Во-первых, эта территория непосредственно примыкает к зоне отсутствия лимнонимов на *-озеро*, во-вторых, здесь,

*Рис. 6. Полукальки с детерминантом **-озеро** в Присвирье: 1 — юго-западная граница распространения полукалек на **-озеро** на Европейском Северо-Западе; 2 — лакуны в распространении полукалек на **-озеро** в Присвирье*

в низовьях Ояти, на Оятско-Капшинском водоразделе располагается значительная по размерам лакуна распространения модели **-озеро**. Для адаптации прибалтийско-финских оригиналов здесь используются другие типы, в частности, модель прилагательных на **-ье** (по аналогии с рус. оз. *Ивье*, *Топорье*): *Сагарье*, *Кадье*, *Лабачье*, *Кижье*, *?Галичье* или **-ое** (ср. рус. оз. *Доброе*, *Глухое*): оз. *Изное*, *Редое*, *Жабое* и др. Хотя по внешнему облику последние три лимнонима совпадают с прилагательными на **-ое**, в действительности по образованию они, видимо, не являются таковыми. В Присвирье топонимы на **-ое** с иноязычными основами — это прежде всего наименования

ручьев (*Кивое, Кимое, Редое*), восходящие к соответствующим прибалтийско-финским оригиналам с конечным *-oja* 'ручей' (*Kivoja, Kimoja, Redoja*). Со временем, однако, этот тип начал использоваться и для наименования озер — очевидно, в силу внешнего сходства с русскими лимнонимами на *-ое*.

Прилагательные на *-ье, -ое* известны как древняя продуктивная русская лимнонимная модель, и поэтому логично использование ее на средней Ояти и Оятско-Капшинском водоразделе, в окрестностях сел Тервиничи и Алеховщина, которые издревле были центрами, опорными пунктами древнерусского освоения Присвирья. Во всяком случае Тервиничи упоминаются в качестве административного центра уже в XIII в., Алеховщина же, видимо, должна быть соотнесена с одним из тех пунктов, упомянутых в Уставе Святослава, расположение которых неизвестно. Облик здешней топонимии указывает на то, что это рано и основательно обрусевшее место.

На Паше в адаптированных названиях озер широко бытует модель на *-ское*: ср. на р. Явосьма *Пярдомское* (< *Pärdamjärv*), *Кяргинское, Нурминское, Теленйское* (< *Теленяг* ур.), *Мухнинское, Сарское* (< *Сара* р.), *Шилтовское* (< *Шилтово* ур.), на р. Пяхта *Чаголинское* (< *Чаголина* д.), *Имоловское* (< *Имолово* д.), *Валдасское* (< *Валдас* д.). Из примеров ясно, что это в основном вторичные названия, основывающиеся на соответствующих ойконимах или названиях урочищ. Из других примеров обращают на себя внимание топонимы типа оз. *Силос, Муник, Казалма* и др. Для них возможны два пути образования. Первый заключается в том, что прибалтийско-финское название без каких-либо изменений (исключая фонетические, вызванные приспособлением названия к русской фонетической системе) включается в систему русских топонимов (т. е. прямое усвоение). Соответствующие простые по структуре лимнонимы известны в вепсской и карельской топонимии Присвирья (ср. в бассейне р. Оять озера *Pal'mik, Koverič, Pahač, Pöl'čut*), причем

отсутствие детерминанта в них компенсируется суффиксом, присоединяющимся к топониму и выступающим в качестве знака, метки, отличающей имя от апеллятива (см. подробнее в гл. IV). Другой путь — упрощение прибалтийско-финского оригинала, отказ от детерминанта, т. е. *Karniždärvi* → *Карниж оз.*, также возможный преимущественно только в том случае, когда атрибут суффиксально оформлен.

На основной же территории Присвирья распространены полукальки с компонентом *-озеро*, ср. *Перхозеро*, *Чогозеро*, *Ландозеро*, *Ярбозеро*, *Полозеро*, *Ойгозеро*, *Кокозеро*, *Пертозеро*, *Пяндозеро*, *Куткозеро*, *Гонгозеро* [Свирь]; *Имозеро*, *Питозеро*, *Армозеро*, *Кимозеро*, *Оргозеро*, *Ригозеро*, *Сотозеро*, *Тивгозеро*, *Нялгозеро*, *Чикозеро*, *Кодозеро*, *Пурнозеро* [Оять]; *Пашезеро*, *Ребозеро*, *Лепозеро*, *Кубозеро*, *Кожозеро*, *Канжозеро*, *Пялозеро*, *Пичозеро*, *Питозеро*, *Аштозеро* [Паша]. Из ареальных границ этой модели в Присвирье наиболее интересна, безусловно, юго-западная. На севере и востоке границы практически нет, поскольку ареал полукалек на *-озеро* уходит в этих направлениях далеко за границы бассейна Свири, распространяясь на всю Карелию, значительную часть Архангельской и Вологодской областей. Следовательно, Присвирье является юго-западной границей этого обширного ареала, и поэтому граница, отделяющая юго-западную окраину бассейна от остального Присвирья, в действительности носит не местный, а более глобальный характер. За ее южными и западными пределами — в Поволховье, отчасти в Белозерье — в основу усвоения прибалтийско-финского оригинала на *-järvi(i)* положен совсем иной принцип усвоения. Здесь происходит уже упоминавшаяся прямая адаптация, т. е. название целиком, как единая неразложимая единица, переходит в русское словоупотребление. Примерами могут служить лимнонимы *Селигер*, *Лудорь*, *Сяберо*, *Уверь*, *Ильмерь* и некоторые другие, в которых конечный элемент восходит к приб.-финскому *-järvi(i)* 'озеро' (Попов 1981; Агеева 1989). В Белозерье по такой же модели образованы оз. *Бояро*, *Ухтомяр(ское)*, *Сивер(ское)*. В Присвирье же эта модель неизвестна. На смену

ей приходят полукальки на *-озеро*. Причина смены модели лежит, видимо, в разной этноязыковой ситуации в различных районах юго-восточного Приладожья. В то время как Паша, входя в единый языковой ареал с Сясью, Тихвинкой и в целом с восточным Поволховьем, подверглась русскому воздействию и раньше, и основательнее (здесь русские говоры уже длительное время развиваются в условиях господства русской языковой среды), Капша, Оять и собственно Свирь оставались более «финскими» ареалами, где и сейчас ощущается присутствие живой прибалтийско-финской топонимии. Живая, действующая прибалтийско-финская структурная модель в процессе обрусения местного населения была усвоена в русское топонимообразование. Не исключено, что своеобразным дополнительным катализатором для появления модели полукальки стало то обстоятельство, что Присвирье входит в так называемый озерный пояс северо-восточной Европы и отличается обилием озер на фоне, к примеру, Поволховья. Массовость, повторяемость прибалтийско-финской модели *-järv(i)* могла повлечь за собой и появление соответствующей русской модели с переведенным детерминантом *-озеро*. Видимо, сегодняшняя граница сложилась не сразу. Тип усвоения мог сформироваться несколько восточнее, а затем продвинуться на запад, в частности, в верховья восточных притоков Паши в нижнем течении последней. Однако знаменательно, что на западе она накладывается на диалектную границу, разделяющую Ладого-Тихвинскую диалектную зону на два микрорегиона (условно — сохранивших большее или меньшее прибалтийско-финское наследие). Мы вернемся еще к этой границе в выводах по адаптационным моделям. В заключение же данного раздела обратим внимание еще на южную границу модели *-озеро*, уходящую с верховий Паши на верховья Лиди и далее в Белозерье. Она отражает в известной мере границы вепсского расселения — современного и относительно недавнего прошлого — ареал так называемых южных и белозерских вепсов, хотя в самом пограничье прочной традиции все

же не сложилось. Об этом свидетельствуют лимнонимы с территории бывшего вепсского Койгушского погоста, располагавшегося на южной границе вепсского ареала, которые имеют вид оз. *Пюх* (< *Pühajärv), *Сапо* (< *Sar(a)järv), *Салмо* (< *Salmjärv).

-остров

Полукальки на *-остров* концентрируются, подобно другим топонимам-полукалкам, в северо-восточном Присвирье (рис. 5) — на верхней Свири, ее притоках Важине и Пидьме, а также на северном притоке Ояти р. Шокше, куда модель проникла, очевидно, со Свири (см. подробнее о существовании водно-волокового пути с верхней Свири на Оять в связи с анализом полукалек на *-ручей*): *Вязостров*, *Изостров*, *Кийостров*, *Колкостров*, *Корбостров*, *Ламбостров*, *Лебостров*, *Порожостров*, *Розместров*, *Тодостров*, *Шангостров*, *Шокшостров*. На нижней Свири модель *-остров* неизвестна, здесь обычно прямое усвоение, ср.: *Маяксарь*, *Сигосарь*, *Сависарь* (*-сарь* < *-saŋ* 'остров'). Со средней Ояти известны острова *Янусор*, *Гайгосарь*, *Пойгосарь*, а с нижней Паши *Кондосарь*, *Лендосарь*, *Туносарь*, *Чикосарь*, *Ленсарь* (часть из них не собственно острова, а островки леса в болоте).

-плесо

Словом *плесо* в Присвирье называют участок реки со спокойным течением (обычно между порогами). Оно зафиксировано в нескольких топонимах-полукалках на северных притоках верхней Свири Важине и Ивине (рис. 5): *Корбонплесо*, *Гамплесо*, *Пурноплесо*, *Пустонплесо*, *Рыдайплесо*, *Антиплесо* (с вариантом *Аньяплесо*), *Корплесо*. На южных, в прошлом вепсских, притоках Свири модель неизвестна, что, видимо, сопряжено с отсутствием в вепсском Присвирье соответствующего оригинала. В вепсских говорах нет специальной лексемы для обозначения участков реки со спокойным, непорожистым течением. Для слов *abai*, *kar*, *luht*, которые иногда используются в данном значении, последнее не является основным, а находится на периферии семантического спектра каждого из них. В карельском же языке, а конкретнее в

людиковском говоре на р. Важне, бытует слово, семантически идентичное присвирскому *плесо*. Это *lammen* 'расширение реки, участок со спокойным, непорожистым течением' (SKES). Оно отразилось в названиях нескольких плесов на верхней Важне, в том числе *Marke/lammen*, *Ѓuuru/lammen*, *Suari/lammen*. На нижней, обрусевшей Важне прибалтийско-финская топонимная модель преобразовалась в соответствующую полукальку, т. е. *Корбоплесо*, *Пурноплесо* и т. д. Модель *-плесо*, таким образом, это след карельского проникновения в Присвирье. Ареал ее захватывает низовья Важины, выходит в районе Мятусово—Хевроньино непосредственно на саму Свирь, а также затрагивает бассейн Ивины, где в субстратном слое преобладает вепсская топонимия, однако имеются и некоторые бесспорные карельские элементы (см. подробнее в главе III).

-порог

Полукальки с географическим термином *-порог* в роли основного элемента названия сосредоточены в бассейне р. Ивины (рис. 7), где известны *Кошпорог*, *Рыньпорог*, *Сагарпорог*. Начальный элемент в последнем имеет прозрачную прибалтийско-финскую этимологию, ср. вепс. *sagarv*, люд. *sagar*, *sagarv*, *sagarm*, ливв. *sagar*, *sagarvo* 'выдра'. В двух других языковые истоки не столь ясны, хотя в первом — *Кошпорог* — можно предполагать саамские истоки, ср. саам. *kuošk* 'порог'. Среди названий ивинских порогов два — *Вороньпорог* и *Лисьпорог* — могут представлять собой полные кальки, тем более что для *Лисьпорог* существует вариант *Лисий порог*. Из названий порогов бассейна р. Важина, образованных по данной модели, в нашей картотеке отразилось только одно — *Редопорог* (< **Redukosk*, *redu* 'грязь'). Этот порог находится в нижнем течении реки, и его название в структурном плане служит естественным продолжением целого ряда наи-

• — 1 * — 2

Рис. 7. Распространение топонимов-полукалек в Присвирье (III):

1 — -порог; 2 — -река

менований порогов, расположенных выше по течению Важины, в карельском ареале, ср. *Raud/kosk*, *Oikta/kosk*, *Hir/koske* и др.

Ниже по Свири в названиях порогов, образованных от иноязычных основ, отмечаются или суффиксальные образования (*Тойжемский порог*, *Кандальский порог*), или прямые заимствования (*Пяндега*). Полукальки, таким образом, имеют чрезвычайно ограниченный ареал в северо-восточном углу Присвирья. География их распространения в принципе сопо-

ставима с ареалом полукалек на *-плесо*, что дает повод для предположения о карельской основе модели. Однако некоторые примеры с верховий р. Оять, вепсской территории, где вепсы, переводя на русский язык вепс. *Kajat/kosk* или *Sernat/kosk*, окказионально прибегают к модели *Каятпорог* и *Сернатпорог*, указывают на возможность типа и в бывшем вепском ареале. Последний либо не получил распространения в связи с географическими реалиями — отсутствием порожистых участков на южных (бывших вепских) притоках верхней Свири, либо примеры его бытования не отразились в нашей картотеке.

-река

Данная модель подтверждается несколькими примерами, ареально четко привязанными, подобно другим полукалькам, к верхнему Присвирию (рис. 7). Среди примеров *Вашкусрека* (с вариантом *Вашкуса*), *Гимрека* (< вепс. *Him/d'ogi*), *Кузарека* (с вариантом *Баранский ручей*), *Кяйрека* (~ *Кяй*), *Пайрека* (~ *Пай*), *Шаврека*. Сразу заметим, что аналогичная прибалтийско-финская модель (т. е. сложный по структуре потамоним с детерминантом *-jogi/-d'ogi*) — достаточная редкость в приб.-финской топонимии Присвирия, где в названиях рек преобладают одночленные образования (*Sondal*, *Tukš*, *Tānus*, *Kelližm*), лишь в некоторых случаях сосуществующие со сложными вариантами (*Pötk* ~ *Pötkjogi*, *Sondal* ~ *Sondaljogi*). Нам уже приходилось писать о причинах этого явления (Муллонен 1988, 26—28), главной из которых является, очевидно, то, что названия рек, будучи в основном субстратными, семантически пусты. В результате даже без номенклатурного термина они сохраняют обособленность от апеллятивов. Относительная малочисленность полукалек на *-река* в Присвирии (особенно заметная на фоне массовых образований на *-озеро* и *-ручей*) находится в прямой зависимости от непродуктивности соответствующей потамонимной модели в прибалтийско-финской топонимии.

-ручей

В заключение остановимся подробнее на полукальках с географическим термином *-ручей* в роли основного компонента. Массовость названий, образованных по данной модели, позволяет отчетливо обрисовать и географию, и историю формирования типа, распространив основные выводы и на другие топонимы-полукальки Присвирья.

Усвоение прибалтийско-финских названий ручьев типа *Kiv/oja*, *Vehk/oja*, *Matk/oja*, *Lep/oja*, т. е. модели с детерминантом *-oja* 'ручей' происходило в Присвирье двояким образом. В одном случае вепсский детерминант *-oja* сохраняется и передается целой серией фонетических вариантов: *-ой*, *-ое*, *-оя*, *-уй*, *-ай*, *-ая*, *-ей*, *-ея*, *-ий*, *-ия* (*Кивоя*, *Вехкой*, *Маткуй*, *Кузей*, *Лепое*). Для удобства восприятия материала есть смысл объединить все указанные полукальки под одним условным типом на *-оя*. В другом случае образуются полукальки, возникшие в результате перевода на русский язык географического термина *-oja*, входившего в состав прибалтийско-финского гидронима (*Кивручей*, *Вехкручей*, *Маткручей*, *Кузручей*, *Лепручей*), — тип или модель на *-ручей*. При этом ареалы двух отмеченных адаптационных моделей строго разграничены. Первая господствует в юго-западном и южном Присвирье, объединяющем весь бассейн Паши, нижнее и частично среднее Приоятье, а также южный берег Свири от низовий приблизительно до устья Важинки (модель *-оя* слабо представлена в северном Посвирье, где в русской гидронимии доминирует тип адаптации *-ручей*). Модель *-ручей*, напротив, распространена в северо-восточном Присвирье, т. е. в верхнем участке бассейна Свири и на верхней Ояти с притоками (рис. 8). Граница распространения этих двух типов адаптации, разделяющая Присвирье с севера на юг, вырисовывается достаточно четко. Она проходит между верховьями южных притоков Свири — рек Яндеба и Шапшозерка — и далее между северными притоками р. Оять, реками Шапшой и Кузрой, а от Ояти поворачивает резко на юго-восток и идет между ее южными притоками — Тянуксой и Ащиной, с одной стороны, и

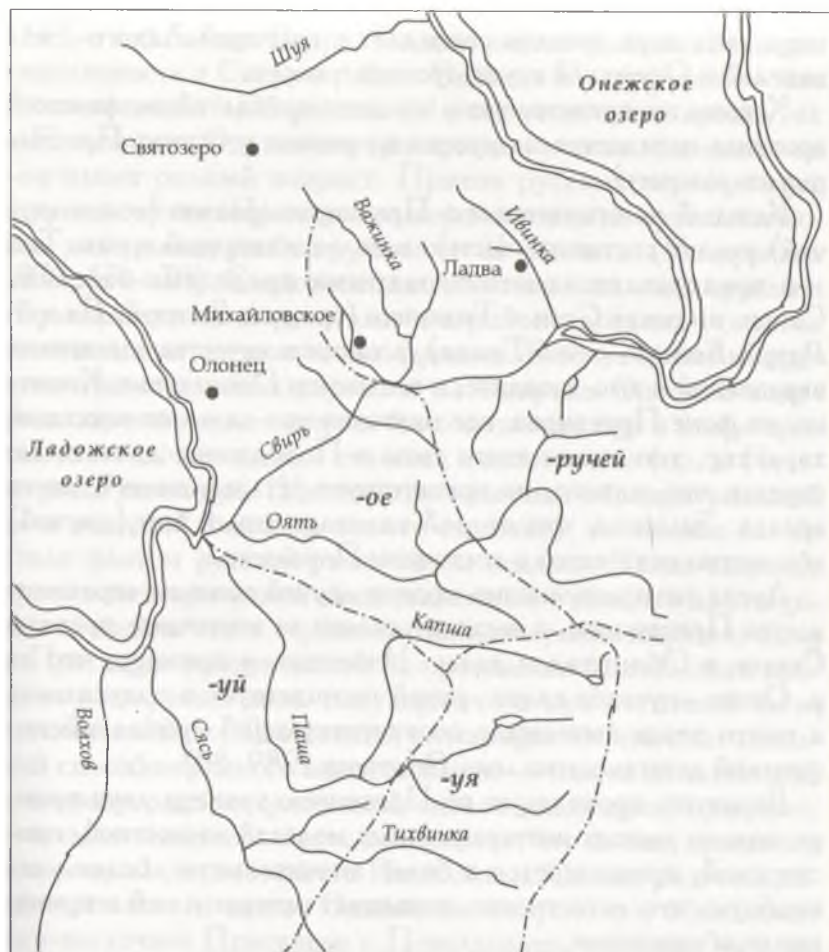

Рис. 8. Ареалы гидронимов на **-ручей** и **-оя**
(варианты **-ое**, **-уя**, **-уй**)

— границы ареалов

Верхней и Нижней Курбой, с другой, уходя затем далее на восток, где разделяет верховья рек Ояти и Капши. Примечательно, что в районе Свири гра-

ница этих двух ареалов совпадает с границей Ладого-Тихвинской и Онежской групп русских говоров.

Каковы же причины того, что один прибалтийско-финский оригинал передается по-русски на разных участках Присвирья по-разному?

Каждый из отмеченных в Присвирье ареалов (-о_я и -ручей) входит составной частью в более обширный ареал. Тип -о_я представлен за юго-западными пределами бассейна Свири, на реках Сяси и Тихвинке (ср. руч. *Вехтуй*, *Палуй*, *Ругуй*, *Койгуй*, речка *Томая*), а также в качестве единичных вкраплений и юго-западнее, в восточном Поволховье. Конечно, на фоне Присвирья, где названия на -о_я носят массовый характер, топонимы этого типа в Поволховье достаточно скудны, что, однако, не препятствует установлению единого ареала. Заметим, что второй адаптационный тип (-ручей) абсолютно неизвестен в восточном Поволховье.

Ареал распространения модели -ручей тоже не ограничивается Присвирьем, а выходит далеко за восточные пределы Свири, в Обонежье и далее. Известно, к примеру, что на р. Онеге «русское слово -ручей господствует в полукальках и почти везде вытеснило соответствующий прибалтийско-финский детерминатив -о_я» (Матвеев 1989, 80).

Вероятно, проходящая по Присвирью граница двух принципиально разных интеграционных моделей из местной, присвирской, превращается в более значительную, более масштабную, что, естественно, повышает интерес к ней и причинам ее образования.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание полагать, что модель -о_я сформировалась за пределами Присвирья, условно — в Поволховье, в результате славянского освоения прибалтийско-финской топонимии, а в юго-западное Присвирье она могла быть привнесена в качестве готовой модели для славизации вепсской гидронимии на -o_{ja}: *Kivoja* > *Кивоя*. По мере расширения территории русского освоения в Присвирье расширялся и ареал адаптационной модели на -о_я. Он охватил весь бассейн Паши, а также низовья Ояти и собственно Свири. Паша в районе бывшего Кожельского погоста и Свирь в районе

Важин и Подпорожья — это соответственно крайняя южная и северная точки ареала *-оя* в Присвирье. Однако внутри ареала русская топонимия на *-оя* имеет разный возраст. Приток русских переселенцев в юго-восточное Приладожье зафиксирован по археологическим материалам уже на рубеже I—II тыс. н. э. (Кочкуркина 1973, 67—78). Следовательно, в местах скопления курганов со славянскими элементами и в районе древних погостов топонимия на *-оя* достаточно древняя. В то же время в окрестностях отдельных деревень на Свирско-Оятском водоразделе, население которых было вепским еще в конце прошлого — начале нашего столетия и даже позже (ср. д. Печеницы, Русконицы, Шапша, где записаны образцы вепской речи в первой половине нашего столетия), топонимия на *-оя* стала фактом русской речи совсем недавно. Такие широкие хронологические рамки свидетельствуют о том, что адаптационная модель *-оя* с глубокими историческими корнями была в Присвирье продуктивной на протяжении длительного времени и сохраняет свою популярность в юго-восточной части региона и сейчас. Собственно, интеграция иноязычных названий способом прямого заимствования — самый естественный и широко распространенный способ адаптации, и, может, совсем необязательно исходить из того, что он был привнесен в свое время из восточного Поволжья. Он мог родиться самостоятельно и здесь. Однако он, безусловно, объединяет юго-восточное Присвирье с Поволховьем, особенно на фоне полукалек с термином *-ручей*, получившими распространение в северо-восточном Приладожье. Показательно при этом, что в Посвирье (т. е. по р. Свирь) граница распространения модели на *-оя* совпадает с границей Ладого-Тихвинской группы русских говоров в южном и восточном Приладожье. Отличительные особенности этой группы говоров «являются прямым и непосредственным продолжением процессов, начавшихся еще в новгородском диалекте» (Образование... 1970, 238). Можно полагать в связи с этим, что среди диа-

лектных признаков, привнесенных с новгородской прародины, была и модель адаптации на *-оя*. К тому, что способствовало ее сохранению здесь и воплощению в сотнях названий, мы обратимся позже. Прежде же подчеркнем, что в размещении фонетических вариантов, отражающих прибалтийско-финское *-oja*, наблюдается определенная закономерность: вариант *-уй* преобладает в западном Присвирье — на большей части Паши и в нижнем течении Капши, модель на *-ое* господствует на Ояти и Свирско-Оятском водоразделе, а в верховьях Капши и Паши бытуют варианты с конечным *-я* (*-оя*, *-ая*, *-уя*) — см. рис. 8. Единый ареал, таким образом, разделен внутренними границами, которые — что примечательно — совпадают с границами историко-культурных зон, выделяемых на основе широких лингвистических и археологических данных (Герд 1994), и являются свидетельством неоднородности ареала распространения типа *-оя*. Вариант *-уй* объединяет западное Присвирье в один ареал с Сясю, Тихвинкой и, видимо, в целом с восточным Поволховьем. К сожалению, отсутствие полноценного топонимического материала по восточному Поволховью не дает возможности точнее определить южные и юго-западные границы ареала на *-уй*. Вариант *-ое* представлен в местах, где и сейчас есть вепское население, а в относительно недавнем прошлом (рубеж XIX—XX столетий), как явствует из данных письменных источников разного рода, оно составляло значительную часть населения этой территории. Вероятно, на формировании модели *-ое* сказалось длительное влияние живой вепской модели на *-oja*. Видимо, та же причина объясняет наличие модели с конечным *-я* в верховьях Паши и Капши. В формировании данных фонетических вариантов не все ясно, но несомненно, что это результат важных исторических процессов.

Если тип *-оя* возник как адаптационная модель предположительно за пределами Присвирья, то тип *-ручей* является, очевидно, присвирской инновацией. Ведь именно на Свири, в среднем течении реки, проходит западная граница обширного ареала распространения этой модели. А поскольку славизация Российского Северо-Запада шла преимущественно с запада на

восток, то логично предполагать местное, а не привнесенное происхождение указанного типа топонимной адаптации.

Чем же вызвано резкое изменение модели интеграции и почему оно произошло именно здесь, в среднем Посвирье? Не менее любопытно установить и то, когда, на каком этапе русского освоения данной территории это произошло. Начнем с ответа на последние два вопроса. Известно, что на рубеже I—II тыс. н. э. Свирь была крупной и активно использовавшейся торговой магистралью. Однако, судя по археологическим материалам, древнерусское освоение Свири ограничивалось тогда первыми речными порогами, которые располагались в среднем течении реки. Именно здесь, на восточной границе освоенного участка Свири, в районе бывших Пиркинского и Важинского погостов, существовала перевалочная база пушной и серебряной торговли. В конце XI в. эта торговая «фактория» и вся система торговых связей с Прионежьем прекращает свое функционирование, что обусловлено общей дестабилизацией обстановки в регионе, вызванной переходом ладожского наместничества великих князей киевских и тяготевших к нему приладожских земель под эгиду новгородских князей. После этого почти на полтора—два столетия освоение новых территорий в Посвирье приостанавливается. Археологические свидетельства говорят о том, что заселение верхнего течения Свири и районов Прионежья произошло в XIII, а возможно, и в XIV—XV вв., в эпоху расцвета Новгородского государства (Витов, Власова 1974; Спиридонов 1989).

Приведенные исторические сюжеты, вероятно, объясняют подоплеку происходивших в Посвирье языковых процессов. Они, в частности, дают основание возводить два типа адаптации (*-оя* и *-ручей*) к разному времени древнерусского освоения этих территорий. Первый тип (*-оя*) относится к более раннему этапу колонизации, второй (*-ручей*) по своим истокам более поздний. При этом отметим, что устанавливаемая

археологами граница двух этапов древнерусского освоения Посвирья совпадает географически с диалектной границей, разделяющей Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы говоров. И та, и другая проходят в среднем течении Свири, выше впадения реки Важинки¹².

Несколько слов в пояснение ареала модели *-ручей* в Присвирье. Помимо верхней Свири она представлена также на ее северных притоках. Тип *-оя* малопродуктивен в северном Присвирье, ограничиваясь узкой полосой вдоль северного берега Свири, что подтверждает, видимо, достаточно позднее вхождение этой территории в ареал русского освоения. Южная граница распространения модели *-ручей* в Присвирье проходит в верхнем течении Ояти. При этом в нижнем и среднем течении реки господствует адаптационный тип *-оя*. Верхняя Оять — преимущественно вепсская территория. В вепсском окружении на верхней Ояти существует практически только одно достаточно крупное русское поселение — село Винницы (бывший Веницкий погост). Русские деревни располагаются лишь к северу от Ояти, на Свирско-Оятском водоразделе. Такая ареальная характеристика дает основание предполагать, что русское влияние распространялось сюда не по Ояти, а с севера, по Свири, тем более что Оять в верхнем течении связана водно-волоковым путем через р. Шокшу, систему озер, р. Веранда и оз. Юковское со Свирью. Подтверждением реального использования русским населением этой водной дороги служит

¹² Граница по среднему течению Свири известна не только как граница русского освоения. По свидетельству археологов, она является западной границей древней волго-окской археологической культуры (Герд, Лебедев 1991, карта на с. 74), а также единственным на собственно Свири участком, где представлена приладожская курганная культура X—XI вв. (Спиридонов 1989). С точки зрения топонимных ареалов любопытно, что к среднему Присвирью привязывается северная граница распространения древней прибалтийско-финской *-I*-овой ойконимной модели. Видимо, граница русских говоров, проходящая в среднем Посвирье, в действительности имеет более глубокие, чем древнерусское освоение, истоки, т. е. древнерусская колонизация накладывалась на наметившиеся уже в раннюю эпоху границы. Это, очевидно, дало А. С. Герду основание связывать два типа русских говоров, представленных в Посвирье, с разными типами прибалтийско-финского субстрата (Герд 1984).

местное название *Волок* («деревня Ивашково на Волоке»), зафиксированное писцовыми книгами XVI в. в верховьях р. Шокша (ПК, 331). Винницы, следовательно, своеобразная конечная южная точка отмеченного русского проникновения со Свири через Свирско-Оятский водораздел на Оять. Данный факт объясняет наличие модели на *-ручей* в верховьях Ояти. Она появилась здесь, очевидно, с верхней Свири. Будучи вначале представленной на узком участке Приоятья, модель со временем распространилась на все верхнее течение реки, заменяя по мере обрусения вепсского населения вепсский оригинал на *-oja* (вепс. *Kitoja* > рус. *Кимручей*) или выступая в качестве официальных русскоязычных соответствий вепсских гидронимов¹³.

Район сел Ярославичи—Надпорожье (вепсский регион), расположенных в среднем течении Ояти, стал местом, где две интеграционные модели топонимов: на *-оя*, распространяющаяся вверх по реке, и на *-ручей*, продвигающаяся из Винниц вниз по реке, — соприкоснулись. Любопытно, что именно здесь расположена целая серия достаточно крупных порогов, которые, возможно, послужили в свое время препятствием для древнерусского освоения верховий Ояти и, как следствие, для проникновения туда модели *-оя*. То, что в месте соприкос-

13 Согласно данным диалектной карты, Винницы входят в ареал Ладого-Тихвинской, а не Онежской группы говоров, что вступает в некоторое противоречие с нашими выводами о связи русского населения Винниц с верхней Свирью, включенной в ареал Онежской группы говоров. Как его разрешить? Во-первых, не исключено, что в результате контактов со смежными Ладого-Тихвинскими говорами говор села Винницы и расположенных севернее, в бассейне р. Шокши, русских поселений мог приобрести определенные ладоготихвинские особенности. Не исключено, однако, и то, что диалектная граница на данном участке Приоятья — территории с преобладающим вепсским населением — проведена достаточно условно (разделяет бассейны Свири и Ояти), а выделенная нами топонимная граница уточняет диалектную.

новения двух типов адаптации вепсской гидронимии с детерминантом *-oja* проходит современная административная граница, также имеет, видимо, глубокий исторический подтекст.

Граница двух адаптационных топонимных моделей, проходящая в Присвирье, — это, видимо, результат двух разных этапов древнерусского освоения этого региона, она складывается в XIII—XIV вв. Остается, однако, еще один немаловажный вопрос, требующий разъяснения: почему первоначальная модель с *-оя* потеряла свою продуктивность на вновь осваиваемых территориях и заменилась моделью на *-ручей*? Какие этноязыковые факты стоят за этой сменой и как они сказались на изменении механизма адаптации?

Причина, видимо, состоит в том, что две отмеченные адаптационные модели складывались в разной языковой ситуации. Именно складывались, а не существовали уже в качестве готового типа. Первый тип (*-оя*) родился в условиях господства славянского населения и славянской языковой среды, сложившейся в результате плотного, массированного заселения славянами новгородской прародины и ассимиляции местного прибалтийско-финского населения. Не исключено, что данный тип поддерживался в какой-то степени русской моделью прилагательных на *-ой*, характерной для наименований ручьев: *Глухой*, *Большой*, *Глубокий*, *Каменный*, *Еловый* (в новгородской диалектной интерпретации *Глубокой*, *Каменной*, *Еловой*). В Присвирье, во всяком случае на основном участке, языковая ситуация, как отмечалось, изменилась, однако ко времени освоения его новгородцами, вероятно, уже сложилась древнерусская модель адаптации названий на *-oja* как тип *-оя* (и другие фонетические варианты), которая и была использована в западном Присвирье.

Кстати, названия на *-оя* — не единственный пример прямой интеграции нерусских местных топонимов, известный на новгородской прародине. Выше отмечалось уже, что этот способ был в определенной степени свойственен и лимнонимам, т. е. названиям озер, ср.: *Селигер*, *Уверь*, *Ильмерь* и др. Однако в отличие от модели на *-оя*, ставшей продуктивной, отмеченный лимнонимный тип не превратился в продуктивную модель.

Возможно, сказалась относительная малочисленность озер в Поволховье. Не исключено, что это результат отсутствия той мощной поддержки со стороны русского языка, которая имелась у типа на *-оя* в виде славянских гидронимов-прилагательных на *-ой*. По механизму возникновения перечисленные новгородские лимнонимы могут быть результатом заимствования русским языком отдельных прибалтийско-финских озерных наименований, без осознания сложной структуры интегрированного прибалтийско-финского оригинала. Совсем иной тип лимнонимов присутствует в Присвирье. Здесь, как уже говорилось, господствуют полукальки с переведенным детерминантом *-озеро*, т. е. *Сяргозеро*, *Маткозеро*, *Кайдозеро* и т. д. Бассейн Свири, а точнее его юго-западная граница, является одновременно и юго-западной границей распространения этой чрезвычайно продуктивной на Российском Севере модели. Механизм ее возникновения, видимо, такой же, как у полукалек с основным элементом *-ручей*.

Модель полукальки *-ручей* представлена на верхней Свири и в Прионежье. Здесь распространение новгородского влияния не означало коренного изменения этнического состава населения (Витов 1962, 45; Насонов 1951, 94). Модель сложилась, по-видимому, в результате двуязычия, овладения местным прибалтийско-финским населением русским языком. Ее существование в свою очередь было спровоцировано и поддерживалось двухчастной прибалтийско-финской топонимной моделью типа *Kiv/oja*, *Matk/oja*, *Koiv/oja*.

Этот вывод перекликается с наблюдениями, которые возникают на основе анализа многочисленных типов полукалек в топонимии Русского Севера: «...полукальки появляются в условиях прибалтийско-финско-саамско-русского двуязычия и постепенного обрусения финно-угорского населения. Граница распространения севернорусских полукалек совпадает с установленной по историческим и этнографическим свидетельствам зоной распространения новгородского потока

колонизации, для которого характерны феодальные захваты обширной территории, сопровождающиеся длительной ассимиляцией местного населения» (Гусельникова 1994, 12).

В результате анализа двух русских адаптационных топонимных моделей закономерен вывод о том, что они сформировались, видимо, в разное время и, что не менее существенно, в разной языковой ситуации. Первая (на *-оя*) родилась, вероятно, в условиях преобладающего влияния русского языка, как результат заимствования топонимов русским языком из языка местного прибалтийско-финского населения. В ходе русской колонизации северо-востока, Сяси, Тихвинки и далее Присвирья этноязыковая ситуация, очевидно, меняется. Растет роль прибалтийско-финского компонента, который постепенно становится преобладающим. Однако тип интеграции, привнесенный древними новгородцами из мест прежнего освоения, продолжает функционировать в качестве готовой модели и, возможно, маркирует территорию, попавшую в сферу древнерусской колонизации в эпоху Киевской Руси, до XII в. (что вовсе не означает, что она обрусела также рано). Вторая модель (*-ручей*) возникла, видимо, в результате обрусения местного прибалтийско-финского населения и перенесения им своей топонимной модели в русское словоупотребление. Ее появление на Свири может быть отнесено к новгородской эпохе истории Российского Севера.

В заключение остановимся на топонимах, в которых в качестве определяемого основного компонента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника. Довольно обширны группы топонимов на *-кара* (**кара** 'залив, заводь на озере или реке; глубокое место в реке, омут' — СРГК¹⁴, из вепс. *kar(a)* 'небольшой залив, бухта'¹⁵; *-корба* (**корба** 'чаща, непроходимый лес; болотистое место' —

¹⁴ Выбраны лишь те значения многозначных лексем, которые известны в Присвирье и отразились в здешней топонимии.

¹⁵ Значения прибалтийско-финских ландшафтных терминов приводятся по: Мамонтова, Муллонен, 1991.

СРГК, из вепс. *kor'b* 'глухой лес; сырая низина', люд. *kor'b*, *korbi* 'глухой лес, обычно еловый, растущий на низком сыром месте'); *-орга* (**орга** 'болотистая низина, иногда поросшая еловым лесом; глухой еловый лес' < вепс. *org* 'дремучий лес; овраг, низина', люд. *org* 'низина, сырое место, поросшее лесом'); *-сельга* (**сельга** — многозначная лексема, значения которой группируются вокруг стержня 'возвышенное сухое место, поросшее лесом, использовалось под пожоги' < вепс. *sel'g*, люд. *selg*, *selge* 'кряж, возвышенность, гора'). Соответствующие диалектные лексемы известны на большей части территории Присвирья. Исключение составляет южная окраина ареала, в говорах которой отсутствуют лексемы *сельга*, *орга*. Основной вопрос, встающий в связи с анализом словообразовательной структуры данной группы топонимов, состоит в следующем: являются ли они полукальками (и тогда основной элемент представляет собой русскую диалектную лексему) или же это результат прямого усвоения прибалтийско-финского топонима в русскую топонимическую систему? Для ответа обратимся к конкретным примерам:

-сельга: *Кересельга* ур., *Лебсерьга* бол. [Волх.]; *Липсерьга* пк., *Пясельга* (~ *Пясерга*) ур. [Тихв.]; *Вахтесельга* ур., *Габсельга* ур., *Койсельга* (~ *Косельга*) ик., ур. (неоднократно), *Куесельга* ур., *Мурдосельга* ик., *Палосельга* ик., *Пясельга* (~ *Пясерга*) ур., *Савесельга* пк., *Саосерьга* ур. [Лод.]; *Аласельга* ур., *Анкосельга* ур., *Вадосельга* ик., *Вераньсельга* гр., *Габсельга* ур., *Гараксельга* ик., *Гуляйсельга* ур., *Емсельга* ик., *Ко(й)сельга* д., *Кортосельга* ур., *Коксельга* ур., *Курсельга* д., *Курчисельга* лес, *Кутежсельга* лес, *Марсельга* ик., *Матсельга* бол., *Мягисельга* д., *Нисельга* д., *Оянсельга* ик., *Палешсельга* ик., *Педайсельга* д., *Пурнсельга* ур., *Пярсельга* ур., *Радсельга* ур., *Ребосельга* ик., *Ревсельга* ик., *Редусельга* лес, *Ривсельга* пк., *Сигосерьга* ик., *Стансельга* лес, *Чукосельга* ур. [Поди.]

-кара: названия озерных заливов *Гапкара, Куккаскара, Пойкара, Стартикара* [Лод.]; *Енькара, Ледокара, Лепкара* (неоднократно), *Умбаркара* [Подп.]

-корба: *Кондикорба* ик., *Лухкорба* пл. [Лод.]; *Водокорба* ур., *Палокорба* ик., *Рядкорба* лес [Подп.]

-орга: *Руморга* ик., *Куворги* ик. [Лод.]; *Габорга* ур., *Венорга* пл., *Вехкорга* пл., *Вехкорьга* ик., *Мадорга* ур., *Кукорьга* пл., *Лепорга* ур., *Ремольга* ур. [Подп.]; *Вехкорга* ик., *Галмерга* ик., *Ейнерга* (~ *Енерга*) ик., *Кайдорга* ур., *Редорга* ик., *Сивдорга* пл. [Прион.].

Ареал бытования перечисленных топонимов несколько шире, чем ареал традиционных полукалек. К примеру, ареал модели *-сельга* охватывает всю собственно Свирь, всю Оять, Капшу, а также верховья Паши; *-орга*, *-корба* отмечены на средней и нижней Ояти и нижней Свири. Так что во всяком случае на части территории — к западу и юго-западу от северо-восточного Присвирья, выделяющегося на основании целого ряда классических полукалек, топонимы с конечным *-сельга*, *-орга*, *-корба* могут быть результатом прямой адаптации прибалтийско-финского оригинала. В пользу этого говорят и те фонетические изменения, которым подвергается в ряде случаев *-сельга* или *-орга*, не воспринимающиеся как самостоятельные элементы, идентичные лексемам **сельга** и **орга**, что ведет к относительной свободе фонетических изменений.

Все же основная масса топонимов выделенного типа сконцентрирована в северо-западном углу Присвирья, иначе — в ареале полукалек. Можно ли этот факт рассматривать как свидетельство в пользу калькирования? С одной стороны, достаточных основания для этого, видимо, нет: в северо-восточном Присвирье прибалтийско-финские оригиналы вообще сохранились лучше, чем на остальной территории Присвирья, где они стерлись, утратились в значительно большей степени. Здесь топонимы на *-сельга*, *-кара* и проч. воспринимаются достаточно естественно в ряду других заимствований, таких как *Кузиконда* (**kond* 'крестьянский двор, усадьба'), *Тентонема* (nem 'мыс, полуостров'), *Ванькепелда* (peld 'поле'). К этому

есть смысл добавить и одно немаловажное географическое обстоятельство: сельги как элемент ландшафта представлены в северном Присвирье, а по мере продвижения на юг эта географическая реалья постепенно исчезает. В полном соответствии с этим, к примеру, в вепском Присвирье количество топонимов на *-sel 'g* заметно убывает с севера на юг (Муллонен 1994, 52).

С другой стороны, нельзя полностью исключать того, что некоторые топонимы этой группы могут быть полукальками, однако данное допущение применимо только к северо-восточному Присвирью, ареалу традиционных полукалек.

3.2. Полные кальки и проблема перевода в топонимии

Выявить полные кальки, внешне идентичные русским топонимам, значительно сложнее, чем полукальки. Это удастся в том случае, если сохранился или возможно реконструировать соответствующий прибалтийско-финский оригинал. Если *Грязный ручей* вытекает из *Редозера*, то в названии ручья мы вправе предполагать перевод изначального прибалтийско-финского атрибута. Элемент *ред-* в лимнониме восходит к вепскому *redu* 'грязь'. Точно также наличие в бассейне Ивины пары *Елчинручей* (*joučep* 'лебедь') и *Лебяжье озеро*, являющегося истоком ручья, указывает на то, что название озера, скорее всего, переводное. В свою очередь пара руч. *Быковец* и оз. *Урозеро* (ср. собств.-кар., ливв. *uho*, люд. *uhoi* 'самец' — SKES) в бассейне р. Шакшозерки свидетельствует в пользу перевода в названии ручья. Метонимические кальки, т. е. использование переводного названия для смежного объекта, базируются на гнездовом принципе называния, когда одной и той же основой определяется целый ряд смежных объектов.

Подтверждением перевода в некоторых редких случаях могут выступать и варианты (синхронные или диахронные) одного топонима. Ручей *Кондручей* (*kondi* 'медведь') в бас-

сейне р. Пидьмы был зафиксирован в материалах XVII в. под именем *Медвежий ручей*, а *Гирболото* (hirvi 'лось') в низовьях р. Важины — *Лошей Мох*, доказывающими использование писцами не оригинальных русских топонимов, а переводных калек, которые, однако, не закрепились в устной практике, где из прибалтийско-финского оригинала развились свойственные для верхней Свири полукальки. Примером синхронных вариантов, один из которых отражает прибалтийско-финский оригинал, а другой — его русский перевод, может быть *Койвуши* (~ *Койгуши*) ~ *Березняки* бол. [Пяхта Тихв.]: koiv 'береза'. В вепсском Присвирье достаточно широко используется в названиях возвышенных участков местности топоним *Kukiharj* или *Kukoinharj*, букв. 'петушиный гребень'. В русском Присвирье оно усвоено или в виде *Кукигарья*, *Кукова Гарь*, или же как переводная калька *Петуний Гребень* или даже *Курий Гребень*.

Еще одним критерием полных калек можно считать наличие единичных русских вкраплений в массе субстратных топонимов (обычно гидронимов) определенного замкнутого ареала. К примеру, в пудожском Водлозерье при почти полном господстве дорусской лимнонимии неоднократно представлена модель *Щучье озеро*, что с учетом достаточно последовательного перевода в двуязычных ареалах соответствующего прибалтийско-финского эквивалента (вепс. *Haug/järv*, haug 'щука') дает основание для предположения о его переводном характере¹⁶.

Полукальки являются сложными словами, полные же кальки нельзя ограничивать только цельнооформленными образованиями. Использование русских словообразовательных средств приводит к тому, что прибалтийско-финская модель (существительное в атрибутивной функции + существительное; прилагательное + существительное) может передаваться не только как модель-composita, но и как атрибутивное словосочетание: *Pitk/järv* (pitk 'длинный, долгий') *Долг/озеро*, а

¹⁶ Об условиях, благоприятствующих переводу, см. далее.

также *Долгое озеро*, *Rugiž/oja* (rugiž 'рожь') → *Ржаной ручей*, *Redu/järv* (redu 'грязь') → *Грязн/озеро* и *Грязное озеро*.

Полные кальки выявляются также на двуязычной территории Присвирья — в вепсских и карельских районах, где для некоторых разрядов топонимов существует как прибалтийско-финский, так и русский вариант названия. Двуязычные варианты свойственны прежде всего для ойконимов и гидронимов, особенно названий рек и озер, т. е. для тех топонимов, функционирование которых не замыкается на микротопонимном уровне. Анализ ойконимов показывает, что среди них немало полных калек. Достаточно последовательно, к примеру, переводятся названия поселений с отантропонимным атрибутивным элементом, выраженным христианским именем. Понятно, почему это происходит: христианская антропонимия пришла в вепсский именослов из русского языка, а поэтому поиск русского эквивалента не вызывает сложностей, ср. *Mikoi/mägi*, рус. *Микова Гора*: вепс. *Mikoi* < рус. *Мика* (гипокористический вариант антропонима Михаил); *Juši/mägi*, рус. *Юшина Гора*: вепс. *Juš* < рус. *Юша* (< *Иван*); *Hot'a/mägi*, рус. *Хотеева Гора*: вепс. *Hot'a*, *Hotei* < рус. *Хотя*, *Хотей* (< *Фатей*).

Проблема образования полных калек тесно смыкается с проблемой перевода в топонимии. Почему одни из этимологически прозрачных топооснов в процессе адаптации топонима переводятся (*Pitk/järv*, *pitk* 'длинный, долгий' → *Долгозеро* или *Долгое озеро*), а другие нет (*Kaid/järv*, *kaid* 'узкий' → *Кайдозеро*)? Насколько случаен или, наоборот, закономерен этот процесс?

В ходе работы над «Словарем гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)» (СГБС), включающем в себя наименования приблизительно 6 000 водных объектов Присвирья, выявились наряду с безусловными случайными переводами и определенные закономерности. Оказалось, что достаточно последовательно переводятся только топоосновы с качественной семантикой, причем и из них лишь некоторые совершенно определенные основы: *must-*

'черный' (т. е. вепс. *Mustjärv* или кар. *Mustdärvi* в русской устной передаче, а также на картах, в списках, исторических документах и прочих источниках выглядит — практически без исключения — как *Черное озеро*), *vouged-* 'белый' (вепс. *Vougedjärv* → рус. *Белозеро* или *Белое озеро*), *pitk-* 'длинный', *vär-* 'кривой', *süvä-* 'глубокий', в названиях болот *laged-* 'открытый, безлесый' (в русских переводах используется соответствие 'гладкий', т. е. *Laged/so* → *Гладкое болото*) и некоторые другие.

Среди основ, входящих в другие семантические разряды, тенденцию к переводу обнаруживают топоосновы *hein-* 'сено' (*Hein/oja, -so, -järv* → *Сенной ручей, Сенное болото, Сенное озеро* или *Сеннозеро*) и *haug-* 'щука' (*Haug/järv* → *Щукозеро* или *Щучье озеро*). Последний случай, может быть, особенно показателен: из всех названий рыб, встречающихся в прибалтийско-финских гидронимах Присвирья, достаточно последовательно переводится действительно лишь *haug* 'щука'.

Выявленная тенденция имеет историческую перспективу, подтверждающуюся письменными документами XVIII в. (ср. материалы и карты Генерального межевания), а в некоторых случаях и более ранними источниками, в частности, писцовыми книгами Обонезской пятины XV—XVI вв. Она, кроме того, не ограничивается Присвирьем. Примерно такой же набор русских основ обнаруживается в гуще субстратных гидрооснов в русском Пудожье, осваивавшемся новгородцами приблизительно в одно время с верхним Присвирьем.

Анализ большого количества гидронимного материала позволяет сделать следующее предположение. Одно из важных условий переводимости прибалтийско-финских атрибутивных топооснов заключается, видимо, в наличии соответствующей модели в воспринимающей русской топосистеме данной или смежной территории. Если таковая имеется, то усваиваемый топоним легче подстраивается под нее, занимает место в готовой ячейке. Если же такой модели не оказывается, то, несмотря на ясную семантику, возможности перевода ограничены.

Это предположение иллюстрируется одним достаточно показательным случаем в Присвирье. При усвоении вепских и карельских гидронимов с атрибутивной основой *ahven-* (*ahv-*, *ahn-*) 'окунь' последняя, как правило, не переводится. В результате в бассейне Свири — и на русской территории, и в русском употреблении в вепском и карельском ареале — среди десятков гидронимов *Агвозеро*, *Агнозеро*, руч. *Агвое* и т. д. встретилось лишь одно оз. *Окунево*, а также оз. *Окунь*, из которого вытекает *Окунев ручей*. Однако знаменательно, что на южной и юго-западной окраине бассейна Свири, а также непосредственно вдоль русла самой Свири и вдоль водного пути из Онежского озера в Белое море, т. е. в местах, раньше, чем остальное Присвирье, освоенных русским населением, в гидронимии присутствует русское диалектное слово **острец** или **остреч** 'окунь' (рис. 9): *Остречина* р., *Остречка* р., *Острецкое озеро*, *Остречье* оз., *Острецкий ручей* и т. д., в том числе и в топонимах, для которых известен вепский оригинал (ср. *Остречина* р. — вепс. *Ahnuz/d'ogi* в северном Присвирье). Видимо, в свое время основа *острец* была достаточно продуктивной в русской топонимии в Новгородских владениях; в результате для усвоения прибалтийско-финской топоосновы *ahven-* существовала соответствующая готовая модель в русской топонимии: *Ahven/järv*, *Ahn/järv* → *Остречье* оз. Однако с утратой лексемы **острец** из русских говоров Присвирья, исчезла и продуктивная русская гидронимная модель. Это привело к тому, что на территории более позднего русского освоения в Присвирье для вепс. *Ahn/järv* готовой модели не оказывалось, поэтому при передаче на русский язык приходилось ограничиваться лишь фонетическим усвоением основы, т. е. *Ahn/järv* → *Агнозеро*.

Предшествующий пример свидетельствует о том, что проблема перевода в топонимах имеет выход на решение этноисторических задач: топооснова *острец-/остреч-* маркирует места относительно раннего русского освоения в Присвирье.

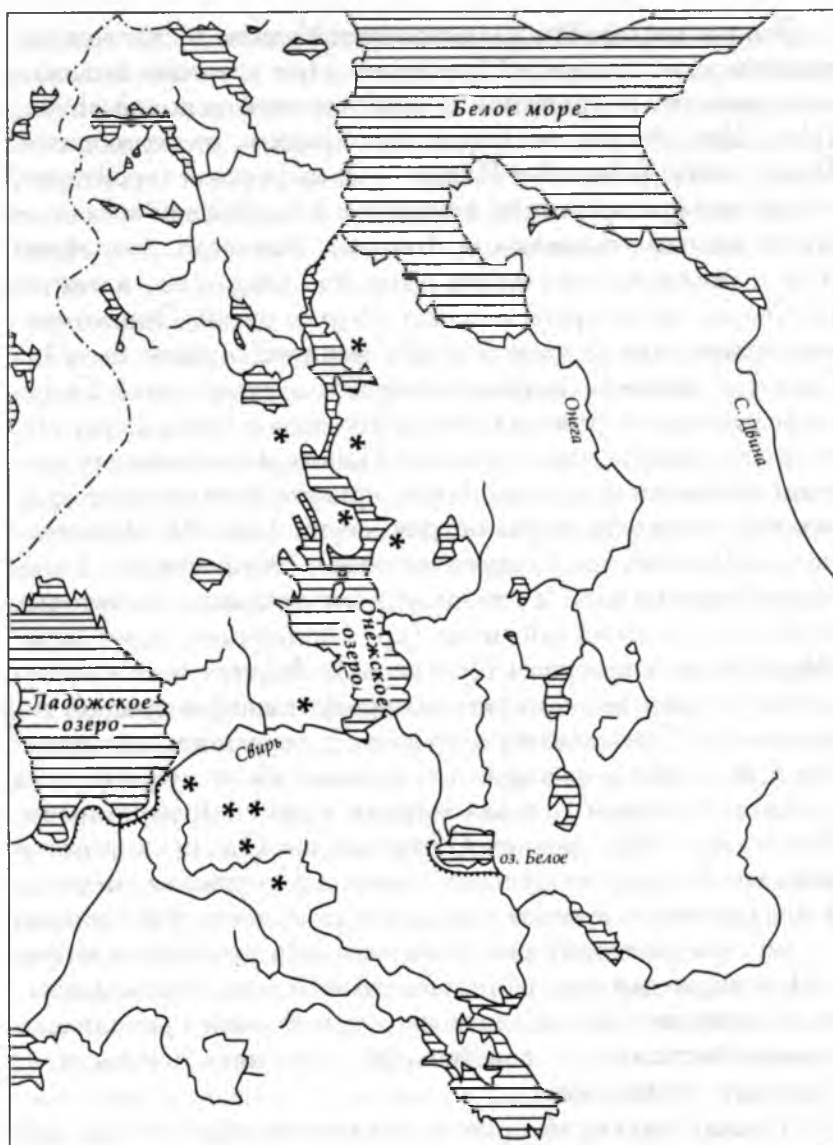

Рис. 9. Распространение гидронимов
с основной **остреу-/остреч-** в Присвирье и Обонежье:

* — гидронимная основа **остреу-/остреч-**

Проблема перевода в комплексе с вопросами истории языка и истории освоения территории отразилась в русских соответствиях вепских и карело-людиловских гидронимов с основой *pühä*- 'святой'.

Приведем вначале список географических названий, послуживших материалом для анализа. Он составлен на основе полевых данных, картографических источников, справочной литературы (рис. 10):

Pühädärvi оз. — рус. *Святозеро*; *Pühäd'ogi* р. — рус. *Святрека* [бас. р. Шуя]

Pühädärvi оз. — рус. *Пигозеро* [бас. р. Олонка]

Pühäd'ogi р. — рус. *Святуха*, на картах начала XIX в. р. *Пуда* [бас. р. Важина]

Святуха р., в материалах XVI в. *Святая речка*; *Святозеро* оз. [бас. р. Свирь]

Святуха оз., представляющее собой залив Онежского озера [Заонежский полуостров]

Светозеро оз. [бас. р. Выг]

Святозеро оз. в истоках р. Кумбаса [бас. р. Водла]

Святое оз. или *Святозеро* в истоках р. Пидьмы [бас. р. Водла]

Пихозеро оз. и *Пихручей* руч. на р. Поршта [бас. р. Водла]

Pühär оз. или *Pühälaht* — рус. *Постное* или *Пигозеро*, представляющее собой восточную часть (залив) (ср. вепс. *laht* 'залив') оз. Шимозера [Онежско-Белозерский водораздел]

Pihar оз. — рус. *Пигозеро* или *Святозеро* оз., на картах XVIII в. Нюх оз.; *Святозерка* р. [бас. р. Лидь]

Pühäjärvi оз. — рус. *Святозеро* [бас. р. Суды]

Святозеро оз. [бас. р. Киуйка в Белозерье]

Святозеро оз. [бас. р. Шола в Белозерье].

Есть основания предполагать, что наш список может быть дополнен данными с территории Архангельской области, где в бассейнах рек Онеги и Двины известен целый ряд озер

Рис. 10. «Святые» гидронимы в Обонежье:
 1 — гидронимы с основой *рѣнѣ-*, *свят-*, *пиг-/пих-*;
 2 — границы новгородских погостов и патиин

с названиями *Святозеро* и *Святое* (см., к примеру, материал И. А. Летовой — Летова 1988). Наряду с русскими истоками для некоторых из них не исключены и прибалтийско-финские. На это указывает косвенным образом хотя бы двуосновная модель (*Свят/озеро*), спровоцированная прибалтийско-финским оригиналом. К сожалению, отсутствие в нашем распоряжении данных по точной локализации гидронимов с основой *свят-* в бассейнах Онеги и Двины не дает возможности нанести их на нашу карту. Тем не менее отмеченный на ней ареал прибалтийско-финских гидронимов с основой *pühä-* и их русских эквивалентов, очевидно, продолжался на восток, в Заволочье.

Из приведенного списка явствует, что прибалтийско-финская гидрооснова *pühä-* передается на русский язык по-разному. С одной стороны, происходит ее фонетическое усвоение (ср. *Пигозеро*, *Пихозеро*), а с другой — перевод. При этом в переводах превалирует семантика 'святой' (*Святозеро*, *Святуха*), хотя отмечен по крайней мере один случай, когда в переводе присутствует основа *пост-* (*Постное оз.*). Чем же вызвано наличие разных русских вариантов? Видимо, за ним стоят непростые этноязыковые процессы, которые, к тому же, должны рассматриваться в контексте ономастических закономерностей.

Начнем с того, что в восточных прибалтийско-финских языках — карельском, вепсском, ижорском — семантика 'святой', присущая прибалтийско-финскому слову *pühä*, под воздействием православной традиции (в которой святое, или праздничное, время сопряжено с постом) отошла на задний план, а вперед выдвинулось значение 'пост', оно и воплотилось в шимозерском гидрониме *Постное озеро*. Местные жители связывают происхождение названия с отсутствием рыбы в восточной части Шимозера. Однако реальные основы топонима, видимо, в другом. Он входит в обширный вепско-карельский ареал гидронимов с основой *pühä-*, причем в русских переводах превалирует не семантика 'пост' а семантика 'святой': *Pühäjärv* > *Святозеро*, *Pühäd'ogi* >

Святуха и др. Предпочтение, отдаваемое семантике 'святой', связано, возможно, с временем русского освоения большинства прибалтийско-финских гидронимов с основой *rühä*-. оно произошло еще в период господства именно этого значения у слова *rühä* в восточных прибалтийско-финских языках. Кроме того, факт передачи прибалтийско-финской модели *Pühajärv* через *Святозеро* или *Святое озеро* дает основание реконструировать прибалтийско-финский оригинал и для некоторых из тех «святых» гидронимов на Русском Севере, прибалтийско-финский оригинал которых не сохранился. Дополнительными критериями в пользу переводного характера является упоминавшаяся уже выше двусловная модель полукальки: *Свят/озеро*, *Свят/река*, а также то, что они бытуют в окружении субстратной гидронимии.

Имеется и еще одно весьма существенное обоснование прибалтийско-финских истоков по крайней мере тех русско-язычных «святых» (т. е. с основой *свят-* в названии) озер, рек и ручьев, которые приведены в нашем списке. Всем им присуща географическая особенность, отмеченная у финских и эстонских гидронимов с основой *rühä*-. Такие названия встречаются у водных объектов, которые являются последними, замыкающими в цепи озер, ручьев и рек определенной водной системы или ее участка и примыкают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого (рис. 11). Можно добавить, что на берегах «святых» озер и рек чаще всего отсутствуют, а судя по историческим материалам, и прежде отсутствовали поселения. Подобные «святые» гидронимы, как правило, отмечены к тому же в стороне от важных водно-волоковых путей. Чем обусловлены такие особенности? Видимо, причина заключается в древней семантике прибалтийско-финской лексики *rühä*-. Предполагают, что ее религиозно-магическое значение не изначально, а развилось из более ранней семантики 'изгородь, ограда, граница' через значение 'выделенное для религиозных целей место' (Хакулинен 1955, 87). Аналогичного мнения придерживается В. Антттонен (Anttonen 1994, 27), который подчеркивает, что

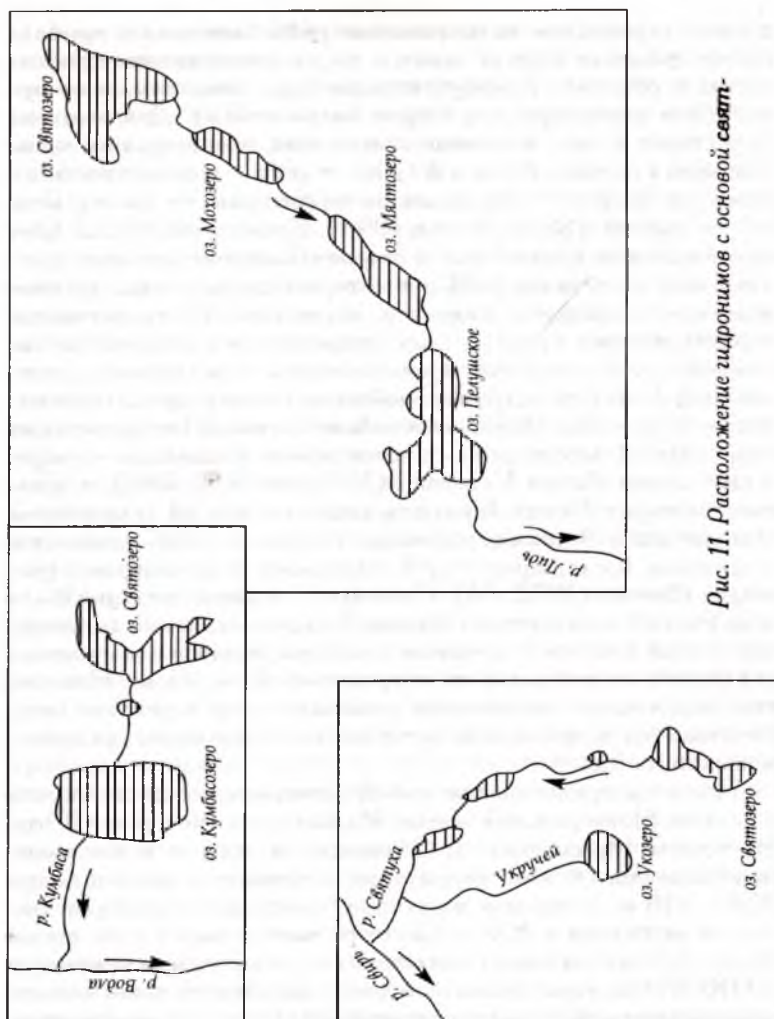

Рис. 11. Расположение гидронимов с основой *свят-*

древнее германское заимствование *rühä* бытовало в прибалтийско-финских языках задолго до распространения христианства и означало границу, отделяющую свою землю от чужой (или находящейся в общем пользовании). Для лексемы существует и своя, исконная этимология, исходящая из лабиализации *i* первого слога в *ü* (*piha* → *rühä*) и семантического развития 'двор' → 'обособленная территория' → 'святое место' → 'святой' (SSA; Nilsson 1996). Кроме того, SKES приводит финские диалектные и старописьменные примеры производных от основы *rühä*-, в которых сохранилось древнее значение 'огородить, отделить, выделить'. Географическая характеристика приведенных гидронимов с основой *rühä*- свидетельствует, как нам представляется, о реальном существовании этой реконструируемой семантики у прибалтийско-финской лексемы. Возможность именно такой интерпретации гидронимной основы *rühä*- в эстонской топонимии не отрицал в свое время Лаури Кеттунен (Kettunen 1955, 249), а финский историк Сеппо Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *rühä*- привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам (Suvanto 1972, 54). Очевидно, сходная ситуация была и на Российском Северо-Западе. И здесь «святые» гидронимы могли помечать древние границы местного населения и служить своеобразными пограничными знаками. Помимо географического положения «святых» озер и рек это подтверждается и привязкой части из них к границам средневековых погостов.

Погосты представляли собой административные округа в составе Новгородской земли. Их начальная история в Юго-Восточном Приладожье и Обонежье не ясна, т. к. письменные сведения об этой территории появляются лишь с конца XII—XIII в., а первые подробные описания территории погостов относятся к XV в. По этим материалам в свое время была составлена карта погостов (см. карту, приложенную к ПКОП), которая оказалась довольно убедительной в плане географической характеристики «святых» гидрообъектов.

Наложение карты погостов на карту размещения «святых» гидронимов свидетельствует о том, что многие из последних

привязаны как раз к границам погостов. В качестве примера можно привести Важенский погост, на территории которого встречаются три «святых» озера и две реки: на севере оз. *Pühädärvi* — рус. *Святозеро*, входящее в бассейн р. Шуи; на юго-западе граница, разделяющая Важенский и Олонецкий погосты, проходит в месте расположения оз. *Pühädärvi* — рус. *Пугозеро* (бассейн р. Олонки); на южной границе, между Важенским и Веницким погостами, расположено оз. *Святозеро*, из которого вытекает р. *Святуха*, впадающая в Свирь; наконец, на восточной границе Важенского погоста, отделяющей его от территории Остречинского погоста, находятся верховья р. *Pühäd'ogi* — рус. *Святуха*, впадающей в Важину. На Заонежском полуострове оз. *Святуха* — залив Онежского озера — разделяло Шунгский и Толвуйский погосты. В Пудожье оз. *Святозеро*, входящее в бассейн р. Кумбасы, располагается на границе Обонежской пятины и Заволочья, двух крупных административных единиц Новгородской земли (рис. 10).

На основе приведенного историко-географического факта (целый ряд «святых» гидронимов Российского Северо-Запада привязан к границам средневековых погостов) допустимы два вывода. Первый — ономастический, постулирующий переводной характер русских гидронимов *Святозеро*, *Святуха* и других в этом регионе. Расположение рек и озер на древних границах показывает, что в основе их названий лежит прибалтийско-финское слово *rühä*, обозначающее ограду, границу. Второй вывод — исторический. Подтверждается реальность предположения археологов о том, что границы погостов восходят к более ранним территориальным подразделениям местного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до распространения новгородского господства. Каким временем можно датировать эти местные границы? Судя по письменным источникам, погосты, особенно на востоке территории — в восточном Обонежье, Подвинье, — существо-

вали уже в XII в. Исходя из этого, предполагается, что территориальные подразделения местного населения, которые послужили основанием для новгородских погостов, сложились не позднее XI в. (Кочкуркина 1973, 74). XI в. — это, очевидно, наиболее поздняя, верхняя граница. В принципе нет препятствий возводить ее к более раннему времени, к рубежу тысячелетий и даже к концу I тыс. н. э., как и на территории Эстонии и Финляндии, где гидронимы с основой *rühä-* 'святой' привязаны к родовым границам железного века.

Русские соответствия типа *Святое озеро*, *Святуха* отражали тот момент в семантическом развитии прибалтийско-финского *rühä*, когда первоначальное значение 'ограда, граница' было уже не актуальным, а возобладала семантика 'святой'. Именно она отражена в многочисленных переводных *Святозерах*, *Святухах* и т. д.

В связи с этим встает один из принципиальных вопросов взаимодействия топонимов — проблема перевода топонимов. В ареале распространения гидронимов с основой *rühä-/ свят-* есть сотни местных наименований водных объектов, стабильно передающихся по-русски путем фонетического усвоения основы: *Kaidjärv* > *Кайдозеро*, *Ladvjärv* > *Ладвозеро* (*ladv* 'вершина, исток'), *Habjärv* > *Габозеро* (*hab* 'осина'). Почему же основа *rühä-* чаще переводится (*Святозеро*), чем сохраняется (*Пигозеро*)? Проблема в данном случае не в этимологической ясности: речь идет, как показывают примеры, об этимологически прозрачных основах. Видимо, объяснение вновь кроется в наличии соответствующей модели в воспринимающей русской топонимической системе данной или смежной территории.

Основа *свят-* входила, очевидно, в разряд продуктивных русских топонимных элементов. Она отмечена, к примеру, Н. В. Подольской в числе типовых славянских топооснов-прилагательных (Подольская 1983, 152). В. Н. Топоров, анализируя глубинные индоевропейские корни славянского *свят-*, указывает на использование этой основы в балтийских и славянских гидронимах (Топоров 1988, 28, 36). Будучи естественным типовым русским гидронимным элементом,

основа *свят-*, видимо, достаточно легко замещала семантически равнозначную прибалтийско-финскую основу.

С появлением у лексемы *rühä* позднего значения 'пост, постный', оттеснившего на задний план семантику 'святой', связка *Pühäjärv*—*Святозеро* перестает работать. Что же касается топоосновы *пост(ный)*, воплотившейся в единственном известном нам переводе *Pühär* — *Постное озеро*, то она явно не входила в число продуктивных русских топонимных элементов. Не с этим ли сопряжено бытование рядом с переводным вариантом *Постное озеро* и фонетического — *Пигозеро* и вообще фонетическая адаптация топоосновы *rühä* > *piг*-? Примечательно, что все озера с названием *Пигозеро*, за исключением одного, расположенного в Пудожье *Пихозера*, находятся вглуби вепсской территории, вдали от основных путей русской колонизации, т. е. в местах, поздно ощутивших русское воздействие. Пудожские *Пихозера* и *Пихручей* в действительности могут иметь и другие этимологические истоки и восходить к *Pihkjärv* (ср. вепс. *pihk* 'густое мелколесье, молодой хвойный лес'), где на стыке двух основ произошло упрощение фонетического состава: *Pihkjärv* > *Pihjärv* > *Пихозера*.

В заключение рассмотрим подробнее ареал распространения гидронимной модели с основой *rühä*- и соответствующими русскими эквивалентами. Он охватывает территорию южной Карелии (перешеек между Ладожским и Онежским озерами), восточную часть Онежско-Ладожско-Белозерского межозерья, восточное Обонежье, распространяясь на восток вплоть до Двины. Такая ареальная характеристика данной гидронимной модели помогает уточнить конкретные этноязыковые истоки и время ее появления на территории Российского Северо-Запада. В самом деле, гидронимный ареал в основном повторяет предполагаемый ареал распространения вепсов на Российском Северо-Западе. Это современная территория расселения вепсов в Межозерье, между Онежским, Ладожским и Белым озерами, это Онежско-Ладожский

(Олонецкий) перешеек — территория современного проживания карел-ливвиков и карел-людиков, сформировавшихся в результате продвижения карел в места, занятые до них вепсами. Онежско-Ладожский перешеек, следовательно, бывшая вепская территория. Вся восточная часть ареала — это современные русские районы, однако здесь в языке, культуре, истории сохранилось множество следов, свидетельствующих о прибалтийско-финском — прежде всего вепском — прошлом. В то же время гидронимной модели нет, по нашим данным, на территории центральной и северной Карелии, освоенной собственно карелами и не испытывавшей вепского воздействия. Отсутствие модели в «карельской» Карелии показательно в плане ее хронологии: гидронимы с основой *rühä*- широко известны в Северо-Западном Приладожье, т. е. там, где формировалась историческая корела, где проходили начальные этапы ее истории (Nissilä 1975, 91). Однако данная гидронимная модель не была принесена карелами на восток и северо-восток региона карельского освоения. Очевидно, к тому времени, когда начинается экспансия карел на территорию современной Карелии (а это происходит, видимо, с XI—XII вв.), модель *Pühä/järvi*, - *joki* уже утрачивает свою продуктивность. Понятно, почему это происходит: к этому времени старая семантика слова *rühä* 'граница, ограда', воплотившаяся в гидронимной основе, вытесняется значением 'святой', вероятно, не свойственным прибалтийско-финской гидронимии. Указанные хронологические факты стыкуются со стадиями развития семантики 'святой', свойственной русским переводам (*Pühäjärv* > *Святозеро*). Данная модель (*Святозеро*, *Святое озеро*, *Святуха*) представлена на территории, испытывавшей древнерусское воздействие с XI—XII вв.

Итак, гидронимная модель с основой *rühä*-, видимо, не была характерна для карельской топонимической системы периода восточной экспансии. А поэтому ее следы в топонимии Российского Северо-Запада должны быть связаны с более ранней волной

прибалтийско-финского расселения — очевидно, с вепсской. Этапы семантического развития слова *rühä*, закрепившегося в качестве гидронимной основы, свидетельствуют о том, что продвижение вепсской волны на восток должно было произойти не позднее конца I тыс. н. э., то есть в период изначальной семантики. Древнерусское освоение этой территории застало уже следующий этап в семантическом развитии *rühä* и отразило его в многочисленных переводных *Святозерах*, *Святухах*. С дальнейшим изменением семантики слова *rühä* эта гидронимная модель теряет продуктивность.

Заметим, что в прибалтийско-финской ономастике имеется и другой взгляд на истоки происхождения «святых» топонимов, согласно которому последние привязывались к культовым местам населения (см., например, Мамонтова 1991). Очевидно, нет оснований отвергать такую интерпретацию применительно к наименованиям возвышенностей (*Pühämägi*, *Pühäselgü*), мысов (*Pühäniemi*), островов (*Pühäsuari*), ручьев (*Pühäoja*) и т. д., где основа *rühä*- достаточно продуктивна и связана чаще всего с тем, что вблизи перечисленных мест располагались церкви, часовни, кресты. Однако гидронимы — названия озер, рек, иногда ручьев (главным образом, вытекающих из «святых» озер) — отражают, видимо, иной уровень номинации. Это подтверждают приведенные выше этноязыковые факты.

Проблема перевода, таким образом, увязывается довольно тесно с хронологическими рамками существования определенных топонимных моделей и в силу этого важна для этнолингвистики, истории языка, этнической истории.

В заключение отметим, что тенденция к переводу определенных топооснов, выявленная на основе гидронимии, видимо, проявляется и в других разрядах топонимов, хотя набор топооснов, подверженных переводу, варьируется в них в зависимости от набора семантических моделей и конкретных основ, свойственных каждому определенному разряду топонимов.

Глава III

ВЕПССКО-КАРЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ В ТОПОНИМИИ СЕВЕРНОГО ПРИСВИРЬЯ

Северное Присвирье, т. е. территория вдоль северных притоков Свири, имеет свою этническую специфику на фоне южного, проявляющуюся в менее интенсивном русском воздействии, а также в присутствии людиковских поселений в бассейнах северных притоков Свири рек Важинки и Усланки. На системе озер, расположенных в верховьях р. Усланка, находится людиковское село Михайловское (кар. Kuujärvi), в говоре которого исследователи отмечают присутствие значительных вепских особенностей. На р. Важинка, в ее верхнем течении располагалось людиковское поселение Кашканы (кар. Kaškuon), а ниже по реке — с. Мошничье (кар. Mecuonem). В 1960—70-е годы оба они прекратили свое существование. Старые людиковские центры, села Согиницы и Заозерье, располагающиеся в нижнем течении Важинки, к настоящему времени обрусели полностью, хотя еще в середине XX столетия в Заозерье удалось зафиксировать образцы людиковской речи (Tuuninen 1977, 176). Карельским, по воспоминаниям жителей, было в прошлом и с. Пидьмозеро в истоках северного притока Свири реки Пидьмы (Tuuninen 1977, 176). На востоке людиковское Присвирье граничит с русским, протянувшимся вдоль северного притока Свири реки Ивинки. При этом топонимия Ивинки в совокупности с другими языковыми данными, а также свидетельствами этнографии указывает на вепское прошлое этой территории и связь ее с ареалом современного расселения прионежских вепсов. Последний непосредственно примыкает к свирскому бассейну с востока. В ареальном плане характерно то, что северная граница бассейна Свири является на значительном

протяжении одновременно и этноязыковой границей, разделяющей ливвиковский и ливвиковский ареалы (рис. 12). Хотя ливвиковские поселения вплотную подходят к верховьям северных притоков Свири рек Усланки, Мандроги, Важинки, их все же нет в бассейне реки. Это географическое обстоя-

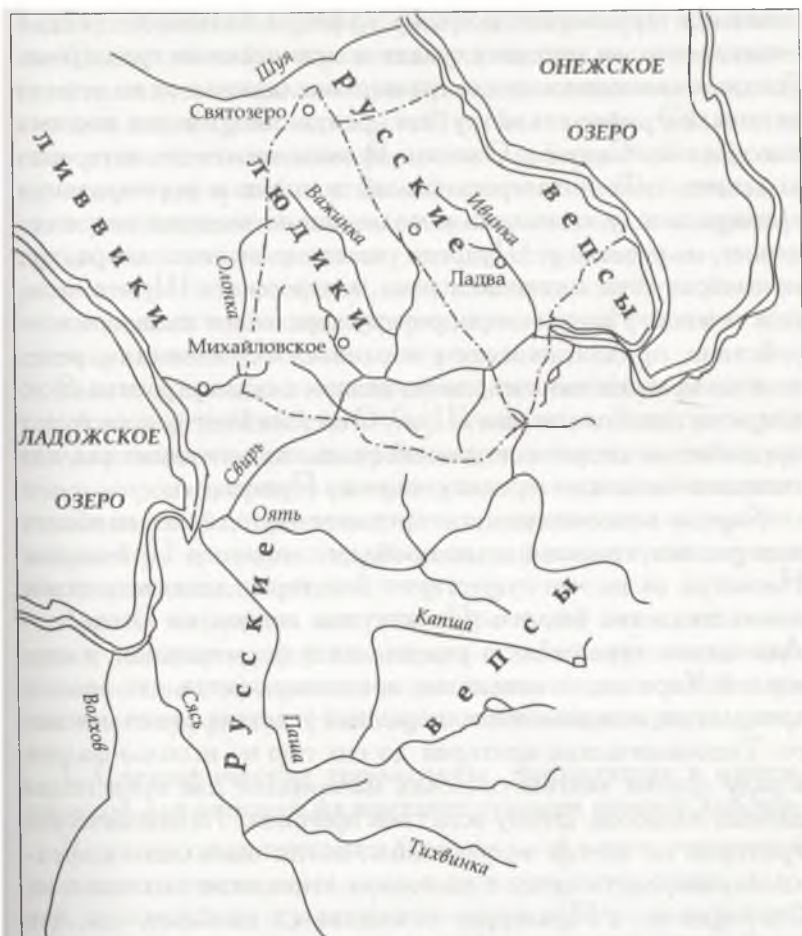

Рис. 12. Современная этноязыковая ситуация в Присвирье.
 - - - - - границы Важинского и Остречинского погостов

тельство отражает интенсивность как карельского, так и вепсского воздействия на разных участках Онежско-Ладожского перешейка, а также подтверждает закономерность, выявляющуюся и на других границах Присвирья: водные пути формировали потоки, основные направления освоения территории; поэтому границы водных бассейнов становились во многих случаях и этническими границами. Людиковско-ливвиковская граница накладывается на естественно-географический рубеж, разделяющий два водных бассейна — Свири и Олонки. В этом контексте интересно выяснить, почему географический принцип в формировании границы между ливвиками и людиками не выдерживается севернее, на участке р. Шуя, где указанная этническая граница не соотнобразуется с течением реки, а пересекает Шую в нижнем течении. Иначе говоря, почему карельское языковое воздействие, продвигавшееся с верховьев Шуи вниз по реке, если не приостановилось, то во всяком случае утратило свою мощь на нижнем участке Шуи? Ответ на этот вопрос будет предложен в заключение данной главы, на основании анализа топонимического материала северного Присвирья.

Карело-вепсское контактирование — одна из наиболее интересных этноязыковых проблем северного Присвирья. Несмотря на то, что существуют некоторые лингвистические доказательства былого присутствия вепсов на Онежско-Ладожском перешейке и участия их в формировании языка южной Карелии, в механизме контактирования, его ареале, хронологии, интенсивности на разных участках много неясного. Топонимические критерии до сих пор не использовались в ряду других лингвистических материалов для прояснения данных вопросов. Этому есть свои причины. Топонимические критерии не всегда эффективны, когда выявляются ареалы близкородственных в языковом отношении коллективов. Ситуация же в Присвирье осложняется вдобавок тем, что речь идет не просто о близкородственных языках, а о вхождении одного составной частью в другой: вепсский, по общему представлению исследователей истории формирования ливвиковского и людиковского наречий карельского языка, был

здесь перекрыт и поглощен карельским. Топонимная лексика, т. е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходят в массе своей к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков, и, следовательно, не обладают способностью дифференцировать языковые коллективы. Это чрезвычайно ограничивает диапазон надежных топонимных основ-меток, свойственных исключительно вепсской или исключительно карельской топорсистемам. Сказанное относится и к топонимным формантам, набор которых в целом един для карельской и вепсской топонимии. Фонетические критерии также малопоказательны: топонимы, воспринятые пришлыми карелами у вепсов, легко подстраивались — в силу родственности топорсистем, использования ими этимологически единых топороснов и формантов — под фонетическую систему местных карельских говоров.

Вместе с тем даже ограниченные возможности делают из топонимии ценнейший источник этноязыковой истории, ибо географические названия, привязанные к карте, способны реконструировать ареалы распространения определенных языковых явлений в прошлом, пути проникновения отдельных моделей на искомую территорию, а в некоторых случаях и хронологию этих событий.

Анализ топонимии северного Присвирья позволяет наметить в ней некоторые факты карело-вепсского противостояния в топоросновах, топонимных моделях или типах, а также в топонимных суффиксах. Ниже предлагается их интерпретация.

1. Специфические топоросновы, восходящие к оригинальной для каждого из контактирующих языков лексике

В целом, таких топороснов немного — и в силу отмеченной уже идентичности карельских и вепсских топонимных моделей, и вследствие ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топороснов. Но тем ценнее метки, которые удастся обнаружить. Поскольку вепсское языковое и топонимное наследие представлено в северном Присвирье лишь

в виде субстрата, в то время как людиковская топонимия продолжает функционировать здесь как живая развивающаяся система, карельские дифференцирующие основы обнаруживаются легче, чем вепские. Очень четкой карельской меткой, к примеру, является карельский географический термин *lambi* 'лесное озеро', неизвестный вепсам¹⁷. Примечательно в связи с этим отсутствие его в говоре с. Михайловское, сохранившем целый ряд характерных вепских особенностей. Из всего северного Присвирья слово представлено в говорах и топонимии по р. Важинке, куда проникло, очевидно, с севера, с реки Шуи, через Святозеро, в зоне притяжения (в том числе административного подчинения) которого находились поселения верхней и средней Важинки. При этом лексема, видимо, не имеет на Важинке давней традиции, поскольку ее функционирование в топонимии ограничивается только детерминантным употреблением, которое, к тому же, заметно убывает по мере удаления от верховий реки к низовьям. Лексема известна также русским говорам, бытующим в верховьях другого северного притока Свири реки Ивинки. В здешних русских говорах *ламба*, *ламбина* 'небольшое лесное озеро', в топонимном употреблении слово не зафиксировано. Видимо, на верховья Ивины слово проникло из расположенных севернее, в бассейне Онежского озера и реки Шуи, людиковских поселений. В целом можно констатировать, что позиции карельской лексемы *lambi* в лексике и топонимии северного Присвирья достаточно слабы. Это, видимо, отражение былой вепской традиции, не знавшей соответствующего слова.

Среди дифференцирующих карельских топооснов северного Присвирья: *särke* (*Särke* гр.), *lodm* (*Lodm* ук., *Lodmunniitty* бол.), *mander* (*Manderenkuar* зал.), *huba* (*Hubadärv* оз.), *rada*

¹⁷ Вилье Ниссиля полагал, что следы былого функционирования слова в вепском языке сохранились в вепской топонимии (Nissilä 1947, 8). Однако наши вепские топонимные материалы, в которых полностью отсутствуют какие-либо достоверные следы этой лексемы, свидетельствуют, скорее, в пользу того, что вепский язык ее не знал.

(*Radapalte* пл.) и др. Все они отсутствуют в вепском не только в качестве апеллятивов, но и топооснов. Оригинальной карельской топоосновой, отраженной в топонимии по р. Важинке, является *lammen* 'расширение реки, участок со спокойным непорожистым течением' (SKES). С этим согласуется и ареал русской топонимной модели-полукальки с детерминантом *-плесо* 'участок реки со спокойным течением, обычно между порогами', которая фиксируется исключительно на Важинке и Ивине, т. е. в зоне людиковского языкового влияния: *Корбоплесо*, *Пурноплесо*, *Рыдайплесо* и др. (см. подробнее в гл. II). На остальной территории русского Присвирья модель неизвестна, что согласуется с отсутствием соответствующего оригинала в вепском Присвирье.

Представление списка показательных карельских топооснов, дифференцирующих карельскую систему имен северного Присвирья от вепской, завершим основой *lappi*, видимо, несущей этнонимическую семантику: *Lapinlahte* зал., *Lapindärve* оз. [Михайловское Олон.], *Lapinsuo* бол., *Lapinsuared o.* [Мошничье Пряж.], к которым добавим *Lapinsuo* бол., расположенное на Свирско-Шуйском водоразделе. Этнонимическое происхождение топоосновы в данном случае предпочтительнее, чем сопоставление с карельской лексемой, отразившейся в наречных образованиях *lappieči* 'стороной', *lappieh* 'в сторону, на стороне', *lappies* 'в стороне' (Макаров), в связи с ее генитивной формой. Этноним абсолютно неизвестен в вепской языковой среде, он не фиксируется и в топонимии ареала современного и исторического вепского расселения, зато бытует в карельской среде, где обозначает, как правило, соседей с севера (KKS). В южных людиковских говорах, однако, лексема не фиксируется (во всяком случае не отразилась в словарях), поэтому нет возможности представить ее семантическое наполнение в ареале северного Присвирья.

Особенно показательны дифференцирующие вепские топоосновы в северном Присвирье. Среди них есть как элементы, отразившиеся и на апеллятивном, и на топонимном срезе, так и собственно топонимические, не зафиксированные

в апеллятивном словоупотреблении в людиковских говорах данного ареала. К последним может быть отнесена достаточно продуктивная в вепсской топонимии основа *čuhak*, *čuhuk*, свойственная названиям возвышенных участков местности, ср. наименования горок *Čuhak*, *Čuhuk*, *Čuhakod*, *Čuhakmägi* и др. в вепсском южном Присвирье. В другой связи мы уже писали о том, что в топонимах сохранился утраченный вепскими говорами географический термин **čuhak*, **čuhuk* 'холм, горка, возвышенность' (Муллонен 1994, 56—57). Он являлся, судя по всему, специфически вепским, не известным лексическим системам других прибалтийско-финских языков термином, а поэтому присутствие его в северном Присвирье в среднем течении р. Важинка (*Čuhakkomägi*), а также на Сямозере (*Čužkniemi*) может, видимо, рассматриваться как очевидный вепсский след в северном Присвирье и даже за его пределами, в восточном Сямозерье (рис. 13).

Как апеллятивное, так и топонимное функционирование присуще в северном (людиковском) Присвирье слову *purde* ~ *burde* 'ключ, родник', при этом в топонимии слово отразилось в более широком ареале, чем оно фиксируется лексически. Судя по нашим данным (слово не отразилось в качестве людиковского в известных словарных изданиях), апеллятивное функционирование его известно по крайней мере в селах Михайловское и Кашканы. В топонимии же помимо названных мест (ср. родники под названием *Bolumpurde*, *Lid'ž-tampurde*, *Mägiपुरde*, покосы *Purde*, *Purdesel'g* в Михайловском, родник *Agd'ampurde* в Кашканах) *purde* отразилось в виде наименования ключа *Burde* в Святозере, покоса *Puurde* в Самбатуксе, а также, видимо, в названии ручья *Burrinoja* в Коткозере. Сам ареал бытования *purde* ~ *burde* в северном Присвирье и на его рубежах при полном отсутствии на остальной карельской территории и, наоборот, исключительной продуктивности в собственно вепсском ареале подтверждает вепские корни данной лексемы.

В топонимии северного Присвирья широко представлено слово *kuar*, *kuare*, причем это относится не только к Михай-

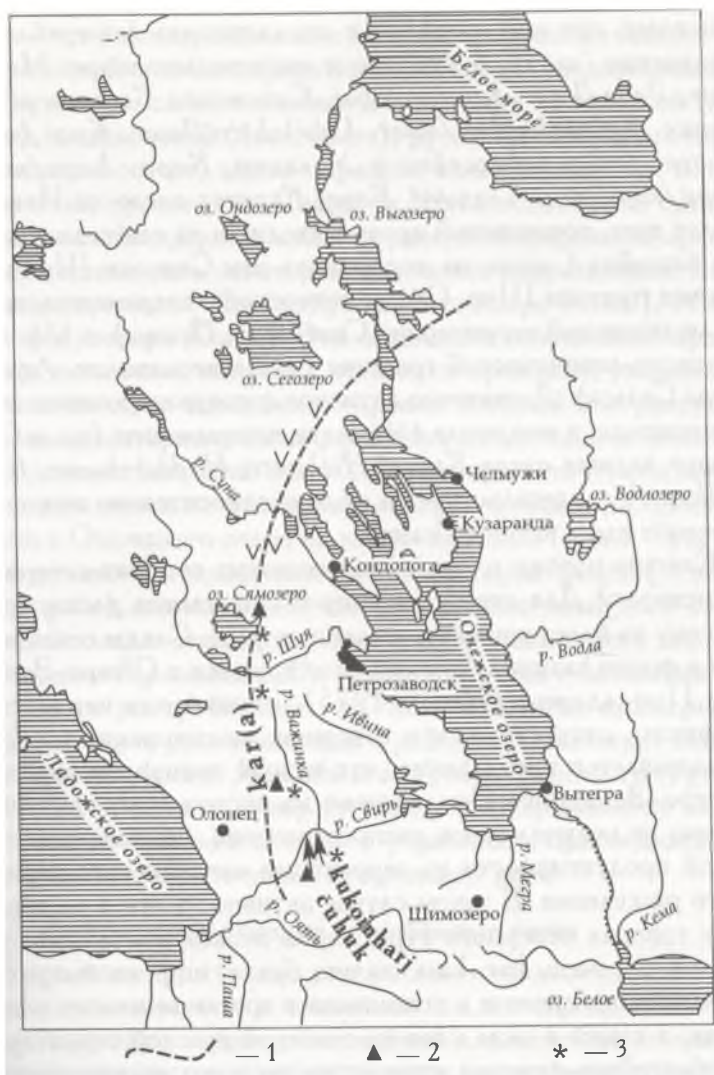

Рис. 13. Распространение финских топонимных моделей в западном Онежье:

1 — западная граница топонимной основы *kar(a)*; 2 — модель *čuhak/čuhuk*; 3 — модель *kuhoinharj*; 4 — топонимы с основой *veps-/veps-*

ловскому, где оно известно в апеллятивном употреблении в значении 'залив, бухта', но и значительно шире: *Muda/kuar*, *Pada/kuar*, *Kuaran/abai*, *Согинская Кара* на р. Важинке, *Koirankaglan/kuar*, *Lapilahten/kuar*, *Kuar/sel'g*, *Kuaran/mägi* в бассейне р. Усланки, *Кара*, *Ледо /кара*, *Сорц/кара* на р. Пидьме, *Кара*, *Карское озеро* на Ивинке. Более того, топонимный ареал выходит и за северные границы бассейна Свири, на водораздел рек Свирь и Шуя и на южные притоки Шуи. Следы топоосновы сохранились здесь на людиковской территории (Святозеро, Пряжа), в зоне людиковско-ливвиковской границы (д. Каскеснаволок, Афанасьева Сельга). Достаточно активное функционирование слова в топонимах, в том числе в качестве детерминанта (ср. в Святозере заливы озера *Kuare*, *Hižkuare*, *Hodarinkuare*, *Riintoikuare*) свидетельствует в пользу относительно недавнего забвения здесь лексемы *kuare*.

Каковы истоки слова в людиковских говорах северного Присвирья? Для ответа на вопрос есть смысл рассмотреть лексему на более широком ареальном фоне. Следы ее бытования в форме *kaarama*, *kuarama* фиксируются в Северо-Западном Приладожье (Nissilä 1975), однако она неизвестна ливвикам, отсутствует и в северных людиковских говорах. Складывается впечатление, что в ходе экспансии карел из Северо-Западного Приладожья на восток географический термин не получил здесь распространения, возможно, в силу малой продуктивности на территории изначального карельского расселения. В таком случае активность его в людиковских говорах северного Присвирья может иметь вепские истоки, ср. вепс. *kar*, *kara* 'залив, бухта' широко бытует на апеллятивном срезе и в топонимии в ареале вепского расселения, а также в виде *кара* на смежной русской территории. Прибалтийско-финская этимология русского диалектного *кара* подвергалась в свое время сомнению Я. Калимой, который в качестве аргумента приводил слабую распространенность лексемы-этимона в прибалтийско-финских языках (Kalima 1919). Однако география распространения русской лексемы — это районы, смежные с ареалом проживания вепсов, так что вепский источник

представляется вполне убедительным.

Бытование слова в лексике и топонимии на вепсской (*kar, kara*), людиковской (*kuar, kuare*), русской (*кара*) территории Присвирья имеет, таким образом, единый вепсский исток. При этом, проникая со Свири на Шую, топооснова, однако, в целом слабо представлена севернее, в людиковском ареале, где известны лишь некоторые отдельные разрозненные топонимные примеры: *Kuaran/guba* [Кончезеро Конд.], *Must/kuar* [Мунозеро Конд.]. Эти отдельные топонимные проявления, возможно, являются остатками прежнего, ушедшего дальше на север топонимного ареала, который был разрушен карельским вторжением по реке Шуя на восток, где возобладала лексема *laht, lahti* 'залив'. Другая причина утраты лексемы с вепскими истоками могла заключаться в распространении с Онежского озера на запад, по рекам Шуде и Суне севернорусского географического термина *губа* 'залив' (> люд., ливв. *guba*), занимающего сейчас прочные позиции в большинстве людиковских и целом ряде ливвиковских говоров в западном Прионежье. Он характеризуется и активным топонимным употреблением, ср. показательные примеры из д. Палатозеро, расположенной в районе с. Святозеро: заливы *Lotoikuaran/guba, Mudakuaran/guba, Savikuaran/guba*, в которых к изначальному топониму с детерминантом *kuare*, значение которого со временем утратилось, присоединен семантически тождественный детерминант *guba*.

2. Дифференцирующие топонимные типы

Еще один критерий для распознавания карельских и вепских элементов в топонимии — это определенные топонимные типы, являющиеся нормой для одной из контактирующих топосистем и отсутствующие или малопродуктивные в другой. В отличие от топооснов, восходящих к оригинальной для каждого из контактирующих языков лексике, топонимные типы не лежат на поверхности. Поиск их — трудоемкая, однако оправданная работа, поскольку дает наиболее

убедительные результаты. На данном этапе удалось выявить лишь некоторые единичные примеры таких дифференцирующих моделей. Среди них характерная карельская гидронимная модель *Pää/järvi*, свойственная названиям водораздельных, т. е. являющихся началом, истоком водной системы, озер (рää 'голова', т. е. 'верх, исток'). Как показывают наши материалы, она отсутствует полностью в вепсской гидронимии, которая в данном случае обходится семантически однородными моделями *Ladv-*, *Matk-*, *Ylä/järv* (известными, кстати, и карельской гидронимии). В этом контексте показательно то, что модель *Pää/järvi* отсутствует в северном Присвирье, хотя представлена на смежной карельской территории, в бассейне рек Олонки и Шуи. Здесь северное Присвирье сохранило, очевидно, былую вепскую традицию.

Наоборот, гидронимная модель *Pühä/järvi* (букв. 'святое озеро') должна в северном Присвирье рассматриваться как вепское наследие. Она хорошо известна вепсской топонимической системе, в то время как в карельской фиксируется только в ареале Северного и Северо-Западного Приладожья, т. е. коренной карельской территории, на востоке же карельского ареала, т. е. на Олонецком перешейке и севернее, в районах центральной и северной Карелии, неизвестна. В гл. II подробно описаны причины того, почему в ходе экспансии карел на восток гидронимная модель *Pühä/järvi* не получила развития, и приведены доводы в пользу ее вепских истоков в Обонежье и северном Присвирье.

К типовым моделям примыкают метафорические топонимы, в которых отражены дифференцирующие, свойственные лишь определенной топонимической системе метафоры. Из таких вепских образных топонимов, воплотившихся в северном Присвирье и являющихся, таким образом, достаточно надежным вепским наследием, можно отметить продуктивную на территории южного вепского Присвирья модель для называния возвышенных участков местности *Kukoihaŗj*, *Kukoinhaŗj*, *Kukihaŗj* (букв. 'петушиный гребень'). В обрусевших районах южного Присвирья известны горки под названием *Кукогорье*, *Кукарьги*, *Кукоряги*, а также переводные *Петуний Греб-*

бень, Курий Гребень. В северном Присвирье удалось выявить у людиков в с. Михайловское *Kukuohuar* пл., о котором известно, что оно расположено на горе *Ristanmägi*, на р. Важинке *Kukuoinhard'* гр. [Мошничье Пряж.], *Kukuohard'un/selge* ур. (*selge* 'гора') [Кашканы Пряж.]. Ареал этого метафорического топонима выходит и за северные пределы Присвирья: ср. *Kukuenhard'a* пл. в Святозере, *Kukoiharja* ур. на восточном побережье оз. Сямозера (рис. 13). Подобная модель отсутствует в ливвиковской топонимии, а в людиковской не зафиксирована за пределами северного Присвирья (за исключением упомянутого выше святозерского примера). В такой ситуации и с учетом продуктивности модели в вепсской топонимии присутствие ее на людиковской территории в северном Присвирье можно рассматривать как вепское наследие.

Карельской топосистеме свойственны свои метафоры, среди которых отметим, к примеру, топоснову *kuad'(jad)-(kuad'jad* 'кальсоны'), использующуюся в карельской топонимии для отражения внешней формы географической реалии, например, озера. Э. Кивиниеми, проанализировав основы, отражающие форму озера, пришел к выводу, что *kaatio* является дифференцирующей карельской основой (Kiviniemi 1977, 200). Имеющийся в нашем распоряжении достаточно обширный вепсский топонимический материал позволяет утверждать, что данная метафора чужда вепсской топонимии (хотя имеет апеллятивное функционирование в вепсских говорах), что позволяет видеть в ней дифференцирующую для северного Присвирья карельскую топонимную модель (*Kuad'jad* оз., *Kuad'd'ikuar* зал., *Va'sankuad'jad* тonya).

3. Суффиксальные модели

Теоретически определенную информацию о вепско-карельском взаимодействии на территории северного Присвирья могут нести также топонимные суффиксы, которые свойственны исключительно вепсской или исключительно

карельской топонимии. Надо, однако, иметь в виду, что возможности поиска дифференцирующих топоформантов чрезвычайно ограничены, поскольку суффиксальные образования, во-первых, вообще не получили в прибалтийско-финской топонимии широкого распространения, во-вторых, набор их в целом един для карельской и вепсской топонимии. В такой ситуации информативным может оказаться использование дополнительных обстоятельств, позволяющих вскрыть генезис форманта. Поясним это на примере северновирского ареала ойконимии *-l*-ового типа (т. е. наименований поселений, оформленных суффиксом *-l* /*-la*). Эта модель известна здесь в низовьях рек Усланки и Важинки, ср. *Toušla* ~ *Tuoškal*, *Pirkl'a*, *Kinul*, *Sagil*. На вепские истоки их обращал в свое время внимание финский исследователь Вилье Ниссиля, заметивший, что названия поселений с суффиксом *-l* практически не получили распространение у людиков (Nissilä 1947, 13; 1962, 92). Каковы же основания в пользу вепских истоков этого типа в северном Присвирье? Ведь модель широко распространена не только на вепсской, но и смежной с людиковским Присвирьем ливвиковской территории, а значит можно теоретически предполагать проникновение ее в Присвирье оттуда.

Во-первых, компактная группа *-l*-овых ойконимов низовьев Усланки и Важинки не образует единого непрерывного ареала с ареалом соответствующей олонецкой модели, в то время как с южносвирским существует явная связь. Отмеченные несколько названий представляют собой северную окраину достаточно обширного ареала названий на *-l*, располагающегося в южном Присвирье, в местах современного и бывшего расселения вепсов. В гл. II отмечалось, что ойконимы на *-l* ареально и, видимо, хронологически связаны с приладожской курганной культурой X—XIII вв., сыгравшей значительную роль в формировании вепсского этноса. Не исключено, что ливвиковская *-l*-овая ойконимия в низовьях впадающих в Ладожское озеро рек Олонки, Тулокси, Видлицы, т. е. на территории, где также фиксируется приладожская курганная культура, в действительности может иметь единые истоки с южносвирской

ойконимией на *-l*. Впоследствии эта модель получила в ливвиковском ареале мощную поддержку со стороны карельских переселенцев, благодаря чему широко распространилась в ливвиковской топонимии и сохраняла продуктивность значительно дольше, чем в южном вепском Присвирье. Об этом свидетельствуют характерные для ливвиковской ойконимии на *-l/-lu* образования от христианских имен, в то время как в вепской *-l*-овой ойконимии представлен практически исключительно дохристианский (нехристианский) именослов. Эти соображения о генезисе ливвиковской ойконимии *-l*-ового типа, однако, оставляют неизменным тезис о южносвирских истоках названий поселений на *-l* в низовьях Усланки и Важинки — в силу ареального единства с южной Свирью.

Есть еще одно существенное соображение в пользу вепских истоков модели в северном Присвирье. Оно связано с тем, что прибалтийско-финские варианты ойконимов на *-l* в северном Присвирье имеют, подобно южносвирским, русские варианты на *-ичи/-ицы*. *Kinul* — *Кинницы*, *Tuoškal* — *Ташкиницы*, *Pirkil'a* — *Пиркиницы*, *Sagil* — *Согиницы*. В гл. II приводились обоснования того, что ойконимный тип *-ичи/-ицы* для Присвирья и Обонежья достаточно ранний, он утратил свою продуктивность в этом ареале к XV в., т. е. к этому времени прекратил свое действие механизм передачи прибалтийско-финской ойконимии, оформленной *-l*-овым суффиксом, с помощью русской модели на *-ичи/-ицы*. Это очень важное обстоятельство в контексте возраста ойконимии *-l*-ового типа в Приладожье. Хотя проблема не исследована досконально, некоторые данные говорят в пользу того, что в карельской топонимической системе этого региона прибалтийско-финская ойконимная модель на *-la* появилась значительно позднее, чем в вепской, где она документально зафиксирована уже в XIII в., а появиться могла и раньше. По мнению финских исследователей, модель *-la* была представлена в Северо-Западном Приладожье, являвшемся регионом формирования

и ранних этапов развития карельского этноса, вплоть до XV в. очень скудно. Ее распространение в этом ареале связано с переселениями с более западных районов (Kerpsu 1987, 60—72; Lehtikoinen 1988, 232—234). Если данное предположение верно (а ему, кажется, обнаруживаются документальные подтверждения), это означает, что в ливвиковскую Карелию в качестве карельского типа наименования населенных мест модель на *-la* вряд ли распространилась раньше XV века, и, таким образом, карельские ойконимы в принципе не могли быть переданы через русскую модель на *-ичи/-ицы*. В связи с этим наличие русских эквивалентов с формантом *-ичи/ -ицы* для присвирских людиковских ойконимов *-l*-овой модели может оказаться существенным критерием докарельских истоков последних.

В топонимии северного (людиковского) Присвирья не удастся обнаружить убедительных специфически карельских суффиксальных элементов. Есть, впрочем, один топонимный (условно — суффиксальный) факт, который обращает на себя внимание при сопоставлении ливвиковской топонимии с людиковской северного Присвирья: практически полное отсутствие в последней достаточно продуктивного для олонекской топонимии оформления топоосновы показателем *-t*, ср. *Parzit/suo*, *Mägrät/jogi*, *Nuolit/suo*, *Kuhat/sildu*, *Kuivit/suo* и т. д. (Мамонтова 1982, 117—118 и Приложение 2). Назвать его суффиксом можно лишь условно, поскольку он присоединяется к атрибутивной части сложного топонима. В литературе нет однозначного ответа на вопрос о природе и функциях этого структурного элемента, хотя отмечается его связь с показателем множественного числа *~t* (Nissilä 1962, 79; Мамонтова 1982, 118). В более поздней работе, специально посвященной карельской топонимии, В. Ниссиля еще раз обращается к проблеме истоков этого загадочного элемента и приходит к выводу о его гетерогенности, а также о значительной доле аналогичных образований (Nissilä 1975, 273—274). Наибольшее значение сыграла, очевидно, субституция примарных конечных согласных (особенно *-h*, *-s*) в атрибутивном элементе как *-t*, происходившая в соответствии с фонетическими закономерностями или вопреки им (*Näret/saar* < *Näreht/saar*,

Hirvat/suaŗ < *Hirvas/suaŗ*, *Ilmet/joki* < **Ilmes/joki*, ср. подтверждение именно такого изначального облика атрибута в варианте *Ilmee* или *Ilmee/joki*, а также в речной модели *Ilmas* и *Ильмеза*, зафиксированных в вепсском регионе). В ливвиковскую Карелию данный топонимный тип был привнесен, очевидно, из Юго-Западного Приладожья (Nissilä 1975, 272—274) и является, таким образом, в восточном Приладожье бесспорным карелизмом. В качестве такового он представлен в пограничных с Присвирьем бассейнах Олонки и Шуи, однако не проникает в бассейн Свири. Он слабо отражен и в расположенном к северу от Свири людиковском ареале.

Приведенные выше факты в целом верно отражают лицо топонимии людиковского Присвирья. Если свести их воедино, то можно констатировать специфику данной топонимии не только на ливвиковском, но и на севернолудиковском фоне. Здесь представлен целый ряд явлений, имеющих южносвирские вепские истоки, и в то же время ей чужды некоторые типичные карелизмы. Это не значит, что вепские признаки отсутствуют полностью в топонимии карельской территории за пределами Присвирья, однако там они менее выражены, обнаружить их сложнее. В Присвирье же вепские элементы поддерживаются рамками единого водного бассейна. Принцип водных границ, наглядный в южном Присвирье, работает и на севере ареала. На западе границей выступает водораздел между бассейном Свири и бассейном Олонки, на севере — река Шуя. Показательно, что значительная часть общесвирских топонимных изоглосс обрывается при переходе в бассейн Шуи и особенно Олонки. Наоборот, не все карельские изоглоссы с Шуи и Олонки проникают в северное Присвирье.

Впрочем, на определенных участках эти границы оказываются проницаемыми. Некоторые из приведенных выше топонимных фактов свидетельствуют о том, что существовал совершенно определенный водный путь для распространения

присвирского (т. е. вепсского) воздействия на север, в северное Присвирье и за его пределы, в бассейн реки Шуи. Он шел по Важинке через Святозеро на восточное Сямозеро. Именно к этому водному пути привязаны топонимные модели с вепскими истоками *Šuhak*, *Kukuoinhard'*. Примерно по этой же линии проходит западная граница распространения топонимов с показательным вепским географическим термином *kaq* ~ *kaqa*. Знаменательно, что здесь же проходит на Шуе ливвиковско-людиковская граница. Распространение вверх по Важинке вепского влияния, отразившегося в топонимии, сыграло решающее значение в формировании этой границы, ибо оно выступало своего рода преградой для поступательного карельского продвижения вниз по Шуе. В месте, где ливвиковско-людиковская граница пересекает реку Шую, сталкивались два водных пути, по которым шло освоение края: один — вниз по Шуе в Онежское озеро, а второй — со Свири через ее северный приток Важинку и южный приток Шуи Святреку в Шую, а затем в Онежское озеро. Если первый шел из карельского Приладожья, то второй — из вепсского Присвирья, и по нему, очевидно, вепское воздействие продолжало ощущаться и после того, как началось заселение Онежско-Ладожского перешейка карелами. Последнее если не приостановилось, то во всяком случае значительно ослабло в низовьях реки.

«Вепский» путь со Свири через Важинку к восточному побережью Сямозера намечается и по данным других наук, в частности архитектуры (Орфинский *etc.* 1997), подтверждающим его значимость в протекании этноязыковых процессов в данном ареале. Топонимия не дает прямого ответа на вопрос о том, как долго присвирское влияние продолжало проникать на север. Возможно, определенными ориентирами здесь могут служить данные смежных наук, той же архитектуры, свидетельствующие о том, что к XIX в. четкая ареальная граница в ливвиковско-людиковском порубежье размывается в связи с распространением одинаковых архитектурных форм по обе стороны этнической границы (Орфинский *etc.* 1997, 14).

Важна и историческая информация, в частности сведения об административном делении территории в прошлом (рис. 12).

Целый ряд топонимных изоглосс северного Присвирья, идущих с юга, вписывается в границы средневекового Важенского погоста, западной границей которого является водораздел Важинки и Олонки, а северной — река Шуя. Менее выражена в этом смысле восточная граница, отделяющая бассейн Важинки от бассейна самого восточного притока Свири — реки Ивинки. Идущие с юга изоглоссы объединяют территорию двух средневековых северновирских погостов — Важенского и Остречинского (второй — по реке Ивинке) в единый ареал. Зато граница двух погостов приобретает четкие очертания, когда речь заходит об идущих с запада и северо-запада карельских изоглоссах, которые практически не выходят за ее пределы на восток. Восточная граница Важенского погоста является, очевидно, границей ареала распространения карел на восток в северном Присвирье.

Этнический характер носили, видимо, и границы средневекового Остречинского погоста, в который входила территория бассейна реки Ивинки, а также территория вдоль юго-западного берега Онежского озера — современный северновепсский ареал. В настоящем бассейн Ивинки — это русский ареал, однако мощный вепсский фон дорусской топонимии свидетельствует о его бесспорном вепсском прошлом (Муллонен 1989, 87—88). Оно подтверждается и документально. «Списки населенных мест Российской Империи» 1876 г. фиксируют чудь по крайней мере на нижней Ивинке, в населенных пунктах Остречины и Ивина. Если Важенский погост был на определенном этапе истории людиковским, то Остречинский был вепсским. Этому выводу не противоречат некоторые бесспорно карельские топонимы, обнаруживающиеся на Ивинке, в окрестностях с. Ладва: горка под названием *Кеука*, ср. собст.-кар., ливв. *keykka*, *keykku* 'небольшой холм,

пригорок'; *Лехтуручей*, ср. собст.-кар., ливв. *lehto* 'поща'; омут *Матикова Бонга*, ср. собст.-кар., ливв. *matikka, matikku* 'налим' (при вепском *madeh, madez*, людиновском *madeh*); дер. *Иломанча* в составе с. Ладва с характерными аналогами в собственно-карельском ареале и др. Перечисленные топонимы не носят ареального характера, а представляют единичные вкрапления, которые, возможно, появились как следствие позднего поселения здесь группы карел-переселенцев с Карельского перешейка. С этим предположением согласуется, между прочим, факт из области ономастики: в писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г. упоминается дер. на Ивине Дорофеевская Корилянинова (ПКОП, 105). Антропоним *Корелянин*, *Корилянин* употреблялся для обозначения выходцев из тогдашнего Карельского уезда.

Предполагается, что границы средневековых погостов входят к общинно-территориальным подразделениям местного населения, сложившимся не позднее XI в. (Кочкуркина 1973, 74). Они отражают, таким образом, еще, видимо, докарельский период истории северного Присвирья. Действительно, есть определенные факты, указывающие на неоднородность, на разновременность вепского заселения разных участков Онежско-Ладожского перешейка. В частности, по материалам археологии и истории, территория верхней Свири — административно Остречинский погост — осваивалась позднее (начиная с XIII в.), чем Важенский погост (Спиридонов 1989, 155). Из фактов ономастического порядка на это обстоятельство указывает отсутствие *-l*-овой ойконимии на верхней Свири. Можно полагать, что карельское освоение позднее наложилось на сложившиеся уже в предшествующий, вепский, период границы и демонстрирует принцип преемственности этнических границ в Присвирье.

Глава IV

ДОПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКАЯ ТОПОНИМИЯ ПРИСВИРЬЯ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО НАСЛЕДИЯ В ТОПОНИМИИ ПРИСВИРЬЯ

Выявление способов интеграции древней топонимии в вепсскую топонимическую систему Присвирья сопряжено со значительными сложностями, вызванными прежде всего тем, что в отличие от прибалтийско-финско-русского или вепско-карельского контактирования неизвестно, что это был за язык, находился ли он в родственных отношениях к прибалтийско-финским языкам, был ли он один или их было больше. От него (или от них) не осталось никаких письменных свидетельств, процесс ассимиляции их завершился уже столетия назад. При этом должно быть принято во внимание, что если в ареале вепсского Присвирья мы имеем дело с субстратом, то в русском и карельском Присвирье речь должна идти уже о субсубстрате, что тем более усложняет — вследствие многоступенчатости постигших топонимических изменений, приспособлений к языку-преемнику — поиск изначальных истоков.

В этих условиях необходимые векторы, направляющие поиск, дают смежные дисциплины, в частности анализ письменных свидетельств прошлого. Сразу уточним, что для территории Присвирья и южного Обонежья они исключительно скудны и относятся прежде всего к прибалтийско-финскому населению края. Глухие сведения о доприбалтийско-финском этносе в жалобе Лазаря Муромского на притеснения со стороны чуди и *лопи* (!) на восточном берегу Онежского озера сами по себе, безусловно, очень любопытны, однако, вследст-

вие подложности документа (Макаров Н. А. 1990, 132), большой доказательной силы не несут. Более продуктивны данные археологии. При всем скепсисе в отношении возможностей археологии для определения этноязыкового состояния общества на определенных древних хронологических срезах все же археологические данные, в которых прослеживается материальная связь культур территории Обонежья с культурами Среднего и Верхнего Поволжья, с кругом ананьинских древностей и сетчатой керамикой, задают направление поиска. Оно поддерживается картой реального расселения народов на Европейском Северо-Западе, где северными соседями прибалтийских финнов оказываются саамы, а на юге — исторические верхневолжские финно-угорские народы и современные волжские финны. В контексте тех сведений, которые накопила современная наука — при этом в значительной степени на основе топонимических исследований — об этноязыковой истории Европейского Севера России и Фенноскандии, в частности о бесспорном саамском субстрате в топонимии Русского Севера (Матвеев 1969, 1979; Матвеев, Стрельников 1988; Субботина 1988; Туркин 1985), Карелии (Керт 1960; Лескинен 1966, 1967), Финляндии (Itkonen T. I. 1948; Vilkuna 1971; Räisänen 1995), волжско-финском воздействии в топонимии Верхневолжья (Альквист 1997; Вос-триков 1981; Матвеев 1996), естественен поиск соответствующих языковых следов и в топонимии Присвирья.

Один из наиболее важных критериев поиска конкретного языкового создателя и носителя древней топонимии — это наличие соответствующих следов на апеллятивном срезе языка, прежде всего в лексике. Этноязыковая идентификация лексем, обладающих внутренней формой, несравненно доступнее и надежнее, чем этимология асемантических топонимов.

В русских и вепских говорах Обонежья обнаруживаются некоторые общие субстратные лексические элементы, не поддающиеся удовлетворительной этимологии: *кузпа* (*kuhr*), *похта* (*poht*), *шайма* (*šaim*, *šäim*), *согпа* (*sohring*) и др. Их ареал носит достаточно локальный характер: на западе и севере он строго ограничивается Онежским побережьем, при этом

северная граница проходит приблизительно по линии Суна—Водла, отсекая самое северное Обонежье. На востоке и юго-востоке изоглоссы этих лексем образуют единый ареал с западной частью Архангельской области и с Верхневолжьем (рис. 14).

Возможно, в этом же ряду должна рассматриваться и самобытная лексика вепсских диалектов, не имеющая параллелей в других прибалтийско-финских языках (*čuhu, uhring, šot* и др.). Ее продуктивность заметно ослабевает по мере продвижения с юго-востока современного вепсского ареала (северное Белозерье) на северо-запад (Присвирье). Она присутствует в вепсских говорах южного и юго-западного Обонежья, а также в топонимии восточного Обонежья, свидетельствуя тем самым о былом апеллятивном функционировании ее в этой части Обонежья.

Какие этноисторические реалии стоят за этими перечисленными выше загадочными лексемами? Возможно, это рудименты древнего пласта лексики, не перекрытого полностью распространявшимся с запада, из Присвирья, на Онежско-Белозерский водораздел и в Обонежье прибалтийско-финским воздействием. С другой стороны, это может быть и отражение определенных локальных, относительно поздних связей, ведущих с юго-востока (возможно, из Белозерья — в связи с аналогиями в говорах Белозерья). К сожалению, отсутствие специальных исследований в области исторической лексикологии вепсского языка и явно малая информативность для целей нашего исследования имеющихся грамматических работ не позволяют высказаться более определенно. Языковые факты говорят лишь о том, что в вепсском языке (а также в смежных русских говорах и в топонимии) присутствует определенный неприбалтийско-финский слой лексем. Ареал их распространения на западе достигает верховий рек Свирского бассейна — Ояти, Капши, на северо-западе границей является Онежское озеро. Приблизительно в эти же границы укладываются и ареалы ряда топооснов.

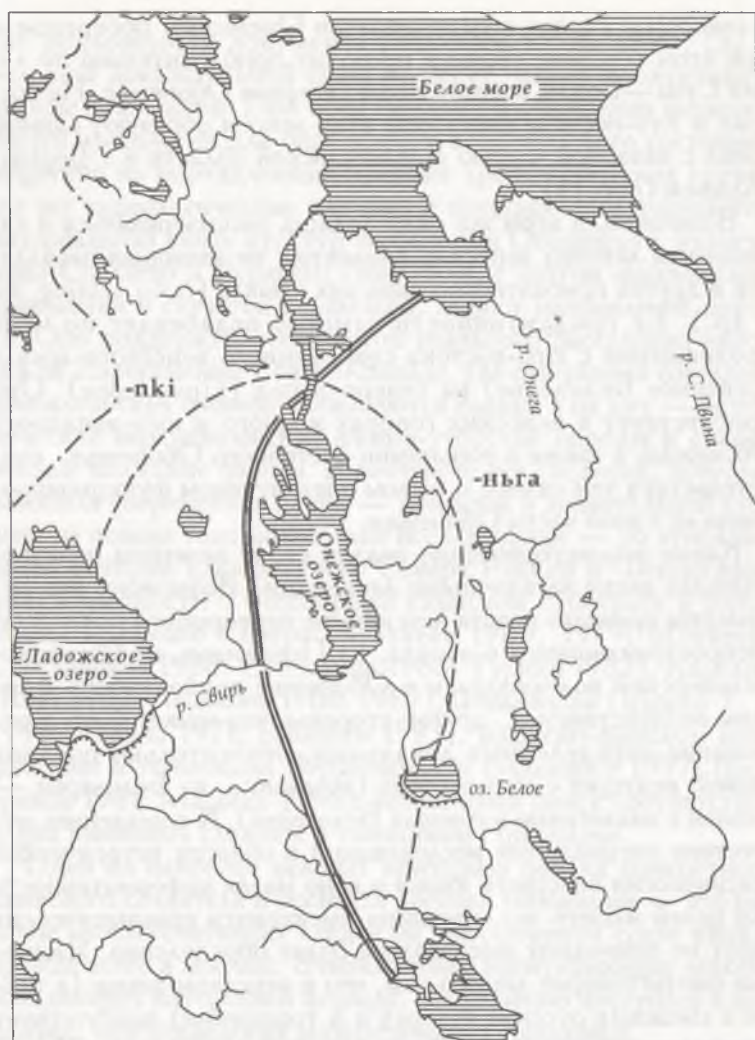

Рис. 14. Границы древних топонимных и лексических моделей в Обонежье:

- западная граница распространения субстратных лексем *шогра*/*šohring*, *кугра*/*kuhr*, *шайма*/*šaitm*;
- - - граница распространения гидронимов на *-нъга*/*-nki* в Обонежье

Некоторые исследователи считают возможным на основании специфических вепсских языковых особенностей, отличающих вепсский язык от других языков прибалтийско-финской языковой семьи, предполагать наличие в нем некоего восточного элемента (Itkonen 1971) и видеть в вепсах «звено той цепи народов, которая соединяла прибалто-финнов с волжскими языковыми родственниками» (Häkkinen 1996, 102).

Возможно, и некоторые из предлагаемых в литературе коми-вепсских параллелей, объясняющихся традиционно заимствованиями, происходившими в районе Заволочья, могут рассматриваться в контексте отмеченных волжских (юго-восточных) импульсов в Обонежье. Последние достигали на западе Онежского озера, а на востоке — западных границ коми-территории (ср., к примеру, ареал распространения некоторых субстратных лексем в русских говорах от Обонежья до рек Сухоны, Северной Двины, Пинеги). В последнее время обнаружен целый ряд примечательных параллелей в морфологических признаках коми и некоторых прибалтийско-финских языков, отсутствующих в удмуртском. Они позволяют предполагать единые истоки возникновения ареальных инноваций в коми и части прибалтийско-финских языков (Hausenberg 1996).

В субстратном доприбалтийско-финском языковом наследии Обонежья среди этимологически затемненных, генетически неясных на сегодняшний день явлений выделяется ряд фактов, интерпретирующихся на саамской почве. Явными саамскими заимствованиями выглядят такие вепсские лексемы, как *čim* (*čimbič*) 'вязка (соединяющая головку полоза с копыльями)', *čoga*, *čuga* 'угол' *čura* 'край, сторона', *čuri*, *čuiuri* 'дресва, песок' и др. (Зайцева 1988, 22—32). Следы саамско-вепсских контактов обнаруживаются и на других уровнях вепсского языка. В фонетике саамским воздействием объясняется, к примеру, палатализация прибалтийско-финского *n* перед гласными заднего ряда: ср. фин. *nokka* — вепс. *ńok* 'клюв' фин. *papa* — вепс. *ńaba* 'пуп' и т. д. В саамском начальный палатализованный *n* — древний широко распрост-

раненный звук (Tunkelo 1946, 338—343). В вепсском глагольном словообразовании саамские истоки возможны для инхоативного суффикса *-škande* (Turunen 1973, 433—452; Sammallahti 1977, 192—194). При этом отмеченные саамские признаки не ограничиваются вепсским Обонежьем, а прослеживаются по всем вепсским говорам, свидетельствуя о том, что саамы выступали предшественниками вепсов не только в регионе Онежского озера, но и в Присвирье, а также в северо-западном Белозерье. Большинство указанных саамских явлений свойственны помимо вепсского также ливвиковскому и людиковскому диалектам карельского языка. В связи с этим Э. А. Тункело предполагал в свое время, что саамские особенности проникли в вепсский через посредство южнокарельских диалектов (Tunkelo 1946, 903). С учетом современных представлений об истории вепско-саамского контактирования и сложения южнокарельских диалектов, которые, напомним, представляют собой результат наложения карельского языкового элемента на мощный вепсский субстрат, предположение о ливвиковско-людиковском посредстве излишне. Вепско-саамское контактирование восходит к периоду, предшествовавшему появлению карел на Онежско-Ладожском перешейке.

Определенные саамские вкрапления ощущаются и в лексике русских говоров Обонежья (Мызников 1994), куда они могли попасть через прибалтийско-финское посредство, хотя теоретически нельзя исключать и возможности прямых русско-саамских контактов на некоторых участках Обонежья.

В этом контексте при этимологизации доприбалтийско-финской топонимии Присвирья естественно исходить прежде всего из саамских языковых данных. Однако любой, кто сталкивался с поиском саамского наследия в топонимии Обонежья и сопредельных территорий, знает, что простое сопоставление с лексикой современных саамских говоров не совсем эффективно. С одной стороны, для многочисленных топооснов не обнаруживается приемлемых лексических этимонов, с другой — возникает ситуация, когда для некоторых топооснов можно предложить, исходя из лексических запасов языка, сразу несколько взаимоисключающих этимологии. Причины понятны.

Они вызваны, во-первых, тем, что «саамский» язык Обонежья в период, предшествовавший прибалтийско-финскому освоению, очевидно, не был адекватен современным саамским языкам севера Скандинавии. Отмечено, к примеру, что саамский язык, закрепившийся в топонимах на территории Европейского Северо-Запада, не содержал некоторых характерных лексических признаков, отличающих современные саамские языки (Матвеев 1979, 9). Эти особенности могли сложиться в более северных областях Фенноскандии в результате поглощения местного протосаамского субстрата. Некоторые исследователи, кроме того, считают, что языки современных саамов восходят к северному саамскому прадиалекту. Южный же прадиалект, бытовавший в том числе и в Обонежье, был полностью поглощен прибалтийско-финскими языками в процессе освоения их носителями севера (Korhonen 1981). Современные саамские языковые данные способны, таким образом, лишь фрагментарно отразить древнюю языковую ситуацию на территории Обонежья.

Значительные сложности в поиске саамского наследия связаны и с тем обстоятельством, что историко-генетические истоки саамского языка интерпретируются в финно-угорском языкознании по-разному. В нем саамский язык возводится к единой праязыковой форме — т. н. прибалтийско-финско-саамскому праязыку (фин. *varhaiskantasuomi*) — с прибалтийско-финскими языками. При этом саамский язык в отличие от прибалтийско-финских, испытавших мощное и длительное индоевропейское воздействие, сохранил древние праязыковые особенности лучше и полнее (Itkonen 1961; Korhonen 1981; Koivulehto 1984; Sammallahti 1984, 1993; Wiik 1993 и др.). Возможно, этим объясняется то, что многие ономастические факты Обонежья интерпретируются на саамской почве. В действительности речь может идти не о собственно саамском, а о более раннем языковом состоянии, сближенном с праязыковым. Не случайно в топонимии Обо-

нежья отсутствует ряд характерных саамских топооснов, зафиксированных севернее Обонежья. В то же время здесь обнаружены топонимные элементы, объединяющие Обонежье с обширным регионом на юго-востоке.

Однако в контексте субстратной доприбалтийско-финской гидронимии чрезвычайно сложно установить, где проходит граница между саамским, праприбалтийско-финско-саамским и волжским пластами. С какого момента можно говорить о появлении непосредственно саамской топонимии в Обонежье? Заметим попутно, что языковая реконструкция и субституция прибалтийско-финско-саамского праязыка проведена в финно-угроведении с ориентацией на более западные, чем Обонежье, территории. На востоке же (в том числе в Обонежье) можно полагать более мощные и длительные древние волжско-финские языковые связи, т. е. язык носителей субстратной гидронимии в Обонежье и на смежной территории сохранял, возможно, длительную основу с волжским языковым типом.

То обстоятельство, что саамский язык Обонежья не был, очевидно, адекватен современному, вынуждает искать его специфику и закономерности. В противном случае, не зная особенностей языковой системы, исследователь не в состоянии разобраться в том топонимном материале, который он имеет. Наглядным следствием этой ситуации оказывается, к примеру, разноречивость в этимологической интерпретации отдельных топооснов, прослеживающийся по работам разных авторов. Восходит ли, например, частая в топонимии Обонежья и смежных территорий топонимная основа *важ-/važ-* ~ *vad'ž-* к саам. *vaadž* 'важенка, олень-самка' (Керт 1960, 81) или же в истоках ее саам. *vuaD'D'zu* 'болотистая травянистая местность с расположенными друг за другом озерами' (Nissilä 1975, 187; Муллонен 1988, 75—76)? А может, саамская этимология в данном случае вообще излишня, а истоки основы в прибалтийско-финских языках, в частности в вепсском?

Для ответа на эти и подобные вопросы необходимо вырабатывать критерии для этимологии. При этом искать их, как это ни парадоксально, надо прежде всего в самой топонимии. В нашем распоряжении нет другого столь обширного, столь точно

географически привязанного, столь надежного материала, как топонимы.

Наш подход к анализу базируется на тех методах, которые выработаны в исследованиях по субстратной топонимии: *ареальный*, связанный с выявлением ареалов бытования определенных топонимных типов и моделей, *статистический*, анализирующий продуктивность моделей, *структурный*, нацеленный на выявление структурного своеобразия топонимного субстрата, в частности анализ формантов. Особенно ценен апробированный на материале субстратной топонимии Русского Севера принцип семантической мотивированности, сопровождающийся моделированием компонентов утраченных древних топонимных систем (Матвеев 1986). Полезен также учет образного народного видения, отражающийся в номинации, в частности, выработкой универсальных семантических моделей (Матвеев 1986; Березович 1998).

В этимологическом исследовании субстратной топонимии можно выделить два взаимозависимых этапа: выявление формальной структуры названия и собственно этимология структурных элементов. Выявление структуры топонима определяет во многом те языковые рамки, в которых может вестись поиск этимологии и, таким образом, в сущности направляет этимологию в истинное русло. Ценность структурного исследования и в том, что оно позволяет выявлять ареалы структурных моделей.

Анализ присвирского и — шире — обонежского материала позволяет предположить, что в них, видимо, отсутствуют или не найдены специфические доприбалтийско-финские детерминанты по типу имеющих прибалтийско-финские истоки в русской топонимии (*Маяксарь* о., *Кивоя* руч., *Чикарь* оз., *Пагарь* оз.) или известного в Белозерье детерминанта *-бал/-нал* (*Андонал*, *Вадбал*, *Кодобал*, *Костобал* и др.) с возможными мерянскими истоками. Результаты исследования прибалтийско-финско-русского контактирования говорят

о том, что детерминант сохраняется в случае невозможности адекватного перевода, отсутствия соответствующей модели в воспринимающей системе, при раритетности модели. Поскольку в нашем случае речь идет о гидронимах, массовом материале, который при этом, очевидно, сходен в структурном отношении и в воспринимающей, и в оригинальной топосистемах, отсутствие отчетливых следов субстратных гидроформантов обусловлено последовательным их переводом или, точнее, приспособлением основных элементов двусложных субстратных наименований к вепсской топосистеме (ср. подобный процесс в ходе вепско-карельского контактирования). В результате появляются гибриды или полупереводы, в которых при довепсском атрибуте присутствует вепсский детерминант.

При отсутствии убедительных детерминантов в гидронимии Присвирья выявляется группа топонимов-наименований рек, оформленных бытующими широко на Европейской Севере России и в смежных регионах «речными» формантами — концевками *-ма*, *-ша*, *-га*, *-са/-кса*, *-ла* и др., природа которых не вполне ясна. Большинство из них традиционно считается реликтами истинных детерминантов, т. е. слов-терминов, указывающих на разряд называемого объекта. В то же время попытки обнаружить этимоны соответствующих формантов в языках, потенциально могущих быть источниками последних, далеко не всегда убедительны. В специальном разделе мы излагаем свой взгляд на природу формантов и на их возможные языковые истоки.

В свою очередь собственно этимологические разыскания базируются на том обстоятельстве, что среди топонимических этимологии есть так называемые точные или доказанные. На роль таковых могут претендовать лишь немногие (ср.: «на фоне множества предположительных они [т. е. точные. — И. М.] всегда являются событием» (Матвеев 1986, 26). Между тем именно на их основе возможно реконструировать определенные фонетические особенности утраченного языка или языков и применять выявленные таким образом особенности к топоосновам, этимологии которых носят предположительный характер или вовсе затемнены. Они в этом смысле служат

критерием этимологии. Говоря о подобных точных этимологиях-эталонах, мы осознаем определенную условность их «эталонности»: при жизни гидроним испытывает и переход из языка в язык со всеми сопутствующими закономерными и незакономерными фонетическими обстоятельствами, и нивелирующее воздействие продуктивных моделей, и влияние диалектных и говорных особенностей и т. д. И все же выявление определенных ориентиров может способствовать решению многотрудной задачи постижения истоков загадочной древней топонимии, а вместе с тем и этноязыковых истоков ее создателей.

К точным этимологиям относятся прежде всего те, которые подтверждаются дублетными прибалтийско-финскими или русскими кальками. Однако таковых ничтожно мало, при этом связь не лежит на поверхности (ср.: *Яндеба* р. — *Вонозеро* оз., во втором случае выступает калькированная топооснова). Поэтому большую отдачу можно получить от анализа другого типа точных этимологии — тех, которые подтверждаются характером географической реалии. Если озеро, на котором есть остров (или несколько островов), называется Солозером, при этом связка между топоосновой и наличием в озере острова повторяется неоднократно, то естественно видеть в этом факте подтверждение саамской этимологии (ср. саам. *suolo* 'остров'). Естественно, что не все виды географических объектов в одинаковой мере могут своей географической характеристикой подтвердить или опровергнуть этимологию. В литературе отмечалось, к примеру, что реки, будучи линейными объектами, непригодны для этой роли, поскольку их характеристика на разных участках течения может сильно меняться. Поэтому более надежны точечные объекты — озера, возвышенности, населенные пункты. В Присвирье, насыщенном озерами, названия которых по природе своей в целом достаточно устойчивы, именно лимнонимы наиболее перспективны для установления точных этимологий.

Отправной точкой для поиска точных этимологий, далее, является семантическая мотивированность топооснов, иначе говоря, учет того, что далеко не любой признак, даже реально присущий географическому объекту, находит отражение в системе топонимов. Соответственно есть ограничения и в той лексике, которая закрепляется в качестве топооснов. Выбор признака, положенного в основу названия, зависит от многих факторов (см. подробнее в гл. I). В контексте принципов этимологизации субстратных топонимов существенно то обстоятельство, что «в семантике любой топонимической системы обязательно обнаруживаются универсальные ахронические черты» (Матвеев 1986, 46). Следствием является то важное обстоятельство, что семантические принципы номинации, выявленные в ходе анализа вепсской топонимии (в данном случае — гидронимии), могут быть приложены к субстратным названиям.

Знакомство с прибалтийско-финской гидронимией Присвирья и — шире — Обонежья убеждает в том, сколь важным обстоятельством для номинации было расположение объекта называния внутри водной системы. Понятно, чем это обусловлено: в условиях таежного севера водные пути были вплоть до относительно недавнего времени единственными возможными дорогами большой протяженности при освоении территории, продвижении вглубь северных лесов. Поэтому было жизненно важным знать, где начинается и особенно где заканчивается путь по воде, где располагаются волоки, является ли озеро проточным и т. д. Именно такого рода информация скрыта во многих древних прибалтийско-финских гидронимах. В гидронимии Обонежья фиксируется, к примеру, целый ряд лексем с семантикой 'верх, верхний' (ladv- 'вершина, исток', ylā- 'верх, верхний', räā- 'голова' (не свойственная, однако, вепсской гидронимии), lop- 'конец', ruhä- зд. 'пограничный', käre- зд. 'верхний, последний', taivaz- 'небесный', mela- букв. 'весло', однако судя по тому, что основа стабильно выступает в наименованиях водораздельных озер, через которые осуществлялся переход в другую водную систему, ее можно отнести в один семантический разряд с вышеприведенными). Указанные лексемы выступают в

наименованиях озер, являющихся истоком водного пути. На этом фоне «нижнее» расположение водной реалии, воплощающееся прежде всего в антонимической паре *ylä*- 'верхний' (*Yläjärvi*) — *ala*- 'нижний' (*Alajärvi*), по понятным причинам интересовало носителей топонимической системы значительно меньше.

Внимание привлекало также боковое, крайнее положение озера по отношению к главной водной магистрали, отразившееся в основах *šoga*- ~ *šiga*- 'угол, тупик', *šiga*- 'край, сторона', *korv*- 'ухо', *pel*' 'косяк (т. е. расположенный сбоку от двери, окна)', *lap*- ~ *lart*- 'расположенный в стороне', *pol*' '-сторона, бок', *rand*- 'берег (т. е. находящийся у берега)' и др. Видимо, такое боковое положение озера на берегу, с краю или более крупного озера, или берега реки, являющихся в данном случае центром ориентации, отражает и лимнонимная основа *palde*- (с фонетическими вариантами), ср. озера *Paudarv*, *Палдиское*, *Палдушозеро*. Вепсская лексема *raude* ~ *roude* 'склон, косогор, край (напр., поля)' в качестве лимнонимной основы приобрела семантику 'край, бок, берег' более крупного, центрального, главного озера или реки. Она же выявляется и в еще одной любопытной лимнонимной основе *павш*- ~ *повш*- ~ *палш*-, распространенной за восточными пределами Присвирья, на Онежско-Белозерском водоразделе. Все без исключения озера данного ареала, в наименованиях которых присутствует эта основа в разных вепсских фонетических вариантах (*Павшозеро*, *Повшозеро*, *Палшинское*, *Палшемское*), располагаются или непосредственно на берегу реки, или на незначительном расстоянии от него, будучи соединенными с последним разной длины протоками. Подобная географическая характеристика заставляет видеть в основе лексему, родственную финскому и карельскому *palsi* 'край, бок', которая, в свою очередь, имеет единые истоки с представленным выше вепсским *raude* ~ *roude* с прибалтийско-финскими истоками (SSA). Отсутствие лексемы в современных вепсских говорах не должно служить непреодолимым

препятствием для предложенной интерпретации, поскольку в топонимии нередки случаи консервации утраченных из языка апеллятивов. Ареал южного Обонежья — ныне в основном обрусевший — сохраняет бесспорные четкие следы относительно недавнего вепсского прошлого, и повторившаяся неоднократно в здешней топонимии основа **palš-* может рассматриваться как один из них. Для бесспорной вепсской интерпретации, однако, есть фонетические сложности. Хотя в соответствии с фонетическими закономерностями, свойственными восточным вепским говорам, приб.-фин. свистящий *s* в позиции перед *i* способен перейти в шипящий, все же он реализуется здесь как *ž*, но не *š*. Настораживает и оформление основы суффиксом *-ма* (*Палшема*), в целом не свойственным для топонимии с прибалтийско-финскими отыменными основами (см. раздел 2).

Использование лексем с семантикой 'задний' (*taga-*, *regä-*, *perze-*) менее характерно для гидронимии, хотя и подтверждается несколькими примерами. Указанные основы более свойственны для микротопонимии, для которой центром ориентации, точкой отсчета чаще всего служит поселение.

Выявляется, таким образом, своеобразная система наименований, отражающая роль реки, водной магистрали как организатора пространственных связей. Одновременно обнаруживается и определенное своеобразие прибалтийско-финской системы на фоне, к примеру, славянской, для которой свойственны тополексемы со значением «правый» и «левый» в названиях правых и левых притоков реки (Толстой 1997, 407—438). Прибалтийско-финской топонимической системе Обонежья (и, видимо, шире) эти модели чужды.

В контексте универсальных семантических моделей естественно предполагать наличие соответствий в топонимии предшествующего населения, для которого водные пути играли в связи с ориентацией экономики на промысловую деятельность еще более существенное значение. А поскольку гидронимы, фиксирующие положение объекта внутри водной системы, возможно проверить географически, они должны прежде всего использоваться для установления точных этимологий.

Среди этимологии, подтверждающихся географически, назовем также те, которые связаны с географической терминологией (в лимнонимах *sar* 'остров', *sal'm-* 'пролив', *laht-*, *kar-* 'залив'), а также ряд качественных топонимов, в которых фиксируется форма и размер объекта (*vär-*, *kover-* 'кривой', *pitk-* 'длинный', *kaid-* 'узкий', *kehker-* 'круглый', *reñ-*, *pič(uine)-*, *muč(uine)-* 'маленький', *sug-* 'большой' и др.). Этот набор объективно присущих признаков, идентифицирующихся визуально, можно априорно предполагать и в древней топонимии края.

Учет семантических моделей, таким образом, направляет и конкретизирует поиск точных этимологии.

Есть еще один важный момент, который должен присутствовать в качестве критерия этимологии. Топонимическая этимология не есть этимология лексическая. Ее цель — установить значение (не происхождение, как в лексической этимологии) лежащего в основе топонима апеллятива. Топонимическая этимология, таким образом, должна установить ту лексему, то слово, которое отражено в топониме. В данной ситуации было бы неразумным пренебрегать теми знаниями, которые накоплены в финно-угорской исторической фонетике на основе анализа апеллятивной лексики. Исходя из наличия в Присвирье бесспорных саамских топооснов, аналогичных тем, саамские истоки которых доказаны на территории Русского Севера, Карелии, Финляндии, а, с другой стороны, предполагая, что саамский язык южного Обонежья не был адекватен современному (на это указывают, к примеру, данные фонетики саамских лексических заимствований в финских говорах — см. далее), целесообразно учитывать данные саамского фонетического развития. При всем том, что праязыковые реконструкции — это модели, лишь в известной степени могущие отражать реальное языковое состояние на том или ином срезе развития, все же они выявляют тенденции, общее направление изменений и поэтому очень полезны

для этимологических штудий. Особенно показательна для наших целей история саамской системы гласных, которая традиционно кладется в основу выделения трех хронологически последовательных этапов в развитии саамского языка: ранне-прасаамский, позднепрасаамский и современный саамский, которым в свою очередь предшествует прибалтийско-финско-саамский этап (Korhonen 1981, 77). Начиная с А. Генеца, история саамских гласных рассматривается не только на прибалтийско-финском, но и на волжско-финском фоне (Genetz 1896), что как раз продуктивно для территории южного Обонежья, граничащего с волжско-финским Верхневолжьем. Не все изменения, которые испытала на себе саамская вокалическая система, в одинаковой степени полезно привлекать для этимологизации топооснов, поскольку их дифференцирующий заряд разнится. Квантитативные изменения, очевидно, трудно или совсем неуловимы в топонимическом материале Обонежья, подвергшемся вепсской и русской переработке, не дифференцирующими долгие и краткие гласные. Более показательны квалитативные изменения, в частности вызванные сужением и расширением артикуляции. Разные этапы этих процессов могли как раз отложиться в топонимии.

Если суммировать приведенные выше положения, то применяемая здесь методика этимологического анализа субстратной доприбалтийско-финской топонимии Присвирья основана на выявлении «точных», географически проверяемых этимологий в рамках универсальных семантических моделей номинации и с учетом тех языковых (структурных и фонетических) закономерностей, которые установлены прибалтийско-финско-саамским историческим языкознанием на апеллятивном материале. При этом важным моментом «точности» этимологии является повторяемость топоосновы и существование определенного ареала. Выявленные на этой основе точные этимологии могут далее использоваться в качестве критерия, своеобразного эталона для интерпретации основ, не имеющих надежного ландшафтно-географического обоснования, не обладающих четким ареалом и т. д.

2. К истокам «РЕЧНЫХ» ФОРМАНТОВ

В исследовании субстратной топонимии Российского Севера заметное место принадлежит формантному методу — выявлению и интерпретации ряда идентичных формантов, выступающих определенным систематизирующим, организующим началом в широком разнообразии топонимов. Их анализ позволяет вычленять более четкие ареалы в регионе распространения субстратной топонимии и устанавливает определенные рамки для этимологической интерпретации.

К формантному методу в разное время обращались многие исследователи топонимии Европейского Севера¹⁸, однако их выводы и наблюдения достаточно противоречивы и далеко не всегда убедительны. Отсутствие стабильных результатов связано не в последнюю очередь с теоретической неразработанностью проблемы субстратных севернорусских топоформантов и неясными представлениями об их природе и специфике. После активной дискуссии 1960-х годов (Матвеев 1964, 1967, 1969; Серебренников 1955, 1966) обозначился определенный теоретический тупик, отразившийся, в частности, в том, что в последнюю четверть века проблема топоформантов обсуждается достаточно вяло и в рамках тех же позиций, которые были высказаны предшественниками.

В такой ситуации новый импульс могут дать те современные представления о природе топонимных суффиксов, которые накоплены в последнее время, в том числе и в прибалтийско-финской ономастике. Прежде чем приступить к их изложению, напомним, что со времен Д. Европеуса и И. Н. Смирнова было принято считать, что так называемые «речные» суффиксы — это рудименты ландшафтных терминов со значением «река, вода». Типологическими аналогиями служили двусоставные потамонымы современных финно-

¹⁸ Ценность формантного метода и наличие самих формантов в субстратной топонимии на территории Европейского Севера России признаются не всеми исследователями (напр., Попов 1981, 164, ср. критику этой позиции А. К. Матвеевым — Матвеев, 1982, 121).

угорских языков. В наиболее завершенном виде эти представления о природе топоформантов выражены Б. А. Серебренниковым: «...несомненно, что все суффиксы, типичные для волго-окской топонимики -га, -ма, -ша, -та и т. д., — обозначали реку» (Серебренников 1955, 27). Они достаточно последовательно отражаются и в более поздних исследованиях топонимистов финно-угроведов (Атаманов 1988; Галкин 1987; Куклин 1995а, 1995б, 1998). Впрочем, в некоторых случаях допускается существование древних гидронимов, не оформленных географическими терминами (ср.: «...в настоящее время трудно сказать, действительно ли на севере употреблялись... названия без детерминативов или эти детерминативы были утрачены впоследствии» — Матвеев 1969, 5), и образование гидронимных формантов из суффиксов.

Анализ современной прибалтийско-финской топонимии убеждает в том, что в формировании ее структурного облика наблюдаются две тенденции: с одной стороны, превращение детерминантов, выраженных географическими терминами, в топоформанты, с другой — превращение суффикса в своего рода детерминант, выполняющий роль географического термина. Позволим себе остановиться на этом втором процессе подробнее, поскольку он не привлекал к себе достаточного внимания исследователей субстратной топонимии в качестве возможной типологической модели «речных» суффиксов. Суть его заключается в следующем (см. подробнее: Муллонен 1994).

1. Топонимный суффикс (формант) замещает собой основной элемент (географический термин) двусоставного прибалтийско-финского топонима. Если есть суффикс, надобность в географическом термине отпадает. К примеру, суффикс -*č* в вепсских названиях озер *Märgač*, *Pahač*, *Vähač* дает возможность отбрасывать географический термин -*järv* 'озеро', который в других случаях обязателен в лимнонимах, ср. *Märg/järv*, *Paha/järv*, *Väha/järv*. Топонимный суффикс в данном случае заменяет термин. В вепсской топонимии есть множество подтверждений тому, что топонимный суффикс несет классификационное, разрядовое значение. Поэтому в прибалтийско-финской топонимии формант присоединяется не к

классифицирующему детерминанту, а к определяющему атрибутивному элементу, т. е. он, собственно, замещает детерминант. Присутствие в нем *-l*-ового форманта указывает (или, точнее, указывало в прошлом) на принадлежность к разряду ойконимов (*Vingl, Kakoil, Karhil*) точно так же, как наличие в топониме *-šin* является знаком агроонима у вепсов. Конечно, замещающий детерминант, формант не способен столь же однозначно информировать о разряде или классе топонима, как детерминант сложного названия, т. е. *-jägv* в лимнонимах, *-röud* в названиях полей, *-kosk* в наименованиях порогов и т. д. Здесь вступают в силу две тенденции. С одной стороны, стремление к строгой системности поддерживает существование двусоставных моделей. С другой — на топонимию распространяется общезыковая тенденция к экономии речи, стремление к краткости, и в русле этой тенденции закономерно появление топоформантов, менее громоздких по сравнению с детерминантами.

2. Истоки прибалтийско-финских топонимных формантов — в апеллятивных словообразовательных суффиксах. Для топонимов не изобретается каких-либо особых словообразовательных элементов. Они заимствуются из апеллятивного словообразования. Это не значит, что система топоформантов является отражением соответствующей апеллятивной суффиксации. По крайней мере два обстоятельства, изложенных в пунктах 3 и 4, свидетельствуют об этом.

3. Далеко не все апеллятивные суффиксы способны преобразовываться в топоформанты. В вепсской топонимии, к примеру, выделяется всего 4 — 5 продуктивных топонимных суффикса. Анализ указывает на то, что в топонимии закрепляются суффиксы с определенной семантикой, в гидронимах, например, со значением подобия выраженному производящей основой или с деминутивным значением. В качестве примера можно привести широкое употребление в русском языке в потамонимах уменьшительного форманта *-ка* (ср. в Присвирье

Аштинка, Рыбежка, Вадожка, Савинка, Ивинка, Гурвойка, Каковка, Карелка, Лубложка, Шадринка и др.) или суффикса *-ица* с изначальной деминутивной семантикой (*Хмелица, Гагадрица, Пялица, Паловица, Урьица*). В финской топонимике замечено, что уменьшительный суффикс *-nen ~ -inen* на территории средней Финляндии является дифференцирующим, присущим именно названиям озер формантом (Kiviniemi 1975, 30—43). В ареале современного и исторического расселения карел выступает дифференцирующий лимнонимный формант *-то* (*Limsamo, Ruoppamo, Törsätö*). При этом в подавляющем большинстве случаев для деминутивной семантики нет объективной основы, а формант, усвоенный из апеллятивного словообразования, постепенно приобретает независимость от апеллятивной модели и начинает функционировать самостоятельно, в роли своего рода знака, показателя топонимичности, т. е. принадлежности оформленного с его помощью слова к топонимам. Этим обусловлено функционирование уменьшительной модели в связке с иноязычной топоосновой: присоединяясь к субстратному топониму, суффикс служит для приспособления его к языку следующей волны заселения.

4. В топонимии часто закрепляются суффиксы, малопродуктивные в апеллятивном словообразовании. Это вызвано стремлением к размежеванию между онимическими и апеллятивными суффиксами, которое закономерно вытекает из функции топоформанта как показателя топонимичности. Он призван отличать оним от апеллятива. В силу этого топонимия стремится к использованию показателей, не являющихся продуктивной апеллятивной моделью. В прибалтийско-финской топонимии, к примеру, на определенном хронологическом срезе большой популярностью пользовалась локативная *-l*-овая модель (ср. вепские названия поселений *Karhil, Ozroil, Noidal* и др.), которая в апеллятивном словообразовании воплотилась в финских говорах лишь в нескольких лексемах типа *setälä, etelä, manala, miehelä, takala* (Hakulinen 1968, 110), а в вепском, видимо, будучи привнесенной прибалтийско-финским населением в регион Присвирья в качестве топонимной модели,

вообще не получила распространения на апеллятивном уровне. Апеллятивного соответствия в вепском словообразовании не имеет и топоформант *-šin* (*Filatoušin*, *Pehoušin*, *Timukoušin*), заимствованный в агроонимию вепсов из территориально смежной русской топонимии и не проникший в вепское апеллятивное словообразование.

5. В том случае, когда суффикс бытует и в апеллятивном словообразовании, и в топонимии, налицо размежевание апеллятивного и онимического ареалов. Показательный вепский пример — ойконимный формант *-išt*, имеющий два ареала: один в северновепском Прионежье (*Deremišt*, *Vasilišt*, *Tihoništ*), другой в Белозерье (*Kindišt*, *Kaišt*, *Prangatišt*). Характерно, что на апеллятивном срезе на означенных территориях словообразовательный суффикс *-išt* с коллективным значением малопродуктивен, явно уступает в регулярности семантически однородному суффиксу *-žom* (Муллонен 1994, 81—82). Здесь, видимо, проявляется та же закономерность, которая была отмечена на русском онимическом материале: при достаточной регулярности моделей собственных и нарицательных имен с омонимичными формантами их ареалы обычно не совпадают (Азарх 1981, 26). Непродуктивность форманта *-išt* в нарицательных именах в ареале Прионежья и Белозерья способствовала распространению модели на *-išt* в топонимии. Наоборот, в Прионье, где апеллятивный тип на *-išt* регулярен (*koivišt* 'березняк', *porišt* 'молодежь' и т. д.), не произошло перехода аффикса в разряд онимических формантов.

Таковы основные положения функционирования топонимных суффиксов в прибалтийско-финских географических названиях. Есть основания полагать, что они носят — применительно к финно-угорской топонимии — достаточно универсальный характер: суффиксальная топонимия, хотя и не очень продуктивная, все же регулярно присутствует во всех финно-угорских топосистемах; топонимные суффиксы восхо-

дят к апеллятивным словообразовательным суффиксам, хотя и не дублируют их. При этом топонимный суффикс заменяет собой детерминант сложного финно-угорского топонима. Однако если признать закономерный характер суффиксальных моделей в современной финно-угорской топонимии, то нет достаточно веских и аргументированных причин отрицать возможность функционирования топонимных суффиксов и в прошлом, в том числе в субстратной севернорусской гидронимии. А это значит, что древние загадочные топоформанты севернорусской субстратной гидронимии не обязательно во всех случаях возводить к географическому термину. Истоки «речных» суффиксов *-ньга*, *-ма* и др. не обязательно искать в словах со значением 'вода, река' они могут быть и в апеллятивных словообразовательных суффиксах, в частности в деминутивных или отражающих подобие выраженному производящей основой, как в современной прибалтийско-финской топонимии. Такой взгляд на историю топоформантов, не отрицая терминологического происхождения некоторых из них, позволяет расширить круг предполагаемых источников 'речных' суффиксов и по-новому интерпретировать некоторые из традиционно выделяемых топоформантов.

При этом, в соответствии со структурой финно-угорского слова, гидронимы типа *Тукша*, *Лижма*, *Вама* могут, очевидно, содержать гидроформант лишь в исключительных случаях. Если исходить из того, что гидронимы лесной полосы имеют финно-угорские истоки, то следует принимать во внимание традиционные представления о финно-угорской структуре слова, в соответствии с которыми основным типом основ были двусложные, оканчивающиеся на гласный (Ravila 1953; Sammallahti 1979, 25). Деривационные суффиксы и грамматические показатели, состоящие из одного согласного, слога (-CV(C)) или более сложные по структуре (напр., -CCV), присоединялись к двусложной основе (Janhunen 1982, 25— 26). Этой структуре соответствуют *Явроньга*, *Андома*, *Колошма* и др., анализируемые в работах А. К. Матвеева, неоднократно подчеркивавшим необходимость строго отделять трехсложные топонимы с топоформантами от двусложных (типа *Корба*,

Ильма, Тикша), где согласный второго слога входит в состав двусложной основы (напр., Матвеев 1964, 67, 1967, 145). Видимо, в некоторых случаях, например, когда первый слог оканчивается на палатальный согласный, можно предполагать топоформант и в двусложных гидронимах, однако вряд ли стоит считать такую структуру правилом.

Присвирская топонимия характеризуется примерно тем же набором топоформантов, который известен в регионе Российского Северо-Запада. Здесь представлены модели на *-ма/ -ба* (*Канома, Матима, Яндеба*), *-ша/-жа* (*Сегежа, Ретеша*), *-ла* (*Мужала*), *-Vс/-Vкса* (*Шоткуса, Мундукса*), *-га* (*Чалдога*). Из традиционного для севера набора заметно, пожалуй, лишь отсутствие в Присвирье одной из самых загадочных моделей на *-ньга*. Западная граница ее распространения огибает Обонежье с востока и севера, проходя из восточного Белозерья в бассейн Белого моря и лишь незначительно задевая при этом восточное Обонежье (рис. 14). По мнению А. К. Матвеева, гидронимы на *-ньга* сосредоточены «в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухоней, хотя встречаются и далее... на западе — в бассейне Онеги, за которыми исчезают» (Матвеев 1964, 68; см. также карту 1 к данной статье). Б. А. Серебренников в свое время предполагал дофинно-угорское происхождение форманта (Серебренников 1955). В литературе обсуждаются также его самодийские или условно сибирские корни (Дульзон 1950; Куклин 1998). А. К. Матвеев в связи с интерпретацией возможных истоков форманта приводит среди других возможностей марийский термин *энгер* 'река' (-р — суффикс), сопоставимый с угорскими языковыми данными (Матвеев 1969, 50). Все приведенные интерпретации исходят из терминологического происхождения форманта *-ньга*. Лаури Хакулинен впервые обратил внимание на возможность суффиксальных истоков форманта, связав его с финно-угорским деминутивным суффиксом (Hakulinen 1968, 113). Позднее финляндский топонимист Э. Кивиниеми предложил на обсуждение

прасаамский деминутивный суффикс (Kiviniemi 1984, 443— 445). С позиций поиска истоков форманта -Vnki ~ -Vngi на территории Карелии, существенным может оказаться тот факт, что здесь нередко (особенно на территории центральной Карелии) формант выступает в качестве озерного, а не речного (ср. в Сегозерье озера под названием *Eningi*, *Kylmingi*, *Kuolingi* и др.), в связи с чем «речная» семантика его (т. е. возведение к лексеме со значением 'река') кажется алогичной. Судя по карте, приложенной к статье Кивиниemi, гидронимы на -ngi/ -nki распространены в Беломорье, а также покрывают всю территорию Финляндии, причем активность модели возрастает по мере продвижения на север Финляндии. Исходя из непрерывного ареала образуемого финско-карельской моделью -nki/-ngi и севернорусской -нѣга, а также из закономерной передачи прибалтийско-финских гидронимов на -nki/-ngi в русской гидронимии через -нѣга (*Kiestinki* — Кестеньга), можно полагать единые истоки обеих моделей. Это, в свою очередь, указывает на ареальное противостояние Обонежья и Приладожья с прилегающим к нему с юга ареалом, где модель отсутствует, Русскому Северу. Такая ареальная характеристика имеет под собой очевидную этноязыковую подоплеку, суть которой, однако, нельзя на сегодняшний день считать выясненной.

Обратимся теперь непосредственно к некоторым присвирским формантным гидронимным моделям, прежде всего к тем, которые допускают прибалтийско-финскую трактовку. Это облегчает поиск их истоков и одновременно подтверждает высказанное ранее предположение о возможных суффиксальных корнях гидроформантов.

-нда/~нжа ~ ~нзя (< вепс. -nd/-nž)

Специфически обонежским является тип гидронимов на -нжа/-нзя (вепс. -nž/-nz-), который, не исключено, генетически связан с моделью на -нѣга. Этот тип характеризуется достаточно четким ареалом на границе восточного Присвирья и юго-восточного Обонежья (рис. 15). Формант выявляется из следующего набора гидронимов: р. *Оренжа*, *Озеренжа*, *Саранжа* ~ *Саранза*, *Пугинжа* ~ *Пуинжа* в Присвирье, оз.

Pinžar ~ *Pinžar* (рус. *Линжозеро*), *Salinžar* (рус. *Салинжозеро*), *Paranžar* (рус. *Паранозеро*), р. *Лобинжа*, *Добинжа*, *Матенжа*, *Илинжа*, *Егинжа* ~ *Игинжа*, *Пугинжа*, *Саменжа* в южном Обонежье, р. *Колонжа*, *Парменжа*, *Ухтинжа*, пор. *Наглинжа*, о. *Веренжа* на Водлозере, оз. и р. *Воренжа*, оз. *Пелонч*, р. *Шигеренджа* в южном Беломорье. Он в принципе интерпретируется в рамках предложенного суффиксального происхождения гидроформантов, однако не столь однозначно, как нам представлялось в предшествующих работах (напр., Муллонен 1994, 120—121), где истоки его предлагалось искать в истории саамского отыменного деминутивного суффикса *-s*, восходящего к прасаамскому **-nže* (Korhonen 1981, 320). В пользу подобной интерпретации говорит то, что именно эта прасаамская форма фонетически наиболее точно отражает материальный облик гидроформанта. К тому же деминутивная семантика суффикса, как уже отмечалось, хорошо вписывается в рамки топонимических универсалий. С точки зрения топонимного функционирования форманта показательным может оказаться и тот факт, что саамский суффикс имеет единые истоки с приб.-фин. деминутивным суффиксом *-ise:-inen* (Nakulinen 1968, 106), входящим в число наиболее продуктивных прибалтийско-финских топоформантов.

Однако при всей заманчивости саамской этимологии форманта нельзя пройти мимо того факта, что в регионе южного Обонежья и восточного Присвирья модель на *-нжа* перемещается с гидронимами, образованными с помощью конечного *-нда*: р. *Веранда*, *Лужанда*, *Виксинда*, *Юлонда*, *Суланда*, *Галенда* или *Галендручей* и др. Возможность сближения этих моделей основана на том, что в вепсской фонетике известно развитие *nd > nž*, проявляющееся в отдельных словах (типа *hond* ~ *hońž* 'плохой') и формах (например, в имперфекте глаголов *kāńd* ~ *kāńž* 'повернул', *leńd* ~ *leńž* 'полетел', *küńd* ~ *küńž* 'пахал', *löödin* ~ *lööžin* 'нашел' и др.)

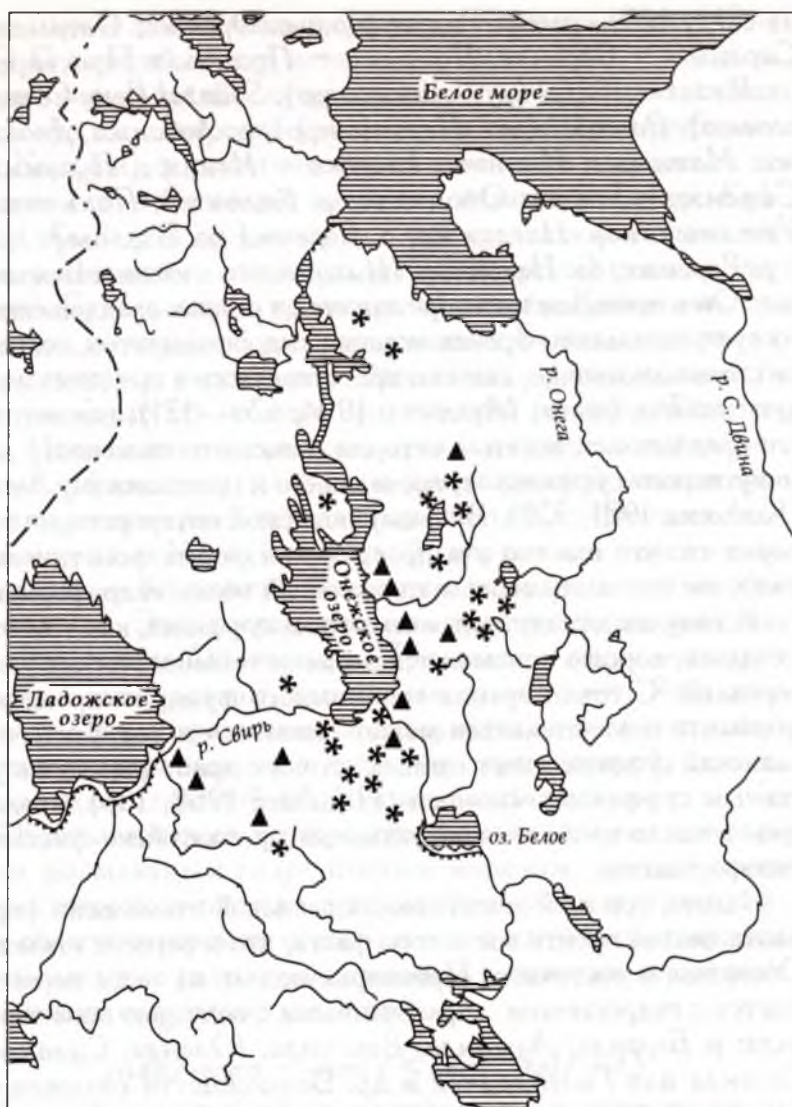

Рис. 15. Топонимы с суффиксом -нда/-нжа в Обонежье:

* — -нда/-нжа;

▲ — -нда/-нд

(Tunkelo 1946, 243—244) в ситуации палатализации конечного согласного перед историческим или современным *i*. Особенно последовательно развитие (*d'* > *ž* (> *ẓ̌* в ряде восточных и южных говоров) проявляется в имперфектной форме глаголов с изначальным *-nta-* в позиции исторического третьего слога: *mureñž* '(он) сломал' (< **mureñži*, ср. основа презенса **murenta-*), *oigenžid* '(ты) послал' (основа *oigenda-*), *semež* '(он) сеял' (основа *semenda-*), *raimenžin* '(я) пас' (основа *raimenda-*) и т. д. (Tunkelo 1946, 243). Позиционно это тот же исторически третий слог, что и в конечном *-нжа* (< *-nž* < *-ñž*) рассматриваемой группы гидронимов. А это значит, что развитие *-нжа* из *-нда* (точнее, *-nž* < *-nd*) в принципе укладывается в вепские фонетические нормы, правда, при одном условии: закономерность работала в позиции палатализации. Но именно таковая и реконструируется для форманта на ряде примеров, из которых приведем здесь наиболее убедительный.

В верховьях бассейна Паши известна река под названием *Ульяница*. Для нас в данном случае интересен вепский вариант названия *Üland* с основой *ulä-* 'верх, верхний'. Совершенно идентичный потамоним, сохранившийся, правда, только в адаптированном русском виде — *Юлонда* — обнаруживается в северном Присвирье, в бассейне р. Важинка. В обоих примерах присутствует конечное *-nd*, которое преобразуется соответственно в *-ñž-* и *-nž-* в двух шимозерских примерах *Ülinžär* и *Ilinžär* (в обоих случаях русский вариант *Линжозеро*), представляющих собой названия верхних, замыкающих водную цепь озер (*-aŋ* < *-jārv* 'озеро'). Именно смягчением согласного в позиции перед гласным переднего ряда вызвано в данном случае развитие *-nd* в *-nž*. В связи с этим понятно сохранение первоначального *-nd* (*-nd-*) в ряде потамонимов, где оно, оказываясь в позиции абсолютного конца слова (в связи с характерной для наименований рек одночленной структурой), уже не подвергалось никаким изменениям: р. *Üland*, *Юлонда*, *Веранда*, *Виксинда*, *Карданга* < **Карданда* вследствие диссимилиации с согласным *d* осно-

вы. В то же время в лимнонимах, где к топооснове с конечным *-nd-* присоединился номенклатурный детерминант *-järv* 'озеро' (опять же в силу закономерностей топонимного словообразования), происходила палатализация *-nd* с последующим закономерным изменением в *-ñž* (> *-nž*): *Ilinžär* (< **Ülandjärv*), *Лобеньжозеро*, *Колонжозеро* (ср. р. *Колонда*) и др. Безусловно, представленная здесь схема является действительно схемой, отражающей общую канву развития, которое на деле могло сопровождаться рядом спровоцированных аналогией развития, вторичных процессов и прочих изменений (например, спорадическим наращением детерминанта *-jogi*, изменявшим качество предшествующего *-d-* на палатализованный, с последующим превращением в *-ž* ~ *-ž-*). То, к примеру, что *-nž-* (*-нжа*) выступает — в противовес с предложенной схемой — в потамонимах, может быть результатом поэтапных изменений и взаимодействия лимнонима и потамонима по типу реконструированных здесь для речного наименования *Опенжа*: **Eräjärv* оз. (см. предлагаемую ниже этимологию топонима) → **Eränd* р. → **Eränd'järv* оз. > **Eränžjärv* оз. (оз. *Опенжа*, *Опенжозеро*) → **Eränž* р. (р. *Опенжа*).

Суффикс *-nd* известен в качестве апеллятивного, но активность его крайне низка, и это как раз могло способствовать превращению его в ономастический формант. Семантика суффикса — вопрос непростой, т. к., во-первых, сам изначальный прибалтийско-финский суффикс *-nta/-ntä* и его производные *-nne*, *-nto/-ntö*, образующие имена и от именных, и от глагольных основ, достаточно многозначен, во-вторых, круг лексем, образованных с его участием, в вепском языке крайне узок, что затрудняет поиск изначальной или наиболее продуктивной семантики. В контексте установления ономастического функционирования существенным может оказаться то обстоятельство, что суффикс используется в апеллятивах в функции обозначения подобия выраженному производящей основой и продуктивен в образовании ландшафтной терминологии. Не менее существенна и мысль о его возможном примарном деминутивном значении (Hakulinen 1968, 143, 164) —

именно такая семантика способствовала переходу суффикса в разряд топонимических.

Для выявления языковых истоков форманта имеет смысл обратиться к основам гидронимов на *-нжа/-нза*. Здесь вырисовывается достаточно неоднозначная картина. Во-первых, большая часть их не поддается надежной этимологической интерпретации. Для других же возможна как прибалтийско-финская, так и саамская этимология. Ниже предложены возможные этимологии некоторых гидронимов этой модели.

Salinž(gögi), река, вытекающая из озера *Salinžär* ~ *Saringär* и впадающая в оз. Шимозеро; известна также под названием р. Kudomgögi (рус. Кудома). В ПКОП 1563 г. название озера отразилось в двух вариантах (*Сал-озеро* и *Санреж-озеро*, во втором из которых явная метатеза), раскрывающих в совокупности с современными формами этимологические истоки гидронима и проясняющие условия появления форманта. Во-первых, они отражают свойственную прибалтийско-финской фонетике диссимиляцию *r//l* и появление *l* на месте *r* в топооснове вследствие стремления к размежеванию с *r* детерминанта *-jägv*. В топооснове, таким образом, восстанавливается изначальное *saí* 'остров', которое, кстати, полностью подтверждается материалами писцового дела 1582/83 г.: «дер. на озере на Саре» (ПК, 310). На озере действительно есть два острова, один из которых достаточно крупный. Далее, писцовые книги донесли до нас, видимо, примарный вариант лимнонима **Saíjärv* без конечного *-nž*, которое, в свою очередь, могло закрепиться в наименовании вытекающей из озера реки, а затем уже вторично перейти и в название озера.

Этот топоним особенно важен как доказательство прибалтийско-финских истоков форманта, т. к. представляет собой один из редких примеров бесспорно прибалтийско-финской топоосновы.

Оренжа ~ *Еремжа* (< **Еренжа*). В гл. II этот топоним приводился среди примеров, демонстрирующих усвоение в русские говоры Присвирья прибалтийско-финского *e* в начале слова. Последний либо переходил в огубленный *o* (*Оренжа*), либо сужался до [je] (*Еремжа*). Существование двух вариантов позволяет реконструировать прибалтийско-финский оригинал **ErVñž*, при этимологизации которого полезно опереться на географическую характеристику озера Оренженское, из которого вытекает река Оренжа. По конфигурации озеро представляет собой два озерных плеса, соединяющихся между собой узким проливом. Основа *его-*, *егä-* 'отдельная часть, часть целого; отделять, делить' присутствует и в названиях нескольких аналогичных по форме озер в гидронимии Финляндии (*Erijärvi*, *Erojärvi*, *Eräjärvi*). Топоним, таким образом, возник как отражение идеи 'озеро, разделенное на части' или 'часть озера, отделенная от основного озерного плеса'. При этом гидролексема *егV-*, восходящая к общему праприбалтийско-финско-саамскому наследию (SSA), допускает в принципе как прибалтийско-финскую (*егä-*, *его-*), так и саамскую (*ætte* 'часть целого', *ærranit* 'отделиться, выделиться', *iërenit* 'отделять', *ēgin* 'отделившийся' и т. д.) этимологию. Она отразилась в саамской топонимии. Однако с учетом того, что инициальное саам. *æ* < *ē* усваивалось в вепсское употребление скорее как *ä* (подробнее см. ниже, в связи с этимологической интерпретацией топоосновы *äp-*), вепсская этимология основы в данном случае предпочтительнее.

Приведем в заключение еще одно соображение в подтверждение предполагаемого развития *-нж-* в *Оренжа* из *-нд-* (*-nd*). Оно связано с названием реки *Веранда*, стекающей в Свирь, в то время как оз. Оренжа входит в бассейн р. Ояти. Исток реки *Веранда* отделен от оз. Оренжа приблизительно полукилометровой длины водоразделом. При этом данные писцовых книг XVI в. по Веницкому погосту, в описании которого упомянута на озере Оренжа «дер. Ивашково на волоке» (ПК, 331), ясно указывают на то, что именно здесь, между р. *Веранда* и оз. Оренжа, проходил волок из системы верхней Свири в систему верхней Ояти. Географическая и функциональная близость объектов и необычайная схожесть их

названий (начальное *в* в *Веранда* — закономерная протеза перед прибалтийско-финским *е*) свидетельствует в пользу единых истоков топонимов и — в связи с этим — единых истоков *-нда-* (*Веранда*) и *-нжа-* (*Оренжа*). Сохранение изначального *-нд-* в названии р. *Веранда* обусловлено непалатализованной позицией конца слова.

В одном ряду с *Оренжа*, видимо, должно рассматриваться и название беломорских оз. и р. *Воренжа* (река представляет собой пролив, отделяющий оз. *Воренжа* от обширного Сумозера), а также о. *Веренжа* на Водлозере.

Егинжа ~ *Игинжа*, река за восточными границами Присвирья, в русском (обрусевшем) южном Обонежье. Из этих вариантов ближе к дорусскому оригиналу находится, видимо, первый. Во втором качество начального гласного может быть связано с ассимилирующим влиянием гласного второго слога, а также диалектными особенностями русских говоров южного Обонежья. В основе гидронима обнаруживается лексема, имеющая финно-угорские истоки, и, таким образом, топооснова может интерпретироваться как исходя из прибалтийско-финских (*joki*), так и саамских (*jokkâ* < **jokę*) данных.

Саранжа ~ *Саранза*, река в бассейне верхней Паши. Название упоминается в источниках XVIII в., современное *Явосьма* (СГБС). Выступающая в гидрониме тополексема *сар(а)-* является одной из самых любопытных и загадочных в Присвирье и на смежной территории. С одной стороны, она, казалось бы, имеет надежную прибалтийско-финскую этимологию, связанную с вепс. *sara*, *sar* 'развилка (раздвоенный ствол или сук); разветвление'. На основе этих значений реконструируется семантика 'приток, небольшая река', реально отраженная в присвирских гидронимах *Куйсара*, *Ленсара*, *Поисара* (Муллонен 1988, 28). Лексема *saara* известна в родственных карельских, а также восточнофинских говорах, при этом в последних используется прежде всего

в значении 'ручки сохи' (SKES). В финских и карельских говорах существует также лексема *haaga*, *hoaga*, несущая в себе, как и *saaga*, идею некоего раздвоения, разветвления. Для обоих прибалтийско-финских лексем (*saaga* и *haaga*) предполагается (под вопросом) одно и то же саамское соответствие *saŋge* 'промежуток между пальцами рук и ног; трещина в копыте оленя' (SKES, SSA). Высказывается также мысль о возможном заимствовании саамской лексемы из прибалтийско-финского источника (Plöger 1982, 82). В саамском существует и другое слово со значением 'развилина, разветвление', а также 'ответвление реки' — *suorre* (Nielsen), для которого SKES и SSA предлагают в качестве прибалтийско-финского соответствия фин. *haga*, кар. *hare* 'борона', вод. *ago* 'грабли', эст. *hagu*, *hago* 'развилина', лив. *ag* 'ветвь, вершина, угол' (в этом же гнезде мар. *sar-*, *šor-*).

Эта сложная система могла бы быть упрощена, и три лексемы с практически идентичным значением сведены воедино, если бы не начальное *s* в *saaga*: приб.-фин. *h* (*haaga*, в котором примарно выступало исторически краткое *a*, и *hara*), саам. *s* (*suorre*) < *š, но не *s*. И здесь заманчиво вспомнить предположение А. К. Матвеева о том, что приб.-фин. *saaga* (< **sara*) в действительности может представлять собой не закономерное звено последовательного языкового развития, а результат заимствования в восточные прибалтийско-финские языки лексемы из языка, в котором начальный согласный уже поменял свое качество по саамской модели, в то время как гласный первого слога сохранил праязыковое состояние, т. е. ф.-у. *šara > *sara > приб.-фин. *saaga* (вепс. *sar*). Заманчивость такого предположения подкрепляется тем, что оно позволило бы включить прибалтийско-финско-саамскую лексему (приб.-фин. *saaga*, саам. *suorre*) в единый этимологический ряд с пермскими данными, ср. коми-зыр. *шор* 'ручей', удм. *шур* 'река', имеющими, в свою очередь, угорские параллели (КЭСЯ, 322). Фонетически этот финно-угорский ряд вполне убедителен, и его закономерным прибалтийско-финским членом являлась бы лексема *haaga*. Вопрос состоит в том, существуют ли какие-либо факты, могущие служить подтверждением гипотезы реального

бытования праязыкового *sara, воспринятого путем заимствования в восточную часть прибалтийско-финского ареала? Косвенным образом на это может указывать восточный ареал распространения saaga, с одной стороны, и отсутствие в вепском, т. е. на восточной периферии прибалтийско-финского ареала, приб.-финского haaga — с другой. Далее, в этом контексте обращает на себя внимание сосуществование вепских вариантов sag и sara, первый из которых восходит к прибалтийско-финскому saaga, а другой предполагает в качестве источника слово с кратким гласным. Возможно, за сосуществованием sag и sara не следует искать никакой исторической подоплеки, а считать его следствием включения лексемы в тип вепских двусложных основ с кратким первым слогом (типа kala), но, с другой стороны, в контексте вышесказанного можно предположить, что в вепском ареале соединились две имеющие единые древние истоки, но проникшие разными путями и в разное время в вепский ареал лексемы: 1) приб.-фин. *saaga > вепс. sag, пришедшая с прибалтийско-финским (западным) освоением, 2) доприб.-фин. *sara, воспринятая от предшественников. С этим, кажется, согласуется и ареал топоосновы *Sar ~ Sara ~ Capa ~ Сарка*, тянущийся от вепского Присвирья на восток и юго-восток вплоть до Поочья, где на смену топонимному *Capa* приходит лабиализованное *Сура* (Смолицкая 1976). В связи с этим можно поставить вопрос, не является ли эта модель вкупе с марийскими р. *Шур, Сура, Сурка* (Куклин 1980) возможными реликтами утраченной волжско-финской лексемы, возможно, входившей в одно этимологическое гнездо с пермскими и прибалтийско-финско-саамскими лексемами. Складывается впечатление, что топонимная модель могла прийти в Присвирье с востока (юго-востока) и получить здесь подкрепление от приб.-фин. saaga > вепс. sag. Именно этим может быть вызвана исключительная продуктивность топоосновы в вепском Присвирье, особенно заметная на фоне практиче-

ски полного отсутствия гидронимии на *saaga*- в карельском и восточно-финском ареалах, где, напомним, *saaga* бытует в качестве апеллятива.

К числу моментов, свидетельствующих в пользу гипотезы о возможных неприбалтийско-финских истоках лексемы *saaga* и особенно вепсской топоосновы *saga*, относится и то, что в Присвирье, юго-восточном Обонежье и на Русском Севере есть и другие лексемы, в фонетическом облике которых проявляются те же особенности, которые обращают на себя внимание в связи с предполагаемым субстратным **saaga*: большая консервативность гласных на фоне более подвижных согласных, сохранение в некоторых случаях праязыкового *a* на месте саамского *uo* (**saga* — саам. *suotte*, **вашк*- — саам. *vuosko*).

Возвращаясь к потамониму *Саранжа*, надо, очевидно, признать, что основа, к которой присоединяется формант *-нжа*, может быть как вепсского, так и неприбалтийско-финского происхождения¹⁹.

Ухтинжа (с вариантом *Ухчинжа*), залив оз. Водлозеро, глубоко вдающийся в материк у самого основания мыса Куганаволок, который, в свою очередь, разрезает южную часть озера на две части (рис. 16). Для интерпретации топоосновы *ухт*- есть смысл рассмотреть топоним *Ухтинжа* в совокупности с еще двумя водлозерскими микротопонимами: залив *Утялахта* или *Учалахта* в самом узком месте острова Канзанаволок и залив *Утихлахта*, примыкающий к длинному узкому заливу *Утянаволок* в северной части Водлозера. Все три названных объекта имеют сходную географическую

¹⁹ Нельзя исключать возможных терминологических истоков *Саранжа* (< **sarand* ~ **saranž*), на что косвенным образом указывает устойчивость сочетания тополексемы *сара*- с формантом *-нда/-нжа* в топонимии, ср. *Саранжа* ур. на Заонежском полуострове, *Саренда* руч. в Прионежье, *Саранчозеро* оз. в Архангельской области, ср. также ойконимы *Царенда* при впадении р. Кубена в Кубенское озеро и *Чаронда* на западном берегу оз. Воже. Для двух последних иная интерпретация предложена А. К. Матвеевым (Матвеев 1999, 41—42).

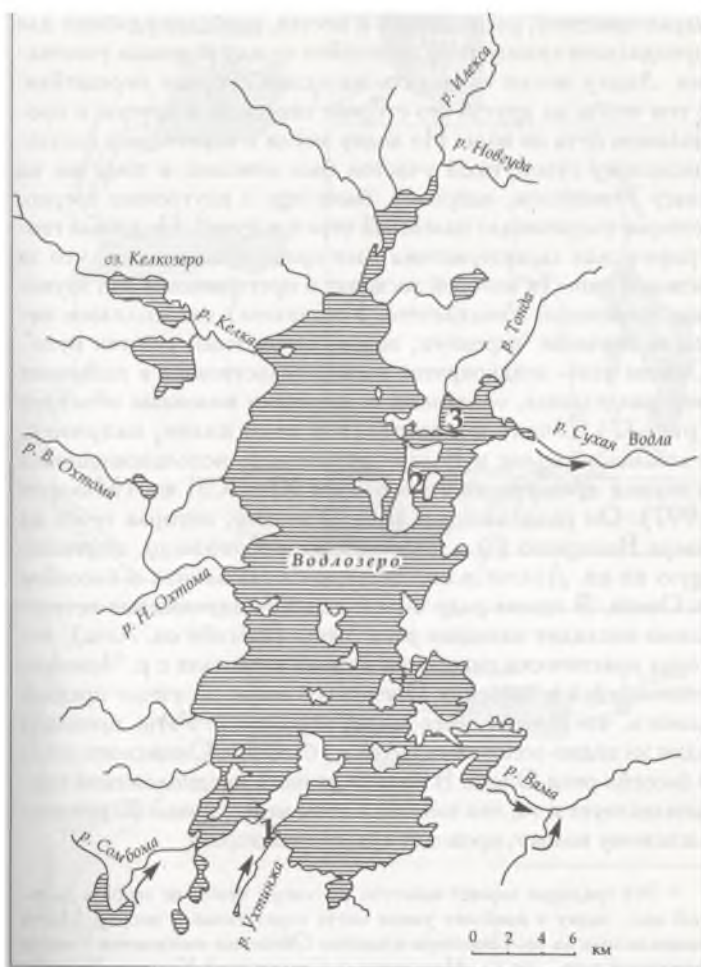

Рис. 16. Топооснова *ухт*-на Водлозеро:
 1 — зал. Ухтинжса; 2 — зал. Утялахта; 3 — зал.
 Утихлахта

характеристику, располагаясь в местах, наиболее удобных для преодоления сухопутного перешейка между водными участками. Лодку могли оставлять на одной стороне перешейка, с тем, чтобы на другой его стороне пересечь в другую и продолжить путь по воде. Но лодку могли и перетащить посуху, поскольку сухопутный участок был невелик, к тому же на мысу Утянаволок, например, было еще и внутреннее озерко, которое укорачивало наземный отрезок пути²⁰. Подобная географическая характеристика дает право предполагать, что за основой *ухт*- (к которой восходят и претерпевшие ряд звуковых изменений *Утихлахта*, *Утялахта*) закреплялось некогда значение 'перешеек, волок, сухопутный участок пути'. Основа *ухт*-неоднократно засвидетельствована в названиях водораздельных, связанных с древними волоками объектов (рис. 17). Очень показателен в этом плане, например, *Ухтомский волок* в Белозерье, активно использовавшийся в период древнерусского освоения XI—XIII вв. (Макаров 1997). Он разделяет две реки: *Ухтому*, которая течет из озера Волоцкого (!) в Белое озеро и *Ухтомицу*, вытекающую из оз. Долгое в оз. Воже, расположенное в бассейне р. Онеги. В одном ряду с названными гидронимами естественно выглядит название реки *Ухта* (бассейн оз. Лача), которая практически смыкается в своих верховьях с р. Чемсора, относящейся к бассейну Онежского озера. Логично предположить, что именно здесь, через верховья р. Ухты, проходил один из водно-волоковых путей из бассейна Онежского озера в бассейн реки Онеги. В пользу данного предположения свидетельствует и то, что именно в этом месте, прямо по предполагаемому волоку, проходит сухопутная дорога.

²⁰ Эта традиция хорошо известна на севере: чтобы не обгибать длинный мыс, лодку в наиболее узком месте перетаскивали посуху. Место такого волока на оз. Пяозеро в южном Обонежье называется *Venehte* 'лодочный путь' на оз. Маслозеро в Сегозерской Карелии *Vedostija* (vedo-'тянуть', *sija* 'место', т. е. 'место, через которое тянут лодку'), в Заонежье на глубоко вдающемся в Заонежский залив Онежского озера полуострове Клин — *Салоостровский волок*.

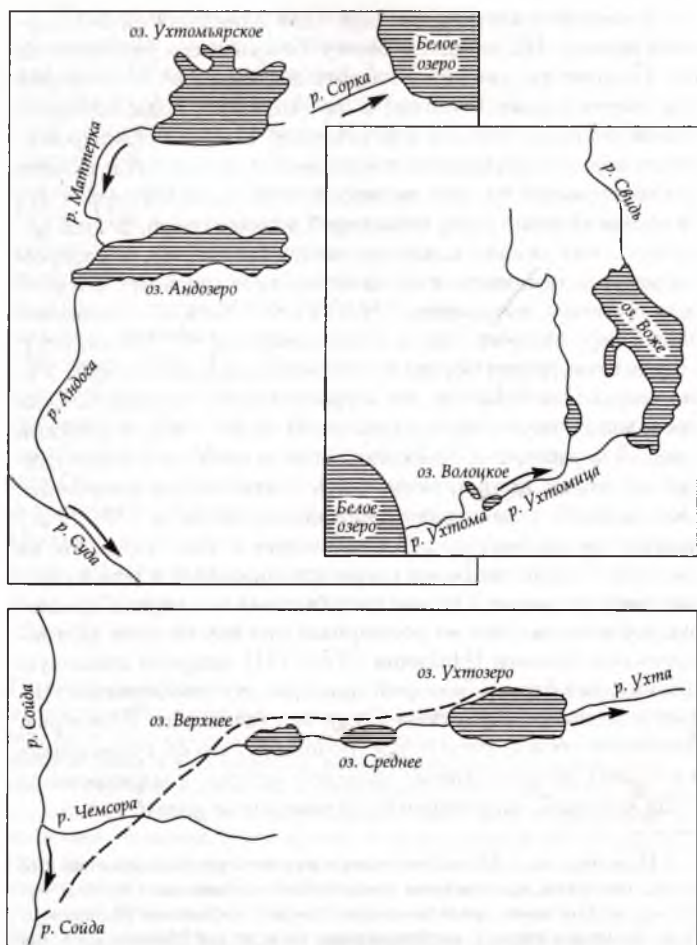

Рис. 17. Гидронимы с основой **ухт-** в Онежско-Белозерском регионе

Приведем в заключение еще один любопытный белозерский пример. На западном берегу Белого озера расположено оз. *Ухтомъярское*, из которого вытекает р. *Маттерка* (на старых картах *Ухтома*) в оз. Андозеро, воды которого, в свою очередь, стекают в р. Шексну. Озеро Ухтомъярское, таким образом, находится в верховьях водного пути, и лишь незначительный по протяженности водораздел отделяет его от верховий реки Соры, стекающей в Белое озеро. В этой цепочке показательно название реки *Маттерка*, в котором скрывается лимноним, т. е. название того озера, из которого река вытекает: приб.-фин. **Mat't'ar* < **Matkjärv* 'волоковое озеро' (ср. элемент *-яр-* в *Ухтомъярское* < **Uhtomjärv*). Перед нами, таким образом, два названия одного озера: *Ухтомъярское* и **Mat't'ar*, из которых второе, этимологически прозрачное, могло быть переводной прибалтийско-финской калькой первого, т. е. топоосновы *uht-* и *matk-*, имеющие разные языковые истоки, могут быть семантически идентичны. Основа *matk-* в названии водораздельного озера (**Mat't'ar*) достаточно однозначно свидетельствует о том, что волок из бассейна Андоги на Белое озеро использовался в прибалтийско-финское время. Он, видимо, бытовал и в период древнерусской колонизации и сформировал ту известную по лингвистическим данным (Чайкина 1975, 141) мощную языковую границу, тот барьер, который проходит по левобережью Андоги и отделяет «чуждскую» Суду от славянского Белозерья. Логично в этом контексте предположить, что он существовал и в период доприбалтийско-финской истории и маркировался тогда лексемой, закрепившейся в топооснове *ухт*-²¹.

21 Известно, что в Обонежье и шире на севере русское освоение шло по водным путям, проторенным прибалтийскими финнами. Об этом, например, убедительно свидетельствуют озера с названием *Маткозеро* (т. е. 'волоковое озеро'), расположенные по ходу как Мариинского, так и Беломоро-Балтийского канала. Но если русское освоение Обонежья использовало водно-волоковые пути предшествующих прибалтийских финнов, то логично предположить, что и прибалтийские финны воспользовались волоками, известными их предшественникам, например саамам.

Идея о том, что в топооснове *ухт*- может скрываться слово со значением 'волок', не абсолютно нова. Она предлагалась для обсуждения в свое время А. П. Афанасьевым, который исходил из угорской интерпретации и связывал ее с мансийской лексемой *ахт* 'протока' и, пожалуй, более перспективной хантыйской *охгот*, *ухгут* 'перешеек между двумя речками, по которому перетаскивают лодки, волок' (Афанасьев 1976, 1979). При этом примеры проявления *ухт*- в топонимии фиксировались им преимущественно в восточном регионе. Эта интерпретация не нашла особой поддержки в последующих исследованиях. А. К. Матвеев, к примеру, в работах последних лет увязывает основу *ухт*- с приб.-фин. *ohto* 'медведь' (Матвеев 1996, 16). Однако историко-географические обстоятельства, подтверждающие, что топооснова достаточно последовательно привязана к местам прохождения волоков, заставляют вернуться к мысли А. П. Афанасьева, хотя, может быть, и не искать ее подтверждения в угорском языковом источнике. Наши материалы дают новый поворот поиску, поскольку, во-первых, отодвигают западную границу ареала *ухт*- в Обонежье, а во-вторых, переводят поиск с уровня исключительно древних речных наименований на уровень относительно «молодых», а значит более доступных этимоло-

При всей заманчивости и логичности этого предположения ему, однако, не удастся найти достаточно надежных доказательств в топонимии. В самом деле, саамская лексема *muot'ke*, соответствующая прибалтийско-финской *matka* и восходящая к единым с последней праязыковым истокам (SSA), обнаруживается в топонимии Карелии лишь в единичных случаях (ср. *Мотко* оз. в верховьях р. Суны), да и то фактически за пределами Обонежья. В чем причина ее непродуктивности? Напрашиваются два вывода: 1) или в процессе прибалтийско-финского освоения саамская топооснова *muot'ke*- была переведена с использованием соответствующего прибалтийско-финского *matka*-, и, таким образом, оригинальный саамский топоним приобрел прибалтийско-финский облик, 2) или же древние жители Обонежья использовали для обозначения понятия 'волок' некую другую основу. В контексте второго предположения интерес вызывает как раз распространенная в Обонежье и привязанная к водоразделам гидронимная основа *ухт*-.

гизации (причем из более близких, чем угорские языки, источников) микропонимов.

Перечисленные примеры, а также некоторые другие, оставшиеся за рамками обсуждения²² позволяют предполагать, что в топониме *ухт*- заключена та же семантика, что и в прибалтийско-финской основе *matk*- 'волок, сухопутная дорога, перешеек'. Судя по ареалу распространения, простирающемуся от линии Белое море — Онежское озеро — Белое озеро на западе до бассейна Северной Двины на востоке и захватывающему верхнее Поволжье, она могла восходить к языку исчезнувшего доприбалтийско-финского населения, распространявшемуся из Верхневолжья на север в период, предшествовавший прибалтийско-финской и русской истории региона. Однако более конкретная языковая интерпретация остается под вопросом.

В плане поисков этимона топонимы мы предлагаем обратить внимание на уже практически забытую белозерскую диалектную лексему *ухта*, которая имела значение 'сырое заболоченное труднопроходимое место' (Субботина 1983, 85), 'обширный глухой лес'. Отголоски второго значения сохранились в народной поэзии, ср. «пойду в ухту, найду валухту» (Садовников 1887). Развитие семантики по линии 'путь, дорога, волок' > 'глухой лес', 'труднопроходимое болотистое место' хорошо известно по другой севернорусской диалектной лексеме *тайбола*, которая в вологодских говорах означает 'дальний лес; густой дремучий лес; топкое болото' (Субботина 1983, 83), в архангельских говорах — 'густой дремучий лес; дорога лесом между деревнями' (Комягина 1994, 7), из которых второе ближе к отраженному в оригинальном карельском: *taibale* 'путь,

²² Среди них, с одной стороны, волжская река *Ухтынгирь* на границе Костромской и Ивановской областей, с другой — расположенное между верховьями Водлы и восточными притоками Онеги озеро *Ухтозеро* в цепи водораздельных озер в районе с. Кривой Пояс, позволяющее значительно спрямить путь по р. Подломке. Показательно, что по указанному маршруту и сейчас проходит сухопутная дорога. В этом же районе, на водоразделе рек Подломки [бас. Онеги] и стекающей в Водлу Токши находится болото *Ухтинский Мох*. В бассейне верхней Илексы [бас. р. Водлы] известны река *Ухта* и озеро *Ухтозеро*, путь через которые позволял обойти порожистый и к тому же значительно более длинный маршрут вдоль самой Илексы.

расстояние, переход (например, из деревни в другую по глухой лесистой местности); перешеек между двумя водоемами, волок'. Семантика 'волок' через ряд промежуточных семантических сдвигов логично перетекает в значение 'глухой дремучий лес' или 'топкое болото'. Существование подобной параллели при наличии *ухта* 'лес; болото' и неоднократно географически подтвержденного факта привязки топоосновы *ухт-* к волокам поддерживает реконструкцию семантики 'волок, перешеек между водоемами' для топоосновы *ухт-*. Языковые истоки ее, однако, остаются затемненными.

Возвращаясь к водлозерскому гидрониму *Ухтинжа*, надо признать, что в нем, как и в ряде других примеров, формант служил, видимо, для адаптации, восприятия в прибалтийско-финскую систему иноязычного названия.

Подведем итог. Гидронимы на *-нжа* представлены в абсолютном большинстве случаев наименованиями небольших по величине объектов, что в принципе может быть увязано с достаточно поздним возникновением модели. В ареальном плане модель не получила значительного распространения, захватив южное и восточное Обонежье, на севере граница бытования проходит в южном Беломорье. Это обстоятельство также говорит скорее в пользу относительно молодого возраста модели. Ареал показателен еще в одном смысле: он в значительной степени повторяет реконструирующийся ареал вепсского расселения к югу и востоку от Онежского озера, отражаясь, в частности, в Водлозерье и южном Беломорье — там, где присутствуют следы вепсской *-l*-овой ойконимии. В совокупности с тем обстоятельством, что некоторые — правда, очень редкие — топонимы этой группы допускают прибалтийско-финскую этимологию, можно предположить вепсское происхождение форманта. Последний использовался

главным образом для адаптации чужеродных названий, придания им «статуса» гидронимов. И в этом смысле формант является безусловно ономастическим. В результате сопоставления с вепскими апеллятивными суффиксами можно предложить в качестве источника *-nd*, перешедший в определенных фонетических условиях в *-nz* ~ *-nž*. Суффикс, правда, в ограниченном количестве, присутствует и в топонимических системах других прибалтийско-финских языков, в том числе и в гидронимной функции (ср. оз. *Painante* и р. *Painantejoki* в Беломорской Карелии, обширное оз. *Päijänne* в восточной Финляндии и др.).

В заключение обратим внимание на компактный ареал топонимов на *-нъзя/ ~нзя*, ср. р. *Хабанъзя*, *Канданъзя*, *Паланзя*, ур. *Норманъзя*, *Валанзя* на восточной периферии Обонежья, в верховьях р. Колоды. Они отражают описанное выше вепское фонетическое развитие в какой-то степени последовательнее, чем это происходит в гидронимах типа *Оренжа*, *Саменжа* и др. (ср. четко палатализованная концовка, сохранение *ž*). При этом некоторые названия этого списка (р. *Хабанъзя*, вытекающая из оз. *Хабозеро*, ур. *Норманъзя*) допускают прибалтийско-финскую этимологию, поэтому заманчиво объединять его с тем списком топонимов, который обсуждался выше. Кажется, обнаруживается еще одно обстоятельство в пользу предлагаемого объединения. По крайней мере для двух примеров из приведенного списка гидронимов на *-нзя* существуют параллельные варианты на *-н(ь)га*: р. *Паланзя* известна также в форме *Паланга*, а ур. *Валанзя* — как *Валанга*. Взаимозаменяемость *-нз-* ~ *-нг-* в мягкой позиции демонстрирует в ареале верхней Колоды и название порога *Веньзин*, известное также как *Веньгин*. Как интерпретируются приведенные варианты? Связать их с явлением древнерусской второй палатализации невозможно по целому ряду причин, прежде всего потому, что *г' > з'* проявляется в локальном микроареале, где отсутствуют другие древнерусские явления. Остается предположить, что причина может крыться в характерной для топонимии русского Обонежья замене приб.-финского *d'* на *г* в позиции после согласного, ср. в

Присвирье *Pordim(so)* бол. → рус. *Поргим*, *Ändärv* оз. → рус. *Янгозеро*. Это явление фиксируется и шире на Русском Севере, оно дает основание реконструировать в качестве варианта (исходной формы) к *-нз'-* < **-nz'-* соответственно **-нд-* < **-nd*, которое как раз и перешло в *-нг-*: *Паланга* < **Паланда* < **Paland*. В том случае, когда *d* в сочетании *-nd-* оказывалось палатализованным, т. е. *-нд'*, оно закономерно переходило в *-nz'-*: **Paland'(jogi)* > **Palanz'(jogi)* > *Паланзя*.

Из вышесказанного следует вывод, что древнее *-nd-* развивалось в прибалтийско-финской языковой среде южного и восточного Обонежья двумя путями: или сохранялось в первоначальном виде, или переходило в *-nž-* ~ *-nž'*, отражаясь в соответствующем виде и в русских вариантах. В силу возможности адаптации *-nd-* в русском употреблении через *-нг-*, на восточной границе Обонежья появляются русские формы на *-н(ь)га*²³. Остается вопросом, как последние соотносятся с известной гидронимной моделью на *-ньга*, ареал распространения которой примыкает с востока к очерченному ареалу²⁴.

-Vc/-V_{KCA} (*вenc.* -Vs/-Vks)

Гидронимия этого типа характеризуется обширным ареалом на севере Европы, чем, видимо, определяется разброс мнений исследователей о его истоках. Одни высказываются в пользу его дофинно-угорских корней, апеллируя при этом

²³ Развитие *-ньга* из изначального **-нда*, видимо, можно предполагать и в более обширном ареале, в частности в западном Присвирье, где в полной изоляции от ареала модели на *-ньга* фиксируются река *Викшеньга* с вариантом *Викшенья* и река *Саранья* < **Сараньга*.

²⁴ Арья Алквист, обнаружившая в гидронимии Ярославского края сосуществование вариантов *Пеленга* ~ *Пеленда*, считает возможным возводить *-(V)нда* к исходному *-(V)нга* и связывать сосуществование вариантов с характерной для русских говоров ассимиляцией по типу *хонга*, *конга* ~ *конда* (< *honka*), вызванной, возможно, наличием смычного согласного в основе (Ahlqvist 1992, 27—28).

не только к обширности и расплывчатости ареала, но и к тому, что названия на *-с* не образуют нигде сколько-нибудь компактных скоплений (Матвеев 1964, 79). Другие возводят формант к гипотетическому финно-угорскому географическому термину **укса ~ *окса* с семантикой 'река, приток' (Поспелов 1970, 98—100). Третьи, воздерживаясь от определенного ответа на вопрос об языковых истоках форманта, признают прибалтийско-финское или саамское происхождение ряда топооснов, к которым формант присоединяется (Kalima 1944; Tunkelo 1953).

Здесь встает несколько связанных и вытекающих один из другого вопросов: идет ли речь об одном (*-Vc*) или двух разных (*-Vc* и *-Vkc-*) гидроформантах, являются ли истоки его (их) суффиксальными или терминологическими, как определяется языковое происхождение топооснов. Все это непростые вопросы, хотя на основе присвирского материала кажется очевидным говорить об едином форманте, отразившемся в разных вариантах, которые, в свою очередь, связаны с происхождением *-s* из *-kse*, причем *-s* закрепилось в силу действия законов фонотаксиса в позиции конца слова, в то время как *-kse-* выступает в основе, в позиции перед гласным (*keskus: keskuksen*). Гидронимия Присвирья содержит убедительные подтверждения действия данной фонетической закономерности: вепс. *Vil'd'us* р. ~ рус. *Виллюкса* или *Вилюкса*, *Mundus(d'ogi)* р. ~ *Мундукса*, *Petl'us(oja)* р. ~ *Петлюсручей ~ Петлюкса*, *Habarduz(jogi)* р. ~ *Габардуса ~ Габардукса* (*z < s*, Tunkelo 1946, 262—263) и др. Русские варианты приводятся в связи с тем, что в современных вепсских говорах прибалтийско-финская фонетическая закономерность *-s: -kse* уже не действует, т. е. слова на *-s* имеют основу на *-se-* (*keskus: keskusen < *keskuksen*, соответственно в топонимии *Mundus: -en*, *T'anus: -en* при русских вариантах *Тянуса* и *Тянукса*). Почему в таком случае в русских вариантах ряда присвирских гидронимов присутствует *-кса* (*Тянукса*, *Шимакса*, *Шамокша < *Шамокса*)? Для его появления нет никакой подоплеки в русской фонетике. Единственное разумное объяснение кроется в том, что в русских вариантах отразился

утраченный позднее вепсский оригинал на *-kse-*. Косвенно это подтверждается ареалом самого типа *-Vкса* в Присвирье: гидронимы *Мелукса*, *Сермакса*, *Нудокса*, *Койвакса* и др. подобные фиксируются в низовьях русской (обрусевшей) Ояти, Паши, на Пашско-Тихвинском водоразделе, в то время как в верхнем Приоутье (вепсском или обрусевшем относительно недавно) присутствуют *Вашкуса*, *Вадруса*, *Витмуса*. Вполне естественно в связи с этим, что гидронимы района вепско-русского пограничья имеют в русском употреблении два варианта: *Габардуса* и *Габардукса*, *Тянуса* и *Тянукса*. На первый взгляд несколько выпадающие за рамки этой закономерности гидронимы бассейна нижней Ивины (*Мундукса*, *Петлюкса*, *Виллюкса*) в действительности подтверждают ее: ареал низовьев Ивины и особенно р. Муромли, в бассейне которой расположены указанные три гидронима, находился в окрестностях, с одной стороны, древнего Остречинского погоста, с другой — Яшезерского монастыря, бывшего проводником русского языкового воздействия в этом ареале. Вообще, судя по приведенным выше выкладкам, вепская утрата *-k-* из типа основы на *-kse-* — явление позднее, насчитывающее, возможно, не больше двух—трех столетий. Оно лишь в нескольких единичных случаях отражено картами Генерального межевания рубежа XVIII—XIX вв.

Впрочем, хронологическая интерпретация — дело в данном случае не особенно благодарное, поскольку в Присвирье на самом деле нет четкого противостояния ареалов *-Vс* и *-Vкса*. Есть другое: отсутствие модели *-Vкса* в современном или недавно обрусевшем вепсском ареале (в последнем случае вепское прошлое документально зафиксировано источниками XIX—XX вв.), и в этом плане сделанные ранее наблюдения, очевидно, корректны. Однако что касается типа *-Vс*, то он не имеет в Присвирье каких-либо ареальных ограничений, обнаруживаясь как в вепсском, так и в русском Присвирье: ср. в нижнем Присвирье *Шоткус(а)*, *Гунгус*,

Кодас, Леймас, Андикас и др. Что стоит за этим? Ответ, кажется, кроется в той прибалтийско-финской фонетической закономерности, о которой уже шла речь: *s* выступало в позиции абсолютного конца слова, в то время как *-kse-* — в гласной основе. В русское употребление переходили как прибалтийско-финские оригиналы с конечным *-s* (*Кодус*), так и те, в которых отражалась основа *-kse-*: *Тянукса* < **T'anuksen/jogi*. Присвирская ситуация свидетельствует о том, что вряд ли следует предполагать в данном регионе сохранение древнего праязыкового **-ks-*.

Апеллируя к прибалтийско-финским фонетическим закономерностям, мы исходили из того, что перечисленные гидронимы являются или являлись фактом вепсской речи и подчинялись, соответственно, правилам прибалтийско-финской и вепсской фонетики. Из этого, однако, еще не вытекает прибалтийско-финское происхождение оформляющего топонимы форманта *-Vc* (вепс. *-Vs*) ~ *-Vкса* (вепс. *-Vse* < *-Vkse*). Анализ вепсской микротопонимии свидетельствует о том, что данный топонимный суффикс ей в целом не присущ (Муллонен 1994, 19—20). У детерминанта, таким образом, довольно четкая и узкая сфера употребления — гидронимия. При этом формант функционирует — как и *-nd* ~ *-nž* (*-nž*) — в наименованиях рек средней и малой величины, часть из которых (прежде всего с конечным *-as*) этимологизируется на прибалтийско-финской почве: *Лехмас* руч., *Леймас* руч. (*lehm* 'корова'), *Кайгас* руч. (*kaiv* 'колодец с характерным для русского Присвирья *в/з*'), *Койвакса* р. (*koiv* 'береза'). Это доводы в пользу прибалтийско-финской интерпретации форманта, который мог применяться с целью придания названию, причем, видимо, не любому, а строго водному, статуса топонима. В пользу такой возможности говорит то, что для большинства потамонимов на *-Vc* допускается в вепсской среде функционирование без детерминанта (*Mundus*, *Habardus*, *Petl'us* и др.). Роль последнего выполняет суффикс. Определенные признаки локальных скоплений на *-Vc*, наблюдаемые в Присвирье (ср. *Mundus*, *Ahnuz(jogi)*, *Petl'us*, *Vild'us* в низовьях Ивины или ручьи *Кайгас*, *Легмас*, *Андикас*, *Вилдас* на небольшом участке среднего течения Ояти), в принципе также указывают на прибалтийско-финские

корни модели.

Из того факта, что для форманта *-Vc/-Vksa* в регионе Присвирья допускаются прибалтийско-финские истоки, не следует, что таковые же предполагаются и для других ареалов его бытования. Поскольку суффикс, имеющий финно-пермские корни (Hakulinen 1968, 117), воплотился в целом ряде финно-угорских языков, то и в топонимии языковые истоки его могут быть различными, в том числе и саамскими. Отсутствие суффикса в современном саамском апеллативном словообразовании не означало в силу типологии ономастических суффиксов, что он был невозможен в топонимном функционировании.

В принципе и для самого Присвирья необязательно исходить из прибалтийско-финского как единственно возможного истока форманта. Он вполне мог воплотиться в некоторых гидронимах уже раньше, в довеппскую эпоху, а затем получить подкрепление в веппском топонимообразовании в качестве сугубо гидронимного форманта. Закреплению его в данной роли могла способствовать как относительно слабая продуктивность в апеллативном словообразовании, так и функция подобия выраженному производящей основой.

Пример форманта *-Vc* показывает, насколько сложно решается вопрос о языковых и хронологических корнях гидронимных суффиксов. Критерии прибалтийско-финского происхождения достаточно условны. Среди них наиболее существенны наличие относительно компактного ареала и возможность сочетаться с прибалтийско-финскими основами. Выделенные признаки отсутствуют у других присвирских речных формантов. Поэтому хотя для них и известны соответствия в прибалтийско-финском апеллативном словообразовании, их трудно причислить к прибалтийско-финским формантам. К тому же, например, число потамонимов с *-l*-овым формантом ограничивается в Присвирье несколько

ми примерами: *Sondal* р. (рус. *Сондала*), *Kuššal'* р. (рус. *Кушлега*), *Мужала* р., к которым можно добавить из ареала южного Обонежья *Pondal* р. (рус. *Пондала*), *Pežal'* р. (рус. *Пяжелка*), *Поржала* р. Из них по крайней мере в двух — *Sondal* и *Kuššal'* — конечное *-l* довольно надежно сопоставляется в одном случае с саамским, в другом — с марийским адъективным суффиксом, присоединившимся еще на доономастической стадии. Для остальных пока не удалось установить хотя бы относительно надежную этимологию, поэтому на присвирском материале проблема гидроформанта *-l/-ла* остается нерешенной, хотя собственно суффиксальные корни его вполне допустимы.

-ма (вепс. *-m*)

К получившим широкое распространение на Европейском Севере России относится и гидронимный тип на *-ма*. Для него существует терминологическая интерпретация, однако наряду с ней предлагается и аффиксальная. А. К. Матвеев возводит его к прибалтийско-саамско-волжскому топонимному слою и вслед за А. И. Поповым считает возможным связывать его истоки с древним уральским суффиксом *-m* (Матвеев 1969, 49—50). И в этой, и в других работах А. К. Матвеев указывает — хотя и с некоторыми оговорками, связанными с нерешенностью проблемы принципиальной возможности бытования на севере топонимов без детерминантов — на допустимость аффиксного происхождения форманта *-ма*.

В контексте приведенных выше доводов в пользу отсутствия жестко детерминированной связи между детерминантом сложного названия и гидроформантом и возможных аффиксных истоков последнего суффиксальное происхождение *-ма* получает теоретическую поддержку. Это тем более вероятно, т. к. налицо те условия, при которых словообразовательный суффикс способен преобразоваться в онимический формант: имеется финно-угорский деноминальный суффикс **-ma*, который, однако, не входит в число продуктивных словообразовательных формантов, а воплощается в единичных лексемах

(Lehtisalo 1936; Hakulinen 1968, 111—112). Характерно, что в прибалтийско-финских языках, например, *-ma* выступает в деминутивном и локативном значениях, т. е. в тех, которые — если судить по современным ономастическим прибалтийско-финским данным — просматриваются и в современных топоформантах.

Хотя на первый взгляд может показаться, что гидронимы на *-ma* представляют в Присвирье достаточно продуктивный гидронимный тип, в действительности более тщательный анализ позволяет идентифицировать в качестве принадлежащих к гидронимной модели лишь отдельные присвирские потамонимы, среди них р. *Ягрема*, *Яндеба* (с вариантом *Яндема*), *Канома*, *Кузома*, *Чарома* (люд. *Čoratoja*), *Ножема* (вепс. *Nažam*). Происходит это потому, что топонимы на *-ma* оказываются достаточно неоднородными. Во-первых, выделяется группа образований с восточным прибалтийско-финским суффиксом *-žom* с коллективным значением: *Кужема* бол. (*kužžom* > *kužom* 'ельник'), *Корžom/oja* руч. (*koržom* 'место, где размещаются ямы для хранения овощей и картофеля'), *Kivižim/kuar* зал. (*kivižom* 'каменистое место', *i* в суффиксе появляется, видимо, под влиянием гласного основы), *Lahožom/so* бол. (*lahožom* 'место с гнилыми деревьями'). Образования на *-žom*, особенно перешедшие в русское употребление, внешне напоминают модель на *-ma*, но имеют совершенно иные истоки. Они, как правило, отличаются и функционально, поскольку привязаны к микропонимам. Это относится и к присвирским названиям с каритивным суффиксом *-tom*: *Калатома* оз. (вепс. *kalatom* 'безрыбный'). В приведенных случаях речь идет не об онимических формантах, а о словообразовательных суффиксах, закрепившихся еще на стадии апеллятивного словообразования. Это подтверждается, между прочим, и сложной структурой прибалтийско-финских вариантов топонимов: суффикс в данных примерах не выступает в функции заместителя детерминанта, что характерно для онимических формантов. В русских соответствиях вепсских топонимов, где употребление детерминанта —

в связи со структурными особенностями русской топонимии — не столь последовательно, происходит размывание границ отдельных моделей, так что вепские образования на *-žom* или *-tom* внешне совпадают (в особенности если речь идет о гидронимах) с гидронимной моделью на *-ma*.

На стадии доонимного словообразования произошло присоединение прибалтийско-финского суффикса *-m(a)* и в людиловских *Pordim/so* бол., рус. *Поргим* (люд. *pordim(o)* 'горнотай') или *Валдома* ур., *Вальдома* руч. (вепс. *valdmad* мн. ч. < **valdam* 'причал для лодки, мостки') и некоторых других топонимах, в основе которых лежит прибалтийско-финская лексема, образованная при помощи суффикса *-ma*. Кроме того, надо иметь в виду, что суффикс *-ma* известен в прибалтийско-финско-саамском и — шире — финно-угорском словообразовании в качестве словообразовательного элемента, образующего отглагольные имена. В ряде гидронимов Присвирья, видимо, просматриваются такие доонимные отглагольные образования. Среди них может быть *Perdom/järv* оз. (в бассейне р. Паша), в одном ряду с которым есть, видимо, смысл рассматривать потамонимы *Пярдомля* и *Пярдомец* в смежном с Присвирьем бассейне р. Сясь. В двух последних примерах произошло оформление субстратной основы русскими топонимообразующими суффиксами *-ля* и *-ец*. Топооснова, в свою очередь, может быть возведена к саам. *reärtam* 'ловушка, особенно на бобра', представляющему собой отглагольное имя от основы **pērttō* 'подстергать, выслеживать' (Koivulehto 1988) при помощи суффикса *-m*.

Данная ситуация рождает проблему отграничения собственно топонимного форманта от случаев использования в качестве топоосновы суффиксального образования. Проведение границы в этимологически неясных случаях — а таковых большинство — очень непросто, что вынуждает искать некие критерии разграничения. К таковым можно отнести, с одной стороны, употребление топоосновы в сочетании не только с *-m*-овым, но и другими формантами или вообще без таковых, с другой — бытование устойчивых, неоднократно повторяющихся сочетаний корня с определенным суффиксом. В первом случае есть основание говорить о топоформанте, во втором же убедительнее

выглядит дотопонимическое образование суффиксальной основы. К последним относится, очевидно, гидронимная основа *kudom-/кудом-*, многократно отразившаяся именно в этом виде в топонимии Обонежья: *Kudom/jogi* р. и *Kudom/järv* оз. в Сямозерье, *Кудомгубское* оз., *Кудом/лампи* оз., *Kudom/järvi* оз. (рус. оз. *Кудома*) в бассейне р. Суны, *Кудом/губа* зал. на оз. Водлозере, *Кудом/озеро* оз. и *Кудома* р. в южном Обонежье и т. д. Она восходит к приб.-фин. или саамскому отглагольному имени на *-ma* от основы *kute-* 'нереститься, метать икру'. Видимо, основа примарна в лимнонимах (названиях озер), из которых перешла в наименования вытекающих из озер рек — исключительно небольших по протяженности и размерам. Это согласуется с внеязыковыми реалиями: нерест рыбы в мелководных, хорошо прогреваемых озерах или заливах.

В результате отсева топонимов, в которых ономастическая природа форманта проблематична, остается немногочисленная группа наименований рек на *-ma*, в которых формант не находит убедительного апеллятивного толкования. Для них обнаруживаются типовые аналоги за пределами Присвирья, причем более многочисленные к востоку (юго-востоку), чем к западу (северо-западу) от присвирского ареала.

В качестве источника «речного» суффикса можно предложить деноминальный финно-угорский суффикс *-mV*, представленный в абсолютном большинстве финно-угорских языков, хотя практически во всех находящийся на периферии списка активных словообразовательных элементов (Lehtisalo 1936, 82—86). Функционирование суффикса в ряде финно-угорских языков означает, что необязательно реконструировать единый центр и некую единую хронологию для распространения модели, в принципе могло происходить параллельное развитие на разных участках территории и пополнение топонимическими новообразованиями из живых языков. Сказанное, однако, не относится прямо к Присвирью, где в прибал-

тийско-финский период — судя по тому, что основы потамонимов на *-ма* не этимологизируются из прибалтийско-финских языков — гидронимная модель не была продуктивна (как и в остальном прибалтийско-финском мире). Наоборот, возможность этимологической интерпретации из саамских и волжско-финских языков (см. в следующем разделе) указывает на предшествующее прибалтийским финнам население. В свою очередь, убывание продуктивности форманта по мере продвижения с восточного Присвирья в западное должно связываться с распространением потока освоения с Верхневолжья, в частности из Белозерья, откуда тянется в Обонежье и далее на север ареал потамонимной модели *-ма*.

Анализ формантов с возможными прибалтийско-финскими (вепсскими) истоками свидетельствует о том, что гидронимический материал в принципе укладывается в те же закономерности, которые выявляются в микротопонимных образованиях: суффиксы используются для придания названию статуса гидронима, т. е. выполняют функцию детерминанта. Подобно тому как *-l*-овое оформление свидетельствует об ойконимном, а *-šin* об агроонимном статусе названия, присутствие *-nž* указывает на гидроним. Есть основания полагать, что подобным образом — в качестве своеобразного знака гидронима — ведет себя и *-Vc*: *-Vksa*, во всяком случае он не свойственен в качестве онимического форманта вепсской микротопонимии. Собственно онимическая роль суффиксов наглядно проявляется в способности присоединяться к иноязычным основам.

Рассуждая логически, надо признать возможность суффиксальных истоков и для гидроформантов с доприбалтийско-финскими корнями. В смысле типологии онимического словообразования суффиксация является универсальной для финно-угорской топонимической системы.

На этом фоне относительно бесспорными кажутся детерминантные истоки одного единственного «речного» форманта *-ga* (вепс. *-Vg*, *-Vg'*, *-Vgi*), восходящего к *-jogi* 'река'. Он выступает в потамонимах *Kalag'* ~ *Kaleig* (рус. *Рыбрека*), *Toižegi* (рус. *Другая река*), *Hozeg* (рус. *Гозега*), *Ańd'žug* (рус.

Анжега). Список дополняют примеры с русского Присвирья и смежных районов южного Обонежья: р. *Пехтега*, *Сязнега*, *Сярдега*, *Вилега*, *Лублога*, *Кушлега*, *Ялега* и др. Некоторые из них имеют довольно надежную прибалтийско-финскую этимологию: *Пехтега*, пехт- < pehk 'гнилая трухлявая древесина' (см. подробнее в гл. II), *Сярдега*, сярд- < särg 'плотва', *Ялега*, ял- < вепс. jalo, но не в современном значении 'быстрый, бойкий' (ср. jalos 'очень, сильно'), а в примарном 'большой', сохранившемся, к примеру, в ряде финских говоров (SSA); этимологию подтверждает то обстоятельство, что река в низовьях своих протекает через озеро с названием *Большое*, в котором можно видеть русскую переводную кальку. В других случаях формант присоединяется к более древней основе: в *Änd'žug* с учетом фонетических закономерностей реконструируется основа *and-, хорошо известная в наименованиях рек в южном Обонежье, Белозерье, Верхневолжье, ср. *Анда*, *Андома*, *Андога*, *Андоба* неоднократно; в *Кушлега* (вепс. *Kuššal'*) довольно убедительно фиксируется основа, сопоставимая с марийскими языковыми данными; *Лублога* допускает — с учетом вепсского выпадения гласного второго слога и опрощения возникшего в результате этого сочетания согласных — саамскую этимологию: luovBal < *lõmpel 'озеро, озеровидное расширение на реке'.

Возвращаясь еще раз к суффиксальным истокам речных формантов, подчеркнем в заключение, что они хорошо вписываются в определенные универсальные правила, которые являются, например, на прибалтийско-финском материале. Для того чтобы родилась и укрепилась суффиксальная модель, должен присутствовать некоторый набор предпосылок: достаточно высокая частотность употребления топонимов данного разряда, существенная роль самого объекта называния среди других географических объектов, ограниченный набор семантических моделей называния, присущих искомому

классу географических объектов, а также функционирование топонима на официальном уровне (Kiviniemi 1990, 87—88). Потамонимы вполне отвечают этим условиям, и поэтому суффиксальная структура их — норма, а не исключение.

3. ЭТИМОЛОГИИ СУБСТРАТНЫХ ТОПООСНОВ

Ниже предложены этимологии ряда субстратных топооснов Присвирья, которые кажутся достаточно убедительными и в плане семантики, и будучи подтвержденными географически. При необходимости особо заостряется внимание на фонетической стороне основ, с тем чтобы в заключение представить общие выводы о характерных фонетических особенностях языка создателей древней топонимии Присвирья.

Среди рассматриваемых этимологий многие являются оригинальными и предлагаются впервые. В качестве фона для них присутствует и некоторое количество известных по литературе интерпретаций, которые приводятся как для уточнения ареалов искомых топооснов, их продуктивности, так и с целью дополнительной проверки звуковых закономерностей.

Поскольку доприбалтийско-финская топонимия, фактически не просто субстратная, но субсубстратная для значительной части территории Присвирья, сохранилась лишь реликтивно и не образует поэтому в собственно Присвирье четких ареалов, для интерпретации привлекаются данные смежных с Присвирьем ареалов южного Обонежья с выходом в ряде случаев в Белозерье, а также материалы с территории Карелии.

azg- ~ *ask-* / *vausk-*: оз. *Ahnužjārv* ~ *Azgužjārv* ~ *Augužjārv* (рус. *Азгозеро*) в бассейне р. Ояти. В принципе, в топонимии, не ограниченной, подобно апеллятивной лексике, выражением понятия, существует больший простор для фонетических изменений, но и в ней они не носят беспорядочного характера, что заставляет искать разумное объяснение представленным вариантам. Из трех оформленных продуктивным топонимическим формантом *-uz* вариантов, в первом (*Ahnužjārv*) узнается вепс. *ahn* (< *ahven*) 'окунь', в то время как второй (*Azgužjārv*) по консонантизму основы явно напоминает

саам. *vuosko* 'окунь', хотя в смысле вокализма он и не вписывается в саамские нормы. Для выяснения истоков основы есть необходимость обратиться к истории саамского *vuosko*, *vuesk* 'окунь', которое, согласно предпринятым реконструкциям, восходит к прасаам. **vōsōnn* (Lehtiranta 1989) с *-n*-овым суффиксом. Прасаамская форма имеет единые истоки с праприбалтийско-финским *ahven* (SSA). В приб.-фин. праязыковое **η* закономерно либо исчезало, либо переходило в *υ* (Korhonen 1981, 167), в то время как в саамском праязыковое **sq* развивалось в *sk* (Viitso 1996, 115). С учетом того, что протеза *υ* появилась в саамском перед долгим *ō* в прасаамское время, а праприб.-фин. **a* > прасаам. *ō* > саам. *o* (Korhonen 1981, 131, 89), в качестве общего прибалтийско-финско-саамского оригинала реконструируется **asηo-* (относительно характера конечной гласной основы ср. также реконструируемую Т. Итконенем **-ō-* для прасаамской формы в конце производящей основы — Itkonen 1982, 157).

Если теперь, с позиций изложенной фонетической реконструкции вернуться к *Azgužjārv*, то в основе топонима *azg-* при саамском облике согласных сохраняется праприб.-фин. -саамский вокализм. Впрочем история праприб.-фин.-саам. **a* в саамском, как известно, не замыкалась исключительно на цепочке **a* > **ō* (> *uo*). В действительности такого рода субституция была первоначально характерна, очевидно, только в позиции перед узким гласным основы, перед широким же (т. е. из праприб.-фин.-саам. **a*, **ä*, **o*) **a* сохранялось, и лишь после исчезновения оппозиции *a* и *ä* во втором слоге оно изменилось в **o* (Itkonen 1939, 66—68). Так что гидронимная основа *azg-*, восходящая к форме с широким гласным во втором слоге, в принципе может отражать более древнее праязыковое состояние саамской лексемы²⁵.

²⁵ Кроме того, известно, что субституция **a* > **o* допускала в прасаамском исключения: в некоторых случаях **a* > **ä* > **ā* > *a*, т. е. происходила определенная передвижка звучания вперед (Itkonen 1939, 67; Korhonen 1981, 90—91), которая при адаптации могла исчезнуть. Ср. подобное развитие в основе *palg-*, *kaš-*.

Взгляд на возможные истоки топонимной основы *azg-* находит, кажется, определенную поддержку в лексике русских говоров Белозерья, где фиксируется *вашкол* 'уклейка' (СРНГ), *вашкалье* 'мелкая рыбешка' (Матвеев 1969, 47) с гласной *a* в первом слоге и последующим сочетанием согласных по саамскому типу. Правда, в связи с интерпретацией данной диалектной лексемы в одном ряду, с одной стороны, с *azg-*, а с другой — с *vuosko*, требует объяснения начальный согласный *v*. В саамском, напомним, он носит протетический характер и появляется в позиции перед *o* или *õ*, поэтому в *вашкол* он не объясняется из субстратного оригинала. Поскольку он отсутствует и в вепсском употреблении (ср. *azg-*), есть основание предполагать его диалектные русские истоки. Во всяком случае в топонимии севера обнаруживаются некоторые подтверждения этому: ср. в Белозерье «*Вантина д., Антинская тож*» (ПКБУ), р. *Айтрека* ~ *Вайтрека*, в ареале оз. Лаче д. *Ватамановская* (из *Атамановская*), в Пудожье ур. *Андомицина* ~ *Вандомицина*, в Присвирье сосуществование вепс. *antik-* (оз. *Antikjärv*, руч. *Antikoja*) и рус. *Вантик* на нижней Свири, в районе раннего обрусения, вепс. *azom-* (оз. *Azomjärv*, руч. *Azomoja*) — ср. на русской Свири уроч. *Вазум*.

Сказанное выше позволяет предполагать древнее **ask-* и в р. *Вашкус* ~ *Вашкуш*, вытекающей из оз. *Вашкусозеро* ~ *Вашкушозеро* в окрестностях древнего с. Юковичи на верхней Свири.

čolm-: оз. *Čol'mjärv* ~ *Čoimjärv* (рус. *Челмозеро*, *Чаймозеро*) является истоком р. Ояти, р. *Челма* в бассейне р. Вазинки, на восточной границе Присвирья оз. *Челмасозеро*, из которого вытекает руч. *Челмасручей*. В основе саам. *čolal'bme*, *čolalmi*, *čuélm* (< прасаам. **čölmē* < праприб.-фин.-саам. **šolma*) 'пролив', подтверждаемое географически.

Озеро Челмозеро, из которого вытекает р. Оять, представляет собой, собственно, два соединенных проливом озерных плеса. Аналогичным образом выглядит на карте и оз. Челмасозеро в бассейне р. Ошты. Сложнее соотнести с географическими

реалиями название р. Челма. Можно, впрочем, предположить, что своим происхождением топоним обязан проливу, соединяющему между собой озера Сидозеро и Лендозеро, расположенные в истоках реки. Колебания в облике вепс. *Šol'mjārv ~ Šoimjārv* вызваны свойственной вепсской фонетике звуковой цепочке изменений (**al > au*) > *ou > oi*, ср., напр., **talv > tauv' > touv' > toiv* (последний в топонимах *Toivjārv ~ Tojārv* (< **Talvijārvi*) в бассейне Ояти, р. *Тоѳба* на верхней Свири, руч. *Тоѳвинский* в Присвирье).

Историческое праприбалтийско-финско-саамское *o, пройдя в прасаамский период через стадию удлинения в *o или в *ō (в зависимости от конечного гласного основы), превратилось в современных саамских говорах соответственно в *uo* и *oa*. Имеющиеся в нашем распоряжении присвирские материалы содержат несколько топонимов, основы которых сопоставимы с лексемами, отражающими развитие *oa < *ō < *o*.

В Присвирье, как и в целом на Европейском Севере России, где основа *челм-* хорошо известна не только в топонимии, но попала и в апеллятивное употребление — ср. на Русском Севере *челма* 'пролив, протока, залив', 'горловая ловушка для рыбы' (Матвеев 1995а, 34) — сохраняется качество саамского начального *č*. Эта закономерность подтверждается целым рядом других топонимных примеров и отличает данный регион от Финляндии, где в топонимах и апеллятивных саамских заимствованиях саамскому *č* в позиции перед гласным заднего ряда соответствует фин. *j*: саам. *čoał'bme* → фин. *jolma* 'пролив', *čarfū* → *jarho*, *čuoŕbbe* → *järppä* и др. (Aimä 1908, 57).

С точки зрения исторической фонетики незакономерным выглядит русский вариант *Чаймозеро* с *a* в основе (*čoał'bme < *čäl̥mē < *čälma*), который, будучи картографическим, должен интерпретироваться как ошибочный.

iles- ~ ileks-: р. Илекса, Илеса, оз. Илексозеро и проч. неоднократно. Ареал гидроосновы протянулся из Белозерья на северо-восток в Пудожье и смежные районы Архангельской области, а на северо-западе достигает верховий Свири, т. е. не выходит на запад за пределы Онежского озера (рис. 18).

Основы последовательно привязываются к наименованиям верхних, т. е. расположенных в истоках, в верховье водной системы, объектов, что позволяет интерпретировать ее на финно-угорской почве и сопоставлять с прибалтийско-финским *ylä-*, саамским *álV-* 'верх, верхний' с присоединившимся, видимо, еще на доономастической стадии суффиксом *-s:* *-kse-* (последнее утверждение подтверждается устойчивостью бытования основы с конечным *-s:-kse-*). Будучи сопоставима с финскими и саамскими языковыми данными, топооснова в то же время не отражает непосредственно ни тех, ни других, о чем достаточно красноречиво свидетельствует и ареал бытования основы. Она практически неизвестна в таком виде (т. е. с суффиксальным оформлением) в топонимии Финляндии, в Карелии (за исключением самых восточных ее окраин), в западной части ареала вепсского расселения, что отвергает ее прибалтийско-финские истоки. Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении саамские топонимные данные, основа непродуктивна и в саамском ареале. В то же время она хорошо интерпретируется на основе прасаамского вокализма, в котором еще на самой ранней стадии произошла утрата праприбалтийско-финско-саамского лабиального **ï*, объединившегося с **i* и развивавшегося в дальнейшем в русле изменений последнего (т. е. прасаам. **ɛ* > **e* > саам. *â*) (Korhonen 1981, 81—82). Вокализм первого слога топоосновы согласуется с тем, как в южном Обонежье представлен древний праприбалтийско-финско-саамский **i* (см. *ilm-*).

ilm-: *Ilmas ~ Ilmasoja* (рус. *Ильмас ~ Ильмакса ~ Ильмаз*), река в бассейне верхней Паши. В бассейне Свири нет других топонимов с основой *ilm-*. Однако за его пределами

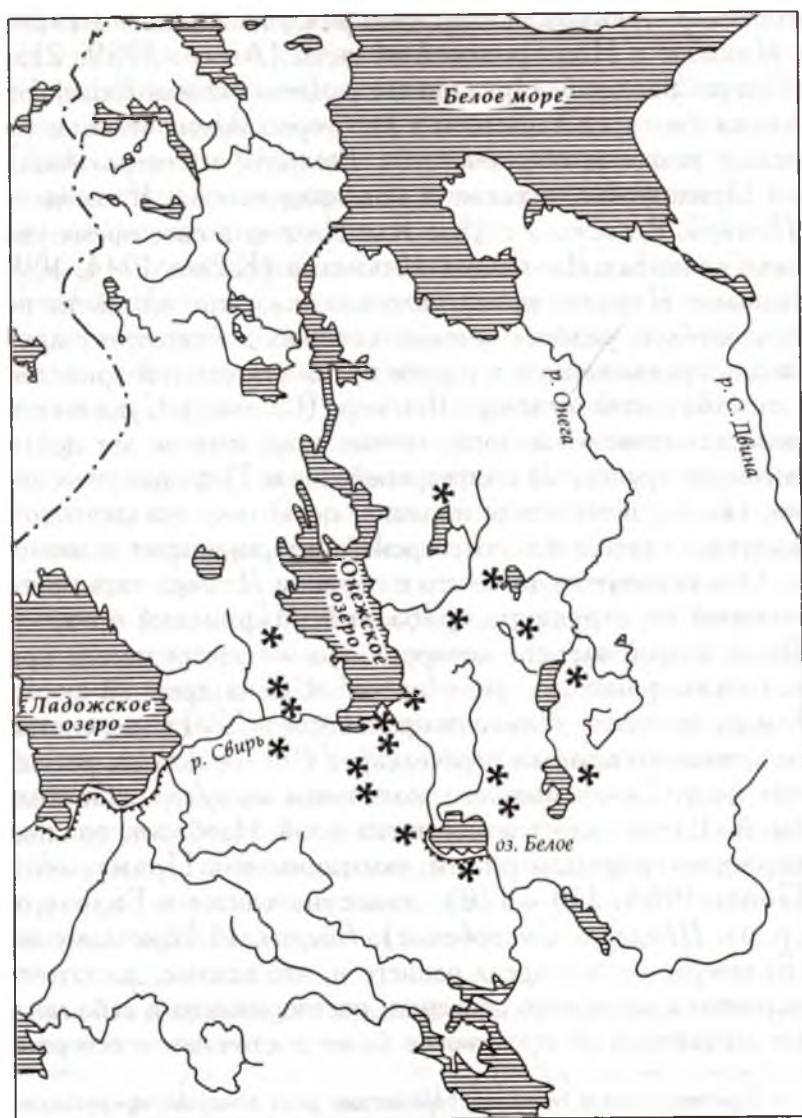

Рис. 18. Топооснова *илес-/илекс-* в топонимии Обонежья
 * — топооснова *илес-/илекс-*

отметим р. *Ильмаза* в бассейне р. Суды (Шанько 1929), р. *Ильмож* в Новгородской области (Агеева 1989, 215), в Северо-Западном Приладожье р. *Ilmetjoki* или *Ilmeejoki*²⁶. Основа *ilmt-* представлена и в некоторых лимнонимах, в том числе в названии обширного оз. *Ilmajärvi* в Северо-Западном Приладожье, а также в новгородском оз. *Ильмень* < **Илмърь*. Во всяком случае Яло Калима в свое время уверенно связывал *Ильмень* и *Ильмакса* (Kalima 1944, 109). Название *Ильмень* привлекало неоднократно внимание исследователей, разброс мнений которых достаточно широк. Сводка предложенных в разное время этимологии приведена в этимологическом словаре Фасмера (Фасмер). Судя по ней, представленные этимологии можно разделить на две противостоящие группы: 1) индоевропейские и 2) финно-угорские, или, скорее, в обратном порядке, поскольку предпочтение, кажется, отдается финно-угорской интерпретации лимнонима. Она исходит из того, что в древнем *Илмърь* скрывается сложный по структуре прибалтийско-финский оригинал **Ilmeŗ*, второй элемент которого *-ерь* — это рудимент прибалтийско-финского *-järvi* 'озеро'. Смена древней формы *Илмерь* на новую *Ильмень* произошла в XVI в. вследствие значительного притока переселенцев с более южных российских мест. Такая модель с конечным *-ерь/-ер*, напомним (см. гл. II), не является окказиональной. Наоборот, она подтверждается целым рядом лимнонимов в Приильменье (Попов 1965, 118 —120), известна также в Белозерье (ср. оз. *Шидеро*, *Сивер(ское)*, *Боеро*). И

26 Протекающая в северной Приботнии река *Ilmojoki*, представляющая собой верхнее течение известной реки Кутёжюки, видимо, не входит в один ряд с перечисленными названиями, поскольку существует устойчивая традиция, поддержанная и в научной литературе, связывать происхождение потамонима с ойконимом *Ilmola* с антропонимическими истоками (< древнее прибалт.-фин. личное имя *Ilma*, *Ilmo*) — названием возникшего в средневековье в верховьях р. Кутёжюки поселения. Отантропонимические корни могут лежать и в основе названий целого ряда ручьев и небольших рек (*Ilma*, *Ilmas*, *Ilmasti*, *Ilmetty* и др.), отраженных в собраниях топонимического архива Финляндии. Однако применительно к более крупным гидрообъектам антропонимные истоки сомнительны.

Приильменье, и Белозерье — это ареал раннего и, что важнее, достаточно массового славянского освоения, растворившего в себе местных аборигенов. В противовес более восточным и северным районам, где происходило постепенное обрусение местного населения через этап двуязычия, повлекшего за собой появление специфических севернорусских моделей топонимов-полукалек на *-озеро* (*Илмозеро, Салмозеро, Сяргозеро* и т. д.), в Приильменье и Белозерье пришлое древнерусское население заимствовало названия у местных жителей путем так называемого прямого усвоения, т. е. **Särkijärvi* > (**Särkäř*) > *Селигер* с характерной диссимиляцией *л//р*, **Ilmajärvi* > **Ilmäř* > *Илмърь*. Такая версия развития представляется вполне логичной, обоснованной и в определенной степени противоречит некоторым индоевропейским параллелям, на что обратила внимание Р. А. Агеева (Агеева 1989, 216).

Что же касается этимологии первого элемента, то сложилась уже традиция связывать ее с приб.-фин. *ilma* со значением 'воздух, погода'. Сторонник этой гипотезы А. И. Попов мотивирует название озера *Ильмень* тем, что оно «определяет состояние погоды» и «представляет характерную черту открытого и бурного Ильменя». Предложенная мотивировка подтверждается устным сообщением П. Аристэ о том, что в Эстонии имеется несколько озер с названием *Ilmajärv*, и всем им местное население приписывает свойство определять погоду (Попов 1981, 47). Материалы топонимического архива Финляндии, в котором представлено несколько десятков топонимов с основой *ilma-* (*Ilma/joki, -järvi, -lampi, -mäki, -niemi*), также содержат целый ряд свидетельств того, что в народном сознании основа *ilma-* в названиях действительно часто связывается с состоянием погоды²⁷.

²⁷ Ср., например, название озера *Ilmakkijärvi* на севере Финляндии, существующее параллельно с вариантом *Tuulijärvi* (*tuuli* 'ветер'), или мыса *Ilmanniemi* (*niemi* 'мыс'), на котором, по свидетельству информатора, рыбаки пережидали непогоду (SNA).

Существует, таким образом, многократно подтвержденный стереотип, который, видимо, оправдан для ряда названий. Однако не для всех. И здесь прежде всего встает вопрос о потамонимах — названиях рек. Семема *ilma* в значении 'погода' для них далеко не очевидна. Складывается впечатление, что этимология, попавшая в научную литературу, основывается на народно-этимологических представлениях, для которых, кстати, свойственно искать подоплеку непонятных, затемненных топооснов в лексике погодных явлений. Наглядным примером может быть название Онежского озера (вепс. *Änine*, фин. *Ääninen*), связываемое в народном сознании с приб.-фин. *aäni* 'голос, шум' из-за бурного характера озера, или основа *voi-*, довольно широко представленная в лимнонимах (т. е. тип *Voijärvi*), соотносимая информаторами с приб.-фин. *voi* 'масло': якобы, эти озера долго не замерзают (подобно маслу).

Что же можно предложить взамен? На первом этапе есть смысл начать поиски истоков топоосновы с того, что семантика 'воздух, погода', видимо, вторична. Этимологический словарь уральских языков на основании детального анализа достаточно однозначно предлагает исходить из примарного значения 'небо, небесный', которое сохранилось в некоторых уральских языках, причем не в самых отдаленных (UEW). Достаточно сказать, что это одно из значений карельского слова *ilma* (наряду с 'воздух, погода'), а в саамском — ближайшем родственнике прибалтийско-финских языков — значение 'небо' для лексемы *äl'bme* вообще является главным, стержневым, семантика 'метель, буря' имеет ограниченное диалектное бытование (Nielsen, KKLS, SSA). Саамское *äl'bme* родственно приб.-финскому *ilma* и восходит к общему прибалтийско-финско-саамскому праязыковому истоку **ilma*. Перспективность семантики 'небо, небесный' для интерпретации топоосновы *ilma-* заключается в том, что она укладывается в универсальные представления о том, что реки текут сверху вниз, что у них есть своя вершина,

голова²⁸. Это подтверждается исключительной продуктивностью основ *latva*- 'вершина, исток', *rää*- 'голова', *ylä*- 'верх' и даже *taivaz*- 'небо' (последняя не входит в число продуктивных, хотя и встречается) в наименованиях верхних, водораздельных озер.

Для предлагаемой этимологии (*ilma* 'небо, небесный') очень важно то, что географическая характеристика рек и озер, в названиях которых представлена основа *ilma*-, подтверждает такую интерпретацию, поскольку основа действительно привязана к верхним, водораздельным, замыкающим водную систему водным объектам. Проиллюстрируем это двумя достаточно наглядными примерами с территории Северо-Западного Приладожья. Первый — озеро *Ilmajärvi* (своеобразная тезка *Ильменя*), находящееся в истоках обширной и разветвленной водной системы р. Вуоксы. За озером *Ilmajärvi* на север начинается широкий водораздел, за которым располагается обширная система озер центральной Финляндии. *Ilmajärvi*, таким образом, пограничное озеро, расположенное на границе (водоразделе) водных систем, и если двигаться со стороны Вуоксы на север, оно будет крайним, замыкающим этот водный путь (рис. 19).

Второй пример — река *Ilmetjoki* или *Ilmee*, также в Северо-Западном Приладожье, в районе российско-финляндской границы. В русле языковых закономерностей можно полагать, что приладожское *ilmet*- соответствует присвирскому *ilmas*- (см. гл. III), и в основе обоих потамонимов, таким образом, находится оформленный специфическим топонимным суффиксом этимон *ilma*-. Река впадает в Вуоксу в самых низовьях последней, а вытекает из озера *Ylimäinen* ('верхнее'). Реки, возможно, не столь четко, как озера, могут быть на-

²⁸ Семантическое развитие 'небо' > 'верх' входит в разряд универсальных и подтверждается, к примеру, наименованиями гор, возвышенностей, скал с основной *taivas*- 'небо' и *ilma*-, маркирующей самые высокие в окрестностях места.

званы «верхними» или «нижними» в соответствии с их положением внутри водной системы. С другой стороны, однако, в гидронимии севера известны сугубо «речные» модели, в которых отражается именно верхнее положение реки (ср. *Илекса* в Обонежье и Белозерье, *Üländ*, *Юлонда* в Присвирье). Присвирская р. *Ilmas*, располагаясь в самых верховьях бассейна р. Тутока, вполне может рассматриваться как «верхняя».

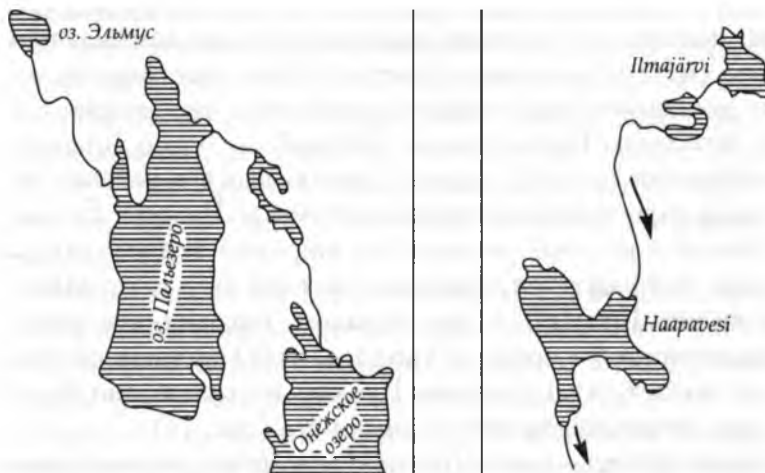

Рис. 19. Гидронимная основа *ilm-/elm-*

Теперь возникает следующий существенный вопрос: в каком языке возникла гидронимная лексема *ilma-*? Можно ли считать ее прибалтийско-финской? Такое предположение вызывает ряд сложностей. Во-первых, семантика 'небо, небесный' находится на периферии семантического спектра лексемы в прибалтийско-финских языках. Во-вторых, настораживает ареал гидронимов на *ilma-*. Он достаточно расплывчат и разрежен, тянется из Белозерья через Присвирье в Приладожье, располагаясь, таким образом, на границе Балтийского и Волжского бассейнов. Ареал нетипичен и для саамских топонимов (основа практически не представлена в топонимии Карелии и внутренней Финляндии, богатых древней саамской топонимией), хотя как раз

фонетически, казалось бы, можно предполагать, что гидронимы на *ilma-* имеют саамские истоки: саам. *âl'bme-* действительно могло бы усвоиться в прибалтийско-финскую среду как *ilma-*. Об этом свидетельствуют некоторые известные ранние саамские заимствования в финском языке, в которых (как и в топониме *ilma-*) саам. *â* первого слога передано в финском через *i*: *iltti* 'язычок обуви; верх или передок кожаной обуви' < саам. *âldâs* 'головка обуви', *ilminen* 'человек; реальный, действительный' < саам. *âl'bmâ* (Aimä 1908; Korhonen 1979, 203), *si(i)sna* 'ремни из кожи' < саам. праязык. **sisna* (Koronen 1996, 97). С возможностью саамского происхождения согласуется и семантика основы *âl'bme* 'небо'.

Однако это предположение вступает в определенное противоречие со следующим обстоятельством. На территории Карелии и Финляндии (где, напомним, основа *ilma-* непродуктивна) обнаруживается целый ряд лимнонимов с основой *elm-*: *El'myz*, *Elmisjärvi*, *El'middärvi*, *Elmüsjärvi*, *Elmilambi* и др. Это небольшие по размерам озера, расположенные исключительно в верховьях, в истоках водной системы. Они замыкают собой водный путь, находятся в его верхней точке (рис. 20). К примеру, оз. *El'myz* ~ *El'myz(därv)*, рус. оз. *Эльмус* является верхним в системе озер, стекающих с севера в Кондопожскую губу Онежского озера. Если подниматься по этой цепочке с юга, из Онежского озера, то она выглядит следующим образом: Онежское озеро ← Нигозеро ← оз. Сандал ← Кривозеро ← Пальезеро ← оз. Эльмус (рис. 19).

Подобная географическая характеристика, а также бесспорная фонетическая близость с основой *ilm-* позволяют утверждать, что перед нами этимологически одна и та же основа, представленная, однако, двумя разными фонетическими вариантами.

Финляндский топонимист Вилье Ниссиля, в поле зрения которого попал лимноним *Elimysjärvi* в северо-западной

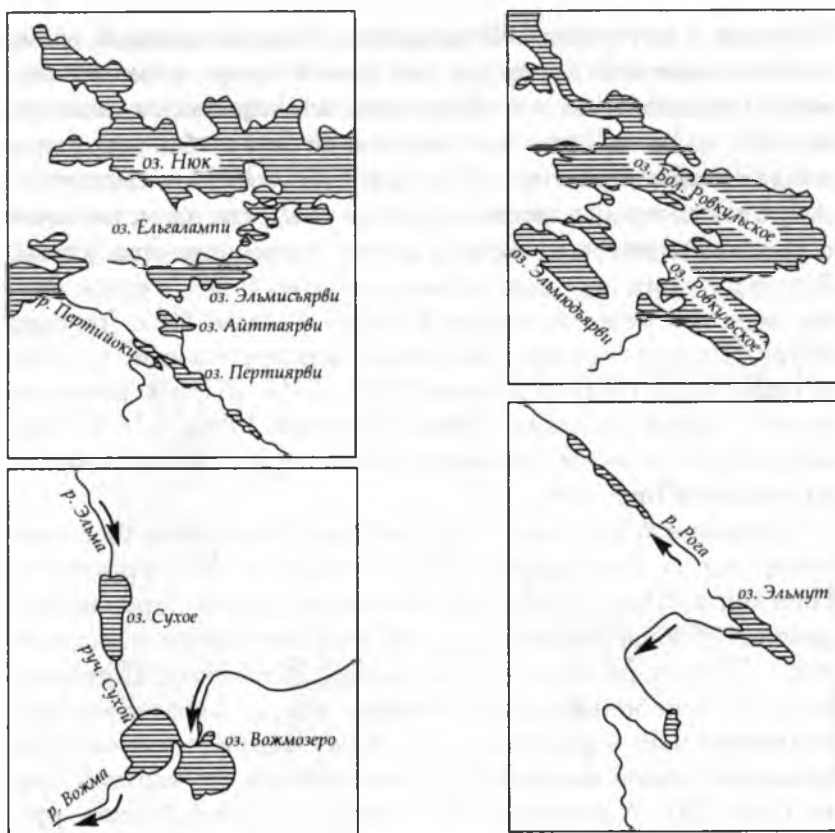

Рис. 20. Бытование гидронимной основы *elm-* в Карелии

Финляндии (в районе Кухмо), считал, что он входит в один ряд с наименованиями озер *Elämäjärvi*, *Elämäinen*, *Elämänjärvi* и др., восходящими, по мнению исследователя, к разным производным от основы *elä-* 'жить, проживать' и связанными с промысловой деятельностью финнов, с возможностью проживания и обеспечения себя рыбой на упомянутых озерах (Nissilä 1964, 78—79). Однако в контексте зафиксированных на территории Карелии *El'myz*, *Elmüsjärvi* и др. финляндское *Elimysjärvi*, скорее, имеет другие истоки и восходит к

первоначальной основе *elm-* с последующим появлением вставного *i* (фин. *švaa-vokaali*) в позиции между двумя согласными (по типу *silmä* > *sil'mä*, *ilma* > *il'ma*)²⁹. Диалект Кухмо, кстати, входит в тот ареал, в котором представлено данное фонетическое явление (Kettunen 1940, 199—200).

Перед нами, таким образом, два фонетических варианта топоосновы, из которых первый (*ilm-*) представлен южнее второго (*elm-*) (рис. 21), при этом оба функционируют в наименованиях «верхних» озер и рек, что позволяет предполагать в них имеющую финно-угорские истоки лексему *ilma* 'небо, небесный'. Фонетический облик основ позволяет увязывать их с разными этапами саамского языкового развития. Известный финский лапполог Микко Корхонен предложил для северносаам. *âl'bme* следующую реконструкцию: *âl'bme* < позднепрасаам. **elmē* < раннепрасаам. **ɛlmā* < праприб.-фин.-саам. **ilma* (Korhonen 1981, 79). Тот саамский диалект, который дал основу *elm-*, был, судя по качеству начального гласного, близок к позднепрасаамскому языковому состоянию. В связи с этим стоит упомянуть, что в восточных саамских диалектах, колтта и кильдинском, отодвинутый назад *ɛ* в определенных ситуациях сохранился до сегодняшнего дня, хотя в большинстве диалектов развитие продвинулось еще на один шаг вперед по пути отодвижки звука назад (Korhonen 1981, 83). Тот же диалект, который был представлен в Присвирье и на смежных территориях, отражал, видимо, более древнее языковое состояние в смысле развития гласного *a*, который в нем соответствовал раннепрасаамскому очень переднему напряженному *ɛ* близкому по звучанию к *i*, или даже

²⁹ Здесь мы не беремся судить об истоках топоосновы *elämä-* в целом ряде лимонимов Финляндии, хотя связь ее с примарным **elm(a)-* не исключена. Географическая характеристика не противоречит этому предположению. Закреплению вставного гласного могло способствовать внешнее сходство с понятной, привычной лексемой *elämä* 'жизнь'. Протетический *i* не исключен и в гидронимах типа *Elimojärvi* ~ *Elimonjärvi* на востоке Финляндии, в районе Иломантси—Пиелисъярви.

Рис. 21. Ареальная дистрибуция основ *ilm-*/*elm-* в топонимии Обонежья
 ● — *elm-*; * — *ilm*

еще более раннему облику звука. Вспомним в связи с этим вновь о тех древних саамских заимствованиях в финских говорах, в которых саам. *ɣ* первого слога передано через *i*, а это предполагает, что в момент заимствования в саамском слове был еще звук, близкий к *i*. Эйно Копонен, пожалуй, последним анализировавший эти заимствования, обращает внимание на их древний облик и считает возможным возводить их к прасаамскому времени, оговорив, правда, что в прибалтийско-финских языках заимствования могли подвергнуться «регрессивной» адаптации, удревнившей их фонетический облик (Коронен 1996, 97). Исследователи проявляют понятную осторожность в определении хронологии ранних прибалтийско-финско-саамских контактов, поскольку тот лексический материал, которым они вынуждены оперировать, все же чрезвычайно ограничен. Привлечение ономастических данных с их точной локализацией позволяет не только значительно его расширить, но и конкретизировать хронологию контактов за счет вычерчивания ареалов топооснов.

Если предложенная здесь реконструкция хотя бы в общих чертах верна (что в контексте приведенных выше апеллятивных заимствований, а также с учетом вырисовывающихся ареалов противостоящих друг другу основ *ilm-* и *elm-* кажется вероятным), это означает, что «саамы» периода ранних саамско-вепсских контактов в южном Присвирье сохраняли в языке черты, близкие к праязыковым. Для понимания механизма усвоения основы в прибалтийско-финские топосистемы существенно то обстоятельство, что в прибалтийско-финских языках семантика 'небо, небесный', свойственная для праязыкового **ilma*, или исчезла совсем, или отодвинулась на самую периферию семантического поля, поскольку в них уже рано появилось балтийское заимствование *taivas* 'небо'. Продвижение прибалтийских финнов в Приладожье и Присвирье сопровождалось усвоением топонимии предшествующего населения. Наряду со многими другими названиями они восприняли ряд гидронимов с основой *ilm-* (возможно, и *ilmas-*), которая в их языковом сознании естественно соотнеслась

с хорошо известной приб.-финской лексемой *ilma*. Из семантического поля последней было выбрано значение '(плохая) погода' как наиболее подходящее для народно-этимологической интерпретации гидронимов. Так «небесные, верхние» озера превратились в «бурные», и названия стали восприниматься как свои, понятные.

К тому времени, однако, когда карелы начали осваивать территорию к северу и северо-востоку от Ладожского озера, в саамском языке ареала центральной Карелии успело уже произойти в соответствии с логикой фонетического развития расширение раннего узкого, близкого к *i* звука в *ɛ* (*ilm-* > *ɛlm-*), и в этом новом облике гидрооснова уже не могла быть соотнесена карелами со своим словом *ilma*. К тому же, видимо, и конечное оформление основы формантом *-Vs* было препятствием для такого соотнесения. Так саамские «небесные, верхние» озера стали для карелов *Эльмус-* и *Эльмитозерами*.

Мы подробно остановились на интерпретации данной основы не только потому, что по ее поводу в ономастической литературе высказывались достаточно противоречивые мнения, но и потому, что она представляет собой редкий в топонимии случай точной, т. е. подтвержденной географическими реалиями, этимологии. К тому же удалось выявить достаточно четкое, ареально привязанное противостояние двух фонетических вариантов основы. Эти обстоятельства в совокупности с фактом наличия древних саамских заимствований, в которых также прослеживается передача саамского *â* или *ɛ* через *i*, позволяют рассматривать гидронимную основу *ilm-* в районе южного Обонежья как своего рода эталон для поисков этимонов других основ, толкование которых не столь однозначно. Знание того, что в Присвирье современное саамское *â* или *ɛ* могло быть воплощено как *i*, дает толчок для интерпретации еще нескольких гидронимных основ.

jagr-: руч. *D'agroja* (рус. руч. *Яггоручей*), а также руч. *Ягра* ~ *Ягручей* в северном Присвирье [бас. р. Ивины], р. *Ягрема* [бас. Ояти], руч. *Ягра*, вытекающий из оз. *Ягрозера*, в районе которого расположено бол. *Еграцкий Мох* [бас. Паши].

Сопоставимы с саам. *jaw're*, *ja'v̄r* (< **jāv̄rē*) 'озеро'. В списке примеров лишь один (*D'agroja*) зафиксирован в вепскоязычном ареале, точнее на вепско-русской языковой границе. Поэтому он необязательно отражает в современном виде изначальное вепское звучание, а может быть ориентирован на вторичный русский вариант с *-gr-* в основе. К сожалению, из-за недостаточного количества надежно интерпретируемых саамских этимологии в вепском Присвирье не удастся установить, как саамское *-wr-* могло передаваться при вепском усвоении. А. И. Попов (Попов 1947), анализирувавший истоки топоосновы *ягр-* в Белозерье, исходил из характерного для русских диалектов *в > г* (**явр-* > *ягр-*). Присвирье примыкает с запада к ареалу гидронимов на *ягр-* (в противоположность *явр-*, представленному на Пинеге), выявленному А. К. Матвеевым к востоку от Белозерья (Матвеев 1965). Не вполне, однако, понятно, скрываются ли за этим противостоянием особенности русской или дорусской (например, вепского типа в ареале *ягр-*) адаптации. Топооснова в виде *jaug-* ~ *d'aug-* зафиксирована на территории центральной и северной Карелии (*Jauruma* р., *Jaurumani* ~ *D'aurumani* оз.). Облик топоосновы близок к саамскому оригиналу. Топонимы на *jaug-* известны также в топонимии Финляндии.

Географические реалии в общем подтверждают саамскую этимологию. Ручьи и реки, в названиях которых присутствует *ягр-*, вытекают из озер, хотя для Присвирья, входящего в озерный пояс Восточной Европы, связь рек и ручьев с озерами — почти закономерность. Так что географическая характеристика не несет яркого отличительного признака, и мотивы номинации не вполне ясны. Кстати, наши материалы свидетельствуют о том, что основа *ягр-* может использоваться и в названиях озер (ср. *Ягрозеро*, т. е. 'озерное озеро'), опровергая мнение А. К. Матвеева о невозможности такой

номинации, отсутствии семантической мотивированности (Матвеев 1965, 21)³⁰.

kač·: *Kačjārv*, два одноименных озера в бассейне реки *Kač* ~ *Kača* (рус. р. Нижняя Курба). Одно из них, известное также под названием *Pit't'ärv* (рус. оз. Долгозеро), располагается в истоках реки, а другое — непосредственно в течении самой реки. Здесь, как и во многих других случаях, когда название реки и озера образованы от одной основы, важно решить, какое из них первично. Казалось бы, логично исходить из примарности потамонима, однако топонимия Присвирья многократно подтверждает обратное: река названа по озеру, из которого вытекает (*Яндеба* по *Вонозеру*, точнее, по его древнему варианту **Ändärv*, *Опенжа* по *Опенженскому озеру* и т. д., что подтверждается этимологически — см. подробнее при интерпретации соответствующих топонимов). Название реки *Kač* — как явствует из предлагаемой далее этимологии — видимо, должно попасть в этот же ряд.

Особенность реки Нижняя Курба заключается в том, что она в верхнем течении проходит через целую цепочку озер,

³⁰ Традиционно считается, что в прибалтийско-финском соответствии саамского *jaw're* — *järvi* отражается более древний фонетический облик основы. В качестве волжско-финской и праприбалтийско-финской исходной формы реконструируется **jävträ* (Häkkinen 1987), в то время как в саамской лексеме предполагается общесаамская метатеза **jävträ* > *jäv're*. Появившаяся, однако, в последнее время балтийская этимология позволяет трактовать закрепившийся в саамском слове звуковой облик как изначальный. В качестве источника заимствования предлагается древняя балтийская основа, к которой восходят литов. *jauga* 'болото', прусск. *wurs* (< **ūras*) 'лесное озеро', а также литов. *jūra* 'море'. Эта этимология — если она верна — снимает необходимость учета саамской метатезы, которая и так выглядит не слишком убедительной, поскольку сочетание *-rv-* было уже в прасаамское время возможно, и для метатезы, таким образом, не было четких фонологических причин. Предложивший этимологию О. Нуутинен считал, что лексема могла быть заимствована из одного древнего балтийского источника отдельно в прасаамский и праприбалтийско-финский языки, т. е. на востоке и западе древней праприбалтийско-финско-саамской территории (Nuutinen 1989, 498, 500). Для нас в этой этимологической интерпретации важно то, что топооснова *ягр-/явр-* может в Заволочье и Обонежье иметь более древние корни, чем традиционно считалось, когда анализ строился на метатезе в саамской основе.

замыкающуюся озером под названием *Kačjärv*. Поэтому в основе последнего естественно видеть саамскую лексему *gæčče*, *kie'žž* (диалектные варианты) 'голова, вершина, конец', в том числе *geahči* 'вершина, исток реки' но не в позднем фонетическом облике с переднерядным гласным в первом слоге, который явился результатом секундарного развития $\text{æ} < \text{*ē} < \text{*ā} < \text{*a}$. Передвижка гласного вперед была спровоцирована влиянием последующей аффрикаты (Korhonen 1981, 91). Современный гласный первого слога, таким образом, восходит к праязыковому историческому **a* (**kaša*), который и отразился в *Kačjärv*, а также ряде других лимнонимов южного Обонежья, среди которых оз. *Качозеро*, являющееся верхним, последним в конгломерате периодически исчезающих, смыкающихся друг с другом ундозерских озер (*Качозеро*, *Ундозеро*, *Лухтозеро*, *Куштозеро*), оз. *Качино*, замыкающее собой снизу цепь озер в верховьях реки Киуй (бассейн Белого озера), оз. *Кача* в верховьях одного из притоков р. Чержма в южном Белозерье (при этом оз. *Кача* практически смыкается с двумя другими, расположенными ниже озерами *Узкое* и *Пустое*), оз. *Kačjärv* (рус. *Качезеро*) на северо-восточной границе Присвирья, в истоке реки Шокша (приток Онежского озера), протекающей в верховьях своих сквозь череду озер, и др. Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что топооснова использовалась не просто для наименования верхних озер, но таких, которые замыкали собой целую озерную цепь.

Очевидно, сдвиг артикуляции произошел в саамской лексеме уже достаточно давно, еще в период существования прасаамского языкового единства, на что указывает бытование переднерядной лексемы во всех современных саамских языках и диалектах, позволяющих реконструировать прасаамское **kēčē* (Lehtiranta 1989). В белозерско-онежской же топоос-

нове закрепился более ранний облик лексемы, точнее гласного, в то время как качество согласного, выступающего внутри слова, близко современному. В совокупности с некоторыми другими топонимами южного Обонежья, фиксирующими отличное (в сторону исторически более раннего) от современного звучание, данная топооснова отражает особенности языка древних обитателей региона, в частности, большую консервативность гласных на фоне опережающего развития согласных³¹.

kain-: руч. *Кайносо́я* в бассейне р. Важинки. В одном ряду стоят, возможно, о. *Кайно́с* и *Кайно́стров* в Заонежье, д. *Кайно́* в южном Обонежье на ундозерских озерах. Последняя интересна тем, что через нее истари проходил и зимний, и летний путь, соединявший д. Кайно и прилегавшие области восточного побережья Лухтозера с лежащей на противоположном берегу д. Мушавицы. Остров Кайнос в Заонежской губе Онежского озера, видимо, тоже располагался на старой водной дороге, пересекавшей Заонежскую губу из района Палеострова на Челмужский берег. Память о существовании этого пути хранит название расположенного рядом с о. Кайнос маленького островка *Ваблок*, сопоставимое с саам. *faw'le, vā'vl* (< *vāvlē) 'путь, фарватер' (ср. фин. *väylä*). В связи с таким «придорожным» расположением заманчиво связывать истоки топоосновы с саам. *gæi'dno, keaĵn* (< *kēĵnō) 'дорога', в котором, однако, задний гласный основы, видимо, спровоцировал

³¹ Восходящая к единым корням с саам. *gæŕŕe* приб.-фин. лексема *kaša* (вепс. *kaza*) (SSA) также нашла отражение в топонимии Присвирья. При этом она — в соответствии с семантикой 'угол', присущей прибалтийскому слову (ср. вепс. *kaza* 'внутренний угол лезвия топора') и отличной от семантики родственной саамской лексемы — закрепляется в наименованиях для обозначения углового, бокового, стороннего (но не конечного, вершинного, головного) положения водных объектов: река *Косопаша* или *Козопаша* (< *kaza- по закону адаптации приб.-фин. **a** на ранних этапах прибалтийско-финско-русского контактирования) представляет собой практически рукав в дельте Папи, боковое, второстепенное русло, а озеро *Казалма* (с вепс? суффиксом *-lm*, ср. фин. *lahdelma, mutkelma, notkelma, saarelma* и др. — Hakulinen 1968, 138) расположено в углу, образованном руслами рек Каппа и Паша.

отодвижку гласного первого слога назад. Не исключено, что речь должна идти об особенностях прибалтийско-финской адаптации, когда в соответствии с гармонией гласных задняя огласовка основы приводила к изменению усвоенного в виде *ä* саамского *ē* (см. подробнее в связи с основами *räl-* и особенно *äp-*) в *a*.

****kotk-***: оз. *Коткозеро* в бассейне р. Капши, оз. *Куткозеро* и вытекающая из него р. *Кутка* в бассейне р. Важинки в северном Присвирье.

Название озера *Коткозеро* отсутствует на современных картах, однако его зафиксировали карты Генерального межевания XVIII в. На современных картах озеро называется *Домашним*. Старый лимноним, впрочем, не утратился совсем, а перешел в разряд ойконимов: д. Коткозеро расположена на берегу оз. Домашнего.

Существует мнение о связи севернорусской топоосновы *котк-* с фин. *kotka* 'орел' (Фасмер, 376; Агеева 1980, 256). Семантически более оправданной представляется, однако, саамская интерпретация названия: саам. N *guot'ko*, I *kuatku* (< **kōtkō* < ?**katko*) 'узкая полоска земли, перешеек между озерами или болотами'. Географическое положение озера Коткозеро, отделенного узким перешейком от соседнего озера Шабозеро, хорошо согласуется с предлагаемой саамской этимологией. Для р. *Кутка* и оз. *Куткозеро* нет столь очевидного географического подкрепления. Если же все-таки этимология верна, то наличие у в *Кутк-* может быть связано с тем, что топонимы *Кутка* и *Куткозеро* перешли в русское словоупотребление из карельско-людиковского (**Kuotk-*): река протекает в окрестностях с. Заозерье, которое было людиковским еще в середине XX в.

kuk(as)-: оз. *Кукозеро* в верховьях р. Капши, оз. *Кукаское*, в которое впадает р. *Кукаса* ~ *Куказое* [бас. р. Ояти],

зал. *Куккаскара* (-кара < вепс. *kar* 'залив') на оз. Сяксозеро [бас. р. Ояти]. В гидронимах закрепились продуктивная — не только в современной саамской топонимии, но и в ареале бывшего саамского обитания — основа *guk'ke*, *ku'kk* (<**kuk-kē*) 'длинный'. Этимология хорошо подтверждается географически, поскольку основа бытует в названиях длинных и узких озер. То же относится к заливу *Куккаскара*, который отчетливо выделяется в восточной части оз. Сяксозеро даже на картах достаточно мелкого масштаба.

Априорно можно предполагать, что саамских 'долгих' озер в Присвирье могло быть больше. Однако эта универсальная, выступающая во всех известных в ареале Европейского Северо-Запада России топосистемах (саамской, прибалтийско-финской, русской) основа, очевидно, легко переводилась в вепсской и карельской языковой среде Присвирья, точно так же, как позднее, в процессе прибалтийско-финско-русского контактирования последовательно происходило с прибалтийско-финскими 'долгими' озерами: вепс. *Pit'kjärv* — рус. *Долгозеро* или *Долгое озеро*. Так что за вепс. *Pit'kjärv* и рус. *Долгозеро* в Присвирье вполне могут скрываться бывшие саамские **Kuhkesjavr*. На этом фоне сохранение саамской топоосновы выглядит, скорее, как исключение из общего правила, для которого должны быть свои причины. В нашем случае в качестве некоего препятствующего переводу момента могло выступать закрепление саамской основы в наименованиях вытекающих из озер рек (ср. расположенное на северной границе Присвирья оз. *Кукас*, из которого вытекает р. *Кукас*): поскольку потапонимы (на фоне, например, лимнонимов) как раз переводятся редко — видимо, в силу того, что они часто этимологически затемнены, не выработалась традиция их перевода. Определенному консерватизму потапонимов способствовала и такая особенность рек, как их протяженность.

palg- (< **palk-*): оз. *Pougužjārv* (рус. *Палгозеро*, *Павгозеро*, *Палкозеро*), *Пальгинское озеро*, *Палгозеро* или *Павгозеро*, р. *Палгуша* или *Палгушский ручей*, в низовьях протекающий через оз. *Палгушское*.

Основа существует в нескольких фонетических вариантах, которые в соответствии с вепскими фонетическими закономерностями могут быть возведены к первоначальному *palg-* < **palk-*. При этом *-iž* имеет, скорее, довепские, чем собственно вепские корни. Основа может быть возведена к саам. *balges*, *pälges* (< прасаам. **pālk-*) 'тропа, в том числе протоптанная оленями'. Известно, что саамская лексема была заимствована финскими говорами как *pallas* ~ *palas* '(оленья) тропа; место, где олени находятся летом; заячья или лосиная тропа' (SSA), а также, возможно, в архангельские говоры: *пялуса* 'лесная тропа' (Даль), 'протоптанная тропинка от жилья к лесному урочищу' (Подвысоцкий)³². Саамская интерпретация находит определенную поддержку в размещении озер на местности: оз. Пальгинское является верхним в системе озер бассейна р. Тикши, текущей на восток, в р. Оять. К западу же от озера начинается бассейн р. Викшеньги, текущей на запад, причем верхний ручей, впадающий в Викшеньгу и верховьями своими практически смыкающийся с озером Пальгинским, носит название *Тальгинский*, которое на картах Генерального межевания отражено как *Толвей*, что позволяет с учетом закономерностей русской адаптации и особенностей вепской фонетики реконструировать в его основе вепс. *talv* ~ *touv* 'зима'. «Зимние» топонимы стабильно привязаны к местам прохождения зимников. Таковой, видимо, проходил с Ояти через оз. Пальгинское и руч. Толвей (< **Talvoja*) на Пашу, причем не только в вепское время (о чем свидетельствует вепская интерпретация для *Толвей*), но, видимо, и раньше, подтверждение чему можно видеть в основе лимнонима *Пальгинское*. Кстати, о том, что этот путь (в качестве лесной тропы) функционировал еще

³² Яло Калима возводит архангельскую лексему к фин. *palas* (Kalima 1919, 192)

не так давно, свидетельствуют наши информаторы, подтверждая устойчивость старых дорог.

На старой зимней дороге, ведущей с р. Капши на Оять (конкретнее, в район Вонозера), находится и оз. *Pougužjārv*. О прохождении зимних или летних путей через другие отложившиеся в нашей картотеке объекты, в названиях которых выступает основа *palg-*, сведений нет, хотя, судя по географическому положению, они вполне могли быть «придорожными». К примеру, руч. Палгуйский (соврем. р. Палгуша) на карте Генерального межевания показан в бассейне р. Хмелицы (Ояти), а не Капши, к которому в действительности относится. Находясь на водоразделе Капши и южных притоков Ояти, речка действительно могла служить неким коридором для преодоления водораздела, и эта функция могла отразиться в ее наименовании.

Географическое обоснование приемлемости предложенной этимологии, кажется, поддерживается лингвистическим, заключающимся в том, что все современные саамские диалектные варианты имеют в первом слоге *a*, которое восходит по языковой реконструкции к прибалтийско-финско-саамскому *a*, испытывавшему, однако, в конце прасаамского периода удлинение: **pālke-* (Lehtiranta 1989). На протяжении всех этапов, начиная с праприбалтийско-финско-саамского, вокализм первого слога оставался практически неизменным (с точки зрения вепской адаптации долгота гласного несущественна), поэтому естественно предполагать его при реконструкции и в том «саамском» языке, который бытовал в Присвирье.

poža-: зал. *Poža* в оз. Пяжозеро на восточной границе Присвирья, зал. *Požanagd'e* (agd'e 'угол, конец') в оз. Святозеро на северной границе Присвирья. Основа сопоставима с саам. *boaššo*, *roašš* (< **pōššñ*) 'задняя часть, задний угол саамского чума'. Подобная семантика ('задний угол') вполне адекватно отражает характер географической реалии: бухта, залив — это своего рода угол (ср. аналогичное употребление саамской лексики *song* 'угол чума' в наименовании озерных заливов в топонимии Карелии). Оба названных залива отличаются значительными размерами.

С точки зрения географической семантики саамской лексики показательным то, что именно в значении географического термина она была заимствована в карельский на территории центральной Карелии (северное Сегозерье), где слово ро́жа означает заводь, бухту на реке выше порога (ТКК). Оно участвует в образовании ряда топонимов на р. Воломе: *Lahnarpoža* (букв. 'лещевая бухта'), *Sormušpoža* (*šormuš* 'кольцо') в качестве названия круглой по форме заводи, *Soaripoža* (букв. 'островная заводь') выше порога *Soaripožankoški*. Добавим к этому, что основа ро́жа- ~ *rodža-* представлена в наименованиях целого ряда озерных заливов в Карелии, где она является, очевидно, прямым саамским топонимным наследием, не опосредованным этапом лексического освоения.

päl-: оз. *Päl'l'arv* ~ *Päl'järv* (рус. *Пялозеро*) в верховьях р. Паши. Короткая протока отделяет его от русла основной реки Чоги, и озеро, таким образом, располагается сбоку, с краю по отношению к ней. Географическая характеристика позволяет сопоставить основу с саам. *bæl'lje*, *piel'l'* 'ухо'. Эту интерпретацию поддерживает, кажется, и то, что в непосредственной близости от Пялозера в бассейне реки Чоги находится оз. *Korvaŕv* (*Корвозеро*), в основе которого вепс. *korv* 'ухо'. Собственно, река Чога образуется в результате слияния двух лесных речек, одна из которых вытекает из оз. *Pal'järv*, другая из оз. *Korvaŕv*. Вряд ли это случайное совпадение, логичнее видеть в *Korvaŕv* вепсскую кальку или, во всяком случае, название, испытавшее в той или иной мере воздействие наименования смежного озера. Для нас же в данном случае существенно то, что этимология древней саамской топоосновы поддерживается косвенным образом этимоло-

гически и семантически прозрачной вепсской гидронимной основой³³.

Еще более отчетливо в фонетическом смысле древняя саамская лексема отражена в потамониме *Пялья* (с вариантами *Пяльица*, *Пялица*): в отличие от озерного наименования, в котором под воздействием детерминанта в результате гап-логии конечный элемент топоосновы нивелировался, здесь воспроизводится ее первоначальный облик. Мотивом номинации могло послужить то, что Пялья действительно являлась боковой рекой, притоком Паши. Необходимость уточнения этого обстоятельства в названии была вызвана тем, что Пялья — первый крупный приток Паши от ее истока из Пашозера, так что по полноводности реки приблизительно равнозначны. К тому же в месте впадения Пяли Паша делает крутой поворот, поэтому действительно возникала проблема различения основной реки и ее притока.

По происхождению саамская лексема восходит к единым праязыковым истокам с приб.-фин. *rieli* (вепс. *rel'*) и его производным *rielus* (вепс. *relus*, *pölus*) с семантикой 'бок, край, сторона' (в производном прежде всего 'косяк (окна, двери)').

При интерпретации названия саамская этимология все же кажется более предпочтительной, чем прибалтийско-финская. Проблема отличия прибалтийско-финского от саамского в связи с родственностью языков рассматривается в топонимии Обонежья в течение длительного времени. В данном случае мы руководствуемся соображениями фонетики топоосновы, в которой выступает *ä*, а не естественное в случае прибалтийско-финских истоков *e*. В смежном с верхней Пашой ареале верховий реки Лиди, кстати, известно озеро под названием *Peløjärv* ~ *Pelajärv* (рус. *Пелушское озеро*), которое в смысле географической характеристики, располагаясь сбоку от основной

³³ В Присвирье и на смежной территории южного Обонежья обнаружено несколько озер, в названиях которых выступает *koiv-*, при этом все они характеризуются сходным географическим положением сбоку (иногда в конце) от основной водной магистрали, подтверждая тем самым, что в гидронимии лексема со значением 'ухо' служила для обозначения пространственных отношений.

водной магистрали и будучи отделенным от нее короткой протокой, абсолютно идентично присвирскому Пялозеру. В нем наряду с саамским истоком допустим и вепс. *rel'* в значении 'бок, край'. Такое же противостояние топооснов с *-е-* и *-ä-* представлено в восточном Обонежье, где в верховьях р. Корбы на расстоянии нескольких километров друг от друга находятся озера *Пелусозеро* (приб.-фин.) и *Пялозеро* (?саам.).

Саамская интерпретация привлекает в данном случае и потому, что в смысле передачи древнего прасаам. **ē* через вепс. *ä* основа *räl-* оказывается не единственной в присвирских материалах. В соответствии с этой же закономерностью усвоена гидрооснова *än-*, ср. прасаам. **ēnē* с первоначальным значением 'большой', *räč-*, ср. прасаам. **rēsē* 'сосна', хотя последние допускают и вариант усвоения *e* (*Pečjärv ~ Päčjärv*). Но важно то, что *ä* не появляется в топоосновах на месте приб.-фин. *e*, т. е. основа *räl-* не может быть вепсской, в то время как основа *rel-* может иметь как вепские, так и доприбалтийско-финские истоки.

Выявление ареала бытования основы *räl-* /*пял-* показывает, что по крайней мере на западе он ограничивается Обонежьем. На северо-западной границе ареала, т. е. соответственно в северо-западном Обонежье, основа представлена в названиях озер *Pälärvi* (*Пялозеро*), расположенного на правом берегу Суны, рядом с оз. Сундозеро, через которое протекает Суна, и *Pällärvi* (*Пяльозеро, Палье(озеро)*), которое находится в верховьях водной системы, объединяющей несколько крупных озер, стекающих в Кондопожскую губу Онежского озера. Далее на запад модель, судя по материалам топонимического архива Карелии, не распространена. Зато она представлена несколькими убедительными наименованиями «боковых» по отношению к течению реки озер в восточном Обонежье, в частности в бассейне р. Водлы. Причины формирования такого ареала различны: это и диалектные особен-

ности носителей доприбалтийско-финской топонимии, и некая топонимическая «мода» на данную модель (хотя, если судить по достаточно обширному ареалу, восточные и юго-восточные пределы которого к тому же пока не совсем ясны, вряд ли речь может идти просто о кратковременном предпочтении модели), и — что надо обязательно иметь в виду — особенности фонетической прибалтийско-финской, в частности карельской, адаптации на территории центральной Карелии, которая могла нивелировать звуковое отличие саамской гидронимной основы от своей, прибалтийско-финской. Не исключено, что эквивалентом обонежской модели выступает здесь модель *Pielijärvi*, *Pielusjaärvi*, *Pielisjärvi*, *Pielinen*. Поскольку это наименования достаточно крупных озер, есть основания полагать их докарельские корни, а появление дифтонга *-ie-* может быть вызвано как спецификой фонетической адаптации, так и свойственным для топонимии сближением со своим карельским словом *pieli* 'край, бок, косяк', *pielus* 'подушка', возможно, кстати, имеющем общие истоки с саам. *bæl'lje* (SSA). В свою очередь, за южными пределами Обонежья, в регионе Верхневолжья, в топонимной основе засвидетельствована гласная *i*, ср. р. *Пула*, *Пилеса*, которые могут быть сопоставлены с морд. *pil'ä*, мар. *palaš* 'ухо', имеющим, очевидно, единые истоки с саам. *bæl'lje* (SSA).

В этом контексте показательно, что и основа *än-* (< *ēnē) не отмечается на территории центральной и северной Карелии, хотя южнее, в ареале освоения вепсского типа, представлена целым рядом убедительных примеров, при этом в Верхневолжье она имеет вид *ин-* (см. далее), т. е. наблюдается ареальная дистрибуция фонетических вариантов основы, аналогичная той, которая вырисовывается на примере основы *räl-*.

При поиске источника топоосновы *räl-*, видимо, не стоит ограничиваться только предложенной выше этимологией ('ухо'), но принять во внимание и другие возможности, среди которых, во-первых, саам. *bælle*, *piell* (< прасаам. *pēlē < урал. *pälä), которое наряду с семантикой 'половина' близко смыкается в ряде коннотаций с семантическим полем 'край, бок, сторона' (см., напр., статью «*pielle*» в KKLS). В связи с этим показательно, что

и родственные финно-угорские лексемы несут в себе значение 'сторона, бок' (см. SSA, статья «*pieli*»). Кроме того, нельзя исключать, что носителям древней топонимической системы южного Обонежья была известна лексема, не отраженная в современных саамских диалектах, но присутствующая в волжских (морд. *rel'*, *päl'*, мар. *rel*, *wel* 'сторона, бок') и других финно-угорских языках и восходящая к урал. **rexli* 'край, внешняя сторона' (SSA, статья «*pieli*»).

В связи с анализом гидронимного *päl-* всплывает еще одна основа, широко отраженная в гидронимии Присвирья и смежных территорий. Это *pal-*, ср. в вепсских районах Присвирья озера под названием *Pal'järv*, *Pal'l'arv* (рус. *Палозеро*), *Palarvut*, *Pavarv* (рус. *Павозеро*), в русском Присвирье *Палозеро*, р. *Палуя* ~ *Палуйца*, *Палайя*, р. и оз. *Палезма* и ряд других. Вырисовывается разветвленное, богатое гнездо гидронимов. Подчеркнем особо: при том, что основа встречается в микропонимах, она все-таки прежде всего является гидронимной. Традиционно она возводится к прибалтийско-финскому отглагольному *pala-* 'гореть' → *palo* 'горелое место, гарь', в том числе 'сожженная подсека', что справедливо для целого ряда микропонимов, особенно мест бывшего подсечного земледелия (например, частая в вепсской топонимии модель *Palosel'g*) и, возможно, ряда гидронимов. Однако очень устойчивое использование основы для наименования водных объектов, особенно достаточно значительных по размерам озер, невольно настораживает и заставляет внимательнее присмотреться к ее возможным истокам. В размещении многих водных объектов с основой *pal-/пал-* есть одна общая особенность: их боковое, стороннее расположение по отношению к основной водной магистрали, будь то река или, например, большое озеро. По географической характеристике они схожи с объектами, в названиях которых выступает *päl-*, *pälj-* и *rel-*. Есть явное сходство и в материальном облике самих основ. Связано ли оно с едиными этимологическими

истоками их этимонов и если да, то как в таком случае объясняется *a* первого слога?

Однозначного ответа нет. С одной стороны, можно предполагать передвижку назад примарного более переднего звука, произошедшую в результате прибалтийско-финской адаптации. На такую мысль наталкивает сосуществование двух вариантов *Pal'l'arvi* и *Päl'l'ärvi* (соответственно в русских вариантах оз. *Палье* и *Пяльозеро*) названия озера, расположенного в северо-западном Обонежье, а также зафиксированный в современном русском Присвирье гидроним *Палежма*, выбивающийся из обонежских *Тагажма*, *Воложма*, *Нигижма*, *Келижма*, в которых можно усмотреть определенные следы гармонии гласных и которые подводят к мысли о возможном изначальном переднерядном *ä* (**Päležm-*) на месте современного *a*.

С другой стороны, истоки появления заднего *a* в принципе могут быть заложены уже в самом прасаамском языковом развитии, для которого известна тенденция к большей открытости, передвижке назад гласного первого слога в зависимости от конечного гласного основы (Korhonen 1981, 89).

При выяснении истоков гидронимного *pal-* есть, возможно, смысл обратить внимание и на известное на Русском Севере явление передачи прибалтийско-финского *e* через *a* (*вахта*, *вагмас*, *падра* и др. — см. подробнее в гл. II), т. е. стремление к более открытому звучанию, истоки которого не вполне ясны, хотя высказывалась мысль о воздействии местного субстратного языка типа саамского (Матвеев 1995а, 32—33).

**sol-*: оз. *Sol'järv* ~ *Sol'l'arv* (рус. оз. *Солозеро*) на восточной границе Присвирья, подкрепленное хоть и не насыщенным, но достаточно убедительным ареалом на Онежско-Белозерском водоразделе, где фиксируется несколько озер с названием *Солозеро*, к которым, возможно, примыкает оз. *Суландозеро* с вытекающей из него р. *Суланда*. Отличительная географическая особенность озер — наличие в них одного или нескольких островов, что позволяет увязывать топоним с саам. *suolo*, *suel* (< **sōlōj*) 'остров'. Саамская лексема

имеет праприбалтийско-финско-саамские корни (*salo) и этимологическое соответствие в финских и карельских говорах в виде salo.

При этом не должно вводить в заблуждение то обстоятельство, что на Онежско-Белозерском водоразделе присутствует ряд озер (причем также «островных») с названием *Салозеро*. В распределении основ *сал-* и *сол-* нет никаких видимых ареальных критериев. В окрестностях Ундозера, к примеру, соседствуют озера *Салозеро* и *Солозеро*, что явно свидетельствует о невозможности единых истоков наименований. Действительно, тщательный сбор полевого материала позволил выявить, что рядом с вариантом *Салозеро* в некоторых случаях фиксируется вариант *Сарозеро* (ср. вепс. *ság* 'остров'), являющийся примарным, в то время как появление *Салозеро* вызвано характерной для южного Обонежья диссимиляцией *p//l* в связи с *p* в детерминанте.

Бытование основы *сол-* просматривается и в более широком ареале Русского Севера, подтверждая тем самым, что язык древнего населения региона был в смысле вокализма близок к прасаамскому, в котором произошел переход древнего праприбалтийско-финско-саамского **a* в **o* с его последующим удлинением (**ō*). Что касается дифтонгизации долгого гласного, свойственной современным саамским говорам, то здесь топонимия Обонежья с переработкой вокалической системы по вепсскому типу не способна дать четкого ответа, хотя ряд косвенных обстоятельств (в том числе достаточно последовательное *o* [а не *u*] на месте современного саамского *uo*, *o* [а не *a*] на месте дифтонга *oa*, *e* [а не *i*] на месте современного саамского *ie*) говорит в пользу того, что вряд ли этот процесс был свойственен языку носителей древней довепсской топонимии региона. Из истории саамских дифтонгов *uo*, *oa*, *ie* известно, что их образование относится к самым последним праязыковым инновациям, возникшим на завершающем этапе прасаамского языкового развития (Korhonen

1981, 76). Добавим, что на территории Карелии интересующая нас основа встречается в виде *suolo-*, который может отражать как саамский оригинал с дифтонгом, так и собственно карельское звучание, с переходом прасаамского **õ* в соответствии с закономерностями карельской фонетики в дифтонг *uo*. Однако существование *Sulajärvi* в бассейне р. Лендерки, *Sulojärvi* и *Suloijärvi* в бассейне верхней Суны может быть спровоцировано как раз саамским дифтонгом, который в процессе карельской адаптации мог усвоиться двояко: и как дифтонг *uo*, и как *u*. Если это предположение верно, то на территории центральной Карелии в период собственно-карельского освоения в местных саамских диалектах могла уже происходить дифтонгизация долгих гласных.

sond-: р. *Sondal* ~ *Sondaljogi* (рус. р. *Кондала*), руч. *Sondaloja* (рус. *Кондалручей*), протекающий в низовьях через оз. *Sondaljärv* (рус. *Кондалозеро*). Материалы топонимической картотеки Института ЯЛИ позволяют рассматривать эти гидронимы в ряду других, в которых представлены различные модификации исходной топоосновы (рис. 22). На востоке от Обонежья, в Кенозерье, известна р. *Кондала*, представляющая собой нижний участок р. Тихманьги, две другие *Кондалы* (*Верхняя* и *Нижняя*) впадают с севера в р. Кену. В Кенозерье же, в течении р. Ундоши расположено оз. *Кондозеро*.

Основа известна также на территории собственно Карелии. В Сегозерье, на границе Обонежья и Беломорья, в нижнем течении р. Волома располагается оз. *Сонозеро*, кар. *Šuonnarvi*. На фоне обонежских фиксаций обращают на себя внимание дифтонг в первом слоге карельского варианта топонима и особенно гемината на границе первого и второго слогов, которая очень показательна и может быть интерпретирована как слабо-ступенный вариант в известном прибалтийско-финском чередовании *nt//nn*. Соответствующий сильноступенный вариант отразился в бывшем названии нижнего участка реки Воломы — от оз. Сонозера до устья — р. **Šuondale* (рус. *Конда-*

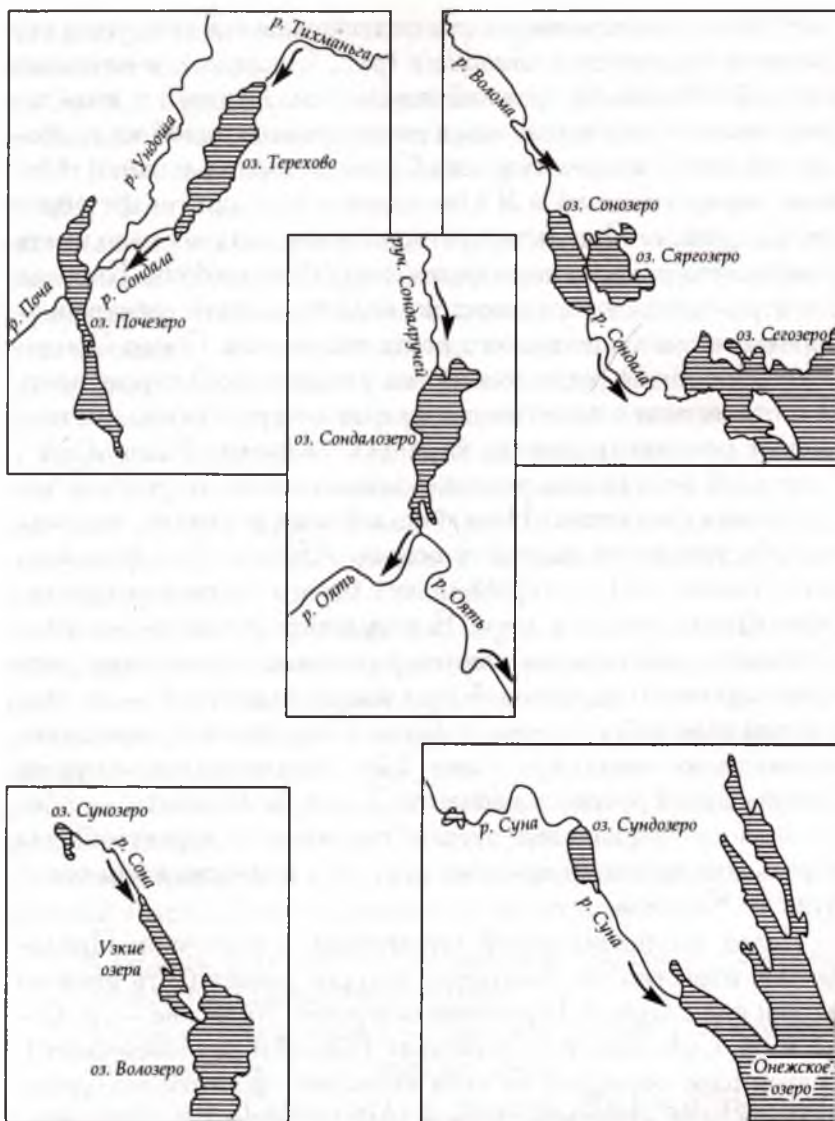

Рис. 22. Гидронимы с основой **sond-**/**сонд-** в Обонежье

ла). Былое существование его подтверждается тем, что в устье реки находится д. *Suondale* (рус. *Сондалы*), в названии которой сохранился прежний потамоним. Видимо, в этом же ряду должно рассматриваться наименование одной из наиболее значительных рек Карелии *Суны*, которая в нижнем течении, перед впадением в Онежское озеро протекает через оз. *Сундозеро*. При интерпретации этого тандема надо иметь в виду, что река Суна, пересекающая территорию Карелии с северо-запада на юго-восток, является зоной собственно-карельского и людиковского контактирования. Озеро *Сундозеро* (*Sundjärvi*) расположено на людиковской территории. В соответствии с фонетическими закономерностями, для него можно реконструировать карельскую форму **Suondjärvi*, в которой отразилось вепско-людиковское отсутствие чередования согласных. Название же реки восходит, видимо, к слабоступенному варианту основы **Suonn-* (ср. финляндское *Suonnejoki*), который может быть собственно-карельским языковым наследием. В результате русского освоения (очевидно, достаточно раннего) гемината в названии реки превращается в одиночный согласный, а дифтонг — в одиночный гласный: **Suonn-* > *Суна*. Современные карельские варианты потамонима — *Suni*, *Sūni* — сложились на основе официального русского варианта. Такая особенность — ориентация на официальные русские названия — характерна для карельских названий крупных рек, озер и многих населенных пунктов Карелии.

Далее, на ливвиковской территории, в восточном Приладожье, известно оз. *Suonjärvi*, которое может быть введено в один ряд с *Суной*. В русском северном Обонежье — р. *Сона* и оз. *Сунозеро* в ее низовьях (бассейн р. Повенчанки). В этой паре обращает на себя внимание субституция оригинальной приб.-финской гласной (или дифтонга) в одном случае в виде *о*, в другом — в виде *у*.

Из перечисленных названий внимание исследователей в разное время привлекал к себе потамоним *Суна*. Среди интерпретаций почтенная по возрасту мерянская теория Я. Калимы, сопоставлявшего *Суну* с верхневолжскими гидронимами

Сунжа, Суда, Судома, Судогда и др. (Kalima 1941). Две возможности для интерпретации названия предлагает Г. М. Керт: саам. sunn 'жила, нитка' и саам. sund 'темя' (Керт 1960). Финляндский топонимист В. Ниссиля предложил свою саамскую (он оговаривает — рабочую) гипотезу: саам. tšunu 'песок' (Nissilä 1967). Каждая из упомянутых здесь интерпретаций загадочной *Суны* содержит рациональное зерно, хотя ни одна из них не убеждает до конца, особенно в контексте представленного выше топонимного ряда, свидетельствующего о том, что *Суна* — не раритет, не окказионализм.

С учетом чередования ступеней согласных, истории долгих гласных и дифтонгов в прибалтийско-финских языках, а также особенностей русской адаптации можно, сведя воедино перечисленные выше гидронимы, вычленив в них общую топооснову в виде *suontV- < *söntV-.

Отметим, что гидронимы, входящие в один ряд с *Суной*, объединяются не только единым древним архетипом, но и общей, схожей географической характеристикой. Всем им свойственна одна географическая особенность: реки в нижнем течении, непосредственно перед устьем, протекают через озеро: р. *Суна* через оз. *Сундозеро*, р. *Сона* через *Узкие озера*, руч. *Сондалручей* через оз. *Сондалозеро*.

Реки с названием Сондала на деле представляют собой нижний участок более крупной водной системы:

р. *Сондала* (Приютье) — нижний участок р. Черной, между оз. Палозером и устьем.

р. *Сондала* (Кенозерье) — нижний участок р. Тихманьги, между оз. Тереховым и устьем,

р. **Suontale* (Сегозерье) — нижний участок р. Воломы, между оз. *Сонозеро* (*Šuonparvi*) и устьем.

Соответственно озера «прорезываются», «разрезаются», пронизываются рекой: через оз. *Сонозеро* протекает р. Воло

ма, сквозь оз. *Suonjärvi* — р. Наровож, через *Сундозеро* — р. *Суна*, а *Сондозеро* пронизывается рекой Ундошей.

Географическая характеристика водных объектов даст ключ к возможной этимологии топонимов, которая может быть сопоставлена с древней общесаамской глагольной основой **söntē*- 'разрезать (напр., мясо), испаривать, открывать (напр., рыбу)' Она представлена в современных западных саамских диалектах в виде *suoddedh*, *suad'dad*, *suot'tat*, *suoddat* (Lehtiranta 1989) и имеет соответствие в мордовском *san'd'a* (Itkonen 1971, 52). Как видим, фонетически предлагаемая саамская основа не противоречит той реконструкции, которая была предложена выше на основе анализа топонимов. С точки зрения принципов номинации этимология тоже оправдана. Положение объекта внутри водной системы часто отражается в гидронимах. Примеры этому многочисленны и в прибалтийско-финской, и в саамской топонимии.

Несколько необычно выглядит глагольная основа на фоне подавляющего большинства именных основ в топонимах. Однако глагольные основы, хотя и не очень продуктивные, все же возможны и в прибалтийско-финской, и в саамской топонимии, ср. кар. *Jakajärvi* оз. (кар. *јакоа* 'делить'), *Jukonniemi* мыс (саам. *juokket* 'делить, отделять'), *Soudarvi* оз., *Sukkarvi* оз. (кар. *soudoa*, саам. *sukkat* 'грести'). Есть еще одна деталь, которая может свидетельствовать в пользу отглагольного происхождения топонима *Суна* и прочих, входящих с ним в один ряд. Это оформление ряда топонимов из нашего списка концевкой *-l/-le* (рус. *-ла*): *Сондала* р. в Присвирье, две реки с названием *Сондала* в Кенозерье, *Suontale* р. в Сегозерье, *Sondaloja* руч. на Ояти. Традиционно принято относить формант *-ла* в субстратной гидронимии Русского Севера к числу т. н. «речных» суффиксов, среди которых обычно называются также *-кша*, *-ма*, *-ньга* и др., однако действительная природа его неясна. Что касается гидронима *Сондала*, то есть основание полагать, что сочетание основы с *-l*-овым суффиксом возникло еще на дономастическом уровне. На это указывает, с одной стороны, повторяемость потамонима именно в этом виде, в этом облике, с другой — отсутствие примеров, в которых основа

*söntV оформлялась бы каким-либо другим формантом из возможного набора «речных» суффиксов (во всяком случае, в материалах нашей картотеки отсутствует Сондома, Сондокса и подобные). Поиски возможного доономастического истока привели к саамским языковым данным. В саамском суффикс *-l* известен в словообразовании прилагательных (Itkonen 1955, 171). Он образует прилагательные от глагольных основ, участвует в образовании причастий (Korhonen 1981, 325): *boattet* 'прийти' > *boat'te* 'приходящий' > *boat'tel* 'легко приходящий домой по вечерам'. Суффикс может присоединяться и непосредственно к глагольной основе, образуя прилагательные: *bivvat* 'сохранять тепло' > *bivval* 'теплый'. Применительно к топониму *Сондала* можно полагать, что от глагольной основы *söntē- при помощи суффикса *-l* < *-le образовалось название реки со значением 'разрезающая, прорезающая, протекающая через озеро'. Такого рода информация была важна для древних обитателей края, вся жизнь которых, передвижения на местности были связаны с водой. Было важно знать, что река (т. е. водный путь) не завершается озером, а продолжается выше.

Судя по топонимии современной саамской территории, финаль *-l*, хотя и в небольшом количестве, присутствует в названиях, ср., например, в топонимическом приложении к словарю KKLS реки *Sokkal*, *Sitšel*, *Indel*, *Kaskel* и др. В этом же источнике некоторые топонимы с концовкой *-l*. Т. И. Итконен производит от глагольных основ: *Kaskel* р. < *kásk'eD* 'закрывать, преградить, откусить'; *Réämal* порог < *reämäsk'eD* 'громко говорить, бушевать' и др. Предложенная для конечного *-l* (< *-le*) саамская интерпретация убедительно подтверждается опубликованной недавно этимологией финского топонима *Simpele*, который возводится к саамскому отглагольному производному *dabbal* 'не бурлящее, со спокойным течением (место) в пороге' с последующим звукопереходом *ti > si (Sammallahti 1999, 75).

Другая интерпретация топонимов на *-le* предложена финляндским исследователем Лаури Хакулинемом в его классической работе «Развитие и структура финского языка». Он перечисляет несколько топонимов с территории Финляндии и Карелии с концовкой *-le* (среди них обширная водная система *Keitele* в Финляндии и р. *Vitele* (рус. *Видлица*) в Карелии), которые он склонен связывать с приб.-финским именным суффиксом *-le*, ср.: *hetale*, *kaistale*, *kekäle*, *rypäle*, *askele*, *kuunele* и др. (Hakulinen 1968, 134—135). Подобная интерпретация не кажется слишком убедительной, поскольку основы топонимов не этимологизируются из приб.-финских языков. В таком случае надо полагать, что приб.-фин. *-le* использовался для адаптации в прибалтийско-финскую топонимическую систему неясных иноязычных названий (именно такова основная функция суффиксов, оформляющих этимологически неясные основы). Однако суффикс *-le* вряд ли мог использоваться в данном назначении, поскольку функцию адаптера выполняют суффиксы, широко представленные в своей топонимической системе. С помощью их иноязычное название вводится в ряд подобных. Суффикс *-le* ни в одном прибалтийско-финском языке не входит в число продуктивных ономастических формантов.

Подведем некоторые итоги. В предложенной этимологии остаются отдельные открытые места. Не ясен, к примеру, ареал распространения топоосновы. Видимо, он выходил за границы Обонежья значительно дальше, чем можно предполагать по имеющемуся в нашем распоряжении материалу. В контексте предложенной этимологии имеет смысл приглядеться внимательнее, с одной стороны, к финляндским р. *Suonenjoki*, зафиксированной средневековыми документами в виде *Suonnejoki* (Nissilä 1962, 103), оз. *Suontee* и др., с другой — к вологодским р. *Сондуга* и оз. *Сондугское* ~ *Сондужское* в верховьях р. Кулой.

Вызывает вопросы также соотношение топооснов *сонд-* и *санд-* (ср. оз. *Сандал* в северном Обонежье), взаимозамещающих, судя по некоторым источникам, друг друга (Nirvi 1973; Nissilä 1967). Предположение Я. Калимы о возможности единых этимологических истоков для потамонимов *Суна* и *Суда* (*Су*

догда, Судома) само по себе достаточно продуктивно, но нуждается как в фонетическом, так и в ландшафтно-географическом подтверждении³⁴.

Основа *sond-* являет собой еще один пример того, что древнему праприбалтийско-саамскому **a* в топонимии Обонежья соответствовало **o* (**ō*). Наличие исторического **a* в основе подтверждается установленным Э. Итконеном для саамского **sōntę* мордовским соответствием *sańd'a* (Itkonen 1971, 52). Мордовское *a*, в свою очередь, закономерно соответствует прибалтийско-финскому *a*, восходящему к праприб.-фин.-саамскому **a*, представленному в современных саамских говорах как *uo* < **ō* (Genetz 1896, 11).

С точки зрения исторической фонетики саамского языка есть основания полагать, что в период усвоения топоосновы в вепсскую топонимическую систему в саамском языке Присвирья сохранялся еще праязыковой долгий *ō*, переход которого в *uo* принадлежит к числу позднейших праязыковых явлений (Korhonen 1981, 76). Эта фонетическая особенность,

34 Теоретические препятствия для подтверждения возможного родства *Сондалы* и *Суды* преодолимы. Для этого надо учесть, что Белозерье с низовьями *Суды* попало в зону древнерусского освоения очень рано, в конце I тысячелетия, когда в древнерусском языке присутствовали еще носовые гласные, в частности носовой *o*, звучавший примерно как [он]. К началу II тысячелетия происходит денализация носовых, в результате которой гласный освобождается от носового призвукa и переходит в чистый гласный *y*. Зная эту историческую закономерность, можно предполагать, что *Суда* стала *Судой* только после XI в., а до этого название могло звучать как **Сонда*, т. е. прибалтийско-финское (или саамское) сочетание *-on-(-ōn-)* могло быть усвоено в древнерусский как носовое *o*, перешедшее позднее в *y*. Неким звуковым аналогом может выступать русский диалектный глагол *отутуветь* 'привыкнуть, освоиться', который, по мнению О. В. Вострикова, может восходить к финно-угорскому источнику, ср. фин. *tottua* < *tontua*, морд. *тондомс* 'привыкнуть, выучиться, научиться'. Соответствие ф.-у. *-он-* - рус. *-y-* можно объяснить только через промежуточную ступень носового (Востриков 1990, 24). Гипотеза требует, однако, дальнейшей разработки и подтверждения, в частности фактами географии.

т. е. наличие исторического долгого гласного на месте позднейшего дифтонга и одновременно более раннего праязыкового **a* подтверждается и рядом других топооснов Обонежья — шире — Русского Севера: ср. *лохт*- (*lōkte < *lakta), *мотк*- (*mōtkē < *matka), *сop*- (*sōrē < *sara). К ним примыкает, видимо, и *котк*- (N guot'ko, I kuatku < *kōtkē < ?*katko).

šid:- оз. *Šid'jārv* [бас. р. Капша], оз. *Судозеро*, в которое впадает руч. *Шидручей* [бас. р. Важинка]. Основа известна и за пределами Присвирья, в частности в верхнем течении р. Лиди, в южновепском ареале есть оз. *Šid'jārv* (рус. оз. *Шидозеро*). Именно последнее попало в поле зрения исследователей, Яло Калима предлагал в свое время возводить его к примарному **Sittajärvi* (sitta 'кал, помет') (Kalima 1941, 324—325). Вряд ли с такой интерпретацией можно согласиться. Основа *sit*- действительно бытует в вепской топонимии, однако в ней последовательно сохраняется глухой согласный (ср., например, оз. *Sitarv*, рус. *Сумозеро* в верховьях р. Капши), что вполне согласуется с вепскими фонетическими закономерностями: *-*tt*- > вепс.-*t*-. В предложенной Калимой трактовке проблематичным оказывается и начальный *š*. И, наконец, насколько позволяют судить аналоги в вепской и карельской гидронимии (а в последней основа *šitta*- довольно продуктивна), она свойственна для маленьких, болотистых озер. Озеро же *Šid'jārv* — одно из наиболее крупных в южновепском ареале.

В связи с вышесказанным, а также аналогами в широком северном ареале заманчиво видеть в основе названных гидронимов саам. *siidâ*, *sijd* (**sijte*) 'зимняя деревня', т. е. сезонное поселение, в которое представители разных саамских семей, кочующих в течение остальных сезонов каждый по своему определенному маршруту, собирались на три зимних месяца и где происходили важнейшие события общественно-социальной жизни. Образования с данной саамской основой фиксируются в достаточно большом количестве в топонимии

Финляндии (Vilkuna 1971), что свидетельствует в пользу ее продуктивности и указывает косвенным образом на возможность

бытования ее и в других ареалах бывшего саамского расселения, в том числе в Присвирье.

В присвирском материале настораживает качество начального согласного, оказывающегося, однако, вполне закономерным в ряду других древних топонимов обонежско-белозерского региона, в которых на месте саамского *s* выступает *š*: *Шабозеро*, *Шундозеро*, *Шубозеро* и др. (см. подробнее Матвеев 1970). Основа *шид-* (*Шидозеро*, *Шидбой*, *Шидьеро* и др.) представлена и в топонимии Русского Севера, в частности в Белозерье. Неким диссонансом перечисленным гидронимам выступает северносвирское *Сидозеро* с начальным *с* (ср. при этом впадающий в *Сидозеро* руч. *Шидручей*), имеющим достаточно длительную традицию употребления, зафиксированную уже ПКОП XVI в.: «на Седоре озере», «на Сидорове же озере» (ПКОП, 91 — 92): Сидор- < *Sidar < *Sidjärv. При интерпретации начального *с* надо иметь в виду возможность карельского влияния в бассейне Важинки. Не исключено и воздействие русской народной этимологии, которое могло связать топоним с мужским личным именем Сидор (этим могут объясняться варианты «на Сидорове же озере», «на Сидоркове озере» — ПКОП, 91—92). Вряд ли, однако, лимоним имеет другие истоки, чем более южное *Šid'järv*, на что косвенно может указывать примерно одинаковое их географическое положение внутри водной системы на перекрестке водных путей. Логично предположить, что именно на таком озере могла располагаться древняя зимняя деревня.

tor(az)-: оз. *Torazjärv* (рус. оз. *Торозеро*) на восточной границе Присвирья, в бассейне р. Мегры; оз. *Torazjärv* (рус. оз. *Торосозеро*) в Шимозерье. Топооснова известна широко и за пределами Присвирья, она последовательно связывается исследователями топонимии с саам. *doares* 'поперек, поперечный с мотивировкой 'расположенный поперек течения реки'

(Itkonen 1948, 108; Nissilä 1975, 186; Collinder 1964). Географически оба названных озера вполне соответствуют этой мотивировке³⁵. Продуктивность основы явно растет по мере продвижения на север, на территорию Карелии. При этом наряду с вариантом *toras-* появляется и *taras-*: *Tarasjärvi* оз. и *Tarasmo* оз. в Беломорской Карелии, *Таракшино* оз. в бассейне Лексозера, *Tarazmaini* оз. в бассейне Сегозера, *Tarasjoki* р., *Tarasjärvi* оз. в верховьях р. Шуи и др. В этом факте можно усмотреть воздействие саамского оригинала, в котором уже произошло расширение долгого гласного в дифтонг *-oa-*, допускающий двойную прибалтийско-финскую адаптацию — как через *o*, так и через *a*. В Присвирье и южном Обонежье фиксируется исключительно *o*, это естественно, если исходить из того, что в «саамском» диалекте этого ареала к моменту вепсского освоения на месте современного дифтонга бытовал долгий гласный.

**velm-*: р. *Велма*, представляющая собой километровой длины пролив между озерами Савозеро и Мунозеро. Зафиксирована на картах Генерального межевания (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, 3314). Соответствует саам. *fiel'bma*, *vielm* 'глубокая тихая река, протекающая из одного озера в другое; длинный плес' (Nielsen; KKLS), очень верно отражающему характер географической реалии. Саамский термин в виде *vielma* 'ручей, соединяющий два озера, пролив' заимствован из саамского в

³⁵ Однако данная мотивировка не объясняет всех случаев употребления основы, которая известна в наименованиях озер, замыкающих водную систему или вообще не являющихся проточными. Анализ географического положения «поперечных» озер указывает, кажется, на то, что в ряде случаев требовалось дополнительное условие — расположение на перекрестке водных путей: или там, где в основную реку впадает боковой приток, или в месте прохождения волока, перехода из одной водной системы в другую. К примеру, оз. Торосозеро в Сегозерье расположено на узком водоразделе между бассейнами рек Воломы и Онды. Торосозеро, являющееся истоком р. Семчи [бас. р. Суны], лишь узким перешейком отделяется от оз. Семчезера, из которого вытекает р. Поруста [бас. Сегозера]. Логично предполагать, что именно здесь мог проходить волок, соединяющий две водные системы. Повторение в названии р. Семчи и оз. Семчезера, относящихся к разным бассейнам, одной и той же основы, возможно, также увязано с этим.

говоры северной Финляндии, что служит косвенным подтверждением его продуктивности в саамском, его важности в процессе прибалтийско-финско-саамских контактов.

В бассейне верхней Ояти есть еще один топоним, восходящий, видимо, к названному саамскому источнику. Это короткий — длиной не более 150—200 м — пролив *B'uim*, соединяющий между собой оз. Ладвинское с р. Оятью. С учетом свойственных вепсскому языку Ояти фонетических закономерностей появление *B'uim* можно представить следующим образом: *B'uim* < **B'oim* < **Velm* (ср. *p'uud* < *p'oud* < *peud* < **peld* 'поле'), реконструировав в основе уже знакомый по р. *Велма* древний термин.

Гласный первого слога, отразившийся в присвирских топонимах, в принципе может восходить к саамскому оригиналу как с поздним дифтонгом (*fiel'bma*), так и с историческим праязыковым долгим гласным (**vēlmē* — Lehtiranta 1989). Однако в контексте поздней дифтонгизации саамских праязыковых долгих и отражения в обонежской топонимии других исторических долгих гласных саамского праязыка логичнее исходить из оригинального долгого **ē*, сократившегося в вепсском до одиночного гласного.

än-: *Änjärv* ~ *Ändärv* *Äändärv* оз. (рус. *Янезеро* ~ *Яндозеро*). Озеро расположено в верхнем течении Ояти, в окрестностях вепсского села Озера. Оно имеет довольно большие размеры, что подчеркивается названием примыкающего к нему с запада значительно уступающего в размерах озера *Vähärv* ~ *Vähärvut* (*vähä* 'маленький'). В озеро впадает ручей *Ahoja* (рус. *Енуя*). Представленные выше фонетические варианты отражают закономерные для вепсского языка звуковые изменения, в частности наращение *i* перед гласным переднего ряда в начале слова (*Äändärv*) (Tunkelo 1946, 573). Появление *d* (*Ändärv*) объясняется фонетистами или как закономерный

звуковой переход *nj* > *nd* (Kettunen 1922, 111), или как наращение своеобразной протезы *d* в позиции между *n* и *j*, которая, как известно, появляется и в некоторых других звукосочетаниях с начальным *n* (Tunkelo 1946, 480). Е. А. Тункело не решается говорить о закономерности, поскольку сочетание *nj* чрезвычайно редко для прибалтийско-финской фонетики, а в вепском и ему, и Лаури Кеттунену удалось обнаружить практически одну единственную лексему *mind* < *minj* 'невестка' с *nj*. Топонимические фиксации, как видим, способны расширить список примеров³⁶, тем более, что на восточной границе Присвирья, в Шимозерье, расположено другое озеро под названием *l'ändärv* (рус. *Яндозеро*, *Янгозеро*), тоже отличающееся достаточно большими размерами на фоне окружающих мелких лесных озер (здесь укажем одно из них — *Pičjärv*, вепс. *pič(uine)* 'маленький', подчеркивающее эту разницу в размерах озер). Характерно, что располагающийся по дороге к Яндозеру мыс на оз. Шимозеро называется *l'ännem* (нем 'мыс'): в позиции между двумя *n* закономерно не возникает необходимости в протезе *d*, и основа сохраняется в исконном виде.

Сопоставление всех имеющихся вариантов свидетельствует о вторичном характере *d*, появившемся в результате действия вепских фонетических особенностей и закрепившемся затем и в русском варианте. Это обстоятельство заставляет внимательнее отнестись к истокам *d* и в других гидронимах на *янд*-, в частности к названию довольно крупного южного притока Свири реки *Яндебы*. Конечное *-ба* — фонетический вариант гидроформанта *-ма*, появившийся на русской почве, очевидно, в результате диссимиляции носовых (ср. подобную трактовку, предложенную А. К. Матвеевым для *Андоба* < **Андома* — Матвеев 19956, 84 — 85). Формантом *-ма*, напомним, оформлены и другие потапонимы Присвирья, ср.

³⁶ Отмеченная фонетическая особенность отражается, видимо, и в вариантах *Аньяплесо* ~ *Антиплесо*, плес на р. Ивине в северном Присвирье.

Канома, Ягрема, Черема и др. Река протекает в русском Присвирье, и в нашем распоряжении нет вепсского оригинала названия (хотя некоторые косвенные обстоятельства позволяют предложить его реконструкцию — см. далее).

В числе присвирских гидронимов есть еще несколько, которые могут входить в одно гнездо с представленными выше названиями. Это *Янасарь* р. (-сарь < -sar 'река, приток'), одна из наиболее крупных протоков в дельте Паши; *Янручей* или *Яндручей* (нестабильный характер *д* в позиции между *н* и *р* прослеживается и в существовании вариантов *Ундручей* ~ *Унручей*, *Мунручей* ~ *Мундручей* и др.) в верхнем Присвирье; *Янега* р., южный приток Свири. В последнем примере концовка может быть рудиментом вепсского -jogi 'река'. Если это действительно так, то требует пояснения отсутствие *д* в позиции между *н* основы и *ј* детерминанта. Во-первых, звукопереход *nj* > *nd'*, видимо, действительно не носил строго обязательного характера (ср. в связи с этим бытование *Äñjärv*). Во-вторых, прибалтийско-финский оригинал *Янеги* вовсе не обязательно был йотированным (т. е. *äñjogi*). Насколько позволяют судить присвирские примеры, здесь довольно последовательно происходило выпадение *ј* в детерминанте -jogi: **Habjogi* > *Habeg*, **Toižjogi* > *Toižeg*, *Лундега* и др., т. е. превращение детерминанта в специфический формант -eg. Подобный процесс известен и финской топонимии (Nissilä 1962, 92—96).

Выстраивается, таким образом, ряд гидронимов, в которых представлены модификации основы *äñ-*. Каковы же ее истоки? Представляя материал, мы обращали уже внимание на то, что всякий раз это наименования достаточно крупных водных объектов (на окружающем их фоне), и это дает основание связывать топооснову с саам. *ædne*, современное значение которого 'много', однако первоначальное 'большой' (UEW). Последнее сохранилось в диалекте колтта, а также в топонимах (Collinder 1977, 32). Интересны также производные от этой основы *ædno* 'главная река', *jeäpna* 'большая река, в ко-

торой есть озеро', atno 'река, стремнина' (SSA), с которыми могут быть связаны потамонимы.

Саамская лексема родственна приб.-финской epä 'большой' и имеет общие с ней истоки. Однако фонетический облик топонимов, прежде всего качество начального ä (> ¹ä) заставляет отдать предпочтение саамской, а не прибалтийско-финской этимологии. Прибалтийско-финское epä- отразилось в таких присвирских гидронимах как *Eņojogi* (рус. *Генуя*), *Eņarv* (рус. *Вонозеро*). В русском Присвирье есть еще одно озеро с названием *Вонозеро*, в основе которого позволительно реконструировать вепс. *Eņarv*. Для такой реконструкции есть как фонетические (Муллонен 1994, 58), так и географические основания: на фоне окружающих лесных озер Вонозеро является действительно большим. Случайно ли то, что из этого озера (**Eņarv* < **Eņjärv*) вытекает река под названием *Яндеба* или между этими двумя топонимами существует глубинная связь, например, лимноним является вепсской переводной калькой саамского оригинала, сохранившегося в потамониме³⁷? В прасаамское время в праприбалтийско-финско-саамской лексеме *epä произошло определенное расширение звучания начального гласного *e в *ε (> *æ*, *eä*, *ä* в современных саамских говорах), которое и могло восприняться прибалтийскими финнами как звук, близкий к ä (в отличие от своего исконного e). Заметим в связи с этим, что финляндский исследователь Алпо Ряйсянен считает возможным возводить ряд гидронимов северного Приладожья с основой äpä- к саам. ædne 'большой' (Raisänen 1995). С другой стороны, отличие в качестве звуков (e — ε), видимо, не было слишком велико. Надо полагать, что в некоторых случаях саамское ε могло соотноситься и с приб.-финским e, особенно если речь шла об этимологически общей

³⁷ Ср. аналогичный показательный пример с территории Кенозерья, где из озера *Большое* вытекает руч. *Ендручей*. В таком контексте название озера представляется очевидной переводной калькой, указание на оригинал которой сохранилось в наименовании ручья *Ендручей* (д в основе может иметь либо такие же вепские протетические истоки, как в присвирских примерах, либо объясняться — так же, как протеза — на русской диалектной почве).

основе с достаточно близким звуковым обликом. Трудно представить, чтобы вепсы, воспринявшие многочисленные лимнонимы от предшествовавшего населения, последовательно давали свои имена таким крупным присвирским озерам как *Ena'rv* (Вонозеро) и Вонозеро (< **Ena'rv*). Логичнее думать, что последние достались в наследство от предшественников и были соотнесены с фонетически и семантически близкой прибалтийско-финской основой epä-.

В этом контексте позволительно предполагать, что название реки *Яндебы*, вытекающей из оз. Вонозеро (*Ena'rv*), в действительности носит вторичный характер и восходит к древнему лимнониму — саамскому наименованию большого озера (типа * *ēnjavr*), являющегося истоком реки, что вполне укладывается в ономастические закономерности. Присвирская топонимия неоднократно являет примеры того, что наименования рек, даже значительных, восходят к лимнонимам. Правда, в такой ситуации требует объяснения появление *д* в основе *янд*-. Здесь можно выдвинуть два предположения: или *nj* > *nd* было присуще тому древнему саамскому диалекту, который бытовал в Присвирье (формант *-ма* должен был, по нашим представлениям, присоединиться на довепском этапе существования потамонима), или на формирование облика потамонима повлиял на каком-то — уже вепском — этапе предположительно бытовавший наряду с * *Ena'rv* вариант **Enjärv* > **End'ärv*, так сказать, по созвучию. Оба варианта не слишком устраивают своей неопределенностью и сложностью. Однако в связи с тем, что данный конкретный пример, кажется, подтверждается и другими, в которых основа *янд*- фиксируется в наименованиях наиболее крупных, заметных водных объектов (ср. в связи с этим название самого крупного внутреннего озера в южном Заонежье *Яндомозеро*, из которого вытекает р. *Яндома*, впадающая к тому же в губу (т. е. залив) под названием *Великая* (!), не отличающуюся на фоне других действительно «великих» губ Онежского озера

особыми размерами), стоит все же обратить внимание на этот факт и, возможно, найти ему в будущем более внятное объяснение.

Для подтверждения реконструкции полезно установить и ареальные связи топоосновы *än-*. Помимо присутствия в северном Приладожье (Räisänen 1995) она оставила след и в юго-восточном Обонежье. Здесь обращает на себя внимание название реки *Янсорка* [бас. Кемы], вытекающей из оз. *Янсорское*. Второй элемент *-сора* имеет детерминантное происхождение (*-сора* < *sa(a)* 'речка, приток'), а в первом можно видеть в адаптированном прибалтийско-финском, а затем русском виде саам. *ædne* < * *ēnē* 'большой'. Причем можно полагать, что основа в названии реки секундарна и распространилась в него из лимнонима, т. е. первоначально она характеризовала озеро (соврем. *Янсорское*), действительно, являющееся наиболее обширным среди окружающих незначительных по размерам лесных озер. На возможную первичность лимнонима указывает и то ландшафтно-географическое обстоятельство, что рядом с озером Янсорским, чуть ниже по течению реки, расположено оз. *Малое*, в котором можно видеть второй член характерного для топонимической системы тандема 'большой' — 'маленький' (ср. в вепсском Присвирье *Añjärv* и *Vähärv*, *ʹänd'ärv* — *Pičjärv*).

Аналогичные истоки могут быть свойственны и потамониму *Янишевка* — названию реки, впадающей с севера в Кемозеро и вытекающей из оз. *Янишевское* или *Янишево*, рядом с которым расположено оз. *Малое*. Правда, при этимологии данного конкретного названия надо иметь в виду, что на восточном берегу озера располагалась д. *Янишево* (ср. вепс. *jäniž* 'заяц'), название которой могло быть первичным по отношению к лимнониму. С другой стороны, в наименовании озера, являющегося, безусловно, самым крупным в микрорегионе, вполне естественно закрепление топоосновы, отражающей этот приметный и к тому же продуктивный в смысле топонимной номинации признак. Концовка *-иш-* в топооснове *яниш-* в таком случае может иметь прибалтийско-финское происхождение и отражает вхождение древнего гидронима в вепсскую топосистему, сопровождавшееся

оформлением субстратной топоосновы деминутивным формантом *-ine* с основой *-iže-* *marjaine: marjaižed* (мн. ч.), *marjaižen* (генитив). Напомним, что с точки зрения типологии номинации использование суффикса *-ine* с деминутивной семантикой является топонимической нормой, свойственной, в частности, лимнонимам. Обычным для него является функция адаптации иноязычной основы. В гидронимии Онежско-Белозерского водораздела фиксируется еще по крайней мере два примера, в которых основа *яниш-* может быть связана с первоначальным древним этимом с семантикой 'большой'. Это бол. *Янишево* с вариантом *Великое*, а также оз. *Большой*, *Средний* и *Малый Яниш* в истоках р. *Яниш* [бас. р. Базега]. Эту же основу в сочетании с оформляющим ее прибалтийско-финским суффиксом *-ine* заманчиво видеть в лимнониме *Янисъярви* (*Jänisjärvi*, -järvi 'озеро'), названии безусловно самого крупного озера северного Приладожья. Появление *j* может иметь разное объяснение, в том числе оно могло быть спровоцировано карельским диалектным воздействием, в соответствии с которым долгий саамский **ē > *ää > eä, iä*. В месте впадения протекающей через озеро р. *Янисъеки* (*Jänisjoki*, -joki 'река') в Ладожское озеро находится остров с названием *Janatsuaí*, второй элемент которого *-suaí* означает 'остров', а в первом просматривается та же основа, что и в названии озера и реки, но оформленная характерным карельским формантом *-t* (о последнем см. в гл. III).

В ряду топонимов с предполагаемой древней основой саамского типа приведем еще острова *Северный* и *Южный Яни* или *Янестрова*, безусловно, самые крупные в Выгозере, название обширной губы *Вянегуба* на восточном берегу Выгозера, оз. *Янозеро* в верховьях р. Токши [бас. р. Водла]. Не исключено, что этот ряд может быть пополнен за счет некоторых лимнонимов с начальным *e-* (типа *Енрека* и др.) в силу присущего для русских говоров северного Белозерья процесса *'a > e*, нивелирующего разницу между условно са-

амской (*ene-) и прибалтийско-финской (*enä-) основой. Видимо, дальнейшие поиски могут уточнить ареал основы, прежде всего его восточные границы. Характерно, однако, что она отсутствует во внутренней Карелии, которую изоглоссы плавно огибают с юга и востока (рис. 23). В принципе данный топонимный ареал в значительной степени накладывается на реконструирующийся по многим данным, в том числе топонимическим, древний вепсский ареал. Это относится и к северному Приладожью, наличие в котором следов некоего вепсского элемента исследователи отмечали не раз (Turunen 1973; Valonen 1980; Pöllä 1992). Однако связано ли как-либо формирование ареала с вепсским этноязыковым воздействием (например, с особенностями фонетической адаптации предшествующей топонимии, протекавшей на территории внутренней Карелии несколько иначе) или за ним стоят факты более древней языковой действительности, пока не совсем ясно. Некоторые топонимные факты с территории центральной Карелии — ср. оз. *Eningilambi* (большое по размерам озеро, появление в названии которого -*lambi* 'лесное озерко, ламба' можно объяснить только расположением его непосредственно на берегу обширного озера Селецкого) в Сегозерье, р. *Eningid'ogi* в бассейне р. Лендерки, оз. *Enin(g)järvi* в окрестностях Ондозера и др., в которых основа оформлена формантом *-ngi*, свидетельствующим о неприбалтийско-финских истоках основы, кажется, можно рассматривать как примеры адаптации саамского *æ* (< **ē*) в карельский как *e*.

В контексте перечисленных гидронимов представляется перспективным интерпретировать и истоки названия Онежского озера, вепс. *Änine* ~ *änine* (с основой *Äniž-* ~ *äniž-*), к которому восходит фин. *Ääninen*, *Äänisjärvi*. Долгое *äa* в финском варианте — это дань народной этимологии, связывающей название с вепс. *äñ*, фин. *ääni* 'голос', *ääninen* 'звучный' (Фасмер вслед за Шренком и Миккола), т. е. 'шумное, бурливое, бурное' озеро. Вызывают вопросы и другие этимологии, предложенные в разное время для разгадки древнего гидронима (см. обзор Керт, Мамонтова 1976, 71—

Рис. 23. Ареал распространения в Обонежье и смежных районах
Белозерья топонимов *āne-* и *ine-*:

* — *āne-*
▲ — *ine-*

74). Однако лимноним хорошо интерпретируется и фонетически, и семантически в одном ряду с Янисъярви и оз. Янишевское. В Änine выделяется элемент äp- ~ ¹äp-, свойственный названиям больших озер, и -ine (-iž), являющийся по происхождению деминутивным прибалтийско-финским суффиксом, бытующим в ряде древних лимнонимов в ономастической функции.

Для топоосновы немаловажно, что традиция использования древнего уральского epä 'большой' была известна не только прибалтийско-финской и саамской топонимическим системам. Она бытовала и у других финно-угров. В частности, в мордовской топонимии известна р. *Инсар* (ин- < морд. *ине* 'большой', *сар* 'ответвление, приток' — Цыганкин 1993, 120). Целый ряд речных наименований с элементом *ин-* зафиксирован в бассейне Оки, в ареале современного и прежнего проживания мордвы, а также на сопредельной бывшей мерянской территории, в том числе *Инелей*, *Инилай*, *Инобожка*, *Инокша*, *Инотынка*, *Инсара* и др. (Смолицкая 1976, 325—326; Ahlqvist 1998, 41—42). К ним примыкает целый ряд сложных по структуре озерных наименований с элементом -его, -erke 'озеро': *Инерка*, *Инорка*, *Инарка*, *Инорское*, *Инеры* и др. (Ahlqvist 1998, 39—40). А. Алквист считает возможным видеть древнюю уральскую основу epä- в ее мерянском варианте и в целом ряде верхневолжских гидронимов, среди которых, в частности, оз. *Неро* (< **Inero*), оз. *Нерон* или *Мирон*, в котором, возможно, реконструируется древнее название оз. Плещеево, две реки под названием *Нерль* и др., в которых в связи с оттяжкой ударения на второй слог инициальный *i* исчез (Ahlqvist 1998)³⁸. В этом ряду названий больших озер, протянувшимся от Волги до Беломорья, находит себе место и название Онежского озера, самого крупного из них. Качество начального гласного *ä-* в Änine сближает гидронимную основу скорее с саамскими, нежели с волжскими или

38 Есть основания предполагать, что мерянский тип основы распространен на север вплоть до северного Белозерья, где он отразился в наименовании реки *Вынокса* с протетическим *в* (ср. в этом же ареале сосуществование вариантов *Илекса* и *Вылекса*), а также, возможно, в потонониме *Индоманка*.

прибалтийско-финскими данными. Очевидно, звук, близкий саамскому праязыковому **ē*, воплотившийся позднее в саамских диалектных *eä*, *ie*, *æ*, *eä*, *jää*, *jie*, был усвоен в вепское употребление как *ä*, что, кстати, укладывается в нормы адаптации, выявленные на основе анализа достаточно обширного круга саамских заимствований в финские говоры (Äimä 1908, 51). Согласно им саамский дифтонг передается в финских говорах через *e* и *ä*, при этом двойная возможность связана с тем, что в финских говорах отсутствует звук, абсолютно идентичный саамскому дифтонгу.

Возможность подобного двоякого усвоения надо иметь в виду, переходя к решению следующей проблемы, связанной с русским вариантом названия — *Онежское озеро*: почему прибалтийско-финскому начальному *ä* в русском варианте соответствует *о*, а, например, не *я*, как в гидронимах типа *Яндозеро* (< *Änd'ärv*)? Причину надо искать, во-первых, в разном времени усвоения: *Онежское озеро* относится к числу наиболее архаичных русских (т. е. русского употребления) географических названий на территории Российского Севера, когда в вепском не развилось еще йотирование гласного переднего ряда в начале слова, спровоцированное длительным и активным русским воздействием (см. гл. II), и, следовательно, появление *я* [ja] в русском варианте, фиксирующееся в значительно более поздних по времени адаптации гидронимах, было невозможно. С другой стороны, однако, известно, что в древнерусском языке *о* появлялось закономерно на месте заимствованного *e*, чему обнаруживаются примеры и в топонимии Присвирья: вепс. *Enärv* → рус. *Онозеро* → *Вонозеро* (см. подробнее в гл. II). Случаи же передачи прибалтийско-финского *ä* русским *о* не зафиксированы (см., например, Kalima 1919), что, впрочем, не означает невозможности подобного развития. Круг прибалтийско-финских лексем с начальным *ä* достаточно ограничен, что уже само по себе делает вероятность попадания их в русское употребление минимальной.

Если к этому добавить, что и семантически, судя по данным СВЯ, эти слова не представляют тех групп лексики, которые обычно заимствуются, то выявление закономерностей в отражении приб.-финского *ä* в русских говорах в древнерусский период действительно затруднительно. Может оказаться, что *Äniž-* — Онежское — один из редких (если не единственный) примеров проявления адаптационной закономерности. Последняя, кстати, выглядит вполне оправданной в контексте артикуляционной близости фонем *e* и *ä*: ср. упомянутая выше передача саамского *æ* в финских говорах через *e* или *ä*, а также сосуществование в вепсских говорах фонетических вариантов *äi* ~ *ei* 'много', *äiräi* ~ *eiräi* 'пасха', *äjäk* ~ *ejäk* 'сколько', в топонимии Присвирья *Äim(ä)jogi* ~ *Eimjogi*. Исходя из отражения приб.-финского *e* в древнерусском через *o*, а также из близости в звучании приб.-финских *e* и *ä*, логично предполагать, что и *ä* заимствований передавалось через *o*. Так прибалтийско-финская основа *äniž-* породила древнерусское *онеж-*. Надо полагать, что основа *онеж-* примарна — как это не парадоксально с точки зрения русского формообразования — по отношению к *онег-* (Онего), которая возникла как недостающее звено на фоне пар типа *Ладога* — *Ладожское озеро*, *Волга* — *Волжский*.

Представленные этимологические штудии выявляют некоторые базисные положения, касающиеся характера вокализма первого слога древней довеппской топонимии Присвирья. Проанализированные топоосновы довольно последовательно отражают прасаамский вокализм первого слога, в котором произошли качественные изменения, отличающие прасаамский этап развития от праприбалтийско-финско-саамского, однако ряд явлений, характеризующих современное языковое состояние (например, дифтонгизация, расширение узких гласных), отсутствует. Понятно, что интеграция древней топонимии в последующие топонимические системы и связанная с ней звуковая переработка нивелировали определенные дифференцирующие фонетические особенности. Тем не менее, можно с достаточно большой долей вероятности говорить о том, что праприбалтийско-финский **a* представлен в Присвирье в

двух реконструированных по лексическим свидетельствам прасаамских вариантах (**a* > **o* > **ō* и **a* > **ā* > **ā̃*), из которых первый отражается в топонимии как *o* (*Sol'l'arv*, *Sondal*), а второй — как *a* (*Палгозеро*); соответственно праприб.-финско-саамский **ā* (в топонимии Обонежья удалось выявить лишь относительно убедительные примеры с широкой основой) расширился, видимо, до прасаамского **ā* > **ā̃*, закрепившегося в Обонежье как *a* (ср. *Ваблок*, *Jagroja*). В свою очередь, праязыковые прибалтийско-финско-саамские узкие гласные **i* и **ī* оказались довольно консервативными (*Ilmas*, *Илекса*) что, собственно, констатируют и известные прасаамские лексические реконструкции, в соответствии с которыми характер прасаамского узкого напряженного *ɛ* был близок по звучанию к *i*. Характерно, что и ранние лексические заимствования из саамского в финские говоры констатируют такое же качество звука. В позиции перед *j* качество праязыкового **i* не менялось на протяжении всех этапов развития саамских языков, естественно поэтому его присутствие в Присвирье в основе *шид*-(< **sijte*). Древний **ɛ* вел себя по-разному в зависимости от гласного основы и соседних звуков. Если основа оканчивалась на широкий звук, то и **e* несколько расширился в **ē* > **ē̃*, который в присвирской топонимии передан как *ä* (*Päl'l'arv*, *Änine*), иногда, видимо, и как *e* (*Perdomjärv*, ср. *Пярдома*).

Гласный **o*, очевидно, не испытал в прасаамское время значительных изменений, кроме возможного удлинения в **ō*, и в присвирской топонимии последовательно отражается как *o*. Дифтонгизация, которую испытали в собственно саамское время долгие прасаамские **ō*, **ē*, **ē̃*, не отразилась в Присвирье, в то время как севернее, в Карелии, кажется, есть ее определенные следы.

В некоторых случаях топоосновы донесли до нас древнее звучание, предшествовавшее сдвигу артикуляции (*Кача*).

Важно то, что выявляющиеся фонетические особенности могут быть использованы в качестве критерия для новых этимологических изысканий, а также для проверки тех этимологий, которые уже предложены исследователями. Субституция саам. *æ* (< **ē*) в виде вепс. *ä* отразилась, видимо, в потамониме *Täpus* (рус. р. *Тянукса*). Гидронимная основа может быть сопоставлена с саам. *dædno* 'поток, большая река', восходящим к праязыковому **tēno*.

Подтвержденное и географически, и выявлением оппозиционной пары топооснов отражение современного саамского *ä* в южном Обонежье в виде древнего **i* (что, кстати, согласуется и с обликом некоторых саамских заимствований в финских и карельских говорах) дает основание для соответствующей интерпретации ряда других древних топооснов региона. Среди них *pit-/num-*, представленная наименованиями двух озер: *Pit't'arv* (рус. *Питозеро*) в верховьях р. Сондалы [бас. р. Оять] и оз. *Питозеро* на обрусевшем Капшинско-Пашском водоразделе. Из озера вытекает р. *Пить*, правый приток Паши. В истоках топоосновы можно предполагать этимон, родственный современному саам. *båttå*, *peđd* 'зад, задница', а также очень показательное, очевидно, секундарно развившееся значение 'конец фьорда или залива' (Nielsen). Интерпретация не противоречит географическим фактам и согласуется с тем, что данная семантическая модель обладает признаками универсальной, она, к примеру, хорошо известна в прибалтийско-финских лимнонимах, ср. в бассейне Свири *Perzedärv* или оз. *Перзак* (СГБС), вепс. *perze* 'зад'. Судя по расположению последних, мотивация вепсских гидронимов связана с их задним, последним, крайним расположением относительно водного пути. Такая же ориентация по основной реке свойственна и озерам, в названиях которых выступает основа *pit-*. Что касается звуковой стороны, то современные саамские диалектные варианты позволяют реконструировать праязыковое **peṭe* 'зад' (Lehtiranta 1989), в котором гласный первого слога аналогичен реконструируемому в прасаамском * *ēlme* 'небо', что дает повод соответственно предполагать и аналогичную цепочку в фонетическом развитии лексемы. В этом плане существенно то,

что основа с гласной *i* в первом слове не распространяется на север от Присвирья. Есть основания — прежде всего географического свойства — полагать, что там ей на смену приходит *pet-*, т. е. основа с гласным *e* в первом слове (ср. аналогичное противостояние *ilm-* и *elm-*), воплотившаяся в озерных наименованиях *Pet'därv* (рус. *Петозеро*), замыкающее сверху цепь озер, дающих начало р. Шелтозерке [бас. Онежского озера]; оз. *Петозеро* на восточном берегу обширного Ведлозера, в верховьях р. Кура [бас. р. Видлица]; оз. *Petusjärvi* [бас. Сямозера], расположенное сбоку от р. Кивач, с которой соединяется короткой протокой.

Древнее *i* на месте современных более широких звуков отразилось, возможно, и в присвирском лимнониме *Ликозеро* — названии озера, являющегося фактическим истоком р. Шижня, одного из значительных притоков Паши. Однако у озера есть еще одна приметная географическая особенность, которая и могла послужить основанием для рождения топонима. Будучи истоком системы р. Шижня, расположенной к западу от Ликозера, озеро одновременно восточным своим берегом обращено к р. Капше, находясь в непосредственной близости к побережью последней. По географической характеристике Ликозеро является типичным «боковым, сторонним» озером по отношению к течению Капши, и поэтому в его истоках позволительно реконструировать саам. *lak'ke* (< **lëkkē* < **likke*) 'сторона, половина, бок'³⁹ или *lâkkâ* (< **lëkë* < **like*, ср. фин. *liki*) 'рядом, близко'. Первая возможность кажется более привлекательной в связи с глухим согласным в интервокальном положении: вепская адаптация

довольно последовательно озвончала одиночные согласные в этой позиции. Несмотря на свои незначительные размеры, озеро — как связующее звено между двумя водными путями — видимо, всегда имело довольно важное значение (через него и сейчас проходит лесная дорога, пересекающая водораздел между Капшей и Пашой), что и могло способствовать сохранению его названия.

Древний облик гласного сохраняет известное в белозерских говорах *чильма* 'окно в болоте': совр. саам. *čal'bme*, *čalm* 'глаз' < *čēlmē (Lehtiranta 1989) < *šilmä (Korhonen 1981, 79). Он отразился, очевидно, и в гидронимной основе *ширб-* (ср. оз. *Ширбозеро*, оз. *Ширпозеро* в южном Обонежье): саам. *sârvâ*, *serv* 'лось' < *sêrvę, ср. фин. *hirvi*.

Подчеркнем еще раз: выявляющиеся через точные, т. е. географически подтвержденные этимологии, фонетические признаки устанавливают некие рамки для поиска истоков тех топооснов, которые лишены подобной географической маркировки. С их позиций есть смысл провести ревизию некоторых уже бытующих в литературе этимологии.

К примеру, одно из наиболее радикальных в истории саамского вокализма изменений, приведшее к противостоянию саамских и соответствующих прибалтийско-финских основ — развитие праприбалтийско-финско-саамского **a* в прасаамское **o* > **o* > *uo* (по типу **kala* > **kola* > **kölē* > *guolle*) — отражено в топонимии Присвирья рядом достаточно убедительных основ, представляющих средние, т. е. прасаамские этапы этой цепочки фонетических изменений (**o* или **ō*). С этих позиций саамская расшифровка, предложенная нами в свое время для широко бытующей в топонимии Приоятья основы *vaz-* ~ *vad'ž-*: ср. саам. *vuaDDžu* ~ *vuat't's'u* 'болотистая травянистая местность с чередой озер' (Муллонен 1988, 75—76), вызывает сомнения, ибо не укладывается в данную закономерность. Этимология подтверждается географическими фактами, и поэтому казалась более обоснованной, чем предложенное Г. М. Кертом сопоставление с саам. *vaadz* 'важенка, олень-самка' (Керт 1960, 81).

Применение фонетического критерия, однако, отвергает нашу интерпретацию, в то время как *vaadz* (< **vācem*) с исторически

долгим гласным первого слога в качестве этимона в целом приемлемо. Между тем семантически эта этимология не убеждает, поскольку многократно подтверждается, в том числе и новыми материалами с территории Обонежья, безусловная привязка топоосновы к наименованиям болотистых низин, расположенных в болотистой местности озер, рек и ручьев с заболоченной береговой линией: *Vuažňand'ogi* р. (рус. *Важинка* р.), *Vuaže* р. (рус. *Важа* р.), *Vuažesuo* бол., *Vuažlambi* оз. — все с территории людиковского Присвирья, что объясняет появление дифтонга *-ua-* в первом слоге; *Vad'žug* р. (рус. *Ваджега* р.), *Vad'žar* оз., *Vad'žaso* бол. (неоднократно), *Важозеро* оз. (неоднократно), *Бачаг* бол. < **Вачаг*, *Важинское болото*, *Важевское болото*, а также, возможно, *Vazaso* бол., *Вазое* руч. — с территории вепского и русского Присвирья. Это обстоятельство побуждает вновь вернуться к интерпретации топоосновы, тем более что в качестве саамской она подозрительно продуктивна, в том числе на уровне микропонимии. Подобная популярность была бы объяснима, если бы речь шла о прибалтийско-финской (конкретно — вепской), но не саамской основе. Однако вепским говорам, равно как и родственным прибалтийско-финским языкам соответствующая лексема неизвестна. Поиски возможных истоков загадочной топоосновы возвращают вновь к саамским лексическим данным, согласно которым лексема фиксируется в трех саамских говорах: *vuoč'č'o* 'болото, в которое с окрестных более высоких мест стекает вода, вытекающая из болота через ручей', *vuáčšu* 'длинное узкое болото или залив', *vuäts* 'узкое болото', при этом в говор Колтта лексема, видимо, заимствована из говора Инари (SKES). Из саамского термин был усвоен также в говоры северной Финляндии, где *vuotso*, *vuotsu*, *uotso* 'длинное узкое болото, водянистое место; прибрежная мель' (SKES).

Саамские диалектные лексемы (что подтверждают и финские заимствования) говорят с безусловностью о том, что

дифтонг первого слога восходит к исторически долгому прасаамскому **ō*. Однако одновременно они свидетельствуют и о другом: это прасаамское долгое **ō* генетически восходит к более раннему праприбалтийско-финско-саамскому **a*, которое, в свою очередь, сохранилось в неизменном виде в прибалтийско-финских языках. Иначе говоря, саамская лексема входит в один ряд со словами, в которых саам. -*uo-* ~ -*ua-* < прасаам. *ō* < **o* < праприб.-фин.-саам. **a*, ср.:

suolo, I sualui 'остров' < **sōlñj* < **salo* (ср. фин. *salo*)

čuolgo, I čualgui 'полено' < **čōlkōj* < **čalko* (ср. фин. *salko*)

duos'tot, I tuastud 'поймать' < **tōstō* < **tasto-* (ср. фин. *tahtoa*)

vuosko, I vuasku 'окунь' < **vōsōnn* < **asñ-* (ср. фин. *ahven*).

На основе этих рядов реконструкция для интересующего нас саамского географического термина должна выглядеть следующим образом:

vuoč'č'o, vuačču < **vōčō* < **vačo* (ср. фин. ?).

Знак вопроса на месте финского соответствия вызван тем, что таковое не зафиксировано ни в финских говорах, ни в родственных прибалтийско-финских языках. Однако с учетом законов реконструкции прибалтийско-финская лексема могла бы звучать как **vatso*. Топонимия позволяет утверждать, что не только могла бы звучать, но и звучала, по крайней мере в вепском ареале и в Приладожье. В Приладожье, по данным SNA, известны бол. *Vatsakkasuo*, озера *Vatsajarvi* ~ *Vahtajarvi*, *Vad'žikasjärvi*.

Поскольку прибалтийско-финское *ts* закономерно в вепском в интервокальной позиции озвончается и переходит в *z*, *d'ž*, *ž*, то в Присвирье основа приобрела вид *vaz-*, *vad'ž-*, *váž-*.

Подобная ситуация в передаче праязыкового **ts* отражается еще в одной любопытной обонежской топооснове, которая в Присвирье фиксируется в следующих гидронимах, *Pazeine* ~ *Rad'žoja* руч. (рус. *Пазручей* руч.), вытекающий из *Rad'žar* оз. (рус. *Пажозеро* оз.); *Паджев* или *Пажево* руч., *Пажевские Мхи* бол., *Пазручей* руч., вытекающий из *Пас-болота* бол. (СГБС) и др. Этот топонимный ряд позволяет предполагать в вепских говорах ландшафтную лексему, обо-

значающую болотистое, грязное низинное место, родственную, очевидно, северновепсскому *pačak* 'грязь' и *paža* 'гной'. Бытование ее подтверждается данными финских говоров, которым хорошо известен термин *patsi* (и его диалектные варианты *passi*, *patti*) в значении 'грязное болотистое место, лужа, окруженная болотом ламбушка' (SMA). Финские диалектные данные в совокупности с вепскими топонимическими (кстати, термин широко отражен и в финской топонимии) дают основания для реконструкции вепского ландшафтного термина, восходящего к праязыковому **patsi*.

По фонетическим закономерностям его гипотетическое саамское соответствие должно было бы выглядеть как саам. **buoč'čâ* < прасаам. **rõčše* < **roče* < праприб.-фин.-саам. **rače*. Реконструкция не подтверждается данными современных саамских языков, однако может быть правомочна в контексте севернорус. *поча* 'низкое, заливаемое водой место; болото; старое речное русло; заросшее озеро'. Возможно, за ним стоит утраченный саамский оригинал. Не исключено, что вепс. (вологодские говоры) *rože* ~ *roža* 'топкое место; лужа; яма на лугу, заполненная водой' также связано с предполагаемым саамским оригиналом.

Возвращаясь теперь к *vad'ž-* (< **vatsV*), можно констатировать, что в соответствии с праязыковыми и собственно вепскими звуковыми закономерностями топонимная основа имеет, скорее всего, прибалтийско-финское (в Присвирье вепское) происхождение. В ней сохранилась утраченная апеллятивной системой лексема, обозначавшая, видимо, довольно обширные (в отличие от **patsi*) болота, болотные массивы. Судя по множеству фиксаций в присвирской топонимии, лексема могла в свое время быть достаточно продуктивной.

Что же касается саамской родственной лексемы *vuoč'č'o*, то в топонимии южного Обонежья не обнаруживается ее

надежных следов: или она не входила в этом ареале в число продуктивных топооснов, или — что также нельзя исключать — была в процессе вепсского освоения «переведена» с помощью соответствующего вепсского термина. В топонимии северной Финляндии *vuotso-* представлено внушительным рядом топонимных фиксаций (SNA), отчасти, видимо, восходящих к заимствованному в финские говоры саамскому термину. На территории Карелии, начиная от линии северное Приладожье — Сямозеро — северное Обонежье на север основа представлена убедительными примерами (типа *Вожозеро*, *Вуожозеро*, *Вуочаж* и др.).

Выявляя некоторые критерии для топонимической этимологии, мы осознаем, что топонимическая действительность намного сложнее, чем она предстает из предложенной выше схемы. Опора исключительно на саамские данные, пусть и с учетом древних этапов саамского языкового развития, раскрывает лишь часть загадок древней топонимии Присвирья и смежных районов. Языковая база для топонимии региона, вплотную граничащего с Верхневолжьем (с Белозерьем), объективно должна быть шире. Среди присвирских и в целом обонежских топооснов целый ряд имеет аналоги на территории Верхневолжья, что не раз отмечалось в топонимических трудах. Однако конкретный результат — в смысле конкретных этимологий с привлечением волжско-финских языковых данных — несоизмеримо мал по сравнению с доступным для исследования материалом. Лишь единичные интерпретации вызывают доверие. Среди них, к примеру, мерянская этимология для костромских лексем *сорьюз*, *ротница* или марийская (или близкая к ней) для севернорусских *шогра* ~ *шохра* (Востриков 1990, 81, 84, 86). Ограничимся ниже двумя фиксирующимися в Присвирье топоосновами, которые могут интерпретироваться с помощью данных волжско-финских языков, хотя их ареалы выходят далеко за пределы означенной территории.

viks-/vikš-: *Викша* р. в бассейне Капши, а также, возможно, *Викшеньга* р., приток Паши. Истоки названия ручья

Викша становятся понятными в контексте тех достаточно многочисленных гидронимов с основой *вики-* ~ *викс-*, которые зафиксированы в Обонежье. Это либо наименования рек-протоков (р. *Виксинда* и *Виксеньга* в восточном Обонежье), соединяющих озеро с рекой, либо названия озер (*Викшозеро* неоднократно в северном Обонежье), соединяющихся короткой протокой с более крупным озером или магистральной рекой (рис. 24). Присвирская Викша впадает в озеро, называемое Концесарским. Из него вытекает р. Сара, представляющая собой короткую (длиною не более полукилометра) протоку в р. Капшу. Это географическое обстоятельство дает основание предполагать, что в потамониме *Викша* сохранилась память о прежнем названии озера Концесарского. По своей географической характеристике это типичное «*Викшозеро*», т. е. озеро, соединяющееся короткой протокой с магистральной рекой.

Содержание основы хорошо согласуется с географическим термином *векса* 'протока', бытующим в Верхневолжье и по общему признанию исследователей имеющему мерянские истоки. Этимология его, т. е. поиск лексических параллелей в финно-угорском мире, не увенчался особым успехом, хотя и предполагается его родство с коми-зыр. *вис* (с основой *виск-*) 'речка или ручей, соединяющие два озера', марийским *икса* 'залив, вдающийся в берег реки, заводь', финским *vuoksa* 'пролив' (Востриков 1990, 83).

Ареал гидроосновы *viks-* ~ *vikš-* с вариантами *viiks-*, *vieks-* выходит далеко за пределы Обонежья, достигая на севере западного Беломорья, а на западе по крайней мере Приладожья. Иначе говоря, основа известна в достаточно широком ареале древнего саамского расселения. А если к этому добавить, что она фиксируется и в Белозерье (*Быксозеро* оз., *Вукса* р., *Вукица* р.), то вырисовывается практически непрерывный ареал от Верхневолжья (*векс-*) через Обонежье (*викс-* ~ *викш-*, *viiks-*, *vikš-*) и Приладожье (*vieks-*) до Беломорья. Генетическое родство *векс-* и *викс-* подтверждается единством географической характеристики объектов, в на-

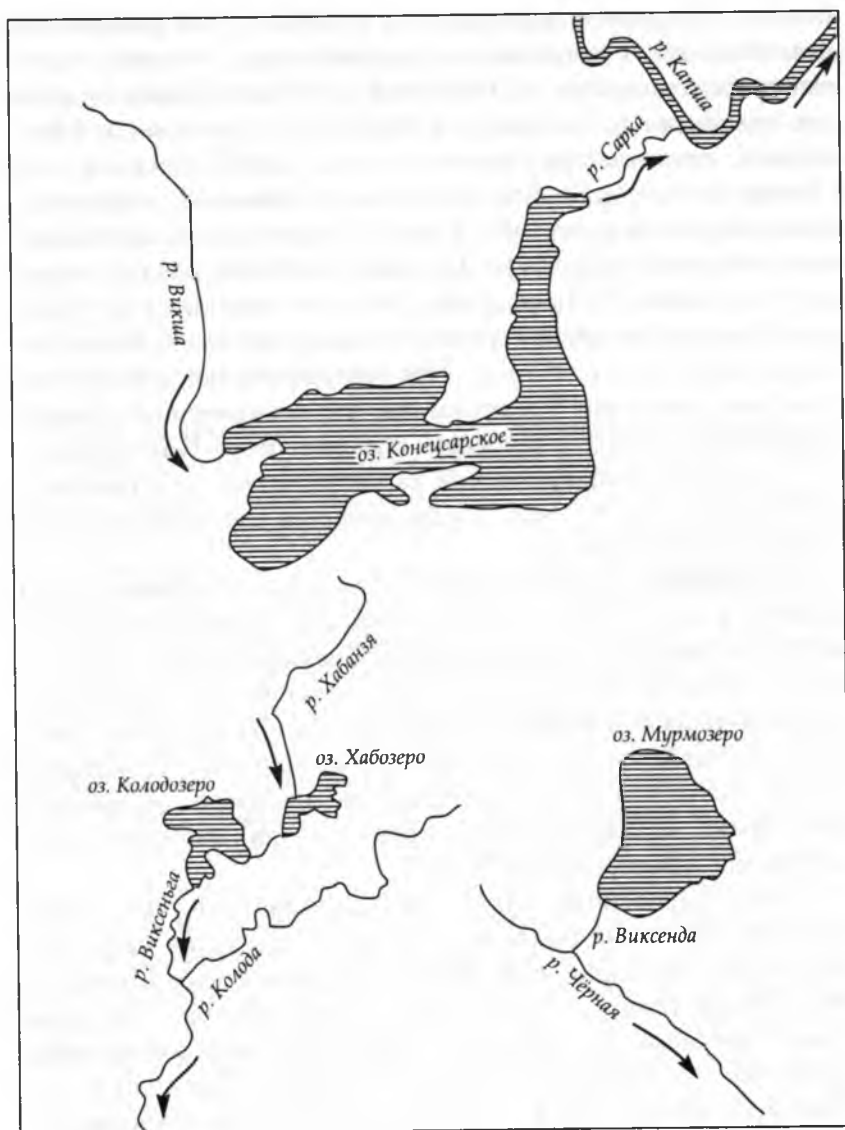

Рис. 24. Гидромная основа **вукш**- в Обонежье

званиях которых данные основы выступают. Вопрос же о соотношении мерянского *e* с обонежским и белозерским *и* — в силу того, что на данном этапе невозможно выстроить сколько-нибудь убедительный ряд примеров одного рода — остается открытым.

kušl': *Kuššel'* ~ *Kušl'* ~ *Kuššal'd'ogi* р. (рус. *Кушлега* ~ *Кушлева* р.) в бассейне верхней Ивины. Истоки реки находятся уже в Прионежье, практически смыкаясь с верховьями р. Шокши, текущей в Онежское озеро. Это обстоятельство оказывается существенным в контексте ряда других гидронимов территории центральной Карелии. Среди них *Кожуль* оз. (с вариантами *Кожаль*, *Кожал*, *Кожели*, *Кожол*) (КОК) в верховьях водной системы, впадающей в Лексозеро с востока, причем оз. *Кожуль* стекает в оз. *Верхнее*; *Козля* ~ *Кожля* оз., являющееся верхним в цепи многочисленных озер, стекающих в обширное оз. *Тулос*; *Кожола* р., вытекающая из *Кожаярви* оз. [бас. р. Чирка-Кемь]. Все перечисленные гидронимы являются наименованиями верхних водных объектов. Есть некоторые основания предполагать еще одну особенность, объединяющую упомянутые водные реалии, — прохождение через них водно-волоковых путей из одной водной системы в другую. Доподлинно известно, к примеру, что один из них проходил через р. *Кожала*, им пользовались еще на памяти местных жителей. О других объектах такой непосредственной информации нет, но косвенные свидетельства — то, например, что оз. *Кожуль* отделяется водоразделом от оз. *Талвизъярви*, за которым следует зал. *Талвизлакси* (*talvi* 'зима' — основа, помечающая места прохождения зимников) на оз. Лексозеро — поддерживают подобную трактовку.

Выстраивается, таким образом, ряд гидронимов, сходных как внешне, так и географической характеристикой, которые заманчиво сопоставлять с марийским (восточно-марийским) *küšəl* 'верхний' (Paasonen, статья «*küš*»), имеющим в марийском и топонимное функционирование.

Марийское *küšəl* — производное слово, в котором конечное -l входит в состав суффиксального элемента (ср. мар. *üləl* < *ül* - 'нижний'), что дает повод предполагать семантику 'верх, верхний' и для топооснов, восходящих к производящей основе *küš*, например, *Кужан* р. и *Кужемозеро* оз. в бассейне р. Шокши на Ояти, *Кузома* р. в бассейне р. Шоткусы, *Кузьма* р., вытекающая из оз. *Кузанозеро* или *Кузозеро* в бассейне р. Важинки и др. Среди этих топонимов, безусловно, могут быть и образования от вепс. *kuz* 'ель', однако, с другой стороны, нельзя отрицать того очевидного факта, что основа довольно последовательно выступает в наименованиях «верхних» озер и рек. На доприбалтийско-финскую природу топоосновы указывает косвенным образом и то обстоятельство, что она функционирует в сочетании с формантом -ма, имеющим в Присвирье более древние, чем прибалтийско-финское языковое состояние, корни. В этой же связи показательно название оз. *Кужозеро* в южном Обонежье, представляющего собой северную, отделенную проливом часть обширного оз. Ковжского. *Кужозеро* действительно может считаться «верхним» по отношению к р. Ковже, вытекающей из южного конца оз. Ковжского. «Верхняя» этимология поддерживается и тем, что в оз. Кужозеро впадает р. *Илекса*, т. е. «верхняя».

В заключение в контексте поиска истоков доприбалтийско-финских топооснов в южном Обонежье обратим внимание на одну загадочную вепсскую лексему, имеющую и топонимное функционирование.

В вепсских говорах существуют две лексемы для обозначения берестяного черпака, ковша с этимологически неясными истоками. Это *šimbiuñe* и *šuhlik*. В свое время для обеих предлагались параллели из коми-языка, однако предложенные коми-этимологии вызывали сомнение уже у самих их авторов. В свете накопленных новых данных есть смысл обратиться к ним вновь.

Для южновепсского *šimbiuñe* 'берестяной черпак (для питья)' существует уже давняя, восходящая еще к Калиме и поддержанная позднее Тойвоненом (Toivonen 1946, 399)

зырянская этимология, возводящая его к коми-зыр. *šumpel'* 'берестяной черпак для питья воды', которое, в свою очередь, — и это, кажется, признается всеми исследователями, обращавшимися к анализу зырянской лексемы — имеет угорские корни, ср. хант. *s'umBale*, ?манс. *s'ump* (КЭСКЯ). Тойвонен обосновывал свою позицию слишком близким фонетическим обликом и семантическим тождеством вепсской и угорской (и коми) лексемы, которое невозможно было бы в случае общих праязыковых финно-угорских истоков слова в угорских, коми и вепсском языках. Наоборот, Утила, признавая угорские корни зырянского *šumpel'*, считал в то же время, что вепсское слово вряд ли является коми-заимствованием. Скорее, это общая древняя основа, свидетельствующая о традиционной финно-угорской «берестяной» культуре (Uotila 1935, 104). Он возражал Калиме, реконструировавшему для вепсского слова производящую основу **šumbui*, восходящую к **šumpel*, справедливо полагая, что следует исходить из основы **šumb(u)*, оформленной вепским деминутивным суффиксом *-ine* (**šumbui^{ine}* > *šumbui^{ine}* по фонетическим законам южновепсского диалекта).

Такова предыстория этимологических штудий вепсского *šumbui^{ine}*. Между тем, предложенные интерпретации не учитывали того факта, что у южных вепсов существует самостоятельная лексема *šumb*, которая является производящей основой для *šumbui^{ine}* и имеет значение 'угол, тупик'. Очевидно, слово это не попало в свое время в поле зрения исследователей. Если *šumb* — это 'угол', то *šumbui^{ine}* с деминутивным суффиксом — 'уголок', что вполне соответствует форме берестяного черпака, представляющего собой свернутый из куска бересты конус.

Значение 'угол, тупик' отразилось, видимо, и в ряде топонимов в вепсском и смежном с ним ареале в Обонежье

и Приладожье, где топооснова *šumb-* известна в названиях озерных заливов: ср. *Šumbaskar* зал. (каг 'залив, бухта') на оз. Шимозеро в южном Обонежье, *Чомба* зал. на Ладожском озере. Она присутствует также в названиях озер, имеющих сложную конфигурацию и изобилующих заливами. Яркими примерами могут быть озера *Чумбасозеро* и *Чумбудозеро* в Пудожье. В топонимии известен также *Чомбак* руч. в бассейне р. Свирь. Укажем в этом же ряду луду *Чумбариха* в Заонежье у Климецкого острова.

Исходя из вышесказанного, можно предположить для вепсского названия берестяного ковша (*šumbuiñe*) свою, вепскую интерпретацию, возводящую его к южновепсскому *šumb* 'угол, тупик'. Это, однако, не снимает проблему полностью, а лишь переводит ее на другой уровень, связанный с поиском истоков самого *šumb* в вепском, где оно имеет очень локальное распространение, ограничиваясь южновепским ареалом. На первый взгляд кажется, что ареал может быть расширен за счет топонимных фиксаций, однако на деле нельзя быть до конца уверенным в вепских истоках названных выше топонимов. Они могут быть и довепским наследием, на что указывает косвенным образом разреженный и достаточно аморфный ареал топоосновы.

В восточных вепсских говорах берестяной черпак для питья называется *šuhlik* или *šuhluiñe*. Оба варианта представляют собой суффиксальные образования от производящей основы *šuhl-*: в *šuhluiñe* присутствует продуктивный вепсский деминутивный суффикс *-iñe*, в *šuhlik* — суффикс *-ik*, также с деминутивной семантикой (Hakulinen 1968, 105 —109). Однако сама производящая основа выглядит достаточно загадочно, для нее не обнаруживается четких параллелей в родственных прибалтийско-финских языках. Можно ли приблизиться к разгадке происхождения этого загадочного слова?

Начнем с того, что помимо восточных вепсских говоров слово бытует в олонекских вытегорских говорах, ср. *чублик*, *чуглик* 'ковш для питья из дерева или бересты' (Фасмер). С учетом того, что вепское прошлое Вытегорского края не вызывает сомнения, а ареал восточных вепсских говоров непосредственно примыкает

к вытегорской территории, русское диалектное слово следует, скорее всего, рассматривать как вепское субстратное включение, появившееся в результате ассимиляции местного вепского населения. Любопытно, что Калиме, обратившему внимание на вытегорское слово, очевидно, не была известна вепская лексема *čuhlik*, поскольку он, а вслед за ним и Фасмер возводят русское *чублик*, *чуглик*, бытующее в Вытегорье, к территориально далекому коми-источнику *tšibl'eg* (чибльӧг) с тем же значением, замечая при этом, что этимология последнего неясна (Фасмер)⁴⁰.

Вепские истоки для русской диалектной лексемы с чрезвычайно локальным ареалом распространения, непосредственно примыкающим к вепскому языковому ареалу, а в недавнем прошлом входившим в состав последнего, являются более предпочтительными. Это, однако, не снимает полностью коми-этимологию, а лишь отодвигает ее в плоскость коми-вепских языковых взаимоотношений: считать ли вепс. *čuhlik* заимствованием из коми?

Коми-прибалтийско-финские (вепско-карельские) лексические связи не раз привлекали к себе внимание финно-угроведов. Этой проблеме посвящен целый ряд публикаций, выявивших достаточно показательную статистику заимствованных слов. Число коми-заимствований в прибалтийско-финских языках на порядок меньше, чем слов прибалтийско-финского происхождения в коми. Подобное соотношение вполне согласуется с характером и направлением миграционного потока с запада на восток. Надо полагать, что именно с этим потоком прибалтийско-финская лексика проникла

⁴⁰ Этимологический словарь коми-языка вслед за К. Редзи рассматривает коми *чибльӧг* в одном гнезде с семантически сходными *чӧбльӧг*, *чипыль*, *чипыш* и сопоставляет их с венгерским *csuprog* (csuprot) 'кружка', реконструируя допермскую основу *č'urpe > общеперм. *č'ur- > č'ub-, которая оформлена в коми-словах словообразовательным суффиксом ~(ы)льӧг, -ыль, -ыш (КЭСНЯ, 306).

и в Заволочье, и дальше на восток в коми-ареал. Обратных заимствований — из коми в карельский и вепсский — единицы, при этом любое из них на поверку вызывает вопросы (и вызывало их уже у самих авторов этимологии). Самый главный вопрос — как и почему эти несколько слов продвигались против течения (колониционного потока). Не случайно поэтому в качестве альтернативы заимствованию предлагается исходить из сохранения в коми и прибалтийско-финских языках единого древнего финно-угорского наследия (Uotila 1935, 104), из проникновения коми-слов в прибалтийско-финские языки через посредство севернорусских говоров, а также из общих ареальных инноваций, возникших в результате контактов с вымершими субстратными языками (Кожеватова 1996).

В этом контексте, а также с учетом некоторых новых материалов, прежде всего ономастических, поиск других (не коми) возможных источников для вепсского *čuhlik* представляется вполне обоснованным.

Нами отмечалось уже, что *čuhlik* и *čuhluine* восходят к производящей основе **čuhl-*, которая не известна вепским говорам в качестве самостоятельной лексемы. Она, однако, воспроизводится в здешних географических названиях.

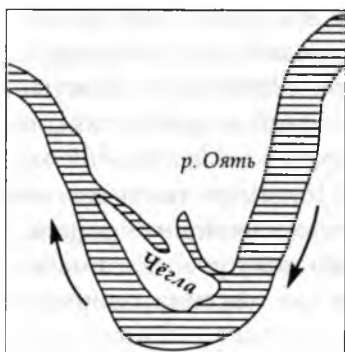

Рис. 25а.

Урочище Чёгла

В низовьях реки Ояти, изобилующей речными коленами и старицами — карами, в окрестностях бывшего Введенского монастыря известен мыс под названием *Чёгла*. Он образуется речной петлей и отделен от берега дополнительно еще двумя старицами — Сотникова Кара и Рыкун, которые оставляют лишь узкий проход, соединяющий мыс с берегом (рис. 25а). В районе урочища *Чёгла* в Оять впадает одноименная река, название которой образовалось, очевидно, в результате метонимического переноса оронима на реку. На картах Генерального межевания XVIII в. река названа Вагажской речкой. Среди других названий с

заинтересовавшей нас основой — *Чеглин* руч. в бассейне р. Капши, *Čuulnet* мыс (nem 'мыс') в верховьях р. Капши, *Čuhloja* руч. (oja 'ручей') на Ояти, *Чулуконда* ур. (-конда < кар. kond, kondu, вепс. *kond 'крестьянский двор с окружающей землей') на Свири, *Чугова* дер. в Заонежье. Кроме того, в топонимии означенного ареала представлена также основа *čuhlik*. У прионежских вепсов известно *Čuhlik* ~ *Čuhlikso* бол. (so 'болото'), в южном Обонежье *Чуглики* ~ *Чуглицкий Угол* ур., *Чуглик* бол., в Пудожье *Чублик тр.* Видимо, не стоит в данном случае настаивать на жесткой связи последних с апеллятивом *čuhlik* 'берестяной черпак'. В принципе они могут быть выстроены по модели *čuhl-* + суффикс *-ik*, нередкий в топонимах.

В ряду приведенных примеров привлекает к себе внимание еще одна топооснова, отразившаяся в названии горок *Čuhlak* ~ *Čuhlakmägi* (mägi 'гора') в вепсском и *Чубрак* в русском Присвирье, *Чублак* и *Подчублак* в южном Обонежье, *Чублак* ~ *Чуглак* в Заонежье, *Чублак* в Пудожье. Структурно *čuhlak/чублак* ~ *чуглак* раскладывается на основу *čuhl-/чубл-* ~ *чугл-* и формант *-ak/-ак*. Последний — в функции подобия выраженному корневым словом (nemak ~ пет 'мыс', sarjak ~ sar 'остров', kendak ~ kend 'берег') — известен вепсскому словообразованию, хотя и не входит в число продуктивных вепсских суффиксов. Больше следов он оставил в топонимии: *Sürd'ak*, *Lačak*, *Hařjak*, *Vijak*, *Vařak*, *Mäl'l'ak*, *Hütak*, *Kozjak*, *Čuhak* и т. д. Впрочем, лишь для отдельных топонимов этого типа удастся обнаружить в вепсских говорах производящую основу, соответствующий апеллятивный этимон (типа *sürd'*, *hařj*). В ряду приведенных апеллятивов и топонимов, видимо, есть смысл рассматривать и *Čuhl-* ~ *Čuhlak*, тем более, что в топонимии Обонежья представлены оба варианта. Картографирование убеждает в том, что топо-

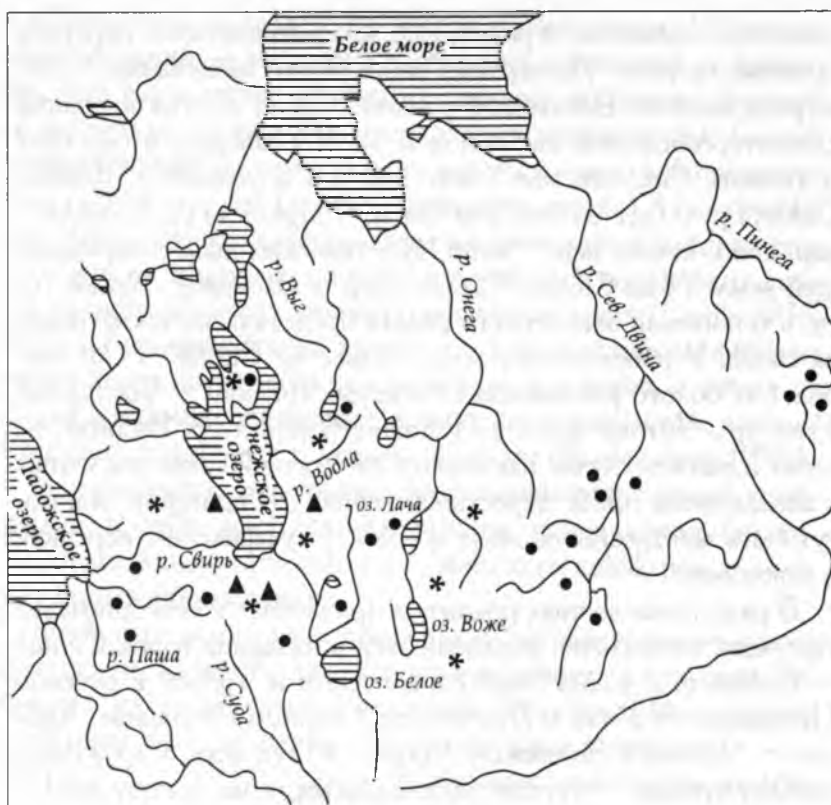

Рис. 256. Распространение топонимов с основой **čuhl-**

- — **čuhl-/чугл-, чегл-**
- ▲ — **čuhlik/чуглик**
- * — **čuhlak/чуглак, чублак**

основа **čuhlak/чублак** ~ **чуглак** известна не только в Обонежско-Присвирском регионе (рис. 256).

Ее ареал тянется, судя по материалам картотеки Уральского университета, от р. Ваги на запад, в Обонежье. Причем на восточной периферии ареала **чублак** фиксируется и в апеллятивном употреблении в значении 'большая гора, поросшая лесом'.

Судя по данным той же картотеки, на Двине присутствует еще одна чрезвычайно любопытная в контексте данной статьи русская диалектная лексема — местный географический термин *чугла* в значении 'горка, холм, угор, возвышенность'. Слово достаточно широко бытует здесь и в топонимии — в названиях возвышенных участков местности. Насколько реально сопоставлять его с топоосновой *čuhl-/чугл-, зафиксированной в ареале Обонежья? Фонетически такое сопоставление вполне оправдано, как, впрочем, и семантически. Хотя основа *čuhl-/чугл- присутствует в названиях разнородных объектов, более близкое знакомство с характеристикой последних приводит к мысли о том, что на самом деле существует нечто общее, объединяющее географические объекты с названной топоосновой. Таким объединяющим началом является угловое, тупиковое, конечное расположение объектов на местности. Именно такова характеристика речных наволоков *Чегла* и *Čuulnet*, расположенной на озерном мысу деревни *Чугловой*, болота *Čuhlik* в юго-западном Прионежье, урочища *Чуглицкий Угол* в южном Обонежье. Этот ряд примеров дает основание предполагать для основы *čuhl- семантику 'угол, край, конец', которая, кстати, очень естественна с позиций лексемы čuhlik (букв. 'уголок'), обозначающей свернутый конусом кусок бересты (ср. čimb 'угол' → čimbuipe 'берестяной черпак', букв. 'уголок'). Реконструированная для *čuhl- семантика не противоречит значению 'гора' лексем *чугла* и *чублак*, ибо семантическое развитие 'край, конец' → 'гора' известно некоторым финно-угорским лексемам, ср. приб.-фин. *syŋjā* (вепс. *süŋj*), которое бытует, с одной стороны, в значении 'бок, край, конец', с другой — 'горка, холм, возвышенность'; саам. *čoggi* 'край, сторона, конец' и *čogt* 'вершина холма'.

А. К. Матвеев предлагает для двинского термина *чугла* коми-этимологию, сопоставляя его с коми-зыр. *чукля* 'кривой', *чукль* 'изгиб, поворот, излучина, лука реки'. Одновременно он указывает на определенную спорность этимологии

(Матвеев 1968, 31, 37). Спорные моменты связаны с тем, что пермские по происхождению названия встречаются исключительно в восточном Заволочье, при этом если в северо-восточной части региона они связаны с поздним зырянским движением к устью Северной Двины, то в юго-восточной — с неясным по происхождению пермским или прибалтийско-волжско-пермскими элементами. Естественно, что пермские истоки для čuhl- /чугл- представляются еще менее реальными в Обонежье. Оставив поэтому на время заволочекские параллели, обратимся к любопытным данным, обнаруживающимся на северо-западе от Обонежья, на территории северной Карелии и Финляндии.

В говорах северной Финляндии известен географический термин *juolu* в значении 'мыс, вдающийся в болото или водоем; каменистый склон горы' (Raisänen 1995, 539). Оригиналом для него признается саамская лексема *čuoŋlo*, *čuoŋlu*, которая имеет целый ряд значений, в том числе 'специальное устройство, направляющее лососей в запруду; загон для оленей; специальная изгородь, перегораживающая озерный мыс' и т. п. Эти на первый взгляд достаточно далекие друг от друга значения в действительности объединяются вокруг одной идеи: некий природный или созданный человеком постепенно сужающийся коридор, использовавшийся для того, чтобы направить оленей, лососей и проч. к месту отлова. Видимо, значение промыслового термина в данном случае вторично, изначальное же значение 'край, бок, сторона, тупик' сохранилось в саамском *čuoŋlo* 'расположенный боком', *čuoŋllo* 'сбоку, боком, ребром'.

В финских говорах саамское заимствование в целом сохраняет семантику оригинала. Сопоставление не вызывает возражений и с точки зрения фонетики, ибо в диалектах северной Финляндии саамское начальное č в словах с задней огласовкой последовательно передается через *j*, ср. саам. *čuoŋkos*, *čuoŋkas* 'зимник, зимняя дорога' → фин. диал. *jokos*; саам. *čor* 'бедро, ляжка (животного)' → фин. диал. *jorva*; саам. *čolme*, *coal'bme* 'пролив' → фин. диал. *jolma* и др.

По данным Алпо Ряйсянена, саамская основа отразилась в целом ряде географических названий на территории северо-

восточной Финляндии, причем речь идет о названиях вдающихся глубоко в озеро мысов или узких перешейков, отделяющих одно озеро от другого, т. е. мест, удобных для загона оленей. Подобным образом могут быть охарактеризованы и топонимы на *Šuol-/Juol-* на территории северной Карелии. Невольно напрашивается сопоставление с описанным выше приоятским мысом под названием *Чегла* и другими обонежскими топонимами на чугл-, которые называют объекты, идентичные северофинским и северокарельским по своей географической характеристике и, видимо, по функции. Подобное сопоставление реально и фонетически и предполагает вторичность *h/z/b* в обонежских топонимах на *šuhl-/чугл-/чубл-* (по типу саам. *jaw're, jau'rē, jāu'rr* etc. < **jāvgē* 'озеро', ср. в топонимии северной Карелии *Jauruta* — в Обонежье *jahr-/ягр-*, ср. в топонимии Присвирья *Ягрема*).

В контексте приведенного материала обращает на себя внимание и саамская лексема *šolle* 'возвышенность, холм, пригорок' (IW), для которой не удалось обнаружить научной этимологии, однако в смысле семантических универсалий (край → гора) она явно тяготеет к рассматриваемому ряду слов.

Предлагая саамские параллели, мы не настаиваем на безусловных саамских корнях основы *šuhl-* в вепсском и смежном русском Обонежье. Проблему ее происхождения надо решать, принимая во внимание не только саамские связи, но и упоминавшиеся выше юго-восточные, двинские параллели. При этом нельзя обойти вниманием и ряд топонимов верхнего Поволжья, ср. костромские *Чухлома* р., *Чухломское* оз., *Чухломка* д. Вообще в вепсском Обонежье фиксируется ряд топооснов, этимологизирующихся из саамского языка, однако имеющих при этом широкие, тянущиеся до Подвинья и Верхнего Поволжья, юго-восточные ареальные связи (типа *ягр-*), заставляющие усомниться в непосредственных саамских истоках топооснов и склоняться, скорее, к неким субстратным языкам, принявшим участие в формировании современных

саамских языков. В восточных вепсских говорах, тяготеющих ареально к Белозерью, обнаруживаются и показательные лексемы с широкими восточными ареальными связями (ср. вепс. *sohring* — сев.-рус. *шогра* ~ *согра* — коми *согра* ~ *сöгра* — мар. *šürgö* — саам. **čovr*). Они не имеют удовлетворительной этимологии из живых финно-угорских языков и, видимо, должны быть признаны субстратным включением из вымершего финно-угорского языка, занимавшего промежуточное положение между мерянским языком на юге и саамским на севере (Востриков 1990, 89). Не входило ли в их число и *šuhl*-/чугл-? Определенный семантический разноречивый, характерный для основы на разных участках ареала, в действительности укладывается в универсальные закономерности семантического развития. Судя по ареалу распространения, можно предположить, что истоки основы в неизвестном субстратном языке, принявшем участие в появлении ряда современных финно-угорских языков. Это предположение согласуется с тем, что общий для коми и прибалтийско-финских языков фонд географической терминологии оказывается на 70 % сформировавшимся под влиянием неизвестного субстратного языка (Кожеватова 1996, 10).

Среди древних гидронимов региона Присвирья есть такие, которые соотносятся с саамскими языковыми данными, демонстрируя при этом сходство в фонетическом облике с пра-саамскими реконструкциями. С другой стороны, некоторые топоосновы можно интерпретировать из волжско-финских языков. При этом ареалы первых могут выходить далеко за пределы Присвирья и Обонежья на восток и юго-восток, а вторых — далеко за северные границы Присвирья. Вырисовывается, таким образом, некий непрерывный поток, непрерывное пространство, формируемое перекрывающимися друг друга ареалами топооснов разной протяженности. Мы еще вернемся в заключительной главе к этой идее отсутствия резко очерченного противостояния Верхневолжья, Обонежья, а в ряде случаев и Беломорья по топонимическим свидетельствам. Здесь же, подводя итоги, можно констатировать безусловное наличие

доприбалтийско-финской топонимии в Присвирье. Анализ материала позволяет сделать некоторые выводы о специфике языковых контактов. Основная масса древних присвирских топооснов не является раритетами, но образует определенные ареалы, в большинстве своем выходящие за пределы Присвирья. Такая ареальная характеристика достаточно надежно свидетельствует о субстратном характере взаимоотношений, т. е. эта топонимия стала частью вепсской системы географических названий в результате языковой ассимиляции, постепенной «вепсизации» носителей древней топонимии. С этим же обстоятельством связан и относительно последовательный, системный характер фонетической интеграции древней топонимии, к примеру, выявляющееся ареальное противопоставление *i—e* (присвирское *ilm-* — «карельское» *elm-*) или *ä—i* (обонежское *än-* — верхневолжское *in-*) в позиции начала слова. В принципе в Обонежье работает и еще один критерий, указывающий на субстратный (не заимствованный) характер контактов — это наличие субстратной лексики. Правда, сделанный вывод бесспорен лишь для восточного Присвирья, прилегающего к Обонежью. Западнее же доприбалтийско-финские вкрапления носят достаточно фрагментарный характер. Видимо, сказалось, с одной стороны, более массивное, последовательное прибалтийско-финское и русское освоение западного Присвирья на фоне восточного, с другой — изначально менее системный характер доприбалтийско-финской топонимии в западном Присвирье, к чему мы еще вернемся в заключительной главе.

Выявленное в Присвирье доприбалтийско-финское топонимное наследие в силу объективных причин не дает достаточно четкого представления о механизмах интеграции древней топонимии в вепсскую топорсистему Присвирья. Не удастся установить четких закономерностей фонетической адаптации, поскольку, прежде всего, доподлинно неизвестна та фонетическая система, которая существовала в древней топонимии

к моменту прибалтийско-финской адаптации. Кроме того, есть основания предполагать родство двух фонетических систем — заимствованной и заимствующей, что в итоге не дает ярких проявлений фонетических закономерностей усвоения.

По этой же причине языкового родства недостаточно выразительно проявляется структурная адаптация. Субстратные гидроформанты последовательно «переводились» воспринимающей прибалтийско-финской системой (ср. подобный процесс в ходе вепско-карельского контактирования), в результате появляются гибриды или полупереводы, в которых при довепской основе присутствует вепский детерминант. Структурная адаптация проявляется нагляднее через суффиксальные модели, в частности через оформление иноязычной основы прибалтийско-финским деминутивным суффиксом *-ine* (оз. *Änine*) или выражающим подобие названному производящей основой *-nd ~ -nž* (*Веранда* р., *Ухтинжа* р.).

Есть основание полагать, что языковое родство «своей» и «чужой» топоосновы могло в ряде случаев приводить к полному вливанию доприбалтийско-финского топонима в ряд прибалтийско-финских. На самом деле за вепскими или карельскими названиями мест, особенно относящихся к разряду гидронимов, могут стоять более ранние оригиналы, полностью адаптировавшиеся к прибалтийско-финской системе имен. Процесс «прямого» усвоения сопровождался, судя по свидетельствам обонежской топонимии (ср. *Яндеба* р. — *Вонозеро* оз., *Яндома* р. — *Великая Губа* зал.), собственно переводом атрибутивной топоосновы.

Глава V

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЫ ПРИСВИРЬЯ

Топонимия региона — это, как правило, многослойное образование, в котором географические названия, возникшие в языке современного населения региона, сочетаются с наименованиями, восходящими к языкам предшествующего этноса или этносов. При этом характер взаимоотношений между топонимными слоями отражает характер и особенности собственно этноязыкового контактирования в регионе. Поэтому познание закономерностей топонимного контактирования приближает к пониманию происходивших в прошлом этнических процессов. Это демонстрировалось неоднократно на множестве конкретных примеров в данной работе. В заключительной главе обобщены, сведены воедино те этноисторические результаты, которые получены в ходе анализа собственно топонимического материала.

Исследование результатов интеграции прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимию Присвирья свидетельствует о том, что они разнятся, во-первых, в южном и северном Присвирье. Южная окраина ареала, представленная большей частью бассейна Паши, не только значительно более русская территория, чем остальное Присвирье, но и отличная в смысле использования целого ряда адаптационных топонимных моделей. Здесь продуктивность суффиксации как способа усвоения иноязычной топонимии сочетается с прямым усвоением, что сближает эту часть свирского бассейна с расположенными юго-западнее бассейнами рек Сяси и Тихвинки. Южное Присвирье отличается на фоне расположен-

ного севернее района не только значительно более интенсивным использованием суффиксации, но и самим набором суффиксов. Здесь, например, отсутствует адаптационная ойконимная модель на *-ичи/-ицы*, исключительно продуктивная в северном Присвирье, а в потамонимах явное предпочтение отдается форманту *-ица* (*Ульяница, Пялица*), в то время как севернее практически столь же однозначно предпочитается в данной функции формант *-ина* (*Савина, Важина*). В то же время сюда не распространяется ареал некоторых топонимных суффиксов (напр., *-щина*), популярных в прилегающем к Паше с севера ареале, а суффиксы, единые для всего Присвирья (напр., *-ец, -ик*), используются в северном и южном в разной функции. По-разному в ряде случаев происходит и фонетическая адаптация.

Во-вторых, предшествовавшая прибалтийско-финская топонимия интегрировалась в русскую с разным результатом в западном и восточном Присвирье. Самая приметная особенность восточного Присвирья на фоне западного — это обилие топонимов-полукалек, возникающих в условиях билингвизма и постепенного обрусения местного прибалтийско-финского населения. Кроме того, западному Присвирью (низовья Свири и впадающих в нее Ояти и Паши) присущи суффиксальные модели, отсутствующие в восточном, в том числе, например, имеющий раннюю хронологию формант *-гост/-гощъ*. Есть специфика и в фонетической адаптации иноязычной топонимии.

Первый принципиальный этнолингвистический вывод, вытекающий из анализа адаптационных моделей, заключается в обязательном учете прибалтийско-финского наследия как одной из существенных составляющих формирования севернорусских диалектных особенностей в регионе Присвирья. По характеру адаптации прибалтийско-финских топонимов в русском Присвирье можно выделить три микрзоны: юго-западное, центральное и северо-восточное Присвирье. При этом границы, устанавливаемые по топонимическим свидетельствам, совпадают с диалектными, одна из которых отделяет Ладого-Тихвинскую диалектную зону от Онежской, а другая разделяет ладого-

тихвинские диалекты на две группы, западную и восточную. Анализ механизма усвоения топонимных моделей позволяет говорить о разном характере прибалтийско-финско-русского контактирования в выделенных диалектных ареалах. На юго-западе Присвирья (бассейн Паши) русское освоение носило, очевидно, более массовый и стремительный характер и растворило в себе прибалтийских финнов таким образом, что язык последних отразился в западных говорах Ладого-Тихвинской зоны лишь в качестве единичных вкраплений. Наоборот, северо-восточная окраина Присвирья (Онежские говоры) — это преимущественно перешедшее на русский язык прибалтийско-финское население. Появление полукалек сопряжено с ситуацией двуязычия. Между двумя полюсами расположена буферная зона (восточные говоры Ладого-Тихвинской диалектной зоны), некоторые адаптационные модели в топонимии которой (например, при преимущественном прямом заимствовании появляются полукальки на *-озеро*, ойконимы на *-ичи/-ицы*) спровоцированы билингвизмом.

Второй не менее важный вывод этноисторического содержания заключается в разной хронологии русского освоения отдельных участков Присвирья. Исключительно хорошая сохранность прибалтийско-финской микротопонимии в обонежском Присвирье связана в значительной степени с поздним по времени обрусением этой территории. При этом переход на русский язык не был одномоментным актом. В Присвирье выявляются некие очаги, центры, в которых при общей слабой сохранности прибалтийско-финского пласта, адаптация прибалтийско-финских топонимов протекала иначе, с применением иных адаптационных моделей, чем в окружающем регионе. Они особенно заметны в западном Присвирье (распространены восточные говоры Ладого-Тихвинской диалектной зоны). На Ояти таковы, к примеру, окрестности села Алеховщина или тот ареал в нижнем течении реки, где расположены села Имоченицы, Мергино, Яровщина. Поскольку

аналогичные особенности в характере адаптации отмечаются, к примеру, в топонимии сел Тервиничи или Винницы, известных как ранние административные центры, можно предполагать, что и отмеченные выше Алеховщина или Имоченицы могли быть подобными центрами, например, теми, которые скрываются за упомянутыми в дополнении к Уставу Святослава XIII в. территориями Обонежского ряда «у Пермина», «у Кокорка» и др., расположение которых до сих пор не установлено. Они обрусевали раньше и, видимо, в несколько иной языковой ситуации, чем те поселения, где русское население (в виде местной администрации, сборщиков податей и т. д.) отсутствовало.

Еще один существенный этноисторический вывод, вытекающий из использования разных адаптационных моделей, с одной стороны, на южной границе Присвирья, с другой — в более северном ареале, заключается в том, что это может быть результатом несколько разных потоков древнерусского освоения Присвирья. В качестве возможной причины противостояния района Паши бассейну Ояти и Свири приводится разный тип субстрата, господствовавший в южном и восточном Приладожье (Назаренко 1979, 156). В топонимии не удастся на сегодняшний день найти надежные свидетельства неоднородности субстрата. Обнаруживается другое: различие в употреблении собственно русских топонимных моделей, которое объясняется хронологией и характером контактов, а также, не исключено, путями проникновения русского освоения в присвирский регион. Один такой коридор располагался, видимо, там, где река Паша делает крутой поворот на восток и где русло реки ближе всего подходит к Тихвинке. В этом юго-западном углу Присвирья практически полностью отсутствует прибалтийско-финская микротопонимия и, наоборот, представлено разнообразие русских микротопонимных типов с широким набором суффиксов и с префиксальным оформлением. Здешняя микротопонимия примечательна и в смысле топооснов, в которых закрепились архаическая, давно вышедшая из активного употребления новгородская лексика. Показательный пример — название озера и деревни *Залющик* в междуречье Паши и Тихвинки. В нем

отразилось древнее новгородское слово *лющик* или *людщик*, обозначавшее большую дорогу. Оно зафиксировано уже в материалах по Новгороду XII и XIII вв., единичные фиксации лексем относятся к XVI в. (Арциховский 1963, 94). Сложно сказать, в какое точно время слово стало топонимом, однако в контексте археологических данных — наличие сопок, а также славянских признаков в местных курганах (Кочкуркина 1973, 75; 1989, 191—192) — топоним может претендовать на ранние истоки. Возможно, это память о люшке или дороге, которая, проходя в том месте, где русла рек Паши и Тихвинки максимально сближаются, соединяла территорию по Тихвинке с Пашой. Географические реалии позволяют предполагать, что здесь же мог проходить водно-волоковой путь из р. Тихвинки через р. Нудоксу и оз. Залющик в Пашу. Примечательно, что именно к нему привязаны отмеченные археологические свидетельства. Сухопутная дорога (лющик) сопровождала водную.

Кроме этого юго-западного входа в Присвирье, существовал, видимо, и другой — собственно свирский, маркируемый, в частности, оформленными древним славянским суффиксом *-гост/-гощъ* гидронимами *Милогость*, *Рудогощъ*, *Вяргость*, *Онегость* в низовьях Ояти и Паши. Этот формант прослеживается на собственно новгородской территории, однако западное Присвирье — это крайняя восточная граница его распространения в Онежско-Ладожском регионе.

Предположение о существовании этих двух древнерусских ворот в Присвирье любопытно сопоставить с этнонимическими данными, связанными с системой вепских этнонимов в Присвирье. Этноним *vepslaižed* 'вепсы' в качестве самоназвания используется в ареале вепского расселения достаточно ограниченно — в верховьях Ояти и за пределами свирского бассейна у южных вепсов. В Присвирье с ним соперничает

этноним *ludinik* или *lūdilaine* 'людик' пришедший с русским освоением. Он известен в северной части Присвирья и на смежной территории за северными границами присвирского ареала. Им пользуются представители западных говоров при-оятских вепсов, северные (прионежские) вепсы, а также карелы-людики и карелы-ливвики (о единых этимологических истоках этнонимов *ливвик* и *людик* см., напр., Бубрих 1971). В южном Присвирье этноним абсолютно неизвестен. Вместе с прилегающими с юга территориями район Паши входит в ареал распространения другого этнонима — *чухарь* (вепс. *čuharʹ*, мн.ч. *čuharid*), бытующего как в русских говорах, так и в качестве самоназвания (в последней функции очень ограниченно у южных вепсов). Как и *lūdilaine*, этноним *чухарь* имеет, по всей видимости, русские истоки (Grünthal 1997). Таким образом, оба этнонима с русскими корнями проникли в Присвирье с русским освоением, причем, исходя из ареалов их бытования, можно полагать, что термин *людики* распространился вдоль Свири, а *чухарь* проник на восток из новгородской округи по южным окраинам вепсской территории, задев в своем продвижении и Пашу. Видимо, эта ареальная дистрибуция неслучайна. Она маркирует разные пути русского внедрения в регион Присвирья. Этноним *чухарь* в значительной степени накладывается на тот путь древнерусской колонизации, который подтверждается археологической культурой славянских курганов с сожжениями IX—X вв.; при продвижении из Приильменя на восток она обошла Присвирье с юга. Видимо, на южные окраины Присвирья этноним распространился с прилегающего с юга ареала.

Анализ топонимного контактирования и адаптационных моделей выводит и на ряд этноисторических наблюдений, касающихся прибалтийско-финской страницы в истории Присвирья.

В российской науке представления о формировании вепсского этноса, ставшие отправной точкой для последующего изучения, были сформулированы в послевоенные годы Д. В. Бубрихом (Бубрих 1947). В соответствии с ними прибалтийско-финское племя *Veršä* сформировалось к IX в. в Юго-Восточном Приладожье, при устьях рек Волхов и Свирь, откуда рано начало

колониционное движение на Белое озеро, Онежское озеро и далее в Заволочье, а также на Олонецкий перешеек. В русских летописях оно упоминается и под именем *Чудь*, и под именем *Весь*, причем последний этноним использовался исключительно применительно к белозерской группе вепсов. Судьба выделенных групп древних вепсов была разной: белозерская весь, как и новгородская чудь, рано обрусела, в Заволочье чудские (т. е. вепские) островки сохранялись еще в XV в. и позже. Вепсы Олонецкого перешейка постепенно были поглощены карельскими переселенцами, которые начали осваивать этот регион с XIII в., и приняли, таким образом, участие в формировании двух групп карельского населения — ливвиков и людиков.

В обобщающей работе В. В. Пименова (Пименов 1965), появившейся двумя десятилетиями позднее, развивались, конкретизировались и наполнялись разнообразным материалом основные положения теории Бубриха, которая базировалась прежде всего на языковом материале. Исследование Пименова носило комплексный характер, в нем использовались данные целого ряда смежных наук — археологии, языкознания, этнографии, истории, антропологии и фольклористики. Разработанные Пименовым положения по основным моментам вепского этногенеза остаются актуальными и на сегодняшний день, хотя последние исследования в области археологии (Кочкуркина 1973; АК; Башенькин 1994), а также ономастические работы позволяют по-новому интерпретировать некоторые события вепского прошлого, а также уточнять сложившиеся представления о формировании вепской этнической территории, о роли этнокультурных и этноязыковых контактов на ней. Топонимия, к примеру, свидетельствует со всей безусловностью о том, что ареал современного вепского расселения, тяготеющий к Волго-

Балтийскому водоразделу, носит остаточный характер. Вепские топонимные ареалы фиксируются достаточно широко за его пределами, в зоне современного русского и карельского заселения, причем, судя по топонимическим критериям, характер контактов разнился на разных участках Межозерья. С другой стороны, ряд локальных вепских топонимных ареалов должен быть сопряжен с хронологически разными этапами освоения региона. Эта неоднородность высвечивается и на присвирском материале. К примеру, ойконимы *-l*-ового типа (*Vingl, Karhil, Kokoil, Nirgl, Ozroil, Hübjoil, Haragl*), передающиеся на обрусевшей территории русской моделью с суффиксом *-ицы/-ичи*: *Игокиничи* (<**Ihačal*), *Мустиничи* (<**Mustal*), *Нюбиничи, Валданицы, Куневичи, Уштовичи*) образуют достаточно плотный ареал в западном Присвирье — низовьях Ояти, Паши, Капши, по мере же продвижения на восток продуктивность модели существенно ослабевает, полностью сходя на нет за восточными и северными пределами Присвирья, в южном и юго-западном Обонежье. Нам приходилось уже писать о том, что ареал модели коррелирует в известной мере с археологическим ареалом курганов Юго-Восточного Приладожья, который принято считать прибалтийско-финским наследием. Особенно показательно в плане наложения археологического и топонимического ареалов среднее Посвирье: всплеск активности *-l*-ового ойконимного типа, в целом непопулярного на Свири, приходится именно на тот ограниченный участок среднего течения реки, на котором обнаружены наиболее ранние средневековые находки X—XI вв., принадлежащие приладожской курганной культуре. Наложение топонимного и курганного ареалов подтвердилось в последние годы и в верховьях р. Лидь в результате проводившихся здесь раскопок курганов XI—XII вв., сходных с приладожскими. При этом традиция погребения, заложенная носителями курганной культуры, продолжалась здесь — уже в форме грунтовых погребений — вплоть до XVI в. (Башенькин 1994). Это позволяет считать курганы — с учетом того, что речь идет о традиционной вепской территории, причем в сознании местных жителей

могильники устойчиво связываются с местами захоронения предков — принадлежностью вепсского населения⁴¹.

Модель на *-la* (вепс. *-l*) не является специфически вепсской, она известна и в других прибалтийско-финских языках. Если нанести ее на карту, то ареал разместится вокруг Финского залива, и вепсское Межозерье, таким образом, будет представлять собой юго-восточную окраину общего прибалтийско-финского ареала. Это обстоятельство в совокупности с ранним возрастом модели, фиксирующей в Присвирье уже самым ранним известным по этой территории письменным источником XIII в. и подтверждающей практически полным отсутствием образований от христианских имен, а также с учетом значительной корреляции ее ареала в Присвирье с ареалом курганной культуры X—XIII вв. позволяет связывать ее с одним из ранних (хотя не обязательно исходных) прибалтийско-финских этапов в истории вепсского Межозерья. Он имел определяющее значение в этнической истории вепсов как прибалтийско-финского этноса. Знаменательно и отсутствие *-l*-овой модели на восточной периферии вепсского ареала — в Прионежье и на Онежско-Белозерском водоразделе. Видимо, на ранних этапах прибалтийско-финской истории Межозерья интересы вепсов были больше

⁴¹ Впрочем, отмечая корреляцию археологического и топонимного ареалов на значительном участке Юго-Восточного Приладожья, нельзя все же не видеть, что топонимия *-l*-ового типа не обнаружена на западной периферии ареала здешней курганной культуры — на реках Сясь и Тихвинка. Это обстоятельство, безусловно, снижает вероятность отражения в названиях на *-l* языка носителей раннесредневековой археологической культуры, хотя и не исключает ее полностью. Прибалтийско-финская топонимия в бассейне Сяси перекрыта столь мощным русским пластом названий, что от нее сохранились лишь незначительные рудименты. К тому же, по этой территории отсутствуют добротные полевые материалы, особенно на микротопонимическом срезе, где, не исключено, могла сохраниться *-l*-овая модель географических названий.

связаны с водными путями, ведущими на север — в Беломорье и на северо-восток — за восточные пределы Обонежья. Во всяком случае ойконимия *-l-*ового типа представлена на обоих этих путях, причем ойконимы на *-la* идентичны здесь присвирским не только по форме, но и по основам. Исходя из общей для Водлозера, северного Заонежья и Присвирья топонимной модели, можно предполагать, что вепские топонимы на *-la* появляются в Заонежье и на Водлозере приблизительно одновременно с южным Присвирьем⁴². Это предположение, кстати, согласуется в целом с археологическими реалиями, согласно которым археологические памятники приладожского типа обнаружены в Заонежье и на Водлозере (АК, 378).

В любом случае, ойконимия на *-la* отражает западное (прибалтийско-финское) освоение территории. Истоки модели, видимо, располагаются к западу от Юго-Восточного Приладожья. Вопрос об истоках приладожских прибалтийских финнов остается в историческом языкознании открытым. Большинство исследователей склоняется к признанию существования к западу от Волхова в начале нашей эры прибалтийско-финского населения, говорившего на восточном прадиалекте, продолжателями которого являются в определенной степени вепский, карельский и водский языки, а также восточнофинские диалекты (Itkonen 1983). В результате славянской экспансии в Поволховье прибалтийские финны (видимо, древние вепсы) отодвигаются на восток (Седов 1997).

Остальные прибалтийско-финские ойконимные модели Присвирья менее показательны в смысле их этнолингвистической интерпретации, поскольку, будучи рассеяны по всей территории, не образуют четко очерченных ареалов. Можно, однако, видеть определенное противостояние Присвирья ареалу расселения, с одной стороны, северных (прионежских), с другой — белозерских вепсов, где представлена ойконимная модель на *-išt* (Deremišt, Voinikišt, Prangatišt), абсолютно чуждая Присвирью. В то же время в центральном Присвирье обнаружены редкие, но очень показательные примеры бытования

⁴² См. подробнее об истоках и функционировании *-l-*овой модели в гл. II.

ойконимов, оформленных древним прибалтийско-финским деноминальным суффиксом *-ja* (вепс. *-j*) с изначальным локативным значением (Hakulinen 1968, 107—108): Mühj, Nořj, Pefj. Его топонимическое функционирование подтверждается рядом достаточно убедительных примеров с территории Финляндии и северной Карелии, ср. Kalaja, Turgvājā, Sonkaja, Miinoa (< Miinaja), Loimaa (< Loimaja) и др. (Tunkelo 1933; Hakulinen 1968).

Среди других топонимных разрядов, демонстрирующих ареальную дистрибуцию, укажем гидронимию на *-nd/-nž* — изначальное суффикс со значением выражения подобия названному производящей основой. Модель, практически отсутствующая в западном Присвирье, приобретает убедительную продуктивность в северо-восточном его углу, откуда ареал тянется в южное и восточное Обонежье, отражая, видимо, определенный этап в освоении вепсами территорий, расположенных за восточными пределами Присвирья.

Анализ вепско-карельского контактирования выявил со всей очевидностью, что реки — северные притоки Свири — играли роль проводников вепского воздействия из Присвирья на север. Наглядное доказательство этого — людиковско-ливвиковская граница, проходящая по водоразделу Свири и Олонки. В то время как людиковское наречие с его бесспорным вепским субстратом распространено в свирском бассейне, ливвиковское со значительно более размытым вепским наследием территориально оказывается за северозападными пределами Присвирья.

Показательно, что карельско-ливвиковский ареал, вплотную подходя на юге и юго-востоке к бассейну реки Свирь, все же не распространяется на его территорию, а замыкается на этом участке бассейном Ладожского озера. Граница водных бассейнов, впадающих в Ладогу рек Олонки, Видлицы, Тулоксы, с одной стороны, и реки Свирь, с другой, оказывается одновременно и диалектной границей, отделяющей ливвиков

от людиков. Именно поэтому наиболее «вепским» среди людиковских говоров является михайловский, бытующий в верховьях реки Усланки, северного притока Свири. Значительная роль в распространении вепского влияния из Присвирья на север принадлежала реке Важинке. Именно она сформировала людиковско-ливвиковскую границу на южном участке по реке Шуя. На первый взгляд кажется, что географический принцип в прохождении границы не выдерживается на участке реки Шуя, где граница, разделяющая ливвиков и людиков, не соотнобразуется с течением реки, а пересекает Шую в нижнем течении. В действительности же за этим стоит вепский путь со Свири на север по реке Важинке. Карельское языковое воздействие, продвигавшееся на восток с верховьев Шуи вниз по реке, заметно слабеет в низовьях Шуи, видимо, потому, что здесь фактически столкнулись два потока освоения территории: один — вниз по Шую в Онежское озеро, а второй — со Свири через ее северный приток Важинку и южный приток Шуи реку Святреку в Шую, а затем в Онежское озеро. Если первый шел из карельского Приладожья, то второй — из вепского Присвирья, и по нему, очевидно, вепское воздействие продолжало ощущаться и после того, как началось освоение Онежско-Ладожского перешейка карелами. Оно и могло явиться своего рода препятствием для ровного поступательного карельского продвижения вниз по р. Шую и отразилось в формировании людиковского языкового ареала.

Существование описанного пути со Свири через Важинку и Святреку в бассейн Шуи подтверждается некоторыми характерными вепскими топонимами, представленными вдоль него. Примеры этих моделей и их подробная интерпретация представлены в гл. III.

Путь со Свири на север через Важинку, таким образом, был известен вепсам и использовался ими, очевидно, продолжительное время. На определенном этапе он сыграл решающую роль в формировании людиковско-ливвиковской границы. Популярности этой водной дороги могло способствовать то, что выше устья Важинки на Свири располагается целая серия труднопроходимых порогов, препятствовавших выходу в

Онежское озеро.

Сопоставление целого ряда топонимных ареалов, сформировавшихся в разное время и в разной языковой среде, свидетельствует об их наложении, о совпадении на значительном протяжении их границ. Очевидно, за этим стоят этноисторические реалии, связанные со стабильностью путей освоения территории и использованием на разных этапах заселения маршрутов, проложенных предшественниками. То, что в северном Обонежье и Водлозерье ойконимная модель на *-ичи/-ицы* обнаруживается только там, где засвидетельствована древняя вепсская ойконимия *-I*-ового типа, вызвано, видимо, тем, что в своем продвижении на север древнерусское население воспользовалось путями, освоенными до него древними вепсами.

Другой конкретный пример такой преемственности в освоении ареала предоставляет вепсская гидронимия с основой *rühä-* с примарной семантикой 'ограда, граница'. Анализ «святых» гидронимов в Присвирье и на сопредельной территории свидетельствует о том, что все они привязаны к водораздельным водным объектам. Озера и реки, в названиях которых отражена лексема *rühä-*, были своего рода «оградой», пограничными столбами, отмечавшими пределы родовой территории. Зnamenательно, что именно по этим же отметкам прошли позднее и границы погостов как административных образований новгородского времени. На это указывает присутствие «святых» гидронимов на многих границах новгородских погостов в Присвирье и Обонежье (см. подробнее в гл. II).

Преемственность в границах топонимных ареалов подтверждается не только на материале прибалтийско-финско-русского контактирования, но и на основе распространения некоторых более ранних доприбалтийско-финских моделей. Их картографирование показывает, к примеру, насколько существенной была граница, отделяющая Присвирье от собственно Обонежья. Ареалы целого ряда моделей, распростра-

няющихся из Белозерья на север, «спотыкаются» об нее и не могут выйти на запад за верхнее Присвирье, ограниченное с запада рекой Важинкой. Среди таковых гидронимы с основами *ileks-/iles-* 'верх, верхний', *vašk-* 'окунь' *šim-* (оз. *Šim/gärv* — рус. *Шимозеро*, р. *Шима*, *Шимка*, *Шимакса*), в которой, возможно, восстанавливается топооснова, родственная марийскому *шим* 'черный'. Впрочем, другим, например, *än-* 'большой', *ilm-/elm-* 'небесный (т. е. 'верхний')' удастся ее преодолеть и распространиться в Приладжье и Карелию. Видимо, за ареальной характеристикой стоят всякий раз совершенно определенные этноисторические факты и процессы, суть которых, однако, на данном этапе исследования не до конца ясна. То, что ареалы топооснов *ileks-/iles-*, *vašk-*, *šim-* и некоторых других в значительной мере накладываются на ареал позднекаргопольской археологической культуры, предшествовавшей в южном и юго-восточном Обонежье собственно прибалтийско-финскому наследию, дает основание с осторожностью предполагать в них след языка «позднекаргопольцев». Представленные основы с точки зрения языковой интерпретации соотносятся как с прасаамскими, так и с волжско-финскими языковыми данными, и в этом смысле их «позднекаргопольская» привязка не противоречит археологическим реалиям, в соответствии с которыми истоки названной культуры — в памятниках ананьинских древностей VIII—VI вв. до н. э. Среднего Поволжья (АК, 237), при этом известно, что носители ананьинской культуры приняли участие в формировании саамского этноса (АК, 367). В принципе, распространение ареала ряда топооснов за пределы позднекаргопольской территории в Приладжье, Восточную Финляндию, Карелию и Беломорье также согласуется с археологическими представлениями — с тем, в частности, что распространенные на названных территориях культуры лууконсаари и культура с керамикой «арктического» типа имеют своим истоком позднекаргопольскую культуру (АК, 250, 256). Все они связаны с формированием саамского этноса. Возможно, при интерпретации топонимических ареалов на этом фоне надо исходить, с одной стороны, из локальных топонимных моделей,

привязанных к конкретному варианту ананьинской культуры, а с другой — из более обширных, универсальных типов, объединяющих родственные культурные ареалы. Среди топооснов Присвирья есть такие (например, šokš-, and-, čuhl-, jagr-), ареалы которых занимают обширные пространства от Поволжья до Фенноскандии.

При всей неоднородности топонимического материала, а также его неоднозначного толкования он свидетельствует о длительном вхождении территории вепсского Межозерья в ареал идущих из Поволжья языковых импульсов. При этом границы ареала неуклонно сужаются: от вхождения Межозерья составной частью в обширный регион лесной полосы Восточной Европы через постепенный выход западной его части за пределы поволжских инноваций до концентрации последних практически исключительно в Белозерье.

Исходя из этого, можно предполагать, что представленные гидронимные модели могут быть связаны с хронологически и в этноязыковом плане несколько разными потоками заселения. Нельзя, однако, отрицать, что в значительной степени это языковые следы населения, непосредственно предшествовавшего в Межозерье прибалтийско-финскому и вошедшего в состав саамского этноса. На это указывают как саамские этимологии топооснов, выступающих в едином комплексе с загадочными формантами, так и возможная саамская интерпретация самих формантов. Реальность саамского компонента подтверждается и тем, что некоторые вепсские языковые особенности могут быть следствием саамского языкового воздействия. При этом в действительности речь может идти не о «собственно» саамском, а о более раннем языковом состоянии, сближающимся с праязыковым. Не случайно в топонимии Межозерья отсутствует ряд характерных саамских топооснов, зафиксированных севернее, в непосредственном соседстве с современным саамским ареалом на севере Фенноскандии. В то же время здесь наличествуют модели, не зафиксированные в ареале современного или исторически

недавнего саамского заселения, но интерпретирующиеся с учетом саамских языковых данных. Саамский язык прошел в своем развитии ряд этапов. В контексте этнической истории Межозерья, однако, чрезвычайно сложно установить, где проходит граница между собственно саамским, прасаамским, праприбалтийско-финско-саамским или волжским пластами в языковом наследии этого региона.

В целом, возвращаясь к ареализованию, можно констатировать, что и в древней топонимии просматривается определенное противостояние региона Обонежья Юго-Восточному Приладожью, хотя оно и не выражено ярко. Одинаковые древние модели фиксируются в обоих ареалах, хотя в регионе Юго-Восточного Приладожья топонимические древности и количественно, и в разнообразии моделей значительно уступают обонежским. Обонежье, к примеру, характеризуется значительно более выразительными саамскими топонимическими древностями. Причины здесь могут быть разные, в том числе меньшая освоенность восточного Обонежья более поздними западными потоками населения. С другой стороны — и это, видимо, более существенная причина — Юго-Восточное Приладожье оказалось вне зоны распространения ряда топонимных моделей, проникших в Обонежье с юго-востока. Среди последних есть как ранние, так, видимо, и довольно поздние, соотносимые с мерянскими языковыми данными.

Предшествующие рассуждения подводят нас к мысли о том, что Присвирье, представляя собой географически единую территорию — бассейн реки, в смысле этноисторического и этнолингвистического наследия делится на две историко-культурные зоны — Юго-Восточное Приладожье и Обонежье. По целому ряду топонимических фактов восточное Присвирье противопоставлено западному, при этом противостояние подтверждается моделями с разными языковыми истоками и на разных хронологических срезах. Историко-культурную зону можно определить как ареальное единство, которое формируется целым рядом факторов, в том числе физико-географических, климатических, хозяйственно-экономических, исторических, собственно этнографических (Герд 1993). В Присвирье можно

наблюдать, насколько высока степень устойчивости историко-культурных зон: меняются этносы, хозяйственные формы, археологические культуры, а зоны остаются. Не случайно ареалы древних топонимических типов вписываются иногда в современные административные границы. Этнические трансформации происходили в устойчивых ареальных границах.

Среди факторов, формирующих эти границы, очень важную роль играли реки, водные пути, а точнее — водоразделы. Они формировали потоки, направления освоения территории. Отчетливой границей был водораздел, разделяющий бассейн Свири и бассейн Белого озера. Эта граница имеет убедительные археологические и топонимические подтверждения. В связи с вепско-карельским контактированием обращалось внимание на водораздел, отделяющий Присвирье от бассейнов рек, впадающих с запада в Ладожское озеро. Однако водоразделы не были непреодолимым препятствием. Присвирский ареал свидетельствует о том, насколько существенны в оформлении историко-культурных зон были волоки — места, где водоразделы преодолевались. Не случайно, к примеру, отсутствует четкая археологическая и этноязыковая граница в юго-западном Присвирье. Течение рек Волхова, Сяси и Паши, входящих в разные бассейны, таково, что создается благоприятная возможность для перехода из одного бассейна в другой. Этот юго-западный вход в Присвирье был, видимо, в свое время использован прибалтийскими финнами — об этом свидетельствует хотя бы общий прибалтийско-финский топонимный фон Сяси, Тихвинки и Паши. Им же позднее воспользовалось древнерусское население. В северном Присвирье не менее важен был путь с Важинки в бассейн Шуи. Именно в районе Важинки проходит граница, разделяющая Присвирье на западное и восточное. К ней привязывается граница двух севернорусских диалектных зон — Ладого-Тихвинской и Онежской. Она, напомним, фигурирует на картах, отражающих разный тип русской

адаптации предшествующей прибалтийско-финской топонимии. При этом граница имеет более ранние, чем древнерусское освоение, истоки, т. е. древнерусская колонизация накладывалась территориально на наметившуюся уже в более раннюю эпоху границу. Она известна как участок, по которому проходит ливвиковско-людиковский языковой рубеж. Топонимически она подтверждается тем, что именно к устью Важинки привязывается северная точка распространения вепсской *-l*-овой ойконимии, основной ареал которой располагается в Юго-Восточном Приладожье. Со своей стороны, для многих распространявшихся из Белозерья моделей древних топонимов Важинка оказалась непреодолимым северозападным рубежом. Границу, располагающуюся в среднем течении Свири, отмечают и археологи, причем для нескольких хронологически разных археологических культур (Спиридонов 1989; Герд, Лебедев 1991). Таким образом, на разных хронологических срезах граница располагается на одном и том же участке среднего течения Свири. Видимо, для этого существуют свои предпосылки, в том числе естественно-географического характера. Именно здесь проходит ландшафтная граница южной и средней тайги. Кроме того, здесь же, выше устья Важинки, на Свири находилась целая серия речных порогов, делавшая верхнее течение реки относительно труднодоступным.

Топонимия Присвирья свидетельствует о том, что каждая последующая волна освоения не отвергала предыдущую, а перерабатывала, определенным образом впитывала особенности языка, культуры предыдущей. На разных участках Присвирья — в границах историко-культурных зон — это взаимодействие могло отличаться по характеру, условиям и т. п. Преемственность тем не менее сохранялась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная этническая карта Присвирья сложилась в результате поэтапного освоения территории разными этноязыковыми коллективами, сопровождавшегося активным контактированием. Из этнических групп Присвирья людики являются наиболее поздним образованием, сформировавшимся как результат карело-вепсского взаимодействия. Русские, являющиеся сейчас наиболее многочисленной группой в Присвирье, в языковом отношении представляют два диалектных подразделения — Ладого-Тихвинские и Онежские говоры. За диалектным членением стоит не только разное время, но и разный характер русского освоения региона, в котором по мере продвижения с запада на восток Присвирья заметно слабеет собственно русский элемент и растет доля сменившего этноязыковое сознание исходного прибалтийско-финского элемента. В свою очередь вепсы, составлявшие в прошлом основное население района Присвирья, являются потомками внедрившегося из южного Приладожья на рубеже тысячелетий пришлого прибалтийско-финского этноса, соприкоснувшегося здесь с местным населением и постепенно поглотившего его.

Поэтапное освоение отражено в многослойности топонимии, в которой преобладают названия с древними истоками на гидронимном уровне, в то время как хронологически менее устойчивые разряды географических имен представлены по преимуществу русскими, вепскими и карельскими наименованиями соответственно в русских, вепских и карельских районах Присвирья. Характер же контактных отношений выявляется не столько через наличие пластов, сколько через реконструкцию механизмов адаптации иноязычной топонимии.

Основные направления освоения — прямая адаптация с необходимой фонетической переработкой, морфологическое и семантическое освоение — носят универсальный характер. Однако их реализация зависит всякий раз от целого ряда условий, среди которых наиболее существенны типологическая

характеристика контактирующих языков и соответственно топонимов, отношения языкового родства, активность контактов и наличие билингвизма, официальный и неофициальный статус контактирующих языков и в целом социально-исторический и этнокультурный фон контактных отношений.

Прямое усвоение, наглядно проявляющееся в русско-«финском» контактировании в силу разницы в самом материальном облике топонимов (вепс. *Ledoja* — рус. Ледое, вепс. *Matkoja* — рус. Маткоя) в карело-вепсских взаимоотношениях затушевывается близостью, а в ряде случаев и тождеством внешнего облика топонимов (вепс. *Ledoja* — люд. *Liedoja*, вепс. *Matkoja* — люд. *Matkoja*). Людиловские гидронимы, в принципе, могут быть как результатом прямой адаптации, так и калькирования. В северном Приириэ сложно провести границу между топонимами, доставшимися в наследство от вепсов и собственно карельскими. Можно лишь предполагать, что к первым могут принадлежать наименования ряда наиболее значимых водных объектов (например, рек *Madra(n)jogi*, *Suaroja*, *Vuažñand'ogi*), топонимы с довепскими истоками (*Кутка*, *Roks*), далее, топонимы, восходящие к дифференцирующим вепским лексемам (*Kuare*, *Püörde*), а также представляющие собой сугубо вепские топонимные типы. Их анализ с позиций фиксации фонетических закономерностей приводит к выводу о значительной непоследовательности в фонетическом облике последних. Она может быть прослежена на примере освоения этимологически долгих гласных, которые в предполагаемых вепских оригиналах переданы в одних случаях — в соответствии с вепскими образцами — как краткие гласные (*Sara*, *Roks*, *Rozme/oja*), в других — в виде дифтонгов в соответствии с нормами карельской фонетики, в которой примарно долгие гласные **oo*, **uu*, **ee* преобразованы в дифтонги (*Suar/oja*, *Ruozme/oja*). Видимо, нестабильность в данном случае есть следствие образования так называемых «квазикарельских» топонимов, возникавших в результате приспособления к нуждам карельской топонимической системы северного Приириэ этимологически прозрачных — в силу близкого родства карельского и вепского языков — вепских топонимов.

Последние сосуществуют с топонимами, в которых не произошло сближения с карельскими основами.

Видимо, с учетом универсальности закономерностей адаптации надо иметь в виду подобное «приспособление» древней топонимии Присвирья, исследование которой свидетельствует об этимологическом и типологическом родстве ее прибалтийско-финской топонимии, к вепсской системе имен. Некоторые факты из топонимии Присвирья (например, Вонозеро ← *Enagv, из которого вытекает р. Яндеба, Päljågv и Pielinen) могут быть интерпретированы в этом контексте. Здесь прямое освоение с фонетической переработкой сочетается со своего рода калькированием — переводом топоосновы. При контактировании родственных топонимов границы способов адаптации более расплывчаты, неопределенны, чем при взаимодействии топонимов неродственных языков. Есть основания полагать, что таких «квазивепсских» топонимов значительно больше, чем представляется.

Морфологическая адаптация получила наиболее завершенное выражение в аффиксации. Суффиксация как способ интеграции иноязычных топонимов активно используется в ходе освоения карельских и вепсских топонимов русской системой географических названий. Широкое использование данного способа адаптации вызвано исключительной продуктивностью суффиксального способа образования географических названий в русской топонимии. В прибалтийско-финской топонимии суффиксальный способ образования, уступая словосложению, представлен достаточно весомо, и на этом базируется использование суффиксации для адаптации довепсской гидронимии к вепсской системе названий. Есть основания полагать, что топонимии, предшествовавшей в Присвирье прибалтийско-финской и восходившей к языку (языкам) финно-угорского типа, так же было присуще образование суффиксальных имен и, соответственно, использование суффиксов для адаптации топонимов. В связи с этим правомерно

предположение о суффиксальных истоках ряда гидроформантов, имеющих широкое бытование в древних потамонимах на Европейском Севере России.

Судя по ряду обстоятельств, четкой закономерности и последовательности в том, какая оригинальная прибалтийско-финская структурная модель стоит за адаптированной русской суффиксальной, не существует. При интеграции вступает в силу другое важное обстоятельство — вхождение в ряд однотипных (принадлежащих к тому же разряду) русских топонимов. В результате одна и та же прибалтийско-финская структурная модель может быть усвоена в русскую топонимию разными способами. Выбор конкретной суффиксальной модели продиктован ее продуктивностью в русской топонимии искомой территории в искомое время и в искомой функции. Для примера можно сравнить оформление на нижней Ояти прибалтийско-финских оригинальных ойконимов с разной структурой суффиксом *-ovo*: Feñk — Феньково, Savič (с суффиксом *-č*) — Савичево, Lašk/agj (сложный топоним) — Лашково, Konoi/mägi (сложный топоним) — Кононово. В редких случаях можно предполагать воздействие оригинальной модели на выбор интеграционной: оформленные показателем множественного числа выступающим в прибалтийско-финской топонимии фактически в функции топонимного суффикса, вепские čuhakod, Tomižed, Maimistad имеют русские эквиваленты в форме множественного числа: Чугаки, Черемушки (вепс. tomižed 'черемушки'), Маймистовы. Подобная интерференция, впрочем, не вступает в противоречие с соответствующей продуктивной русской топонимной моделью *pluralia tantum*.

При контактировании родственных топосистем оригинальный структурный тип и сам суффикс имели большие шансы к сохранению в силу значительного тождества в наборе именных суффиксов, ср. вепс. čuhak было усвоено в люд. в виде čuhakko (вепс. суффикс *-(a)k* > люд. *-(a)kko* в функции подобия выраженному производящей основой). Здесь суффиксация фактически смыкается, с одной стороны, с прямой адаптацией, с другой — с калькированием.

Семантическая адаптация, проявляющаяся в калькировании, заключается в существовании полукалек и полных калек. Первые наглядны не только на уровне прибалтийско-финско-русского взаимодействия. Широкое бытование сложных по структуре гидронимов с довепским атрибутивным элементом и вепским детерминантом (Čol'm/järv, Sondal/jogi) можно рассматривать как естественный результат калькирования детерминанта оригинального топонима. В карельской среде калькирование с образованием полукалек можно констатировать лишь по единичным примерам, сохраняющим сугубо вепскую атрибутивную часть (Čučk/niemi). В большинстве случаев произошла полная интеграция вепского топонима в карельскую систему имен, спровоцированная близостью в материальном облике своей и чужой топонимии. Аналогичный процесс прошли и некоторые доприбалтийско-финские топонимы, уподобившись прибалтийско-финским. Объективной основой вновь выступало родство топонимов и, в частности, родство топонимов, близость в их материальном облике (ср. доприбалтийско-финское *enV — вепс. *enā), двуязычие на определенном этапе взаимодействия древнего населения региона, приводившее к переводу его оригинальной топонимии на вепский язык. В северном Присвирье порог Лисий или Лисьпорог расположен рядом с Рыньпорогом, и эта связка позволяет предполагать, во-первых, в Рыньпороге саамские истоки, ср. саам. *gimpe* 'лиса' (KKLS), во-вторых, в Лисьпороге русскую кальку вепского *Reboikošk (*reboi* 'лиса'), которое, в свою очередь, могло быть спровоцировано названием смежного порога, имеющего саамские истоки. Обнаружить подобные связки, даже при наличии качественно собранного материала, сложно. Редкие примеры — это, видимо, лишь надводная часть айсберга. В действительности семантическая адаптация, особенно в случае контактирования родственных систем, должна была иметь значительное распространение.

Анализ присвирского материала с убедительностью свидетельствует о преимущественно субстратном (не заимствованном) характере взаимоотношений на разных этапах формирования топонимических систем региона. На этом фоне следы суперстрата — иначе говоря, влияния русской системы наименований на прибалтийско-финскую (о карельском суперстрате в вепсской топонимии, равно как и о «саамском» в силу отсутствия надежного материала судить сложно) — минимальны. При этом, видимо, точнее говорить об адстратных взаимоотношениях, не сопровождавшихся растворением пришедшего населения в местном, а вызванных сосуществованием в рамках единой территории. В вепсской и карельской топонимии Присвирья засвидетельствована по крайней мере одна суффиксальная модель, проникшая из русской топонимии. Это ойконимы и агроонимы на *-šin* < рус. *-щина* (Tegoušin, Timukoušin). В данном случае суффикс возвысился до активного функционирования в собственно прибалтийско-финской топонимии, где он образует свои производные. В других случаях взаимодействие ограничивается восприятием в прибалтийско-финскую систему русских вариантов прибалтийско-финских топонимов — речь, как правило, идет о названиях рек и населенных пунктов, получивших широкое распространение в русской языковой среде в силу официального бытования и усвоенных двуязычным прибалтийско-финским населением Присвирья: вепс. р. *Sara* → рус. *Сарка* → вепс. *Sark*; вепс. дер. *Norj* → рус. *Норгино* → вепс. *Norgin*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абаев 1956 — Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1956. Т. 9. С. 57—69.
- Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. I.
- Агапитов 1994 — Агапитов В. А. Прибалтийско-финская земледельческая колония в южном Заонежье (Опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник № 4. Петрозаводск, 1994. С. 24—30.
- Агеева 1980 — Агеева Р. А. Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии Русского Северо-Запада // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 150—159.
- Агеева 1989 — Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Азарх 1981 — Азарх Ю. С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 5—29.
- АК — Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Альквист 1997 — Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6. С. 22—36.
- Арутюнов 1995 — Арутюнов С. А. Этнолингвистика // Этнополитический вестник. 1995. № 5.
- Арциховский 1963 — Арциховский В. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.
- Атаманов 1988 — Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.
- Афанасьев 1976 — Афанасьев А. П. «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. М., 1976. С. 21—26.
- Афанасьев 1979 — Афанасьев А. П. Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Топонимика на службе географии (Вопросы географии. Сб. 110). М., 1979. С. 56—63.

- Башенькин 1994 — Башенькин А. Н. Средневековые могильники южных вепсов // Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса: Тез. докл. СПб., 1994. С. 99—102.
- Березович 1998 — Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера. Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.
- Борковский, Кузнецов 1963 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Бубрих 1947 — Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрих 1971 — Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. Л., 1971. С. 3—22.
- Витов 1962 — Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Витов, Власова 1974 — Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974.
- Востриков 1981 — Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3—45.
- Востриков 1990 — Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.
- Галкин 1985 — Галкин И. С. Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985.
- Галкин 1987 — Галкин И. С. Древнейшие пласты марийской топонимики // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1987. С. 5—24.
- Герд 1975 — Герд А. С. Русские говоры в бассейне р. Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188—194.
- Герд 1978 — Герд А. С. О языковом союзе на Северо-Западе РСФСР // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1978. С. 12—13.
- Герд 1979 — Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979.
- Герд 1984 — Герд А. С. К истории образования говоров Посвирья // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 134—180.
- Герд 1993 — Герд А. С. Этногенез и историческая география // *Philologia slavica*. М., 1993. С. 36—43.
- Герд 1994 — Герд А. С. К исторической географии Приладожья // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994. С. 32—35.

- Герд 1995 — Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
- Герд, Лебедев 1991 — Герд А. С., Лебедев Г. С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // Советская этнография. 1991. № 1. С. 73—85.
- Голубцов 1950 — Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и их отражение на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950. С. 271—302.
- Гусельникова 1994 — Гусельникова М. Л. Полукальки в топонимии русского Севера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1994.
- Гусельникова 1996 — Гусельникова М. Л. Полукальки русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 13—21.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I—IV.
- Дульзон 1950 — Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. Т. VI. Сер. физ.-мат. и естеств.-геогр. наук. Томск, 1950. С. 175—187.
- Дульзон 1959 — Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // ВЯ. 1959. № 4. С. 35—45.
- Зайцева 1988 — Зайцева Н. Г. О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 22—32.
- Зализняк 1986 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977—1983 годов. М., 1986.

- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995
- Йоалайд 1989 — Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 76—83.
- Керт 1960 — Керт Г. М. Некоторые саамские географические названия на территории Карелии // ВЯ. 1960. № 2. С. 86—92.
- Керт, Мамонтова 1976 — Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1976.
- Кожеватова 1996 — Кожеватова О. А. Пути образования общего регионального лексического фонда на европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика: Сб. научн. тр. Екатеринбург, 1996. С. 3—13.
- КОК — Григорьев С. В., Грицевская Г. Л. Каталог озер Карелии. М.; Л., 1959.
- Колесов 1975 — Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53—58.
- Комягина 1994 — Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.
- Королькова 1994 — Королькова Л. В. Средневековые поселения Южного Приладожья: проблемы и перспективы археологического изучения // Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса: Тез. докл. СПб., 1994. С. 97—99.
- Кочуркина 1973 — Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
- Кочуркина 1989 — Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья в X—XIII вв. Петрозаводск, 1989.
- Куклин 1980 — Куклин А. Н. Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. 1980. С. 119—201.
- Куклин 1995a — Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // *Linguistica Uralica*. 1995. № 2. С. 86—99.
- Куклин 1995b — Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации гидронимов на -енга/-еньга // *Linguistica Uralica*. 1995. № 3. С. 188—195.
- Куклин 1998 — Куклин А. Н. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола, 1998.
- Купчинский 1980 — Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.

- КЭСЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми-языка. М., 1970.
- Лескинен 1966 — Лескинен В. Т. Основные лексико-семантические группы саамской топонимии Карелии // Научн. конф. Петрозаводского института языка, литературы и истории по итогам работ за 1965 г. Секция языкознания: Тез. докл. Петрозаводск, 1966. С. 33—43.
- Лескинен 1967 — Лескинен В. Т. О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 79—88.
- Летова 1988 — Летова И. А. Семантическое противопоставление «святой» — «черт» в топонимии русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1988. С. 105—118.
- Макаров Г. Н. 1990 — Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
- Макаров Н. А. 1990 — Макаров Н. А. Население русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990.
- Макаров 1997 — Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.
- Малиновская 1930 — Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 164—200.
- Мамонтова 1982 — Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микропонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.

- Мамонтова 1991 — Мамонтова Н. Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991. С. 102—111.
- Мамонтова, Муллонен 1991 — Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Матвеев 1964 — Матвеев А. К. Субстратная топонимика русского Севера // ВЯ. 1964. № 2. С. 64—83.
- Матвеев 1965 — Матвеев А. К. Топонимические элементы явр, ягр, яхр (озеро) на русском Севере: (К вопросу об использовании данных физической географии в топонимических исследованиях) // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1965. № 6. С. 17—22.
- Матвеев 1967 — Матвеев А. К. Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований // СФУ. 1967. № 2. С. 139—151.
- Матвеев 1968а — Матвеев А. К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимии русского Севера // СФУ. 1968. № 2. С. 121—126.
- Матвеев 1968б — Матвеев А. К. Пермские элементы в субстратной топонимии русского Севера // СФУ. 1968. № 1. С. 27—37.
- Матвеев 1969 — Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера // ВЯ. 1969. № 5. С. 42—54.
- Матвеев 1970а — Матвеев А. К. Отражение перехода $s > h$ в субстратной топонимии русского севера // Congressus Tertius internationalis fenno-ugristarum. Tallinn, 17—23.VIII. 1970: Teesid. Tallinn, 1970. Pars 1.
- Матвеев 1970б — Матвеев А. К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР // Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
- Матвеев 1970в — Матвеев А. К. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимии русского Севера // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. С. 116—124.
- Матвеев 1972а — Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. 1972. № 2. С. 76—83.
- Матвеев 1972б — Матвеев А. К. Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах русского Севера // СФУ. 1972. № 1. С. 1—6.

- Матвеев 1974 — Матвеев А. К. Ареальные исследования и этимологизация субстратных топонимов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 289—294.
- Матвеев 1979 — Матвеев А. К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 5—14.
- Матвеев 1982 — Матвеев А. К. [Рецензия] // ВЯ. 1982. № 3. С. 119—122. Рец. на кн.: Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Матвеев 1986 — Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Екатеринбург, 1986.
- Матвеев 1987 — Матвеев А. К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // ВЯ. 1987. № 2. С. 66—76.
- Матвеев 1989 — Матвеев А. К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989. № 1. С. 77—85.
- Матвеев 1993 — Матвеев А. К. Субстрат и заимствование в топонимии // ВЯ. 1993. № 3. С. 86—95.
- Матвеев 1995a — Матвеев А. К. Апеллятивные заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 29—42.
- Матвеев 1995b — Матвеев А. К. Костромское *Андоба* (к мерянской этимологии) // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995. С. 81—86.
- Матвеев 1996 — Матвеев А. К. Субстратная топонимия русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1. С. 3—23.

- Матвеев 1999 — Матвеев А. К. Две топонимические аномалии на русском Севере // Русская диалектная этимология. Третье научное совещание 21—23 октября 1999 г.: Тез. докл. и сообщений. Екатеринбург, 1999. С. 41—42.
- Матвеев, Стрельников 1988 — Матвеев А. К., Стрельников СМ. Лексические параллели между диалектами белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Свердловск, 1988. С. 23—27.
- Материалы 1972 — Материалы по истории Европейского севера ССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVII в. Вологда, 1972.
- Меркулова 1961 — Меркулова В. А. К этимологии слова пихта // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М., 1961.
- Меркулова 1967 — Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений: Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967.
- Микляев 1984 — Микляев А. М. О топо- и гидронимах с элементом *-гост/-гощ* на Северо-Западе СССР: К проблеме восточнославянского расселения // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 25—46.
- Муллонен 1988 — Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Муллонен 1989 — Муллонен И. И. Вепсы Прионежья по данным топонимии // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 84—90.
- Муллонен 1994 — Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен 1996 — Муллонен И. И. Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье // Язык: История и современность. СПб., 1996. С. 109—120.
- Муллонен 1999 — Муллонен И. И. Суффиксальные модели в топонимии Присвирья // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999. С. 72—89.
- Мызников 1994 — Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
- Назаренко 1979 — Назаренко В. А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Насонов 1951 — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Никонов 1962 — Никонов В. А. Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58: Географические названия. М., 1962. С. 17—32.
- Никонов 1965 — Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.

- Никонов 1974 — Никонов В. А. Проблемы ономастических ареалов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 284—289.
- Образование... 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970.
- Озерецковский 1989 — Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.
- Орфинский etc. 1997 — Орфинский В. П., Грипина И. Е., Муллонен И. И. Юго-Западная Карелия в свете историко-архитектурных и топонимических данных: опыт междисциплинарного исследования // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. Петрозаводск, 1997. С. 5—25.
- ОЯ 1973 — Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
- Пименов 1965 — Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
- ПК — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йёнссу, 1993.
- ПКБУ — Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С. Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г. // Крестьянство севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 32—129.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Подольская 1978 — Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1979.
- Подольская 1983 — Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М., 1983.
- Полковникова 1970 — Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV—XVI вв.: Однокоренные названия с разными суффиксами // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. № 353. М., 1970. С. 469—504.
- Попов 1948 — Попов А. И. Топонимика Белозерского края // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед, наук. Вып. 2: Советское финно-угроведение. Л., 1948. С. 164—174.
- Попов 1949 — Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46—66.
- Попов 1965 — Попов А. И. Географические названия: Введение в топонимику. М.; Л., 1965.
- Попов 1981 — Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Поспелов 1970 — Поспелов Е. М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Вопросы географии. Сб. 81: Местные географические термины. М., 1970. С. 96—105.
- Реформатский 1956 — Реформатский А. А. Выступление на заседании расширенного заседания Ученого совета Института языкознания АН СССР // Доклады и сообщения Института языкознания. Т. 9. М., 1956. С. 110—117.
- Роспонт 1972 — Роспонт С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9—89.
- Рубцова 1980 — Рубцова З. В. Топонимическая финаль **-нь** на восточнославянской территории (синхронное состояние) // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 125-141.
- Рут 1984 — Рут М. Э. К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории русского Севера // Этимологические исследования: Сб. научн. тр. Свердловск, 1984. С. 31—41.
- Рябинин 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997.

- Садовников 1887 — Садовников Д. Н. Загадки русского народа. СПб., 1887.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь венского языка. Л., 1972.
- СГБС — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1997.
- Седов 1997 — Седов В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 3—15.
- Серебренников 1955 — Серебренников Б. А. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР // ВЯ. 1955. №6.
- Серебренников 1966 — Серебренников Б. А. О гидронимических формантах -нга, -юга, -уга, -юг // СФУ. 1966. № 1. С. 59—66.
- Сими́на 1980 — Сими́на Г. Я. Географические названия. Л., 1980.
- Смолицкая 1976 — Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки: Список рек и озер. М., 1976.
- СНМ 1935 — Список населенных мест Карельской АССР: (По материалам переписи 1933 г.). Петрозаводск, 1935.
- Соколова 1962 — Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. М., 1962.
- Спиридонов 1989 — Спиридонов А. М. К истории Посвирья: Опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 146—159.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1— . СПб., 1994— .
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— . М.; Л., 1965— .
- Субботина 1983 — Субботина Л. А. Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. С. 81—88.

- Субботина 1988 — Субботина Л. А. Саамские элементы в географической терминологии Белозерского края // Этимологические исследования. Свердловск, 1988. С. 18—22.
- Суханова, Муллонен 1986 — Суханова В. С, Муллонен И. И. О г' протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 38—45.
- ТКК — Топонимическая картотека Карелии и сопредельных областей.
- Толстой 1997 — Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Топоров 1988 — Топоров В. Н. Язык и культура: Об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // Балто-славянские исследования. М., 1988. С. 3—44.
- Топоров, Трубачев 1962 — Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачев 1991 — Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
- Туркин 1985 — Туркин А. И. Этногенез народа коми по данным топонимики и лексики. Таллин, 1985.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотипн. Т. 1—4. М., 1986—1987.
- Хакулинен 1955 — Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. 2. М., 1955.
- Хелимский 1986 — Прибалтийско-финские антропонимы в берестяных грамотах // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.
- Цыганкин 1993 — Цыганкин Д. В. Память земли. Саранск, 1986.
- Чайкина 1975 — Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.
- Чистов 1958 — Чистов К. В. Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера // Славянская филология. Вып. 3. М., 1958. С. 358—388.
- Шанько 1929 — Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Ahlqvist 1992 — Ahlqvist A. Наблюдения над финно-угорским субстратом в топонимии Ярославского края на материале гидронимических формантов -(V)га, -(V)нга, -(V)ньга, -(V)нда // *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus IX. Helsinki, 1992. S. 1—50.
- Ahlqvist 1998 — Ahlqvist A. Merjalaiset — suurten järvien kansaa // *Virittäjä*. 1998. № 1. S. 24—55.

- Anttonen 1994 — Anttonen V. Erä- ja metsäluonnon pyhyys // Metsä ja metsänvilja. Kalevalaseuran vuosikirja 73. Pieksämäki, 1994. S. 24—35.
- Collinder 1964 — Collinder B. Ordbok till sveriges lapska ortnamn. Uppsala, 1964.
- Collinder 1977 — Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1977.
- Europaeus 1868—1870 — Europaeus F. Tietoja suomalais-ugrilaisten kansain muinaisista olopaikoista // Suomi II. 1868—1870. № 7—8.
- Forsman 1891 — Forsman A. V. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalta. I. Helsinki, 1891.
- Genetz 1896 — Genetz A. Ensitavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi- ja useampitavuisissa sanoissa // Vähäisiä kirjelmia. Helsinki, 1896.
- Grünthal 1997 — Grünthal R. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonymit. Helsinki, 1997 (Castrenianumin toimitteita 51).
- Hausenberg 1996 — Hausenberg A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä? // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10—15.8.1995. Pars IV. Sessiones sectionum. Syntaxis et semantica. Jyväskylä, 1996. S. 180—182.
- Hakulinen 1968 — Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.
- Häkkinen 1987 — Häkkinen K. Etymologinen sanakirja. Helsinki, 1987.

- Häkkinen 1996 — Häkkinen K. Suomalaisten esihistoria kielitieteen valossa. Helsinki, 1996.
- Itkonen 1939 — Itkonen E. Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus mit besonderer Berücksichtigung des Inari- und Skoltlappischen // SUST 79. Helsinki, 1939.
- Itkonen 1955 — Itkonen E. Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft // UAJb. 1955. 27. S.32—44.
- Itkonen 1961 — Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta. Helsinki, 1961.
- Itkonen E. 1971 — Itkonen E. Zum Ursprung und Wesen der reduzierten Vokale im Mordwinischen // FUF. 1971. 39. S. 41—75.
- Itkonen T. 1971 — Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. № 2. S. 153—182.
- Itkonen 1982 — Itkonen T. Suvannosta tyveneen // Sprakhistoria och sprakkontakt i Finland och Nord-Skandinavien. Studier tillägnate Fryggve Sköld den 2 november 1982. Uppsala, 1982. S. 157—165.
- Itkonen 1983 — Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. № 2. S. 190—229, № 3. 349—386.
- Itkonen T. I. 1948 — Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Porvoo; Helsinki, 1948.
- IW — Inarilappisches Wörterbuch. I—IV. Herausgegeben von Erkki Itkonen. LSFU, XX. Helsinki, 1986—1991.
- Janhunen 1982 — Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic // FUF 44. Helsinki, 1982. S. 23—42.
- Kalima 1919 — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
- Kalima 1941 — Kalima J. Äänisen tienoon paikannimiä // Virittäjä. 1941. № 4. S. 323—329.
- Kalima 1944 — Kalima J. Einige russische Ortsnamen typen // FUF. 28. S. 99—150.
- Kepsu 1987 — Kepsu S. Talonnimien tutkimisesta // Kieli 2. Helsinki, 1987. S. 35—73.
- Kettunen 1922 — Kettunen L. Löunavepsä häälik ajalugu. I. Konsonandid. II. Vokaalid. Tartu, 1922.
- Kettunen 1940 — Kettunen L. Suomen murteet. III. A. Murrekartasto. Helsinki, 1940.
- Kettunen 1955 — Kettunen L. Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955.
- Kiparsky 1958 — Kiparsky V. Ims. **h** äänteen vastineet venäjässä // Virittäjä. 1958. № 2. S. 165—174.

- Kiviniemi 1975 — Kiviniemi E. Paikannimien rakennetyypeistä // Suomi 118:2. Forssa, 1975.
- Kiviniemi 1977 — Kiviniemi E. Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. SKST 337. Helsinki, 1977.
- Kiviniemi 1978 — Kiviniemi E. Paikannimistö asutushistoriallisen tutkimuksen lähdeaineistona // Faravid. 1978. № 2. S. 21—28.
- Kiviniemi 1980a — Kiviniemi E. Paikannimistön maailmankuva ja todellisuus // Virittäjä. 1980. № 1. S. 1—5.
- Kiviniemi 1980b — Kiviniemi E. Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. № 4. S. 319—338.
- Kiviniemi 1982 — Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta. Espoo, 1982.
- Kiviniemi 1984 — Kiviniemi E. Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Tvärminnen symposiumi 17 — 19.1.1980. Helsinki, 1984. S. 327—347.
- Kiviniemi 1990 — Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistöstä. SKST 516. Helsinki, 1990.
- Kiviniemi etc. 1977 — Der Namenbestand an der finnisch-schwedischen Sprachgrenze // Onoma, vol. XXI, 1—2.
- KKLS — Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. LSFU XV. 1958.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1—5. LSFU XVI. Helsinki, 1968—1997.
- Koivulehto 1984 — Koivulehto J. Itämerensuomalais-germaaniset kosketukset // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Tvärminnen symposiumi 17 — 19.1.1980. Helsinki, 1984. S. 191—206.
- Koivulehto 1988 — Koivulehto J. Lapin ja itämerensuomen suhteesta: ieur. -Tr-yhtymän korvautuminen lainoissa // Virittäjä. 1988. № 1. S. 26—47.
- Koponen 1996 — Koponen E. Lappische Lehnwörter im Finnischen und Karelschen // Lapponica et Uralica. 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläum symposium 20—23 April 1994. Uppsala, 1996. S. 83—98.

- Korhonen 1981 — Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Korhonen 1979 — Korhonen O. Lappische Lehnwörter im ältesten Einödsgebiet Finnlands // FUF XLIII. S. 175—204.
- Kujola — Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut ja julkaissut Juho Kujola. Helsinki, 1944.
- Lehikoinen 1988 — Lehikoinen L. Kirvun talonnimet. Karjalaisen talonnimisysteemin kuvaus. SKST 493. Hämeenlinna, 1988.
- Lehtiranta 1989 — Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. SUST 200. Helsinki, 1989.
- Lehtisalo 1936 — Lehtisalo T. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. SUST LXXII. Helsinki, 1936.
- Lönnrot 1902 — Lönnrot E. Elias Lönnrotin matkat. 2 osa. Vuosina 1841—1844. Helsinki, 1902.
- Mikkola 1938 — Mikkola J. J. Die älteren Berührungen zwischen ostseefinnischen und russischen. Helsinki, 1938.
- Mägiste 1929 — Mägiste J. Eesti päraseid isikunimesid. Tartu, 1929.
- Nielsen — Nielsen K. Lapp Dictionary. Vol. 1—5. Oslo, 1979.
- Nilsson 1996 — Nilsson T. K. Ostseefinnisch **pühä* 'heilig' -ein Erbwort: widen eine germanische Lehnwörtetymologie // Linguistica Uralica. 1996. № 2. S. 85—91.
- Nirvi 1973 — Nirvi R. E. Fi. Santa /la, -lo // FUF XL. 1973. S. 117—134.
- Nissilä 1947 — Nissilä V. Kuujärven paikannimistöä // Virittäjä. 1947. № 1. S. 13—19.
- Nissilä 1962 — Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. SKST 272. Helsinki, 1962.
- Nissilä 1964 — Nissilä V. Pihtiputaan vanhaa nimistöä // Pihtiputaan kirja. Pieksamäki, 1964. S. 78—79.
- Nissilä 1967 — Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. SUST 144. Helsinki, 1967.
- Nissilä 1968 — Nissilä V. Asutushistoriallinen nimistön-tutkimus // Paikallishistoria tänään. Porvoo, 1968.
- Nissilä 1975 — Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Nuutinen 1989 — Nuutinen O. *Järvi* — balttilainen laina // Virittäjä. 1989. № 4. S. 497—503
- Ojansuu 1920 — Ojansuu H. Suomalaista paikannimitutkimusta. Helsinki, 1920.
- Paasonen — Paasonen H. Ost-tscheremissisches Wörterbuch. LSFU XI. Helsinki, 1948
- Pitkänen 1985 — Turunmaan saariston suomalainen lainanimistö.

- SKST 418.Rauma, 1985.
- Plöger 1982 — Plöger A. Über die Entstehung des finnischen Stammtyps CVC(C)a/ä // FUF 44. 1982. S. 66—98.
- Pöllä 1992 — Pöllä M. Laatokan länsirannikon asujaimiston etnisen koostumuksen muutokset rautakaudella ja Karjalan synty // Suomen varhaishistoria. Toim. Kyösti Julku. Rovaniemi, 1992. S. 416—447 (Studia historica septentrionalia 21).
- Ravila 1933 — Ravila P. Satakunta // Virittäjä. 1933. № 3. S. 221—222.
- Ravila 1953 — Ravila P. Sanaluokat, erityisesti uralilaisia kieliä silmällä pitäen // Virittäjä. 1953. № 1. S. 41—49.
- Räisänen 1995 — Räisänen A. Kainuun saamelaisperäisiä paikannimiä // Virittäjä. 1995. № 4. S. 532—544.
- Sammallahti 1977 — Sammallahhti P. Bridging the gap between two inchoative suffixes: -škande- and Lapp -škoatte- // FUF XLII. 1977. S. 192—194.
- Sammallahti 1979 — Sammallahhti P. Über die Laut- und Morphemstruktur der uralischen Grundsprache // FUF XLIII. Heft 1—3. 1979. S. 22—66.
- Sammallahti 1984 — Sammallahhti P. Saamelaisten esihistoriallinen tausta kielitieteen valossa // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Helsinki, 1984. S. 137—156.
- Sammallahti 1993 — Sammallahhti P. Suomalaisten ja saamelaisten juuret // Kieliposti. 1993. № 1. S. 10—12.
- Sammallahti 1999 — Sammallahhti P. Saamen kielen ja saamelaisten alkuperästä // Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Toimittanut Paul Fogelberg. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 153. Helsinki, 1999. S. 70—90.
- Simm 1973 — Simm Jaak. Isikunimedest tulened Vonnun asulanimesid // ESA. 1973. Lk. 19—20, 179—203.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955—1981.
- SMA — Suomen murrearkisto.
- SN — Uusi suomalainen nimikirja. Keuruu, 1988.
- SNA — Suomen nimiarkisto.

- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1—3. SKST 556. Helsinki, 1992—2000.
- Stoebke 1964 — Stoebke D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg, 1964.
- Suvanto 1972 — Suvanto S. Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972.
- Šrámek 1973 — Šrámek R. Zur Begriff «Model» und «System» in der Toponomastik // *Onoma*. 1973. Vol. XVIII.
- Toivonen 1946 — Toivonen J. H. Syrjäänien suhteista länteen // *Virittäjä*. 1946. S. 393—340.
- Tunkelo 1933 — Tunkelo E. A. Eräs kuollut denominaalijohdin. II // *Virittäjä*. 1933. S. 9—27.
- Tunkelo 1946 — Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.
- Tunkelo 1953 — Tunkelo E. A. Über die Ortsnamen Nordrusslands auf -as // *FUF*. 1953. S. 92—103.
- Turunen 1946 — Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria I. Konsonanatit. SUST 89. Helsinki, 1946.
- Turunen 1950 — Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. SUST 99. Helsinki, 1950.
- Turunen 1973 — Turunen A. Raja-Karjalan murteet ja vepsän kieli // *Kalevalaseuran Vuosikirja* 53. 1973. S. 83—94.
- Turunen 1977 — Turunen A. Lyydiläiset murresaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella // *Neuvostoliittoinstituutin Vuosikirja* № 25. Kielen ja kulttuurin kentältä. Helsinki, 1977. S. 173-186.
- Udolph 1979 — Udolph J. Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slaven // *Beiträge zur Namenforschung*. 1979, №1.
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988.
- Uotila 1935 — Uotila T. E. Veps. tšumbuuine // *Virittäjä*. 1935. № 2. S. 104.
- Vahros 1962 — Vahros I. Suomen *maina(s)* ja *pehuli* // *Virittäjä*. 1962. № 2. S. 135—141.
- Vahros 1962 — Vahros I. Ven *pihta*-sanan alkuperä // *Virittäjä*. 1962. № 2. S. 164—165.
- Vahtola 1980 — Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. *Studia Septentrionalia* 3. Kuusamo, 1980.
- Vahtola 1982 — Vahtola J. Onomastinen metodi Suomen varhais-

- torian tutkimuksessa // Turun historiallinen arkisto 41. Tammi-
saari, 1982. S. 82—119.
- Valonen 1980 — Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia koske-
tuksia // Ethnologia Fennica 10. 1980. S. 21—98.
- Vasmer 1934 — Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde
osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den
heutigen slavischen Ländern // SPAV. 1934. Phil.-hist. Klasse.
- Vasmer 1941 — Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse
Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische
Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Hf 5
Berlin, 1941.
- Viitso 1996 — Viitso T.-R. Ostseefinnisch und Lappisch // Laponica et Uralica. 100
Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am
Jubiläumssymposium 20—23 April 1994. Herausgegeben von Lars-Gunnar
Larsson. Uppsala, 1996. S. 113—121.
- Vilkuna 1971 — Vilkuna K. Mikä oli lapinkylä ja sen funktio? // Kalevalaseuran
vuosikirja 51. 1971. S. 201—238.
- Wiik 1993 — Wiik K. Suomen syntyvaiheita // Kieliposti. 1993. № 1. S. 4—9.
- Äimä 1908 — Äimä F. Lappalaisia lainasanoja suomen murteissa // SUSÄ. 25.1908. S.
1—64.

Список СОКРАЩЕНИЙ

Конд. — Кондопожский район Республики Карелия
Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
Олон. — Олонецкий район Республики Карелия
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Прион. — Прионежский район Республики Карелия
Пряж. — Пряжинский район Республики Карелия
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области

бас. — бассейн
бол. — болото
гр. — гора
д. — деревня
зал. — залив
о. — остров
оз. — озеро
пк. — покос
пл. — поле
плн. — поляна
пор. — порог
р. — река
род. — родник
руч. — ручей
ур. — урочище
хут. — хутор

вепс. — вепсский
вод. — водский
диал. — диалектный
доприб.-фин. — доприбалтийско-финский
др.-рус. — древнерусский
кар. — карельский
коми-зыр. — коми-зырянский
лив. — ливский
ливв. — ливвиковский

люд. — людиковский
манс. — мансийский
мар. — марийский
морд. — мордовский
праприб.-фин. — праприбалтийско-финский
праприб.-фин.-саам. — праприбалтийско-финско-саамский
прасаам. — прасаамский
приб.-фин. — прибалтийско-финский
рус. — русский
саам. — саамский
собств.-кар. — собственно-карельский
фин. — финский
ф.-у. — финно-угорский
эст. — эстонский

Agd'ampurde 162
Ahnjärv 143
Ahnuz(jogi) 220
Ahnuzd'ogi 143
Ahnuzjärv 228
Ahvenjärv 143
Alajärv 187
Alo 49
Ańd'žug 226, 227
Andärv 217, 246
Ańjärv 273, 276
Ańoja 271
Antikjärv 230
Antikoja 230
Anus 50
Augužjärv 228
Aunus 50, 51
Auva 49
Auvi 49
Auvo 49
Avi 49
Avo 49
Azgužjärv 228, 229
Azomjärv 230
Azomoja 230
B'uum 271
Bojou 101
Bolumpurde 162
Burde 162
Burrinoja 162
Čikar 98
Čimil 89
Čogahoum 55
Čoimjärv 230, 231
Čol'mjärv 230, 231, 329
Čoramoja 223

Čuhak 162, 172, 299
Čuhakkomägi 162
Čuhakmägi 162
Čuhakod 68, 162
Čuhl(u)kond 55
Čuhlak 299
Čuhlakmägi 299
Čuhlik 299, 301
Čuhlikso 299
Čuhloja 299
Čuhuk 162
Čumbaskar 296
Čurmägi 110
Čuukniemi 162, 329
Čuulnem 299, 301
Čuurulammen 123
Čoborg(nitud) 117
D'agroja 244, 245
D'aurumani 245
Demoipöud 117
Deremišt 13, 195, 316
Eimjogi 282
Eimjärv 57
El'middärvi 239
El'myz, El'myz(därv) 239, 240
Elimojärvi 241
Elimonjärv 241
Elimysjärv 239, 240
Elmilambi 239
Elmisjärv 239
Elmüsjärv 239, 240
Elämäinen 240
Elämäjärv 240
Elämänjärv 240
Emarv 57
Enarv 56, 274, 275, 281

Enarv 57, 327
End'ärv 275
Enin(g)järvi 278
Eningi 198
Eningid'ogi 278
Eningilambi 278
Enjärv 275
Enoja 56
Enojogi 274
Enäjärv 274
Erijärvi 204
Erojärvi 204
Eräjärv 202
Eräjärvi 204
Eränd 57, 202
Eränd'järv 202
Eränž 57, 202
Eränžjärv 202
Fedoroušin 103
Fenk 84, 328
Filatoušin 195
Grišamägi 84
Grišinad 71
Habardus 220
Habarduz 40, 51, 218
Habeg 273
Habjogi 273
Habjärv 152
Habnem 40
Habselg 23, 40
Habuk 40
Habukad 71
Hamaral 49
Haragal 97
Haragl 37, 314
Harjak 299

Haudjärv 50
Haugjärv 140, 142
Heboja 54
Heinjärv 142
Heinoja 142
Heinso 142
Heittoilu 89
Hierusel'gy 52
Hiimd'ogi 106
Hil'houm 52
Himačal 46, 87, 97
Himd'ogi 125
Hirkoske 124
Hirvassuar 171
Hirvatsuar 171
Hirvso 107
Hižkuare 164
Hodarinkuare 164
Honghoum 52
Hot'amägi 141
Hozeg 52, 226
Hubadärv 160
Humbarso 107
Hübjoil 55, 314
Hütak 299
Hämehkad 56
Ihačal 314
Ihal 40, 52, 54, 95
Ilinžar 199
Ilinžar 199
Ilinžar 201, 202
Il'l'al 98
Ilma 234
Ilmajärvi 235
Ilmajärvi 234, 235, 237
Ilmakkijärvi 235

Ilmas 171, 232, 234, 238, 283
Ilmasoja 232
Ilmasti 234
Ilmeejoki 171, 234
Ilmesjoki 171
Ilmetjoki 171, 234, 237
Ilmetty 234
Ilmojoki 234
Ilmola 234
Ilmär 235
Ilmee 171, 237
Ilähjärv 58
Immal 88
Indel 265
Inero 280
Isakkal 98
Jagroja 283
Jakajärvi 264
Janatsuar 277
Jauruma 245, 303
Jaurumani 245
Jenjogi 56
Juhnõ 101
Jukonniemi 264
Jurgil 88, 89
Jušimägi 111, 141
Juucenjärv 111
Jänisjoki 277
Jänisjärvi 277
Jänišso 14
Järv 19
Kač 246
Kača 246
Kačjärv 246, 247
Kaibal 97
Kaibala 94

Kaidjärv 105, 141, 152
Kaišt 195
Kaivoja 40
Kajatkosk 125
Kakoil 193
Kalag' 226
Kalaja 317
Kaleig 226
Kanghad 71
Karhil 46, 86, 89, 193, 194, 314
Karniždärvi 120
Kaskel 265
Kaškuon 156
Keitele 266
Kel'mso 107
Kelližm 70, 125
Kelližmjogi 70
Keroilu 89
Kiestinki 198
Kilmoja 58
Kimoja 97, 119, 133
Kindišť 13, 195
Kinul 168, 169
Kiškin 101
Kivijärv 117
Kivižimkuar 223
Kivoja 35, 42, 97, 105, 119, 126, 128, 135
Kohtrand 40
Koirankaglankuar 164
Koivoja 39, 135
Koivžom 24, 39, 98
Kokoil 82, 314
Kondroilu 98
Kondumägi 110
Konoimägi 84, 111, 328

Kopžomoja 223
Kortehniem 113
Korvárʹ 253
Kosk 19
Koukkujärvi 25
Koverič 119
Kozjak 299
Kuađ'd'ikuar 167
Kuađ'jad 167
Kuaranabai 164
Kuaranguba 165
Kuaranmägi 164
Kuaře 164, 326
Kuaroilu 89
Kuarsel'g 164
Kudojärvi 225
Kudomgögi 203
Kudomjogi 225
Kudomjärv 225
Kuhatsildu 170
Kuhkesjavr 250
Kuivitsuo 170
Kukei 82
Kukiharj 140
Kukiharj 166
Kukoi 82
Kukoiharj 166
Kukoiharja 167
Kukoimägi 82
Kukoinharj 140
Kukoinharj 21, 25, 166
Kukuenhard'a 167
Kukuohard'unselge 167
Kukuohuar 167
Kukuoinhard' 167, 172
Kunil 88

Kuolingi 198
Kurgila 94
Kurikanmägi 88
Kurikmägi 88
Kuržso 106
Kušl' 293
Kuššal' 222, 227
Kuššal'd'ogi 293
Kuššel' 293
Kuujärvi 156
Kuzr 70
Kuzrjogi 70
Kylmingi 198
Külmoja 58
Kyröjoki 234
Lačak 299
Ladvjärv 19, 152, 166
Lagedso 142
Lahnapoža 253
Lahožomso 223
Lapilahtenkuar 164
Lapinsuared 161
Lapinsuo 161
Lar'amägi 111
Laškagj 84, 328
Ledoja 326
Lehmas 52
Lehmhoum(pöud) 117
Lehmoja 40, 54
Lepoja 97, 98, 126
Lepselg 63
Lid'žmampurde 162
Liedoja 326
Limsamo 194
Lindso 107
Ilmanniemi 235

Lodm 160
Lodmunniitty 160
Loimaa 317
Lopak 40
Lotoikuaranguba 165
Lutimägi 84
Madra(n)jogi 326
Makō 101
Manderenkua 160
Markelammen 123
Mat't'ar 212
Matkjärv 117, 166, 212
Matkoja 97, 126, 135, 326
Mecuonem 156
Miinoa 317
Mikoimägi 141
Mironoušin 103
Mudakorb(nit) 117
Mudakuar 164
Mudakuaranguba 165
Mundus(d'ogi) 218, 220
Mustal 314
Mustdärvi 142
Mustjärv 19, 142
Mustkuar 165
Mühj 317
Mägi purded 162
Mägrätjogi 170
Mäl'l'ak 299
Märgač 192
Märgjärv 192
Möhj 69
Nažam 48, 223
Nažamjogi 48
Nažamjärv 48
Nazaroušin 103

Nem 41
Nem'peld 63
Nemel' 41
Nemž 69
Nirgl 86, 314
Noidal 194
Norgin 330
Norj 317
Norj 84, 330
Nuolitsuo 170
Närehsaar 170
Näretsaar 170
Ofonoušin 103
Oiktankosk 124
Onkul 89
Ozroil 13, 194, 314
Pad'žar 288
Padakuar 164
Pad'žoja 288
Pahač 119, 192
Pahačala 93
Pahajärv 52, 192
Pahala 93
Pahař 52
Pahila 93
Painante 216
Painantejoki 216
Paksjogi 31, 48
Pal'l'arv 257
Pal'l'arvi 258
Pal'mik 119
Paland 217
Paland'(jogi) 217
Palanz'(jogi) 217
Palarvut 257
Pal'järv 253, 257

Paloja 74
Palosel'g 257
Paranzař 199
Parzitsuo 170
Paržsom 41
Paša 31
Pašajogi 31
Pāšin 101
Paškoušin 103
Paudarv 187
Pavarv 257
Pazeine 288
Pečjārv 255
Pecoil 46
Pehkoja 64
Pehkso 64
Pehkusuo 64
Pehoušin 103, 195
Pelajārv 254
Pelojārv 254
Pera 41
Perdamjārv 119
Perdomjārv 224, 283
Peřj 317, 330
Perzedārv 284
Perākar 112
Perālaht 112
Pet'dārv 285
Petl'us(oja) 218, 220
Petrōušin 103
Petusjārv 285
Pežal' 222
Pičjārv 272, 276
Pielijārv 256
Pielinen 256, 327
Pielisjārv 256

Pielusjaārvi 256
Pihar 145
Pihjārv 153
Pihkjārv 153
Piminoušin 103
Pirhumāgi 84
Pirkl'a 168, 169
Pit'kjārv 105, 112, 250
Pit't'arv 284
Pitkjārv 140, 141
Pit't'arv 246
Pohj 52
Polvijārv 25
Pondal 222
Pordim(so) 217, 224
P'otk 69
Pougužjārv 250, 252
Poža 252
Požanagd'e 252
Prangatišt 195, 316
Pudrol 97
Pühādārvi 145, 151
Pühād'ogi 145, 147, 151
Pühājārv 122, 147, 148, 153, 154
Pühājārv 145, 154, 166
Pühājoki 154
Purde 162
Purdesel'g 162
Puurde 162
Pühālaht 145
Pühāmāgi 155
Pühāniemi 155
Pühāoja 155
Pühār 145, 153
Pühāselgü 155
Pühāsuari 155

Püörde 326
Päčjärv 255
Päijänne 216
Päl'järv 253
Päl'l'arv 253, 283
Päl'l'ärvi 258
Päljärv 327
Pällärvi 255
Pälärvi 255
Pääjärvi 166
Pölč 81
Pölčüine 81
Pöl'čut 119
Pötk 59, 125
Pötkjogi 125
Radapalte 161
Radimägi 112
Rahkoil 13, 86
Rand 40
Randsara 48
Raudkosk 124
Raudmägi 110
Rebeh 60
Reboikošk 329
Reboil 84, 86, 97
Redoja 119
Redujärv 141
Redukosk 123
Rehkärv 66
Réämal 265
Rihhaum 52
Ristanmägi 167
Rogojärv 19
Roks 326
Roksnem 113
Rozmeoja 326

Rugižoja 141
Rugižso 107
Rugoilu 89
Ruoppamo 194
Ruozmeoja 326
Rüumoikuare 164
Rämorg 60, 65
Sadoveh 48
Sagil 49, 86, 168, 169
Salgärv 48
Salinž(gögi) 203
Salinžar 199, 203
Salm 41
Salmjärv 122
Sar 207
Sar(a)järv 122
Sara 48, 207, 326, 330
Saringär 203
Sarjärv 19, 203
Sark 330
Saroja 48
Savič 84, 328
Savihoud 24, 67, 68
Savikuaranguba 165
Savimägi 41, 68, 110
Selišš 101
Sernatkosk 125
Sild 24
Simpele 265
Sirj 58
Sitarv 268
Sitsel 265
Sittajärv 268
Slabad 101
Soaripoža 253
Soaripožankoški 253

Sokkal 265
Sol'järv 258
Sol'l'arv 258, 283
Sondal 69, 70, 125, 222, 260, 283
Sondaljogi 70, 125, 260, 329
Sondaljärv 260
Sondaloja 260, 264
Sonkaja 317
Sormušpoža 253
Soudarvi 264
Suarilammen 123
Suaroja 326
Sudal 89
Sukkarvi 264
Sulajärvi 260
Suloijärvi 260
Sulojärvi 260
Sundärvi 262
Sunu 262
Sūnu 262
Suondjärvi 262
Suonenjoki 266
Suonjärvi 262, 264
Suonnejoki 262, 266
Suontee 266
Surjogi 57
Suřtanaz 101
Südäinso 58
Sürd'ak 299
Sürj 58
Särgjärv 35, 59
Särke 160
Särkijärvi 235
Särkär 235
Šalgogi 48
Šuontale 263, 264

Šid'järv 268, 269
Šmotkinoušin 103
Šond'al 86
Šuondale 260, 262
Šuonnarvi 260, 263
Šaškoušin 103
T'anus 218
T'anuksenjogi 220
Talvijärvi 231
Taral 88
Tarasjoki 270
Tarasjärvi 270
Tarasmo 270
Tarazmaini 270
Teppoilu 98
Teroilu 98
Teroušin 31, 103, 330
Tihoništ 13, 195
Timoilu 89
Timukoušin 31, 103, 195, 330
Toivjärv 231
Toižeg 273
Toižegi 226
Toižjogi 273
Tojärv 231
Torazjärv 269
Totorou 101
Totteilu 89
Toušla 168
Tukš 125
Tuoškal 168, 169
Tuulijärvi 235
Tyrvāja 317
Tānus 125, 284
Törsämö 194
Uhtomjärv 212

Usadišš 101
Uslank 31
Uslankund'ogi 31
Vad'žar 287
Vad'žaso 287
Vad'žikasjärvi 288
Vad'žug 287
Vahtajärvi 288
Vaivas 49
Valittu 49
Vallittu 49
Valoilu 89
Varaižmägi 110
Varma 49
Vašak 299
Vašankuad'jad 167
Vasilišt 13, 195
Vatsajarvi 288
Vatsakkasuo 288
Vazaso 287
Vedosija 210
Vehkoja 126
Vendso 107
Venehte 210
Viiso 107
Vijak 299
Vild'us 220
Vil'd'us 218
Vingl 13, 46, 47, 84, 86, 193, 314
Vitele 266
Voijärvi 2326
Voimägi 14
Voinikišt 316
Vougedjärv 142
Vuaže 287
Vuažesuo 287

Vuažlambi 287
Vuažñand'ogi 287, 326
Vähač 192
Vähajärv 192
Vähärv 271, 276
Vähärvut 271
Värjärv 19
Vääräjärvi 25
Ylimäinen 237
Ülinžär 201
Ülähjärv 58
Yläjärv 166, 187
Üländ(jogi) 58, 74, 201, 238
Üländjärv 202
Zaharín 101
Äimäjogi, Äim(ä)jogi 70, 282
Äimäjärv 59
Äändärv 271
Änd'ärv 281
Änine 236, 278, 280, 283, 306
Äñjärv 271
Ääninen 236, 278
Äänisjärvi 278

Ава 49
Авдозеро 51, 67
Аверковщина 102
Ави 49
Агвое 143
Агвозеро 143
Агнозеро 143
Адамовщина 102
Азгозеро 228
Айтрека 230
Аласельга 137

Алексала 90
Алеховщина 41, 42, 54, 72, 83,
102, 119, 309, 310
Альковская 103
Альковщина 103
Алюй 49
Аида 227
Андикас 220
Андоба 227, 272
Андога 212, 227
Андозеро 212
Андома 104, 196, 227, 272
Андомящина 230
Андопал 183
Анжега 227
Анкосельга 137
Антинская 230
Антиплесо 122
Аньяплесо 122
Ардозеро 55
Армозеро 120
Афанасьева Сельга 164
Аштина 56, 76, 79
Аштинка 79, 194
Аштозеро 120
Ащина 126
Бабармище 98
Баклановщина 102
Баранский ручей 125
Барыня 80
Батьковщина 102
Бачаг 287
Белое озеро 93, 142, 153, 210,
212, 214, 247, 313, 323
Белозеро 142
Беляевщина 102

Бердуновщина 104
Березняки 68, 140
Березовец 73
Березовица 72
Бовсельга 67
Боеро 234
Большое 227, 274
Большой Двор 101
Большой Яниш 277
Борисовщина 102
Боровина 77
Борок 78
Боры 71
Бостилово 94
Бояро 120
Бубень 80
Булатовский 103
Булатовщина 103
Бульнема 113
Буржума 116
Быковец 51, 139
Быковщина 102
Быксозеро 291
Ваблок 248, 283
Вага 197, 300
Вагажская речка 298
Вагозеро 61
Вагуй 61
Вадбал 183
Ваджега 287
Вадожка 79, 194
Вадосельга 137
Вадруса 62, 219
Важа 287
Важевское болото 287
Важелнаволок 95

Важина 64, 76, 79, 122, 123, 124,
140, 151, 308
Важинка 8, 79, 117, 126, 132,
156, 157, 160, 161, 162, 164, 167,
168, 169, 172, 173, 201, 230, 248,
249, 269, 287, 294, 318, 320, 323,
324
Важинское болото 287
Важозеро 287
Вазое 287
Вазум 230
Ваивас 49
Вайтрека 230
Валанга 216
Валанзя
Валданицы 36, 87, 314
Валдас 119
Валдасское 119
Валдома 224
Валит 49
Валовичи 89
Валово 81
Валойла 89
Вальгома 224
Вама 196
Вандомщина 230
Ванжела 44
Вантик 230
Вантина 230
Ванькепелда 138
Варбиничи 115
Варежгора 110, 111
Варепилда 116
Варма 49
Васькименя 114
Ватамановская 230

Вахтерозеро 54
Вахтесельга 137
Вачаг 287
Вачукиницы 72, 85
Вашкус 230
Вашкуса 125, 219
Вашкусозеро 230
Вашкусрека 125
Вашкуш 230
Вашкушозеро 230
Ведлозеро 285
Везия 70
Везостров 62
Великая Губа 91, 275, 306
Великий Двор 51, 101
Великий мох 107
Великий Наволок 113
Великое 277
Велма 270, 271
Велнаволок 113
Вендболото 107
Вендручей 44
Венега 52
Веницы 46, 47
Венорга 138
Веньгин 216
Веньзин 216
Веранда 132, 199, 201, 204, 205,
306
Вераньсельга 137
Верговичи 91
Веренжа 199, 205
Вересково 83
Верхнее 293
Верхняя Курба 127
Верхняя Сондала 260

Верховина 77
Верховинка 78
Вехкое 70, 108
Вехкозеро 16, 54
Вехкой 54, 126
Вехкойский мох 108
Вехкорга 138
Вехкорьга 138
Вехкручей 16, 126
Вехпожня 116
Вехтозеро 54
Вехтой 64
Вехтуй 54, 128
Веченицы 85
Видлица 168, 266, 285, 317
Вийболото 107
Вийгора 109
Вийногора 110
Виксеньга 291
Виксинда 199, 201, 291
Викша 290, 291
Викшеньга 217, 251, 290
Викшенья 217
Викшозеро 291
Вилдас 220
Вилега 227
Вилижка 79
Виллюкса 218, 219
Виллюкса 218
Винегручей 62
Винницы 46, 47, 50, 52, 53, 58,
69, 84, 85, 86, 116, 132, 133, 310
Виногручей 52, 62
Витуец 74
Витуй 74
Вихмязь 62

Вихтое 64
Вихтозеро 54
Водиновщина 56
Водла 145, 177, 214, 255, 277
Водлозеро 199, 205, 208, 209,
225, 316
Водокорба 138
Военсушка 56
Вожже 208, 210
Вожозеро 290
Вознаволок 113
Возрица 75, 91
Возрицы 91
Волनावолок 113
Воложма 258
Волок 133
Волома 253, 260, 263, 270
Волостной Наволок 113
Волоцкое 210
Волхов 76, 312, 316, 323
Воляковское 56
Вонозеро 56, 61, 68, 185, 246,
252, 274, 275, 281, 306, 327
Вонручей 56
Воренжа 199, 205
Вореса 56
Вороньпорог 123
Вострый Наволок 56
Вуожозеро 290
Вуокса 237
Вуочаж 290
Вывачполянka 116
Выгозеро 91, 277
Выкса 291
Выксица 291
Вытегра 104

Витмуса 62, 219
Выяксово 81
Вьюница 47, 50, 85
Вязостров 62, 122
Вяльгино 81
Вянегуба 277
Вяргость 72, 311
Габардукса 218, 219
Габардуса 40, 51, 218, 219
Габкара 51
Габнема 40, 51, 113
Габозеро 152
Габорга 51, 138
Габручей 51
Габсельга 40, 51, 54, 137
Габуки 71
Гавдболото 107
Гавдозеро 50, 51, 67
Гавдручей 51
Гавкаорга 67
Гаводболото 51
Гавройгора 109
Гавручей 51
Гагадрица 194
Гагболото 52, 107
Гайгово 81, 83
Гайгосарь 122
Галдозеро 50, 51, 67
Галенда 199
Галендручей 199
Галичье 118
Галкиницы 67
Галкорга 67
Галмерга 138
Гамплесо 122
Гандеж 65

Гандие 65
Ганьболото 107
Гапкара 138
Гапский мох 108
Гараксельга 52, 137
Гардозеро 55
Гарнаволок 113
Гебаники 98
Гебоним 113
Гегевичи 65
Гедевичи 65
Гейнино 83
Гейтойла 89
Генуя 56, 61, 274
Геремпеуда 116
Герпиничи 85
Геруя 70
Гибое 54
Гильгоума 52
Гимболото 107
Гимрека 106, 125
Гирболото 107, 140
Гирусельга 52
Гладкий мох 107
Гладкое болото 142
Гложовня 80
Гнилица 72
Гнильня 80
Гоголица 75
Гозега 52, 226
Голошева 103
Голошевщина 103
Гомала 90
Гоморовичи 49, 67
Гонгенец 51
Гонгозеро 120

Гонгоума 52
Горбатица 72
Горбунь 80, 81
Гордеевщина 102
Горка 78
Гормяги 53
Гостилов наволоок 95
Гостьнаволоок 95
Грибановщина 102
Григино 78
Гришевщина 102
Гришино 84
Гришины 71
Гришобод 116
Громовщина 102
Грязник 79
Грязное озеро 141
Грязнозеро 141
Грязный ручей 139
Гуляйсельга 137
Гумбара 52
Гумбарболото 107
Гумбарнем 52
Гумбарнема 114
Гумбарня 80
Гунгус 54, 219
Гунема 113
Гурвойка 194
Гуреничи 85
Гуселицы 72
Данема 116
Данилиха 72
Дарьевщина 102
Деготница 75
Демово поле 117
Демополе 116

Дербина 77
Дешалово 94
Диковщина 102
Добинжа 199
Долгая Лядина 77
Долгое озеро 18, 105, 112, 141,
210, 250
Долгозеро 42, 105, 111, 140, 141,
246, 250
Домашнее 249
Другая река 226
Ебоконда 55
Еборга 55
Евчозеро 67
Егинжа 199, 205
Еграцкий Мох 244
Ейна 55, 74
Ейнерга 55, 138
Ейница 74
Ейновица 74
Еловица 72
Елчина 76
Елчинручей 67, 139
Елчозеро 67
Емозеро 57
Емсельга 55, 137
Еигилуда 112
Ендручей 274
Енерга 55, 138
Енлуда 112
Еноручей 57
Енрека 277
Енуя 271
Енькара 138
Ереконда 55
Еремжа 57, 204

Еренжа 204
Ершиничи 85
Ехтозеро 57
Жабое 118
Железные Ворота 21
Жуковщина 102
Заблудня 80
Задница 72
Залющик 310, 311
Заозерье 51, 52, 54, 65, 112, 156,
249
Зотовщина 102
Зубец 51
Ивановщина 102
Ивачполянка 116
Ивина 55, 76, 112, 122, 123, 139,
160, 161, 173, 219, 220, 293
Ивинка 117, 156, 160, 164, 173,
194
Игинжа 199, 205
Иговичи 52
Игово 82
Игокиничы 54, 83, 314
Изное 118
Изостров 122
Илекса 214, 232, 238, 280, 283,
294
Илексозеро 232
Илеса 232
Илинжа 199
Илмерь 234
Илмозеро 235
Илмърь 234, 235
Илозеро 58
Иломантси 241
Иломанча 174

Ильма 197
Ильмаз 232
Ильмаза 234
Ильмакса 232, 234
Ильмас 232
Ильмеза 171
Ильмень 106, 234, 235, 237
Ильмерь 96, 120, 134
Ильмож 234
Иманицы 89
Иммалицы 88, 89
Имозеро 120
Имолowo 96, 119
Имоловское 119
Имоченицы 36, 41, 42, 46, 53, 63,
72, 81, 83, 87, 97, 309, 310
Инарка 280
Инелей 280
Инерка 280
Инеры 280
Иниляй 280
Инобожка 280
Инокша 280
Инорка 280
Инорское 280
Инотынка 280
Инсар 280
Инсара 280
Ирбоюшка 55, 68
Ирвина 76
Ирвинка 55
Ирвoзeрo 68
Иргозеро 55, 68
Исаково 81
Исаковщина 102
Ихала 40, 54

Кадайболото 107
Кадье 118
Казалма 119, 248
Кайбиницы 91, 93
Кайбое 40
Кайбола 96, 97
Кайгас 39, 220
Кайдболото 107
Кайдозеро 105, 135, 141, 152
Кайдорга 138
Кайдушки 79
Кайно 248
Кайнос 248
Кайносо 248
Кайностров 248
Каковка 194
Калатома 223
Калачева 103
Калачевщина 103
Калегбор 108
Калзома 66
Каменник 79
Камешница 75
Кангушка 79
Кандальский порог 124
Канданья
Канжела 96
Канжозеро 120
Канзанаволок 208
Канома 197, 223, 273
Каномка 79
Капша 56, 85, 96, 97, 100, 111,
117, 121, 127, 130, 138, 177, 249,
252, 268, 285, 286, 290, 291, 299,
314
Кара 39, 164

Караницы 89
Каргиничи 46, 86, 89
Карданга 201
Карданда 201
Карелка 194
Карнаволо 113
Карниж 120
Каройла 89
Карское озеро 164
Карьянов ручей 103
Карьяновщина 103
Каскеснаволо 164
Катеснаволо 113
Катица 75
Каузама 66
Кача 247, 283
Качезеро 247
Качино 247
Качозеро 247
Кашканы 156, 162, 167
Каятпорог 125
Кебяльгора 109
Кележма 70
Келижма 258
Кельмболото 107
Кемозеро 276
Кересельга 137
Керзино 60, 81, 82
Керзоевская 82
Керойла 89
Кестеньга 198
Кеука 173
Кехттеницы 91
Кивач 285
Кивитина 77
Кивнаволо 100

Кивое 42, 70 97, 119
Кивозеро 68, 117
Кивой 39, 42, 70
Кивостров 100
Кивоя 42, 70, 126, 128, 183
Кивручей 35, 42, 97, 100, 105,
126
Кивуй 42
Кижев остров 83
Кижский 83
Кижье 118
Кийостров 68, 122
Кильмое 58
Кимболото 107
Кимбор 108
Кимое 119
Кимозеро 120
Кимоя 97
Кимручей 97, 133
Кинницы 169
Киозеро 68
Кирвезень 81
Киrolечи 89
Кисляковщина 102
Киуй 247
Клименецкий остров 91, 93
Клименицы 91
Клин 210
Клочково 83
Княжбор 108
Княжий Бор 108
Кобылицы 72
Коверашки 79
Коверники 98
Ковжа 294
Ковжское

Кодас 220
Кодобал 183
Кодозеро 120
Кодополе 116
Кодус 220
Кожал 293
Кожала 90, 293
Кожаль 293
Кожаярви 293
Кожели 293
Кожинская 90
Кожлино 81
Кожля 293
Кожозеро 120
Кожол 293
Кожола 293
Козля 293
Козопаша 248
Койбыжа 68
Койвакса 39, 219, 220
Койвуй 39
Койвуши 68, 140
Койгуй 128
Койгуши 68, 140
Койжема 39, 98
Койжемская дорога 98
Койкин мох 107
Койкиницы 91, 93
Койнима 114
Койсельга 137
Коккушка 79
Коковичи 54, 72, 82
Кокоево 81, 82
Кокозеро 120
Коксельга 137
Колкачево 81

Колкостров 122
Колода 216
Колонда 202
Колонжа 199
Колонжозеро 202
Колошма 104, 196
Комбаково 81
Конгора 109
Кондега 96
Кондикорба 138
Кондое 70
Кондозеро 97
Кондосарь 122
Кондручей 139
Коневик 79
Конево 81
Конежборы 108, 110
Конежборье 108
Конецсарское 291
Конжаково 81
Кононова Гора 84, 111
Кононово 84, 111, 328
Коптиловка 78
Копушки 79
Корба 196, 255
Корбойка 79
Корбоплесо 122, 123, 161
Корбостров 122
Корвозеро 253
Коргедое 70
Коргосирье 58
Коргудуй 70
Коргуева 103
Коргуевская 103
Коргуевщина 102, 103
Коркила 95

Коркеничи 95
Коровина 77, 78
Корплесо 122
Корсаковщина 102
Кортосельга 137
Косельга 137
Косопаша 248
Костежня 81
Костобал 183
Костозеро 81
Костушки 81
Косяковщина 102
Коткозеро 162, 249
Кохтранда 40
Кошковщина 102
Кошпорог 123
Красковщина 102
Красный Бор 42
Кривец 73
Кривозеро 111, 239
Кривой Пояс 214
Кромина 77
Круглица 72
Кубена 208
Кубенское озеро 208
Кубозеро 120
Куворги 138
Куганаволок 208
Кудома 203, 225
Кудомгуба 225
Кудомгубское 225
Кудомлампи 225
Кудомозеро 225
Куесельга 137
Кужан 294
Кужема 223

Кужемозеро 294
Кужозеро 294
Кузанозеро 294
Кузарека 125
Кузей 126
Кузиконда 138
Кузозеро 294
Кузома 223, 294
Кузра 70, 126
Кузручей 126
Кузьма 294
Куйвино 81
Куйго 68
Куйозеро 68
Куйсара 205
Куказое 249
Кукарьги 166
Кукас 250
Кукаса 249
Кукаское 249
Кукигарья 140
Кукаскара 138, 250
Кукова Гарь 140
Куково 81, 82
Кукогорье 166
Кукозеро 249
Кукорьга 138
Кукосяги 166
Кукурня 80
Кульмия 58
Кульмуя 70
Кумбагора 109
Кумбаса 145, 151
Куневицы 89
Куневичи 63, 65, 85, 89, 314
Кунилицы 88, 89

Купойлуда 112
Кура 285
Курболото 107
Кургеницы 91, 93
Кургилово 94
Кургин Наволок 81
Кургина Гора 81
Кургино 81
Кургово 81
Курдилово 94
Куржболото 106
Курий Гребень 140, 167
Курикинчи 87
Курикова Горка 88
Курнаволок 113
Курсельга 137
Куртехнаволок 113
Курчисельга 137
Кутежсельга 137
Кутка 57, 249, 326
Куткозеро 120, 249
Кушлева 293
Кушлега 222, 227, 293
Куштозеро 247
Кыльма 59
Кябельгора 109
Кяй 125
Кяйрека 125
Кяменицы 91
Кяргино 52, 81
Кяргинское 119
Лабаза 61, 65
Лабачье 118
Ладбозеро 68
Ладва 51, 53, 54, 63, 66, 67, 82, 88, 116, 173, 174

Ладвинское 271
Ладвозеро 68, 152
Ладгозеро 68
Ладожское озеро 3, 153, 168,
244, 277, 282, 296, 317, 323
Лайдогора 110
Лаконерма 285
Ламбасово 81
Ламбостров 42, 122
Ландозеро 120
Ларионова Гора 111
Ларионово 111
Лаудажболото 107
Лача 210
Лаче 230
Лашково 84, 328
Лебежгора 111
Лебесерьга 65
Лебовское болото 108
Лебостров 122
Лебсерьга 137
Лебяжгора 110
Лебяжье озеро 111, 139
Легмас 52, 220
Ледое 326
Ледокара 138, 164
Леймас 220
Лейпина Кара 63
Лексозеро 270, 293
Лемба 108
Лембово 81
Лендерки 260, 278
Лендозеро 231
Лендосарь 122
Леоново 78
Лепкара 138

Лепое 126
Лепозеро 120
Лепой 96
Лепорга 138
Лепоя 70
Леппожня 116
Лепручей 97, 126
Лепсара 205
Лепсарь 40, 122
Лепсельга 65
Лепуй 98
Лепуйское болото 98
Лехкозеро 54, 66
Лехмас 220
Лехмой 40, 54
Лехтуручей 54, 174
Лигопожня 116
Лигуй 108
Лидь 104, 121, 145, 254, 268, 314
Лижма 196
Лизаново 78
Ликозеро 285
Линдапелда 116
Линдболото 107
Линдега 273
Линдозеро 44
Линжозеро 199, 201
Липовик 79
Липсельга 63
Липсерьга 65, 137
Лисий порог 123, 329
Лисьпорог 123, 329
Литеги 53
Лобеньжозеро 202
Лобинжа 199
Логовица 74

Логуя 70
Локпожня 116
Локтевщина 102
Лопак 40
Лососинка 76
Лошей Мох 107, 140
Лояница 31
Лоянское 31
Лублога 79, 227
Лудорь 96, 120
Лужанда 199
Лупболото 107
Лутохино 84
Лухкорба 138
Лухтозеро 247, 248
Лухтой 70
Любовское 69
Люговское 69
Люльболото 107
Ляговицы 72
Ляйпина Кара 63
Ляхтега 40, 53
Ляхтозеро 54
Мадалище 98
Мадарнаволоок 113
Мадорга 138
Макаровщина 102
Макарьино 78
Малая Лубложка 79
Малое 276
Малый Яниш 277
Мандрога 44, 157
Марина 76
Марковщина 102
Марсельга 137
Масельга 91

Маслозеро 210
Матболото 107
Матенжа 199
Матикова Бонга 174
Матима 197
Маткозеро 117, 135, 212
Маткоя 326
Маткручей 97, 126
Маткуй 70, 96, 126
Матсельга 137
Маяга 108
Маяксарь 39, 122, 183
Мега 69
Мегра 104, 269
Мегренец 51, 73
Мегрино 82
Мегрой 60
Медвежий ручей 140
Медвежка 78
Межница 75
Мелукса 62, 219
Мельгино 65
Мельгора 109
Мергач 59, 60
Мергино 65, 69, 309
Мечева 81
Мечова 63
Микова Гора 141
Миლისпожня 116
Милוגость 72, 311
Мириничи 85
Мирон 280
Михайловское 156, 160, 161,
162, 167
Михпожня 116
Мишуковщина 102

Мокрец 73
Мокрица 72
Молога 75, 76
Мосточек 78
Мотко 213
Мошкино 81
Мошница 75
Мошничье 156, 161, 167
Мошня 80
Мста 43, 75, 76
Мужала 197, 222
Мундручей 273
Мундукса 197, 218, 219
Муник 119
Муницкий мох 108
Мунозеро 270
Мунручей 273
Мурашовщина 102
Мурдала 108
Мурдальский мох 108
Мурдосельга 137
Муромка 79
Мустиничи 54, 66, 87, 88, 314
Мухнинское 119
Мушавицы 248
Мшарина 77
Мыгра 59
Мягиранда 59
Мягисельга 137
Мягрино 59, 82
Мягрица 73
Мягруй 60
Мярбино 69
Мяргач 59, 60
Мятленица 72
Мятусово 52, 59, 123

Мячова 63
Наглинжа 199
Надпорожье 133
Нажмозеро 48
Накнема 114
Наровож 264
Неглинка 76
Немель 41
Немжа 69
Немина 76
Нерль 280
Неро 280
Нерон 280
Нигижма 258
Нигозеро 239
Нижняя Курба 127, 246, 247
Нижняя Сондала 260
Нимпельда 63
Ниргиничи 86
Нисельга 137
Ножема 48, 223
Норгино 84, 330
Норманьзя
Носовина 77
Нудокса 219, 311
Нулица 75
Нурминское 119
Нутреницы 72
Нюбиничи 54, 314
Нюх 145
Нялгозеро 120
Огурцовщина 102
Однема 40, 114
Одномский мыс 114
Одойня 80
Озеренжа 198

Ойгозеро 120
Оксия 70
Окунев ручей 143
Окунево 143
Окунь 143
Олексинская 90
Олонец 50, 51, 69, 90
Олонка 88, 90, 145, 151, 158,
166, 168, 171, 173, 317
Ольховец 73
Оляковское 56
Омигость 72
Онда 270
Ондозеро 278
Онега 128, 145, 147, 197, 210
Онегость 72, 311
Онежское озеро 3, 22, 30, 61, 91,
143, 145, 151, 153, 160, 165, 172,
173, 175, 177, 179, 180, 210, 214,
215, 236, 239, 248, 255, 262, 275,
278, 280, 281, 282, 293, 313, 318,
319
Онозеро 281
Оньюлицы 89
Опарина 77
Оргозеро 120
Оренжа 57, 198, 202, 204, 205,
216, 246
Оренжгора 109
Оренженское (озеро) 204, 246
Оренжозеро 202
Ореса 56
Орловщина 102
Осиновицы 72
Острецкий ручей 143
Острецкое озеро 143
Остречина 76, 79, 143
Остречинка 79
Остречины 52, 54, 55, 62, 66, 173
Остречка 143
Остречье 143
Островина 77
Островок 78, 108
Ошта 104, 116, 230
Ояник 98
Оянсельга 137
Оять 100, 117, 121, 132
Павгозеро 250
Павозеро 257
Павручей 66
Павуй 66
Павшозеро 187
Пагарь 183
Пагарье 52
Пагодрица 74
Паджев 288
Паднаволоок 113
Падомполе 116
Паешка 79
Пажево 288
Пажевские Мхи 288
Пажозеро 288
Пазручей 288
Пай 125
Пайрека 125
Паланга 216, 217
Паланда 217
Паланзя 216, 217
Палатозеро 165
Палая 257
Палгозеро 250, 283
Палгуйский 252

Палгуша 250, 252
Палгушский ручей 250
Палгушское 250
Палдиское 187
Палдога 53
Палдушозеро 187
Палезма 257, 258
Палеостров 248
Палешсельга 137
Палкозеро 250
Палоболото 107
Паловец 74
Паловица 194
Палозеро 66, 97, 257, 263
Палокорба 138
Палосельга 137
Палтега 53
Палтога 53
Палу́й 128
Палуйца 74, 257
Палуя 74, 257
Палшема 188
Палшемское 187
Палшинское 187
Пальгинское озеро 250, 251
Палье(озеро) 255, 258
Пальезеро 239
Паранозеро 199
Парменжа 199
Паршема 41
Пасболото 107, 288
Паточина 77
Патрушовщина 102
Паудега 53
Паудуж 53, 66
Паханичи 91, 93

Пахиничи 91, 93
Паша 3, 31, 48, 75, 100, 101, 104,
117, 254, 310, 311, 323
Пашезеро 120
Пашозеро 254
Паяницы 91
Педайсельга 137
Пеленга 217
Пеленда 217
Пелозеро 74
Пелонч 199
Пелусозеро 255
Пелушское озеро 254
Пельдюха 63
Пельнаволок 113
Пельтяк 63
Пельчужень 81
Пендега 63
Пеньгора 109
Пера 41
Пергуба 112
Перзак 284
Перино 81
Пернуй 63
Пертозеро 120
Перхболото 107
Перхина Гора 84
Перхозеро 120
Песчанка 78
Пётка 59
Петка 69
Петлюкса 218, 219
Петлюсручей 218
Петозеро 285
Пегуний Гребень 140, 166
Пехболото 64

Пехта 63, 64
Пехтега 63, 64, 227
Печевицы 46
Печеницы 40, 51, 54, 56, 115, 129
Пивдуши 66
Пигозеро 145, 147, 151, 152, 153
Пида 145
Пидемка 79
Пидьма 51, 57, 79, 122, 140, 145, 156, 164
Пидьмозеро 63, 65, 156
Пиелисьярви 241
Пижиничи 91
Пила 256
Пилеса 256
Пильдежгора 110, 111
Пильдюха 63
Пильтяк 63
Пирзаково 81
Пиркиницы 169
Питозеро 120, 284,
Пить 284
Пихозеро 145, 147, 153
Пихручей 145, 53
Пичозеро 120
Плещеево 280
Повенец 91
Повенчанка 262
Повшозеро 187
Пога 52
Погаченицы 85, 91, 93
Подломка 214
Подпорожье 129
Подчублак 299
Поженка 78

Пойгосарь 122
Пойкара 138
Поисара 205
Полозеро 120
Полянка 78
Пондала 222
Пономаревщина 102
Поргим 217, 224
Поржала 222
Порожостров 122
Порушта 270
Поршта 145
Постное 145, 147, 153
Прислонь 80
Пряжа 164
Пугинжа 65, 198, 199
Пудинжа 65
Пудроль 96
Пудроля 97
Пуинжа 65, 198
Пурдега 53
Пурнболото 107
Пурнозеро 120
Пурноплесо 122, 123, 161
Пурнсельга 137
Пуртище 98
Пустое 247
Пустоплесо 122
Пустошка 78
Путилово 95
Пытилиницы 95
Пытилова 95
Пюх 122
Пядьмозеро 63
Пяжелка 222
Пязозеро 210, 252

Пяйнаволок 113
Пяла 74
Пялица 74, 194, 254, 308
Пялозеро 74, 120, 253, 255
Пяльица 254
Пяльозеро 255, 258
Пялья 254
Пяндега 63, 124
Пяндозеро 120
Пяпёлда 59
Пярдома 283
Пярдомец 75, 224
Пярдомля 224
Пярдомское 119
Пярнручей 63
Пярнуй 63
Пярсельга 137
Пясельга 98, 137
Пясельгское болото 98
Пясерга 137
Пясерьга 137
Пяткуево 90
Пятчила 90
Пяхта 63, 64, 68, 69, 78, 119, 140
Рабаза 61, 65
Равдогора 109
Радсельга 137
Раежский мох 107
Райбинский мох 108
Ранда 40
Рандсара 48
Ратигора 112
Раудболото 107
Рахковичи 86
Рахкойла 94
Ребежа 60

Ребовичи 36, 84, 86, 97
Ребозеро 120
Ребосельга 137
Ребухи 60
Ребязинское 60
Ревсельга 137
Региболото 107
Редое 118, 119
Редозеро 139
Редопорог 123
Редорга 138
Редусельга 137
Рекиничи 85
Ремольга 65, 138
Реморга 60
Ретеша 104, 197
Рехкозеро 54, 66
Ржавец 73
Ржавица 72
Ржавчина 77
Ржаной ручей 141
Ривсельга 137
Ригаума 52
Ригозеро 120
Риголское болото 98
Риголь 98
Ризболото 107
Римега 54
Риндажи 53
Рованики 98
Рогозеро 108
Рогозерское болото 108
Рожмеги 53
Розмега 53
Розмежи 53
Розменица 73

Розместров 122	Савичево 84, 328
Рокса 108	Савозеро 40, 41, 42, 68, 97, 270
Роксनावолок 113	Сагарпорог 35, 123
Рочевщина 102	Сагарье 118
Ругижболото 107	Сагозеро 68
Ругойла 89	Саевда 68
Ругоница 89	Сайгалда 67
Ругуй 128	Сайгора 109
Рудогощь 72, 311	Саймега 41, 68
Руморга 138	Сайручей 68
Русконицы 129	Салинжозеро 199
Рустега 53, 98	Салма 41
Рустегский ручей 98	Салмас(а)гора 110
Рустейское болото 108	Салмина 77
Рыбежа 60, 79, 194	Салмо 122
Рыбежь 60	Салмозеро 235
Рыбрека 226	Сал-озеро, Салозеро 203, 259
Рыдайплесо 122, 161	Салоостровский волок 210
Рыкун 298	Самбатукса 162
Рыньпорог 123, 329	Саменжа 199, 216
Рябиновщина 102	Сандал 239, 266
Рябойгора 63, 109	Санреж-озеро 203
Рядега 59	Саозеро 68
Рядкорба 138	Саосерьга 65, 137
Рядога 53	Саленица 75
Рямега 40, 54, 65	Сара 48, 119, 207, 291
Рямеда 65	Саранжа 198, 205, 208
Ряметский мох 107	Саранза 198, 205
Рямиги 54	Саранчозеро 208
Рямода 65	Сараньга 217
Савесельга 137	Саранья 217
Савигора 109	Сарба 61
Савигоума 116	Сарга 61
Савина 64, 76, 79, 308	Саренда 208
Савинка 79, 194	Сарица 74
Сависарь 122	Сарка 79, 207, 330

Саро 122
Сарожка 79
Сарозеро 19, 259
Сарское 119
Светозеро 145
Свирица 58, 74
Свирь 3, 30, 45, 47, 69, 74, 75,
100, 121, 123, 128, 131, 132, 138,
151, 164, 169, 204, 296, 312, 317
Святая речка 145
Святое 145, 147, 148, 152, 154
Святозерка 145
Святозеро 145, 147, 148, 151,
152, 153, 154, 155, 160, 162, 164,
165, 167, 172, 252
Святрека 145, 148, 172, 318
Святуха 145, 147, 148, 151, 152,
154, 155
Северный Яни 277
Сегежа 56, 197
Сегозеро 270
Селецкое 278
Селигер 96, 120, 134, 235
Семчезеро 270
Семчия 270
Сенное болото 142
Сенное озеро 142
Сеннозеро 142
Сенной ручей 142
Сергеевщина 102
Сергозеро 60
Середка 78
Середовина 77
Сермакса 62, 219
Сернатпорог 125
Сивдашки 67

Сивдорга 67, 138
Сивер(ское) 120, 234
Сивозеро 58
Сиговец 51, 73
Сигосарь 122
Сигосерьга 65, 137
Сидозеро 231, 268, 269
Силос 119
Синигора 109
Ситица 75
Ситозеро 268
Смоленник 79
Смольковщина 102
Смольнец 73
Согиницы 49, 53, 85, 86, 116,
156, 169
Согинская Кара 164
Соколец 73
Солозеро 185, 258, 259
Сондала 69, 70, 222, 260, 262,
263, 264, 265, 267, 284
Сондалозеро 260, 263
Сондалручей 260, 263
Сондозеро 260, 264
Сондокса 265
Сондома 265
Сондуга 266
Сондугское 266
Сондужское 266
Сонна 262, 263
Сонозеро 260, 263
Сопочка 78
Сора 48, 212
Сорский 48
Сорцкара 164
Сосновец 73

Сотникова Кара 298
Сотозеро 120
Соцкий погост 48
Средний Яниш 277
Стансельга 137
Старина 77
Стартикара 138
Студенец 73
Суда 75, 145, 212, 234, 263, 266, 267
Судалицы 88, 89
Суданский Мох 58
Судогда 263, 267
Судома 263, 267
Суланда 199, 258
Суландозеро 258
Сума 91, 93
Сумозеро 93, 205
Суна 165, 177, 213, 225, 255, 260, 262, 263, 264, 266
Сундозеро 255, 262, 263, 264
Сунжа 263
Сунозеро 262
Сура 207
Сурка 207
Сурлуда 112
Сурьино 58, 81, 83
Сурья 58, 61
Сырья 59
Сюльга 66
Сюрьяга 58
Сюрья 58, 61
Сяберо 96, 120
Сязнега 227
Сяксозеро 250
Сямозеро 162, 167, 172, 285, 290

Сярба 61
Сярга 61
Сяргозеро 35, 59, 60, 97, 135, 235
Сярдега 227
Сярьба 69
Сясь 73, 75, 76, 96, 121, 128, 130, 136, 224, 307, 315, 323
Тагажма 258
Тагала 96
Тайгиницы 91, 94
Талвизлакши 293
Талвизъярви 293
Талец 73
Талица 73, 75
Тальгинский 62, 251
Тамбица 75, 91
Тамбицы 91
Тапала 96
Таракшино 270
Таралицы 88
Таржеполь 52, 112
Татчалицы 89
Тачиницы 89
Ташкиницы 169
Тедровское болото 108
Текутчула 90
Телеговщина 102
Телепийское 119
Телепяг 119
Тентонема 113, 138
Теппула 90
Тепулская 90
Тервиничи 41, 50, 52, 53, 54, 85, 119, 310
Теребпожня 116
Теремега 40

Тереховое 263
Тесарь 40
Тесовик 79
Тетойгора 109
Тивгозеро 120
Тиконицы 91
Тикша 197, 251
Тимойла 89
Тимоничи 89
Тимоньевщина 102
Типиницы 91
Тихвинка 73, 96, 121, 128, 130,
136, 307, 310, 311, 315, 323
Тихманьга 260, 263
Тихоновщина 102
Тодостров 122
Тойба 62, 231
Тойвино 53, 81, 82
Тойвинский 231
Тойжемский порог 124
Токачево 90
Токша 214, 277
Толвей 251
Томая 128
Торазапоек 116
Торозеро 269, 270
Торосозеро 269
Тотойцы 89
Тоттейла 89
Травливый мох 107
Тугорка 109
Туйкнива 116
Тукша 52, 67, 116, 196
Тулокса 168, 317
Тулос 293
Тунганима 114
Туносарь 122
Тутока 104, 238
Тюккуево 90
Тюккула 90
Тяглица 72
Тянука 126, 218, 219, 220, 284
Тянуса 218, 219
Уверь 96, 120, 134
Угловица 77
Узкие озера 363
Узкое 247
Улезеро 58
Улей 58
Ульяница 58, 74, 201, 308
Умбаркара 55, 138
Унгус 54
Ундозеро 247, 259
Ундручей 273
Унетская 90
Уница 75
Унойла 90
Унручей 273
Урбое 70
Урозеро 139
Урьяца 74, 194
Урья 74
Усланка 8, 113, 156, 157, 164,
168, 169, 318
Услонка 117
Утихлахта 208, 209, 210
Утялахта 208, 209, 210
Утянаволоок 208, 210
Ухта 210, 214
Ухтинжа 199, 208, 209, 215, 306
Ухтинский Мох 214
Ухтозеро 214

Ухтома 210, 212
Ухтомица 210
Ухтомский волок 210
Ухтомъярское (озеро) 212
Ухтомяр(ское) 120
Ухтынгирь 214
Ухчинжа 208
Учалахта 208
Ушаково 81
Ушовицы 72
Уштовичи 85, 314
Федотовичи 85
Феньково 84, 328
Фомино 81
Фомичевщина 102
Хабаньзя
Хабозеро 216
Хабсельга 54
Хабука 40, 54, 108
Хапский Мох 54
Харагиничи 37, 97
Харитоновщина 102
Хвошня 80
Хевроньино 123
Хейтоници 89
Хибое 54
Хлебный Мох 107
Хмелица 74, 194, 252,
Холодник 79
Хомовская 90
Хотеева Гора 141
Хунгус 54
Царевщина 102
Царенда 208
Чаврино 81
Чаголина 119

Чаголино 96
Чаголинское 119
Чаймозеро 230, 231
Чалдога 197
Чалкакамень 112
Чарома 223
Чаронда 208
Чебинка 76
Чёгла 298
Чегла 301, 303
Чеглин 299
Челма 230, 231
Челмасозеро 230
Челмасручей 230
Челмозеро 230
Чемсора 210
Черема 273
Чержма 247
Черная 263
Черное озеро 142
Чешегора 36
Чикарь 183
Чикозеро 53, 54, 79, 98, 113, 115,
120
Чикора 98, 108
Чикорское озеро 98
Чикосарь 122
Чимилицы 89
Чимкиницы 85
Чипургора 109
Чишевина 77
Чога 253
Чогозеро 68, 120
Чоголма 55
Чомба 296
Чомбак 296

Чоозеро 68
Чублак 299
Чублик 299
Чубрак 299
Чуваки 68
Чугаки 68, 328
Чуглак 299
Чуглик 299
Чуглики 299
Чуглицкий Угол 299, 301
Чуглова 299, 301
Чукапуста 116
Чукосельга 137
Чулуконда 55, 299
Чумбариха 296
Чумбасозеро 296
Чумбудозеро 296
Чуозеро 68
Чургора 109
Чухлома 303
Чухломка 303
Чухломское 303
Шабозеро 249, 269
Шаврека 125
Шадемка 79
Шадринка 194
Шадьма 79
Шакшозерка 68, 139
Шалица 75
Шамокса 218
Шамокша 55, 218
Шангостров 122
Шангеничи 85
Шапша 40, 115, 126, 129
Шапшозерка 126
Шаринская 90

Шаройла 90
Шарополе 116
Шеймагора 36
Шексна 212
Шелтозерка 285
Шелтозеро 19, 82
Шемиловка 78
Шершень 80
Шигеренджа 199
Шидбой 269
Шидеро 234
Шидозеро 268, 269
Шидручей 268, 269
Шидьеро 269
Шижнема 114
Шижня 285
Шилтово 119
Шилтовское 119
Шима 320
Шимакса 218, 320
Шимка 320
Шимозеро 145, 147, 203, 272, 296, 320
Ширбозеро 286
Шириничи 85
Ширпозеро 286
Шокша 82, 122, 132, 133, 247, 293, 294
Шокшостров 122
Шола 48, 145
Шоломщина 103
Шольское 48
Шондовичи 86
Шордина 76, 79
Шординка 79
Шоткуса 68, 197, 219, 294

Шубозеро 269
Шундозеро 269
Шуньга 91
Шур 207
Шутиныцы 85
Шуя 145, 151, 158, 160, 164, 165,
166, 171, 172, 173, 270, 318, 323
Щеголевщина 102
Щетинка 78
Щуковщина 102
Щукозеро 142
Щучье озеро 140, 142
Эйма 70
Эймозеро 57
Эйнозеро 55
Эльмитозеро 244
Эльмус, Эльмусозеро 239, 244
Эмозеро 57
Эхтозеро 57
Юбеничи 55
Южный Яни 277
Юксеницы 89
Юксилицы 89
Юксовичи 35, 46, 50, 51, 53, 55,
66, 86, 95, 230
Юксовское 132
Юлонда 57, 199, 201, 238
Юмарина 77
Юргилицы 88, 89
Юрговичи 91
Юскола 46, 50, 86, 95
Юшемень 114
Юшеменя 114
Юшина Гора 111, 141
Явкуй 70
Явосьма 104, 117, 119, 205

Явроньга 196
Ягра 244
Ягрема 223, 244, 273
Ягремка 79
Ягрозеро 244, 245
Ягроручей 244
Ягручей 244
Язница 75
Яймозеро 59
Яккойла 90
Яковлево 81
Ялега 227
Ямега 55
Ямка 78
Ямо 57
Янасарь 273
Янгинское 65
Янгозеро 217, 272
Яндеба 56, 126, 185, 197, 223,
246, 272, 274, 275, 306, 327
Яндема 223
Яндинское 65
Яндозеро 271, 272, 281
Яндома 275, 306
Яндомозеро 275
Яндручей 273
Янега 273
Янезеро 61, 271
Янестрова 277
Янисъеки 277
Янисъярви 277, 280
Яниш 277
Янишевка 276
Янишево 276, 277
Янишевское 276, 280
Яннаволох 113

Янозеро 277
Янручей 19, 273
Янсорка 276
Янсорское 276
Янусор 122
Ярбозеро 68, 120
Ярбой 68
Яргое 68
Ярнаволок 113
Яровщина 65, 102, 309
Ярославичи 64, 133
Ячинская 90

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Топонимия и этноязыковое контактирование ..	10
1. Топонимия как этноисторический источник	11
2. Топонимия в ареале этноязыкового контактирования ..	26
Глава II. Интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Присвирья ..	39
1. Прямая адаптация и некоторые особенности фонетического усвоения прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимию Присвирья	39
1.1. Рефлексы древнерусской фонетики	43
1.2. Отражение звуков, отсутствующих в русской фонетической системе	51
1.3. Отражение специфических севернорусских диалектных особенностей	62
1.4. Фонетические явления, которые могут иметь как прибалтийско-финские, так и диалектные русские истоки	66
2. Суффиксация	69
3. Калькирование	105
3.1. Полукальки	105
3.2. Полные кальки и проблема перевода в топонимии	139
Глава III. Вепско-карельские контакты в топонимии северного Присвирья	156
Глава IV. Доприбалтийско-финская топонимия Присвирья	175

1. Общие вопросы изучения доприбалтийско-финского наследия в топонимии Присвирья	175
2. К истокам «речных» формантов	191
3. Этимологии субстратных топооснов	228

ГЛАВА V. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Присвирья	307
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	325
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	331
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	350
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ.....	351

Научное издание

Муллерен Ирма Ивановна

Топонимия Присвирья: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЯЗЫКОВОГО
КОНТАКТИРОВАНИЯ

Редактор С. Л. Смирнова

Художественное редактирование,
компьютерная верстка Л. Л. Лангинен

**АР ИД № 02969 от 16.10.2000. Гигиенический сертификат №
10.КЦ.34.953.П.00136.03.99 от 05.03.99. Пописано к печати 28.02.02. Формат 60х84
1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. 19 уч. изд. л. 90 усл. кр.-отт. Тираж 700
экз. Изд. № 211.**

**Петрозаводский государственный университет Типография Издательства
Петрозаводского государственного университета 185640, г. Петрозаводск, пр.
Ленина, 33**

Муллонен И. И.

М 901 Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового
 контактирования / ПетрГУ. Петрозаводск, 2002. 356 с.
 ISBN 5-8021-0193-8

В работе исследованы механизмы контактирования топонимных систем региона Присвирья, где на разных хронологических срезах происходило активное прибалтийско-финско-русское, вепско-карельское, прибалтийско-финско-саамское взаимодействие. Выявлены основные параметры, существенные для характера контактных отношений. Параллельно проведена реконструкция целого ряда утраченных вепских лексем, предложены новые этимологии древних саамских топонимных основ Обонежья. Реконструированы определенные фонетические особенности языка носителей довеппской топонимии.

Через языковую и хронологическую интерпретацию топонимных моделей и выявление их ареалов автор предлагает свой взгляд на формирование этнической карты Присвирья.

Для лингвистов широкого профиля, историков, этнографов.

ББК 81.031.4